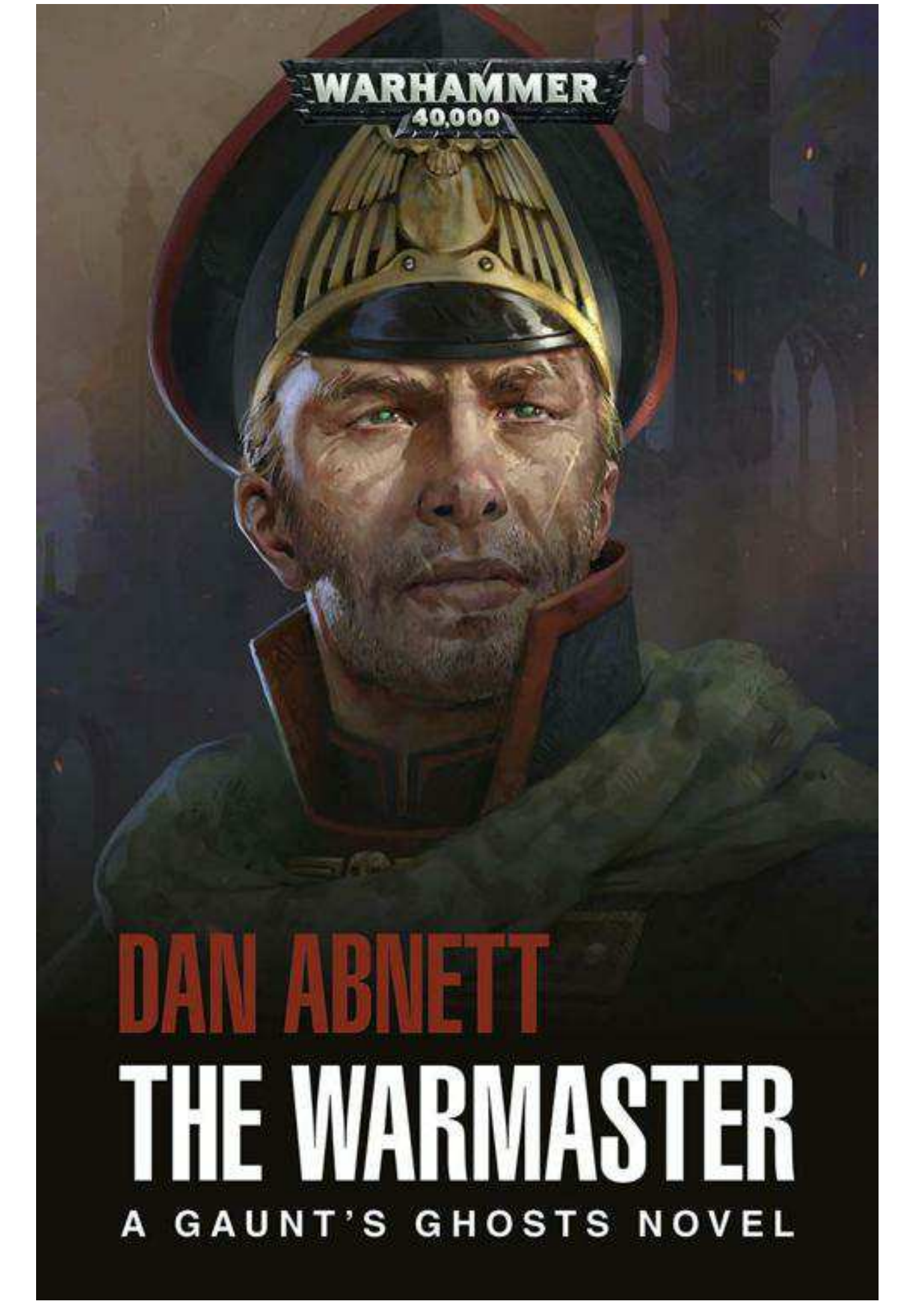

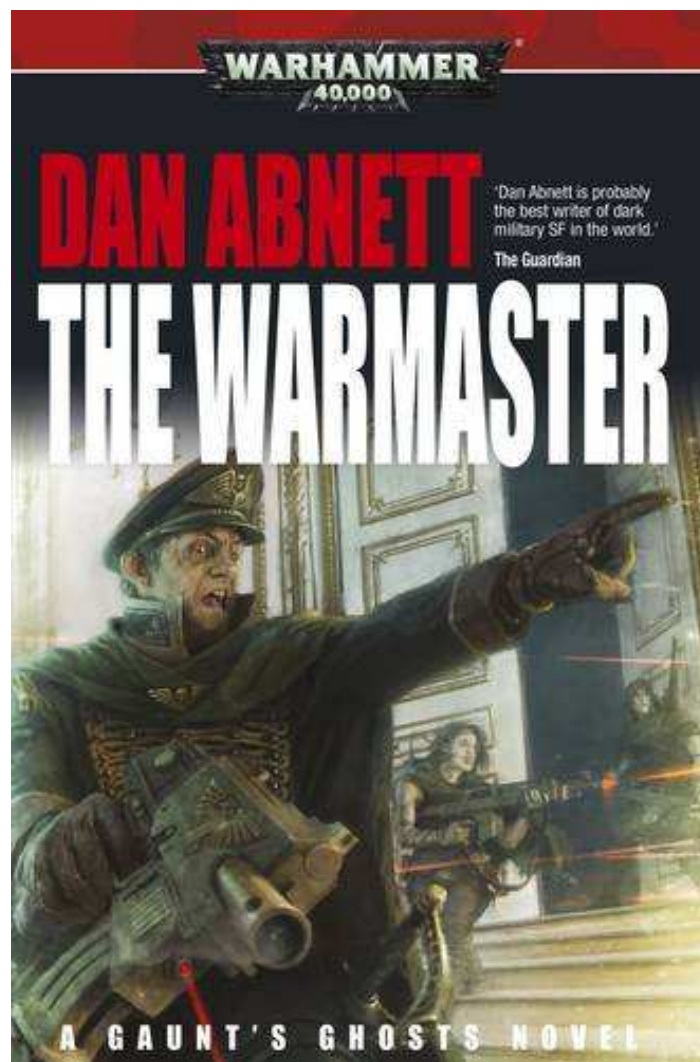

WARHAMMER
40,000

DAN ABNETT

THE WARMASTER

A GAUNT'S GHOSTS NOVEL

Gaunt's Ghosts - 14

The Warmaster

Призраки Гаунта

Магистр Войны

Перевел: AquariusNox

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижим на Золотом Троне Терры. Он — Повелитель Человечества и властелин мириад планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он — полутруп, неуловимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империи никогда не умирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишачий демонами варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиком, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат — Адептус Астартес, космические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы планетарной обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Адептус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов. И много более опасных врагов.

Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие да смех жаждущих богов.

Король Ножей!

Король Ножей!

Это песня Короля Ножей!

Он спит в лесу и охотится в ульях!

Король Ножей!

Король Ножей!

Он умирает там, где его нет, и живет там, где процветает!

Король Ножей!

Король Ножей!

Он вырезает мужей и охотится на жен!

Король Ножей!

Король Ножей!

Его голос такой же громкий, как двигатели боевого корабля!

Король Ножей!

Король Ножей!

Он приходит во тьме и забирает наши жизни!

Король Ножей!

Король Ножей!

Это песня Короля Ножей!

- Детская считалочка, Танит

«К началу 791.М41, тридцать шестого года Крестового Похода в Миры Саббат, Имперские силы растянулись до предела. План Магистра Войны Макарота создать раскол между Архонтом архиврага Гором и его наиболее способным лейтенантом, Анархом Секом, чтобы таким образом разделить силы своих оппонентов, показал реальные признаки успеха в предшествующие годы. Макарот достиг этой цели посредством тщательного выбора и специфических военных ударов, саботажа и пропаганды, приведя племенные силы Сека и Архонта к соперничеству и, иногда, к открытым столкновениям.»

«Приободренный чувством, что развитие событий изменилось, и что его враг разделен, Макарот быстро выдвинулся, чтобы извлечь из этого выгоду, растянув основную массу своих огромных сил Астра Милитарум вдоль центральной линии фронта, чтобы преследовать обоих. Но дикие легионы Архонта Гора усилили свою хватку на Группе Эриний, а воинство Сека контратаковало вдоль фланга Архонта через серию жизненно важных систем, которые включали в себя центральный мир-кузницу Урдеш.»

«Вдобавок, Макарот встретился с возрастающими несогласиями со стороны своих генералов и лордов милитантов. Уже больше десяти лет, они настаивали, что продолжительный успех в крестовом походе может быть достигнут только посредством твердой фокусировки на Архонте, и что одновременное проведение кампании против Сека слишком сильно разбрасывает Имперские группы. Макарот раз за разом отвергал такой подход, настаивая, что фокусировка на Горе даст Секу время, чтобы восстановить свои силы, и это, в конечном счете, приведет к отступлению Имперцев. Отвергая возражения, он приказал Лорду Милитанту Эйрику наступать на Архонта Гора и Группу Эриний, и лично повел атаку на Сека.»

«Он, тем не менее, не учел две вещи: способ защиты Урдеша Архиврагом и масштаб новой угрозы, открывшейся из-за той самой операции, организованной, чтобы посеять раскол между Гором и Секом.»

- Из Истории Поздних Имперских Крестовых Походов

ОДИН: ТРУП

Человеческий корабль. *Имперский* человеческий корабль. Холодная вещь, из которой вытекло жизненное тепло. Ничто. Труп, разбитый, инертный, брошенный на произвол судьбы...

Как долго он был мертв? Как долго он был жив? Как долго он был храбр? Когда и как закончилась эта храбрость? Служили ли послушно души внутри него своему марионеточному глупому богу?

Если они были бесполезными дураками, тогда этот клочок космоса был их кладбищем. Если они были героями для своих, тогда эта чернота была их гробницей.

Теперь, всего лишь обломки, обуглившаяся на солнце глыба разделенного на отсеки металла, медленно вращающаяся в безвоздушной темноте. На данном расстоянии это видно только на ауспексах и в сенсорном отражении. Двигательное ядро холодное, как умершая звезда. Органики нет, только следы разложения. Но там есть большое количество вещей, которые можно забрать. Трофейный потенциал определен из поступающей информации. Хорошая обшивка для повторного использования, панели корпуса, керамитовые композиты, топливные ячейки на продажу, кабели, оружейные системы – возможно даже есть расходные материалы: прометиум, огнестрельное оружие, взрывчатка, даже упаковки с едой...

Шестьдесят тысяч километров. Расстояние и направление перехвата зафиксированы. Сигнал отдан. Янтарные экраны с мерцанием ожили, как открывающиеся глаза рептилии, омыв командный мостик золотистым светом. Артиллерийские орудия вышли из спячки, громяхая автоматическими загрузчиками и заряжая ячейки. Включились абордажные комплекты, выдвинулись корпусные захваты, швартовочные якоря и штурмовые мостики из закрытых башен. Двигатели ожили: вибрация и гул, и приближение началось.

Сорок тысяч километров. Толпы собрались с приготовленным оружием и инструментами, заполнив коридоры и площадки позади шлюзов штурмовых мостиков.

Двадцать тысяч километров. Корабль-труп стал видим. Кувыркающаяся металлическая масса, оставляющая за собой облака из обломков. Ореол из

имматериальных энергий мерцает вокруг нее, кровь из раны, которая выплюнула останки из эмпирей в реальное пространство. Шепчутся благословения, чтобы защититься от любой демонической или порожденной варпом твари, которая могла остаться, прицепившись к мертвому корпусу.

Десять тысяч километров. Название корабля-трупа стало разборчивым, выгравированное вдоль покореженного острия носа.

Высочество Сир Армадюк.

ДВА: ПРИЗРАК

Тишина.

Ничего, кроме тишины. Невесомая пустота. Бледный желтый свет других звезд светил лучами сквозь незакрытые ставни иллюминаторов и медленно и равномерно омывал стены и потолок.

Призрак открыл глаза.

Он плыл, бесплотный, посторонний, наблюдающий за жизнью, которую он оставил позади, сквозь туман вуали смертности. У него не было имени, не было воспоминаний. Его разум был холоден. Смерть украла у него все жизненноважные мысли и чувства. Он был отделен, навсегда свободен от чувств, от усталости, от боли и тревог. Он стал призраком в месте, где когда-то жил.

Он больше не был частью этого. Он мог только смотреть на мир, который оставил, бесстрастный. Вещи, которые многое значили, когда он был жив, были бессмысленными. Долг перестал быть понятием. Надежда стала смехотворно бранным качеством. Победа была пустым обещанием, которое кто-то когда-то дал.

Свет беспечных звезд медленно двигался. Вдоль палубы, вдоль стен, вдоль потолка, вокруг и вокруг, как утро, день и ночь быстро проходящего дня. Возможно, так призрак видел мир. Возможно, время и цикл жизни день-ночь быстро проходили для мертвых глаз, чтобы сделать вечность более терпимой.

Если только, нет.

Звезды не двигались. Двигался *Армаджок*. Лишенный энергии, мертвый, инертный и брошенный гравитацией, он кувыркался в реальном пространстве.

Призрак обдумал это с ледяной медлительностью, заставив свой замерзший разум думать. Корабль двигался. Как он пришел к этому? Какой рок постиг их? Пришла ли к ним смерть так быстро и так травматически, что воспоминание о конце жизни было полностью вырвано из его памяти?

Как он умер?

Призрак слышал стук. Он становился громче: монотонно, прогрессивно громче.

Он что-то увидел перед глазами. Это была металлическая моечная машина, маленькая. Она висела в воздухе перед ним, очень медленно вращаясь, совершенно не падая. Свет мерцал на ее поворачивающихся гранях. Еще две моечных машины и черный, как нефть, ограничительный болт всплыли в его поле зрения слева в великолепном порядке. Они проплыли позади первой моечной машины, создав на краткий момент астрологическое объединение до того, как поплыть дальше.

Стук стал громче.

Призрак почувствовал боль. Легкую, далекую, но, тем не менее, боль. Он чувствовал ее в своих фантомных конечностях, своей спине, своей шее. Послевкусие от агоний, которые он испытал в смерти, пришло с ним на другую сторону вуали, чтобы мучить его тень.

Как подходяще. Как подобающе предательской натуре Вселенной. Только в смерти заканчивается долг, но боль с этим не заканчивается. Это то, что священники и иерофанты вам не говорят. Смерть – не последнее освобождение от боли. Боль остается с вами. Она прицепляется к вам навсегда.

Какой еще лжи его научили за его краткое существование? Открытие заставило его захотеть проклясть имена тех, кто дал ему жизнь, тех, кто притворялся, что любит его, тех, кто требовал его верности. Это заставило его захотеть проклясть сам Трон за то, что ему говорили, что смерть была каким-то типом умиротворяющей награды.

Это заставило его захотеть проклясть всё.

Призрак открыл рот.

«Пошли все нафес,» сказал он.

Его дыхание паром вырвалось в воздух. Его кожа была холодной.

Погодите, дыхание?

Стук стал громче.

Это была кровь, что стучала в его ушах.

Внезапно, он снова мог слышать. Внезапно, его мир был полон шума: его собственное неровное дыхание, крики и стоны тех поблизости, вой тревог, громкий скрежет корпуса и суперструктуры корабля.

Снова появилась гравитация.

Моечные машины и ограничительный болт упали на палубу. Призрак тоже упал. Он ударился о поверхность, которая была скользкой от наледи, и ударился он сильно. Все воздушные пространства и кровеносные сосуды в его теле подстроились к гравитации. Он наполовину задохнулся, когда его трахея согнулась. Его легкие паниковали. Его живот заколыхался, как наполовину заполненный бурдюк с сакрой. Повсюду вокруг себя он услышал удары, и осознал, что это были звуки каждого свободного предмета на борту старого корабля, которые падали на палубу. Внутри *Армадюка* был дождь из вещей и людей.

Призрак поднялся на ноги. Он был неустойчив. Призрак был создан для плавания, не для ходьбы. Каждая его часть болела.

Он нашел свою лазерную винтовку на палубе поблизости. Он поднял ее руками, которые не работали так хорошо, как бы ему хотелось. Может призрак трогать вещи? Видимо так.

Возможно, это было какое-то наказание. Возможно, его отзывали назад к смертности для одного последнего долга. Тогда, еще одна ложь. Даже в смерти долг ни феса не заканчивается.

Призрак пошел по коридору. Он услышал хныканье. Он увидел молодого Белладонского солдата, одного из нового пополнения, сидящего на палубе спиной к стене, со сжатыми зубами, няньчущего сломанное запястье. Парень посмотрел вверх на Призрака, когда тот вырос перед ним.

«Что произошло?» спросил парень.

«Я мертв?» спросил Призрак.

«Что?»

«Я мертв?»

«Н-нет. Нет, сэр.»

«Откуда ты знаешь?» спросил Призрак.

Он увидел ужас в глазах парня.

«Я н-не знаю,» сказал парень.

«Я думаю, что я мертв,» сказал Призрак. «Но ты нет. Ты можешь ходить. Иди в лазарет. Считай, что мы на второй инструкции.»

«Да, сэр.»

Юноша вздрогнул и с трудом поднялся на ноги.

«Иди,» сказал Призрак.

«Что вы собираетесь делать?»

Призрак это обдумал.

«Я не знаю. Но я считаю, что у Бога-Императора для меня припасена какая-то цель, и это оружие предполагает, что в нее будет вовлечено убийство.»

«Значит что-то, в чем вы хороши,» сказал парень, пытаясь казаться храбрее, чем он, фактически, был.

«Да?»

«Знамениты, сэр.»

«Как тебя зовут?»

«Тист, сэр.»

«Иди в лазарет, Тист.»

Парень кивнул и захромал прочь.

Поблизости были двое из экипажа корабля, палубные рядовые. У одного сильно текла кровь из глубокого пореза вдоль переносицы. Другой пытался поднять все

промаркированные машинные детали, которые гравитация выбросила из его тележки.

«Что произошло?» спросил их Призрак.

Человек с кровотечением посмотрел на него.

«Понятия не имею,» сказал он. «Такого раньше никогда не происходило.»

Левая сторона верхней губы Призрака слегка изогнулась в разочарованной усмешке. Он отвернулся. Он практически ничего не знал о пустотных кораблях, но он был уверен, что это было то, о чем их предупреждал командир. Командир. Командир. Как его звали? У Призрака были большие трудности вспомнить что-нибудь о своей жизни. Это было не так давно.

Гаунт. Вот, точно. Гаунт.

Что там говорил Гаунт? «У *Армадюка* проблемы с двигателем. Он может не довезти нас до дома. Если мы не достигнем цели или резко выйдем из варпа, я хочу, чтобы боевые отряды были готовы к защитным обязанностям.»

Призрак попытался воспользоваться настенным воксом, но кроме статики ничего не вернулось. У них был свет, и у них была гравитация, но корабль был подбит. Они были на мели. Если что-нибудь натолкнется на них, они будут беспомощны.

Если что-нибудь попытается взять их на abordаж, как они вообще это узнают?

Призрак внезапно замешкался. Он посмотрел вверх на потолок. Там было слишком много шума, очень-очень много шума: фесова тревога и клаксоны о повреждениях, визг восстанавливающегося деформированного корпуса, лепет голосов.

Это было, вероятно, его воображение из-за травмы от его жестокой смерти, но Призрак мог поклясться, что он только что что-то услышал.

Что-то *неправильное*.

Наверху. Это шло сверху над ним, далеко наверху.

Откуда он это знал? Как он мог вычленить один звук из хаотического круговорота звуков, идущих отовсюду?

Потому что он мог. Это было еще чем-то, в чем он был хорош.

Он поднялся по лестнице. Боль в его конечностях стихала. Просто синяки. Синяки и боль в костях. Он чувствовал сильный холод в своем сердце, в самих своих внутренностях, как будто он был куском мяса грокса, который вытащили из морозилки и оставили на кухонном столе оттаивать. Хотя, его пальцы работали. Неуклюжесть спадала. В любую минуту он вернет полезные способности.

Например, способность вспомнить свое фесовое имя.

Он начал подниматься. По крайней мере, у него была цель. Долг. Фесовый непрошенный долг, хотел ли он этого или нет. Вот почему Святой Бог-Император Человечества, будь трижды проклят Его каприз, вернул его назад, мертвеца с той стороны смерти, чтобы служить своему полку и своему командиру. Это должен быть он. По крайней мере, это было ясно. Это была цель, долг, подходящий только ему. Что-то, в чем он был хорош. Иначе, зачем бы Повелитель Терры потребовал его душу, и вытолкнул его назад сквозь вуаль для одного жалкого тура в мире жизни? Кроме того, зачем Богу-Императору нужен мертвец, когда здесь вокруг него, очевидно, множество живых?

Он поднимался дальше. Люк в потолке. Стандартная диафрагма. Он дернул рычаг, и диафрагма раскрылась. Он знал, как это сделать. Ему даже не пришлось подумать. Он знал, как работает механизм.

Объекты посыпались мимо него. Сломанные части механизмов, пара ручных инструментов. Маленький гаечный ключ отскочил от его плеча на пути вниз. Все вещи, которые упали на люк, когда восстановилась искусственная гравитация.

Призрак влез в люк. Он был в сервисном проходе. Фонари на переборках тревожно мерцали, как раздражающие чувства стробоскопы в камере допроса. Опять шум, сверху. Стуки. Царапанье. Он положил винтовку на руки и начал красться вперед. Ему нужен был еще один вертикальный доступ.

Он нашел мертвого человека. Еще одного мертвеца. В отличие от Призрака, этот не был реанимирован и послан назад служить, значит, Бог-Император ясно видел небольшую ценность в его талантах. Он был монтажником из Технического Отдела корабля. Он, должно быть, плавал вверх тормашками, когда восстановилась

гравитация. Падение воткнуло его головой в пол, как таран, сломав ему шею и разбив макушку черепа. Призрак посмотрел наверх и увидел, откуда должен был упасть монтажник. Инженерная область над сервисным проходом, шахта, которая поднималась, по меньшей мере, сквозь четыре палубы корабля. Это был туннель с кабелями и трубами.

Призрак воспользовался выемками для ног в служебном проходе, чтобы дотянуться до открытой нижней части шахты, а затем начал подниматься по маленькой лестнице.

Он быстро поднимался, зная, что призраки не устают. Ему пришло на ум, что иммунитет от усталости был преимуществом смерти. Хотя, он будет скучать по еде.

Он достиг верха шахты, и залез в темное машинное отделение. Его дыхание оставляло в воздухе пар. Дыхание. Почему он дышит? Призраки не дышат.

Нет времени задумываться о законах послежизни. Он мог что-то чують. Горящий металл. Расплавленная вонь режущего копья. Призрак пошел вперед, беззвучно, как все призраки.

Он увидел сияющий оранжевый овал, разрез в корпусе корабля. Края металла были яркими, как неон. Вырезанная секция, слегка чашеобразная, лежала на палубе, окруженная каплями светящегося металла. В темноте были две фигуры – люди, но не люди. Призрак мог чують дикое зловоние от них, несмотря на горячую вонь горящего металла.

Одна из них увидела его.

Она что-то сказала и подняла оружие, чтобы выстрелить.

Призрак выстрелил первым.

Но его винтовка была мертва.

Неисправность? Дохлая ячейка? Нет времени выяснять. Два лазерных заряда полетели к нему, оглушительные в ограниченном пространстве. Призрак рванул в сторону, упав среди массивных, покрытых маслом машин. Выстрелы врезались в стену позади него, как пощечины.

Призрак упал неуклюже, ударившись головой о поршень или опору. Боль пришла, как сюрприз. Он чувствовал свою голову, и его рука отодвинулась от нее окровавленной.

Призраки истекают кровью. Странно. Если только...

Люди-но-не-люди шли к нему, крича друг другу на грязном языке. Призрак отбросил винтовку и вытащил свой боевой нож. Он идеально лежал в его руке. Ощущения от него наполнило его уверенностью, с доверием. Он знал нож. Нож знал его. Они помогут друг другу. Позже нож расскажет ему, кем он был.

Человек-но-не-человек появился из темноты слева от него, наклоняясь, чтобы посмотреть под машиной. Призрак потянулся, схватил незваного гостя за горло и насадил его на клинок. Он глубоко погрузился в грудь человека-но-не-человека. Тот дико задергался, стуча ногами по палубе, как будто в приступе гнева. Затем он обмяк.

Призрак вытащил клинок, отпустил свою жертву и перекатился. Он крался вдоль машины и подошел к рабочей тележке с инструментами. Плоскогубцы? Нет. Молот? Возможно. Кабельный топорик? Лучше.

Длиной он был почти с его предплечье, со слегка изогнутой стальной рукояткой и лезвием с одной стороны. Лезвие было изогнутым и имело длинный подбородок, идеально для прорубания сквозь выгоревшие кабели во время аварийных ремонтных работ. Он взял топорик в левую руку, серебряный клинок был в правой.

Второй человек-но-не-человек появился из ниоткуда. Призрак про себя похвалил своего противника за его способность к тихому передвижению. Он махнул в сторону топориком, отбив лазерный карабин человека-но-не-человека в сторону. Карабин бесполезно выстрелил, выпустив лазерный заряд вдоль машинного отделения. Призрак, широко расставив ноги, нанес двойной удар, ударив со сторон обеими руками. Топорик в его левой руке и боевой нож в правой мастерски миновали друг друга, так что Призрак закончил движение сложенными крестом руками на груди.

Оба клинка прошли сквозь шею человека-но-не-человека. Он опрокинулся, кровь летела струями из его наполовину разрезанной шеи, пока его голова откидывалась назад, как крышка складского ящика.

Появился третий человек-но-не-человек, бегом направляясь к нему. Призрак пригнулся, развернулся, когда сделал это, избегая шипастую абордажную палицу, которой человек-но-не-человек замахнулся на него. Он превратил разворот в удар в живот, и отбросил врага на переборку. Человек-но-не-человек захрипел, когда из него выбили воздух. Призрак метнул топорик, и пригвоздил человека-но-не-человека к переборке за плечо.

Приколотый, человек-но-не-человек закричал. Звук был только приблизительно человеческим.

Призрак встал перед лицом своей жертвы, прижав серебряный клинок к его горлу. Легко давление от его левого предплечья сместило угол плотно вошедшего топорика, и вызвало больше криков.

«Кто ты?» потребовал Призрак.

Он уловил путаницу звуков, наполовину боль, наполовину слова. Ни то, ни другое не имело смысла.

Он снова наклонил.

«Какие у вас силы? Сколько вас тут?»

Еще больше слов-но-не-слов.

Он снова наклонил.

«Твой последний шанс. Ответь на мои вопросы или я, на самом деле, сделаю это очень медленно. Кто ты?»

Человек-но-не-человек взвыл. Призрак ничего не понял. В замешательстве он попробовал зайти с другой стороны.

«Кто я?»

«Вер вой мортек!» выкрикнул человек-но-не-человек.

Мортек. Призрак знал это слово. Нет, он не был смертью. Это было неправильно. Человек-но-не-человек лгал.

Призрак знал это, потому что его оттаявший мозг наконец-то вспомнил его имя.
Он был Мколлом. Сержантом-Разведчиком Оаном Мколлом, Танитский Первый.
Он был Мколлом, и он был жив. Он не был мертв. Он вовсе не был призраком.
По крайней мере, не в этом смысле.

ТРИ: И НАЗАД

Они практически вышли сухими из воды. Избежали неприятностей и выжили, чтобы рассказать историю.

Практически.

В ад и назад. Вот, как некоторые описывали миссию в Пределе Спасения. Это звучало так, как бы сказали Ларкин или Варл.

В ад и назад. Они вошли в ад и вышли на другой стороне, и не в первый раз. Но после всего, что они вынесли, казалось, что им, все же, не удастся вернуть домой.

В четырех неделях от Приграничья Римворлда, и целевой скалы, известной, как Предел Спасения, доблестный старый военный корабль *Высочество Сир Армадюк* начал хромать.

«Насколько мы далеко от пункта назначения?» спросил Ибрам Гаунт капитана *Армадюка*.

Спайка, откинувшись задумчиво назад на своем потертом командном месте, пожал плечами.

«Приблизительно еще пятнадцать дней,» ответил он, «но мне не нравится вид имматериума. Впереди плохие узоры. Я думаю, что мы переживем приличный шторм до полуночи, по корабельному времени.»

«И это может замедлить нас?» спросил Гаунт.

«В пределах недель, если нам не повезет,» сказал Спайка.

«И все-таки, вы говорите, что шторм не настоящая проблема?» нажимал Гаунт.

«Нет,» сказал Спайка. Он поднял палец для тишины. «Вы это слышите?»

Гаунт прислушался, и услышал множество звуков: щебет и щелчки множества когитаторов, стоящих рядами вокруг мостика корабля; астматический свист системы циркуляции воздуха и насосов; гул силовых подпалубных хабов, подзаряжающих дисплей стратегиума; беспорядочное бормотание из углубления навигатора;

разговоры команды корабля по воксу; шаги по покрытию палубы; глубокое, глубокое урчание варп-двигателей на фоне всего остального.

За время проведения миссии по Пределу Спасения, он начал узнавать разнообразные окружающие шумы *Армадюка*, но не достаточно, чтобы стать экспертом.

«На самом деле, нет,» признался он.

«На самом деле, нет?» спросил Спайка. «Нет?» Капитан звучал разочарованно. Хотя жизнь и ожидания от службы человека Флота были, совершенно буквально, на расстоянии миров от того же у офицера Гвардии, двое людей привязались друг к другу за время миссии, и оба получили способность проникать в суть рабочих сфер деятельности, совершенно чуждых каждому из них. Они не были друзьями, но было немного чего-то такого, возвращенного, что в один день могло стать похожим на дружбу. Клеменсев Спайка казался весьма разочарованным, что Гаунт воспринял меньше корабельных нюансов, чем он ожидал.

«Это совершенно отчетливо,» печально сказал Спайка. «Двигатель номер два. В его генеративном пульсе аритмия. Модуляция не в такт. Там. Там. Там. Там.»

Подобно дирижеру, он стучал пальцем, чтобы показать шаблон. У Ибрама Гаунта не было опыта, что распознать такой шаблон.

Настала очередь Гаунта пожать плечами.

Спайка подстроил медные рычаги на своих подлокотниках, и развернул командное кресло. Кресло, трон с металлическим каркасом и потертой кожей, с группами контрольных поверхностей и рычагов, встроенных в каждый подлокотник, располагался на позолоченном лафете, который соединял его со сложным шарнирным подъемником. По касанию, Спайка мог поднять себя над всем мостиком, отклониться, чтобы занять позицию над любой станцией мостика внизу, или даже поднять себя к куполу мостика, чтобы изучить гололитическую проекцию звездной карты.

Эта, более легкая подстройка, просто развернула кресло, чтобы он мог слезть с него и повести Гаунта по мостику к группе станций, занятых Мастером Техники и его ключевыми служащими.

«Вывести информацию на дисплей, все двигатели,» запросил Спайка.

«Информацию на дисплей, все, так точно,» ответил Мастер Техники. Его руки – светящиеся бионические пауки, с которых капали капли масла и которые были прикреплены к запястьям, сделанным из вращающихся элементов и прикрепленные к кабелям, выступающим из красивых, застегнутых на две пуговицы манжетов его служебной униформы – затанцевали по главной тактильной панели консоли. Каждое прикосновение производило отдельную и отчетливую электронную ноту, создавая маленький музыкальный беспорядок, подобно атональному арпеджио. Мастер Техники не был слепым, потому что Гаунт мог видеть, как охряные-с-золотом рецепторы в его улучшенных зрачках расширяют и сжимают его радужку, но его поза была, как у слепого пианиста. Он не смотрел на то, что делал. Его картина Вселенной и корабля, что было, по сути, одним и тем же, поступала к нему постоянно обновляющимся потоком, посредством слуховых имплантов, и посредством кабелей, которые поднимались к его шее, как разбухшие артерии и входили в основание его черепа сквозь гнезда на коже.

Гололитический дисплей включился над станцией человека. Рядом друг с другом, в трехмерном изображении, появились, для сравнения, поднимающиеся и спадающие графические линии работы двигателей *Армадюка*. Ограниченная компетентность Гаунта теперь была восполнена.

«Я вижу,» сказал Гаунт. «Безусловно, проблема.»

«Безусловно,» ответил Спайка. «Двигатель номер два работает, по меньшей мере, на тридцать пять процентов хуже стандартной эффективности.»

«Мощность уменьшается с каждым часом, капитан,» сказал Мастер Техники.

«Вы проверяли его?» спросил Гаунт.

«Тяжело проверить варп-двигатель, когда он в работе,» ответил Спайка. «Но, да. Пока ничего определенного. Я полагаю, что снижение мощности - это результат

повреждений, которые мы получили во время боя у Солнца Тависа. Даже микроудар или трещина внутренней облицовки могут, со временем, вылиться в это, особенно из-за требований, которые мы предъявили устройству.»

«Значит, это может быть старая рана, которая только что показалась?» спросил Гаунт. Спайка кивнул.

«Мастер Техники,» сказал он, «предпочитает теорию, что было повреждение микрочастицей во время нашего приближения к Пределу Спасения – проглоченный мусор. У этой теории есть некоторые основания. Предел был особенно плотным полем.»

«Какой прогноз?» спросил Гаунт.

«Если мы сможем провести эффективный ремонт, мы в порядке. Если нет, и если мощность продолжит так дальше падать, мы будем вынуждены выйти из варпа, и, вероятно, направиться к ближайшей гавани.»

Гаунт нахмурился. Они путешествовали без остановки с самого отхода от Предела, за исключением одной запланированной остановки у безопасного склада, Айгора 991, недель ранее. Это было не по плану. Пополнение запасов было необходимо безотлагательно: в рейде было потрачено огромное количество боеприпасов и расходников, но они были обязаны срочно отходить без пополнения припасов. Гаунт с неохотой согласился на крюк. Он хотел добраться до точки назначения так быстро, насколько возможно.

«В худшем случае?» спросил он.

«В худшем случае?» ответил Спайка. «Есть много худших случаев. Наиболее очевидный тот, что двигатель внезапно откажет, и нас выбросит из варпа. Выбросит из варпа... если нам повезет.»

«Есть что-нибудь,» спросил Гаунт капитана корабля, «что намекает вам на то, что удача обходит обитателей этого корабля на какой-нибудь постоянной или регулярной основе?»

«Мой дорогой полковник-комиссар,» ответил Спайка, «я живу в этой проклятой галактике достаточно долго, чтобы верить, что такой вещи, как удача, не существует.»

Гаунт не ответил.

Спайка пошел назад к своему командному месту и сел.

«Я начну проводить оценку данных астронавигации, чтобы посмотреть, есть ли какие-нибудь жизнеспособные точки выхода из варпа,» сказал он. «Я намерен дать отсрочку при текущих обстоятельствах в двенадцать часов. Двенадцать часов, чтобы все восстановилось или было починено. Если этого не случится, я выйду в реальное пространство в надежде найти безопасную гавань или поддержку флота.»

Гаунт кивнул.

«Я так понимаю, что это вся информация для меня?» спросил он.

«Полковник-комиссар,» сказал капитан. «если мы будем вынуждены прекратить эту поездку преждевременно, или если двигатель откажет, скорее всего мы будем дрейфовать во враждебном пространстве. Они, весьма вероятно, не будут безопасной гаванью или поддержкой флота. Скорее всего, нам нужно будет защищать себя.»

Он подстроил несколько рычагов на подлокотнике, и поднял свое кресло в купол навигации к вечному свету звездных карт.

«Я вам это говорю,» крикнул он через плечо, «чтобы вы подготовили своих Призраков.»

Гаунт шел к задней части мостика корабля, игнорируя отдавания чести Флотскими. Он спустился вниз по двум лестницам и вошел в Главный Порт, один из главных коммуникационных коридоров корабля. Здесь была суматоха: сервиторы и команда, и случайные солдаты из Танитского Первого, которые отдавали ему честь.

Звуки и запахи корабля были повсюду вокруг него. Давление варпа давило на *Армаджук*, и трещало покрытие палубы. Настенные панели стонали. В некоторых местах появился лед, покрыв стены глазурью, а неожиданные горячие точки дрожали в их дымке в других. Противовзрывные заслонки, которые располагались с

двадцатиметровыми интервалами в Главном Порту, готовые наглухо закрыться и отделить длинный проход в случае пробития корпуса или декомпрессии, дрожали в своих каркасах, временно деформированные от давления варпа.

Если это визуально делает это с металлической структурой корабля, подумал Гаунт, что это делает с нашими телами? Нашей внутренней структурой? Нашими разумами? Нашими душами?

Он вышел из Главного Порта и вошел в тесную сеть залов, коридоров и туннелей, которые соединялись с жилыми уровнями и грузовыми помещениями. Потолки были ниже, а коридоры были более плотно оборудованы кабелями, электрикой и ящиками с переключателями. На этих уровнях, менее освещенных и клаустрофобных, древний корабль ощущался больше похожим на улей. *Подземный улей.*

Световые ленты, светосферы и настенные фонари мерцали так, что казалось похожим на слишком нерегулярный темп, как будто энергия была скачкообразной или борющейся, чтобы достичь крайние концы корабля. Плохие запахи доносились, как плохой запах изо рта, из вентиляционных отверстий: вонь масла и жира, грязной воды, застоявшейся гидравлики, плохо очищенных систем канализации, готовки, немытой плоти, перегретых решеток, потому что они были забиты копотью, пылью и волокнами.

Армадюк должен был отправиться на металлолом давным-давно. Его спас от разрушения на свалке забег на Предел Спасения, с небольшими ожиданиями, что его снова увидят.

Гаунт знал, как это чувствуется.

Миссия была успешной – ошеломительно успешной, несмотря на шансы. Как это и происходило довольно часто раньше, Гаунт испытывал мало удовлетворения от этого, из-за цены. Цена была слишком высокой, каждый раз.

Гаунт прошел мимо двери одной из столовых, и увидел Виктора Харка, сидящего в одиночестве у одного из длинных, потертых столов, покачивающего кружку с кофеином. Холодный запах вареной капусты и овощей задержался в зале. Зал был слишком ярко освещен. Гаунт мог слышать сервиторов в задней части, готовящих еду для следующего приема пищи.

«Виктор?»

Харк начал вставать.

«Расслабься,» сказал ему Гаунт. «Брифинг. Через тридцать минут. Можешь оповестить офицеров рот и принести отчеты?»

Харк кивнул.

«Всех?»

«Только тех, кого сможешь найти. Не выдергивай людей со службы. Пока это неофициально, но я хочу, чтобы разговор распространился.»

«Разговор?»

«Впереди могут быть проблемы.»

Харк поднялся на ноги и с грохотом поставил кружку на тележку для грязной посуды.

«Ибрам,» сказал он, «впереди всегда есть проблемы.»

Они собрались в кают-компании. Харк нашел Ладда, Фейзкиель, Мколла, Ларкина, Баскевиля, Колеа и большинство командиров рот. Примечательными отсутствующими были Бленнер, Роун, Мерин, а так же Даур и Майор Паша, которые все еще были в лазарете. Капитан Нико Спетнин был вместо Паши, а Адъютант Мор и Сержант Венар вместо Даура.

«Крийд нет?» спросил Гаунт Харка, когда вошел и офицеры встали.

«Крийд?» ответил Харк. «Тона не ротный командир или соответствующего уровня.»

Гаунт замешкался. Его разум был повсюду с тех пор, как—

Он забыл, что не сообщил это никому, даже Крийд.

«Ладно,» сказал он, с жестом 'вольно', который все они знали.

«Что-то неправильно, сэр?» спросил Баскевиль, воспользовавшись стандартным комментарием адъютанта Гаунта.

Белтайн, сидящий впереди с приготовленным планшетом, чтобы делать пометки, закатил глаза, давясь от смеха.

«Ага, Баск,» ответил Гаунт. Они быстро успокоились.

Гаунт снял фуражку и расстегнул плащ. Воздух сгущался в кают-компании, когда набиваешь его телами.

«Это, может быть, ничто,» сказал он им, «но нам нужно перейти на вторую инструкцию с данного момента.»

«Вторую инструкцию?» повторил Колосим.

«Приготовиться к бою?» спросил Колеа.

Гаунт кивнул.

«Боюсь, что так.»

«Мы только четыре недели как выбрались из того шторма дерьма...» пробормотал Обел.

Гаунт посмотрел на него. Энергия немигающего аугментического взгляда Гаунта пришила Обела к его месту.

«Сэр, я не имел в виду--» начал он.

Гаунт часто забывал, насколько суровыми могут быть его новые глаза. Он не хотел доставить дискомфорт офицеру, настолько преданному и надежному, как Обел.

«Я знаю, Ланни,» сказал Гаунт. «Мы все, все еще, зализываем наши раны. И я обеспокоен нашими скудными припасами. Но война работает по своему собственному расписанию, не нашему. Мне нужно, чтобы Первый перешел на вторую инструкцию за следующие двенадцать часов.»

Последовал общий стон.

«Есть какие-нибудь особые данные, которые вы можете дать нам, сэр?» спросил Баск.

«Капитан Спайка проинформировал меня, что у Армадюка проблемы с двигателем. Корабль может не довезти нам домой. Если мы не долетим до цели или резко выйдем из варпа, я хочу, чтобы роты были готовы к защитным обязанностям.»

«Абордаж? Контрабордаж?» спросил Колеа рычащим голосом.

«Все, что угодно, Гол,» ответил Гаунт. «Просто убедись, что твои отряды готовы иметь дело с любым типом контактов. Со всем, чему они разумно могут ожидать противостоять.»

Колеа кивнул.

«И оповестите всех, что в случае боевых действий экономия боеприпасов первостепенна.»

Офицеры сделали заметки.

«Ладд?» сказал Гаунт.

«Да, сэр?» ответил Комиссар Ладд.

«Проследи, что наши друзья проинформированы,» сказал Гаунт самому молодому комиссару полка.

«Да, сэр,» сказал Ладд.

«Харк?»

«Да, сэр?» ответил Харк.

«На тебе оповестить Роуна и Роту Б.»

Харк кивнул.

«Ладно,» сказал Гаунт, «на этом все. Спасибо за внимание. Идите.»

На выходе он поймал Баскевиля за руку.

«Если увидишь Крийд, не можешь послать ее ко мне?»

«Конечно,» сказал Баск.

Гаунт брел назад к своему жилищу по Нижнему Центральному Шестидесятому. Ему пришлось остановиться по пути.

Он остановился, чтобы заглянуть на одну из палуб, грузовых ангаров, которые служили жилищем для свиты. Это был дом для душ, которые подписали бонды, чтобы путешествовать с полком: жены, дети, семьи, а, так же, ремесленники и торговцы, которые составляли жизненноважную сеть поддержки Танитского Первого. Предел Спасения был рискованным предприятием, но каждый член большой семьи полка подписал бонд, чтобы быть рядом. Они решили, что лучше рискнут своими жизнями и умрут с Призраками, чем останутся на Меназоид Сигме и, вероятно, больше никогда не пересекутся с ними.

Гаунт думал, что это показывало больше отваги и веры, чем было у любого солдата. Гвардейская жизнь была лучше из-за постоянной силы семьи, но это было тяжелое существование. Ему пришлось тщательно обдумывать перед тем, как разрешить выпуск бондов.

Он смотрел, как играют дети, работают женщины, на линии стираного белья, качающегося на балках над головой. Их вера, казалось, помогла им миновать опасности Предела, но всегда были новые опасности. Появление проблемы с двигателем беспокоило его, а прерванное пополнение запасов на Айгоре 991 прокручивалось в его разуме. Майор Колеа случайно наткнулся на какую-то форму Губительных Сил, которая, казалось, охотится на них. Она заявляла, что она – голос Анарха Сека, и она требовала вернуть что-то, называемое 'орлиными камнями'. Она убила несколько членов высадившегося отряда. Гол Колеа хорошо постарался, чтобы прекратить пополнение припасов, но у Гаунта было задержавшееся ощущение, что Гол не рассказал ему всего о стычке. Возможно, это был просто ужас от пережитого опыта, который заставил Гола быть неразговорчивым.

Ни у кого не было приличной идеи, чем могут быть 'орлиные камни', но если сила Сека коснулась их на Айгоре 991, тогда Архивраг был намного ближе позади них, чем Гаунт хотел представлять. Несмотря на все трудности, они пережили миссию на Пределе. Была ли невидимая и большая угроза, которая затаилась, поджидая их всех? Сможет ли он защитить семьи во *второй* раз? Это не было беспристрастной

заботой командира. Гаунт всегда был один, но теперь у него тоже была семья на борту. Его сын...

Он стряхнул мысль. Одна проблема за раз.

Аятани Цвейл стоял на скамье, проповедуя любовь Бога-Императора собравшимся семьям. Старый священник увидел Гаунта в дверном проеме, и остановил свою проповедь, слезая со своего места с помощью поддерживающих рук.

«Ты выглядишь мрачным, Ибрам,» сказал он, когда дохромал до Гаунта.

«Вы наблюдательны, аятани.»

Цвейл пожал плечами.

«Нет, ты всегда выглядишь мрачным. Я сделал общее замечание. Почему? Есть новая проблема, которая будет держать нас в бодрствовании ночью?»

Гаунт посмотрел по сторонам, чтобы убедиться, что никто не сможет подслушать.

«Проблема с двигателем,» сказал он. «Может быть ничего, но если мы будем вынуждены прекратить переход, чтобы разобраться с... Ладно, это может создать тревогу и среди свиты. В качестве одолжения для меня, оставайтесь здесь и присматривайте. Если произойдет худшее, попытайтесь успокоить страхи. Они послушают вас. Скажите им, что скоро они будут в безопасности и что нет никаких причин для паники.»

Цвейл кивнул. После потери на Пределе Спасения, его дух упал. Старая энергичная искра потускнела.

«Конечно, конечно,» сказал он. «Я заставлю их петь гимны. Гимны – это хорошо. И тепло тоже, холодной ночью.»

«Вы имеете в виду, гимны?»

«Возможно, нет,» ответил Цвейл, обдумывая это.

Что-то врезалось в ноги Гаунта.

«Папа Гаунт! Папа Гаунт!»

Гаунт посмотрел вниз. Это была Йонси, маленькая дочка Тоны Крийд. Она обхватила его колени и улыбалась ему.

«Привет, Йонси,» сказал Гаунт. Он взял ее на руки, и она радостно сняла его фуражку и надела ее. Она была такой маленькой и легкой.

«Я – Папа Гаунт!» бодро заявила она Цвейлу, смотря из-под края большой для нее фуражки. Она отдала четкий салют.

«Юная леди,» сказал Цвейл, «то, что вы только что сделали – это оскорбление униформы, и Папа Гаунт расстреляет вас за это.»

«Нет!» вызывающе крикнула Йонси.

«Не в этот раз,» сказал Гаунт.

Одна из женщин поспешно подошла к ним.

«Вот ты где, дитя,» воскликнула она. «Я удивлялась, куда ты убежала!»

Она взяла Йонси из рук Гаунта.

«Мне очень жаль, что она побеспокоила вас, сэр,» сказала она. «Я должна была смотреть за ней.»

«Все нормально,» сказал Гаунт. «Она не побеспокоила.»

«Папа Гаунт собирается расстрелять меня, Юнипер!» рассмеялась Йонси.

«Да?» сказала женщина.

«Папа Цвейл так сказал,» сказала ей Йонси.

«Да нет, конечно,» сказал Гаунт женщине.

«Несоблюдение униформы,» сказал Цвейл, потешаясь, и снял фуражку с головы ребенка. «Расстрел, по меньшей мере!»

«Я думаю, что мы можем отделаться выговором,» сказал Гаунт, когда Цвейл отдал ему фуражку.

«Считай, что тебе повезло на этот раз, дитя,» сказала Юнипер девочке на руках. Она сделал неловкий легкий поклон, и поспешила прочь. Йонси махала им, когда ее уносили.

«Она всех зовет 'папа',» сказал Цвейл. «Было 'дядя', но теперь 'папа' в приоритете.»

«Полагаю, наследие ее необычного воспитания,» сказал Гаунт. «Она кажется достаточно счастливой.»

«Она...» начал Цвейл. «Она не кажется тебе маленькой?»

«Маленькой?»

«Я тут недавно размышлял,» сказал священник. «Просто ребенок с косичками, каким и была всегда. Но Далин уже взрослый человек, а между ними не может быть много лет. Она, так же, действует, как очень юная.»

«Вы думали, что это защитная реакция?» спросил Гаунт. «Ее жизнь никогда не была безопасной. Может быть, она играет на своих по-детски простых качествах, чтобы убедиться, что мы защищаем ее.»

«Ты думаешь, что это показуха?»

«Не осознанная, нет. Но, пока она невинный ребенок, каждый - ее отец или ее дядя или ее тетя. Так она справляется. Так она чувствует себя в безопасности.»

«Ладно, я представляю себе, что она вырастет довольно скоро. Девочки поздно развиваются. Внезапно, она станет обидчивым подростком.»

«И мы будем защищать ее точно так же,» сказал Гаунт. Он надел фуражку.

«Нашим детям всегда нужна наша защита,» сказал Цвейл, «не важно, насколько они взрослые. Как твой отпрыск?»

«Я, все еще, пытаюсь смириться с этим фактом,» сказал Гаунт. «Мне нужно идти, отец. Я буду держать вас в курсе.»

«А я буду готов,» сказал Цвейл.

Гаунт покинул палубу и возобновил свое путешествие к корме.

Внезапно, он услышал музыку. Это была веселая музыка. Она была энергичной. Она катилась и отдавалась эхом в мрачном примыкающем туннеле.

Он подошел ко входу в боковой ангар. Здесь собрался Белладонский Парадный оркестр, и он практиковался. Это было, очевидно, неофициальное собрание. Большинство из них не были в полной униформе, и они были рассредоточены по большому залу грузового ангара, сидя или даже развалившись на упаковочном материале, играя свою взрывную музыку. Те, кто не играл, стояли или танцевали бодрую польку в середине зала. Большинство из танцующих сняли ботинки и рубашки.

Высоко наверху, талисман полка, церемониальный псайбер орел, перелетал с одной балки на другую, пронзительно крича из обоих клювов.

Музыка постепенно затихла, когда члены оркестра заметили Гаунта в проходе.

«Здесь весело,» заметил Гаунт.

Капитан Якуб Вайлдер подошел.

«Это Белладонский способ, сэр,» сказал он. «Мы отмечаем живых и мертвых. Это самый лучший способ расслабиться в тяжелой поездке.»

Гаунт поджал губы.

Комиссар Вэйном Бленнер поднялся с рулона упаковочного материала, чтобы присоединиться к ним.

«Моя идея, Ибрам,» поспешно сказал он. «Просто легкое ослабление старого ошейника, понимаешь?»

Гаунт посмотрел на своего старого друга. Бленнер казался удивительно расслабленным.

«Я уверен, что мы все можем воспользоваться некоторым бездействием,» сказал он.

«Я собирался предложить формальное собрание,» сказал Бленнер. «Достать кое-какой приличной еды и вина со склада. Все приглашены. Оркестр может сыграть. Танцы, а? Мы можем сбросить это настроение. Первый заслуживает этого, Ибрам.»

«Заслуживает,» согласился Гаунт.

«Хорошо.»

«Но сейчас не время,» сказал Гаунт. «Нам нужно перейти на вторую инструкцию.»

«С каких пор?»

«С данного момента, Вэйном,» сказал Гаунт.

Бленнер сглотнул.

«Вторая инструкция?» спросил он.

«Да. 'Приготовиться к бою'. Это проблема?»

«Нет. Нет, нет. Вовсе нет.»

«Мои солдаты готовы,» сказал Вайлдер.

«Хорошо. Ожидайте опасность через двенадцать часов,» сказал Гаунт. «Если начнется бой, берегите боеприпасы.» Он повернулся и покинул ангар.

«Давайте... давайте закончим здесь,» сказал Бленнер Вайлдеру. Ему нужна была кружка воды.

В кармане его мундира была упаковка с таблетками, и он внезапно осознал желание принять одну.

Гаунт остановился снаружи лазарета и замешкался перед тем, как войти. Он понимал, что у него есть хорошая причина войти, и то, что это не было настоящей причиной. Настоящая причина, по которой Гаунт продолжал посещать лазарет, была в том, что он пытался привыкнуть к месту без Дордена.

Он снял фуражку и вошел. Внутренние настенные экраны и ставни были открыты, чтобы расширить место и приспособить раненых полка после битвы в Пределе Спасения. Лазарет все еще был весьма полон. Несколько раненых, как снайпер Несса Бурх, попытались сесть и отдать честь, когда увидели его.

Он поднял руку.

«Вольно, все, пожалуйста,» сказала он.

Он пошел через ряды стальных коек, останавливаясь, чтобы поговорить со столькими ранеными, со сколькими мог. Он показал жестами *Как ты?* Нессе Бурх, и она ухмыльнулась в ответ и ответила голосом.

«Готова сражаться,» сказала она. Как и многие из Улья Вervун, она потеряла слух во время Зойканской Войны, и язык жестов, которые они выработали, доказал свою жизнеспособность как для действий их разношерстных отрядов против Зойканцев, так и позднее, для тайных операций Танитского Первого. Старший Разведчик Мколл давным-давно адаптировал язык жестов разношерстных отрядов Улья Вervун в качестве невербального кода полка.

Хотя, в последнее время, в личных обстоятельствах, Несса пыталась пользоваться своим голосом. Слова выходили с тем слегка гнусавым, закругленным качеством говорящего, который мог только ощущать дыхание своих слов, но они безмерно трогали Гаунта.

«Я знаю, что можешь,» ответил он, без жестов.

Она прочитала его губы и ответила еще одной улыбкой.

Гаунт остановился рядом с койкой Майора Паши и поговорил с ней немного, уверив старшего офицера, что новое пополнение полка, которое было в ее подчинении, было в хорошем состоянии.

«Спетнин и Жукова держат все руках,» сказал он, «и они хорошо взаимодействуют с остальными командирами. Спетнин хороший парень.»

«Значит, не Жукова?» спросила Паша.

Гаунт замешкался.

«Она – великолепный офицер.»

Паша села и наклонилась вперед, подозвав Гаунта ближе заговорщическим жестом, сделанным руками, которые задушили больше, чем одну из Зойканских глоток в свои дни.

«Она – великолепный офицер, сэр,» согласилась Паша. «Но, она амбициозна и она красива. Не такая красивая, как она.»

Паша кивнула подбородком в сторону Нессы, которая вернулась к своему чтению.

«Нет?» спросил Гаунт.

«Милая, глухая девочка не знает, что она красивая. Орнелла знает. Вот почему ваша дорогая глухая девочка - снайпер, а Орнелла Жукова – капитан.»

«О чем вы?» спросил Гаунт.

«Я о том, что Жукова выдающийся командир. Просто обращайтесь с ней, как с любым самоуверенным амбициозным мужиком. Не дайте себя одурачить ее губами и грудями.»

Гаунт рассмеялся. Ему весьма нравилась Майор Ив Петрушкевская. Она была высоким, сильным, свирепым ветераном. Он недолго знал ее, и нельзя было сказать, что они долго служили вместе. Паша была прискорбно ранена при несчастном случае во время пробития корпуса до того, как начался бой за Предел Спасения.

Но Гаунт был уверен, что она принесла кое-что Призракам, что уже должным образом считалось. Мощь, руководство, материнскую силу. Отличительную мудрость.

«По правде, сэр,» сказала она, устраиваясь на подушке, «я чувствую себя... пристыженной.»

«Пристыженной?» с удивлением спросил он.

«Выбыть из строя до того, как я смогла в ярости сделать первый выстрел,» ответила она, ее рот почти сформировал перевернутую U от неодобрения. «Не знаменательное начало моей службы под вашим командованием.»

«Вам нечего доказывать, майор,» сказал он.

«Всем всегда есть, что доказать,» ответила она. «В противном случае, какова цель жизни, сэр?»

«Признаю свою ошибку. И хватит этих 'сэр', пожалуйста. Вы – одна из старших офицеров. 'Сэр' – перед солдатами, но 'Ибрам' – передо мной, как сейчас.»

«Хах,» ответила она, подняв руки с неприязнью. «Официальность – это дисциплина.»

«Тогда, Гаунт?» сказал он.

Ее рот нерешительно снова изогнулся в перевернутой U.

«Может быть.»

Он мог сказать, что ей некомфортно. Она пыталась быть открытой, но сантименты ей не нравились. Он сменил тему.

«Послушайте, майор,» тихо сказал он. «Мне нужно рассчитывать на вас.»

«Да?» прошептала она, наклонив голову вперед.

«У нас проблема с двигателем. Плохая. Мы можем не добраться до дома. На самом деле, нас может выбросить в реальное пространство в любое время.»

Он держал свой голос на минимуме.

«Если это произойдет, мы будем в опасности.»

«Нападение?» спросила она.

«Да. Если нас возьмут на бордаж, мы должны будем защищать себя, секция за секцией. Вы защитите лазарет для меня? Поднимете всех способных на защиту?»

«Вы отправите сюда ящик с винтовками?»

«Запасы ограничены, но, да.»

Она кивнула.

«Конечно. Конечно, защищу,» сказала она. «Рассчитывайте на меня.»

«Уже,» ответил он.

Она заморгала от удивления и посмотрела на него. Он протянул руку, и она ее пожала.

«Держите это при себе, но будьте готовы,» сказал он.

Он встал с края ее койки и повернулся, чтобы уйти.

«Я буду, Гаунт,» сказала Паша.

Через несколько коек дальше, Элоди играла в регицид со своим мужем. Бан Даур все еще выглядел очень болезненным и слабым от ран, которые получил. Они поженились на пути к Пределу.

«Капитан. Мэм Дютана-Даур.»

Они осмотрелись. Элоди начала вставать.

«Я просто приветствую,» сказал Гаунт. «Не позволяйте мне вмешиваться.»

«Мило с вашей стороны, сэр,» сказал Даур.

«Разве я мог не остановиться у одного из моих лучших,» сказал Гаунт. «Как оно, Бан?»

«Все хорошо. У меня все еще внутренне кровотечение, так они говорят. Есть еще, что заштопать.»

«Ты сильный, Бан.»

«Да, сэр.»

«И она делает тебя сильнее,» сказал Гаунт, смотря на Элоди. «Я узнаю любовь, когда вижу ее, потому что я мало ее вижу.»

«Вы льстите мне, сэр,» сказала Элоди.

«Мэм,» начал Гаунт.

«Элоди,» твердо сказала она.

«Элоди,» поправился он. «Пока вы остаетесь с этим полком, вы быстро поймете, что я никогда не льщу никому.»

Ближе к концу первого отделения Гаунт наткнулся на Доктора Колдинга, который проводил осмотр. Он проверял Раглона и Канта, которые восстанавливались от серьезных ран.

«Я ищу Керт,» сказал Гаунт.

«Я думаю, что она в задних комнатах,» сказал Колдинг. «Могу я чем-нибудь помочь?»

«Нет, она проинструктирует вас,» ответил Гаунт. Он сделал паузу.

«Колдинг?»

Альбинос повернулся к нему.

«Сэр?»

«Поддерживайте ее.»

«Я так и делаю.»

«Потеря Дордена тяжелая.»

«Я едва знал его и я обеспокоен значимостью,» ответил Колдинг. Гаунт кивнул, повернулся и пошел в офисы позади больничного отделения.

Сначала он нашел Капитана Мерины, раздетого до пояса, сидящего прислонившись к спинке стула, пока санитар Керт, Лесп, работал над его спиной чернилами и иглами.

«Простите, сэр,» сказал Лесп, вставая.

Гаунт показал ему 'не важно'. Лесп был хорошо известен, как татуировщик полка, человек искусства, а в качестве санитара, как поборник гигиены. Гаунт давным-давно прекратил пытаться избавиться от попыток Танитцев не по кодексу украшать свою кожу татуировками.

«Мои извинения, сэр» резко сказал Мерин, потянувшись к своей рубашке. «Было свободное время, и я подумал--»

«Было собрание офицеров, неформальное,» сказал Гаунт.

«Меня не предупредили,» сказал Мерин, и он казался искренне раскаивающимся.

«Все нормально. Оно было неформальным, как я и сказал. Но найди Колеа, чтобы он ввел тебя в курс дела. Впереди могут быть проблемы.»

«Конечно,» сказал Мерин.

«Какие татуировки делаешь?»

Мерин сделал паузу.

«Просто... просто имена,» сказал он.

«Имена?» спросил Гаунт.

«Книга Мертвых,» сказал Лесп, полуулыбнувшись, затем пожалев об этом, когда увидел выражение на лице Гаунта.

Гаунт сделал круговое движение пальцем повернуться, и Мерин повернулся, чтобы показать свою спину. Торс Мерина был сильным и бугрился мускулами. В нижней левой части спины Лесп наносил список имен черными чернилами. Это были имена людей из Роты Е Мерина, которые погибли в Пределе Спасения. Мерин потерял многих, возможно слишком многих, из-за Локсатлей во время финальной эвакуации.

Лесп наполовину нанес имя 'Костин', имя, которое особенно беспокоило Гаунта. До рейда, Рядовой Костин, хронически ненадежный солдат, был обнаружен виновным в получении посмертных вознаграждений через пособия вдов от Муниторума. Гаунту это казалось особенно возмутительным преступлением. Кто-то делал огромные деньги на погибших полка. Костин был убит до того, как его подельники могли быть обнаружены.

«Я отдаю честь своим погибшим,» тихо сказал Мерин.

Гаунт кивнул. 'Книга Мертвых' была общей и популярной татуировкой среди Танитских офицеров, настолько популярной, что некоторые Вергхастцы тоже приняли ее. Из уважения, у полевых офицеров были имена людей, которые погибли под их командованием, нанесенные на кожу.

Гаунт обдумывал это неоднократно. Он хотел выказать уважение Танитским традициям, и он чувствовал, что определенные имена – Корбек, Каффран и Брагг, например – никогда не будут посторонними для него. Он ощущал это даже больше насчет Дордена.

Но было неподобающе для комиссара нарушить правила, продолжал он себе говорить.

«Это кажется единственно правильным, сэр» сказал Мерин.

Да. На самом деле, да. За исключением того, что *нет*, для такой змеи, как Мерин, человека, который ранее выказывал абсолютно нулевую симпатию своим солдатам. Гаунту было неуютно из-за этого. Почему сейчас? На самом ли деле Мерин проснулся после того, как его рота пострадала в Пределе? Или это была компенсация? Пытался ли он *выглядеть*, как опечаленный командир?

Пытался ли он дистанцироваться от преступления, имея имена преступников, вытатуированных на его спине 'из уважения'? Костин *был* убит до того, как его подельников по мошенничеству могли бы найти...

Общим правилом было то, что вы не сомневались в чувствах офицера, скорбящего по своим людям. Гаунт хотел сказать что-то, но искренние жалость и сочувствие сдерживали его. Если Мерин *был* гнусно умным, тогда это было очень, *очень* умно.

А Мерин *был* очень, очень умным.

«Доктор Керт?» спросил Гаунт Леспа. Лесп указал на второй офис.

Гаунт вошел внутрь и закрыл за собой дверь. Ана Керт сидела за столом Дордена, просматривая медицинские файлы. Она немного похудела. В ней было напряжение. Гаунт мог чують алкоголь, который, надеялся он, был медицинским.

«Могу я тебе помочь, Ибрам?» спросила она.

«Могу я тебе помочь?»

Она пожала плечами. Она казалась уставшей. Гаунт слышал из различных личных источников, что она тяжело восприняла потерю, и слишком много работала, а затем

пила, чтобы уснуть. Те же самые источники говорили, что Бленнер присматривает за ней.

Такая бескорыстность едва ли была похожа на Вэйнома Бленнера.

Гаунт почувствовал укол ревности, но он едва ли мог жаловаться. Его собственные ночи были заполнены другой женщиной, и Ана это знала. Если когда и было чувство, что они ждут друг друга, Гаунт лично разрушил это.

Гаунт всегда держался в стороне от Аны Керт, частично из-за правил и приличий, и частично из-за того, что он верил, что он не был тем типом человека, в котором любая приличная женщина когда-либо будет нуждаться или которого захочет.

«Я продолжаю приходить сюда,» сказала Керт, делая жест в сторону офиса и стола. «И знаешь что? Каждый раз, он все еще мертв.»

«Ана...»

Она махнула ему отвалить.

«Игнорируй меня. Я просто не могу к этому привыкнуть.»

«Тебе нужно--»

«Я в порядке, Гаунт.»

«Ана--»

«В порядке. *В порядке.* Ладно?»

Он знал этот тон, эту стойкость, эту 'не налегай' позицию. Он знал это с их самой первой встречи в Улье Вervун.

«Что ты думаешь о татуировке Мерина?» живо сказал он.

«Мерин взрослый,» сказала она.

«Я просто подумал,» начал Гаунт.

«Подумал о чем?»

«Может он как-то компенсирует?»

«За своих погибших?» Она вернулась к своим файлам, слушая вполуха.

«Хорошо,» сказал Гаунт, «компенсирует было неправильным словом. Уворачивается.»

Она посмотрела на него.

«От чего?»

«От вины, с намеком на честь.»

«Как так?»

«Костин, и афера с пенсиями. Я думаю, что Мерин замешан. Костин не был умным. Ему были нужны умные подельники. Удобно, что Костин умер до того, как смог сдать их. А Мерин теперь горящий и неприкасаемый.»

«И, что?» спросила Керт. «Мерин убил Костина до того, как тот смог бы проговориться?»

«Нет, конечно нет--»

«Ты – кусок фесовой работы, как есть!» выплюнула она, отбросив файл в сторону так сильно, что он опрокинул стакан.

«Нет,» ответил он. «Я – комиссар. Я знаю, на что способны люди.»

Она встала и сняла халат. Затем она повернулась к нему спиной и задрала серую майку. Ее спина была изящной, красивой, линия ее позвоночника—

Прямо под левой лопаткой был пластырь. Пальцами правой руки она сорвала его.

Дорден.

Одно слово, все еще сочащееся кровью от иголок.

«Глупо с моей стороны,» сказала она. «Сентиментально. Против правил? Я уверена. Да и фес с ними, в любом случае.»

«Ана--»

Она снова натянула майку, повернулась, и снова села.

«Забудь,» сказала она.

«Книга Мертвых,» сказал он. «Ты знаешь, сколько раз я думал, чтобы последовать Танитским традициям, чтобы сделать то же самое? Допустить Леспа и его иголки к своей коже?»

Она посмотрела на него.

«И что тебя останавливает? Нет, дай предположу. Правила униформы. Неподобающе комиссару украшать свою кожу.»

«Именно так. В качестве комиссара, я отношусь к правилам насчет униформы и подаванию примера очень серьезно, и это достаточно странно. Но это не настоящая причина.»

«А какая же?»

«Доступное пространство моей кожи.»

«Что?»

«Дорден. Корбек. Мквеннер. Брагг. Каффран. Полковник Вайлдер. Камори. Адаре. Сорик. Баффелс. Блэйн--»

«Ладно...»

«Мюрил. Рилке. Раесс. Дойл. Бару. Лоргрис. Мкендрик. Сут. Прид. Фейгор--»

«Гаунт...»

«Гатс. Коул. Роскил. Вамберфелд. Логлас. Меррт--»

Он остановился.

«У меня просто нет столько кожи,» сказал он.

«У тебя просто нет столько сердца,» ответила она.

«Хорошо,» сказал он, но ему совсем не было хорошо.

«Я пришел сюда, чтобы сказать тебе, что у нас могут быть проблемы,» сказал он.

«Проблема с двигателем. Возможен авордаж. Будь готова.»

«Я всегда готова,» сказала она, громко высморкавшись.

Он кивнул и повернулся, чтобы уйти.

Гаунт шел по первому залу с офисами. Спину Мерина очищал Лесп. Снова запах чистого алкоголя.

«Я только собирался уйти, сэр,» сказал Мерин.

«Останься, Флин,» сказал Гаунт, пока проходил мимо. «Тщательно нанеси имена. Все. Всех Призраков. Мне тоже их не хватает.»

«Да, сэр,» сказал Мерин.

Длинная прогулка привела Гаунт назад к его жилищу. Его ждала Маддалена Дэрбилавд.

После присоединения к полку, Маддалена проводила некоторое количество времени в каюте Гаунта, а остальную часть охраняя Феликса Меритуса Часса, сына Гаунта, о котором он не знал. Феликс интегрировался в Танитский Полк под присмотром Далина Крийд. Мать Феликса, Мерити Часс из Вергхастского Дома Часс, настояла, чтобы он последовал за своим отцом на войну и научился ремеслу и ценности битвы от кого-то, что был в этом превосходен.

Превосходен. Неправильное слово, думал Гаунт. Кого-то, кто был полностью поглощен этим.

Маддалена была телохранителем, одним из самых грозных телохранителей Дома Часс. Красивая и гибкая, она носила свое оружие накрытым красной тканью, как по обычаю Улья Вervун.

Когда он вошел, она чистила свое оружие. Гаунт понял, что что-то было не так. Их отношения были, как правило, изматывающими физически. Он понимал свое притяжение к ней. Ее лицо было аугментически модифицировано, чтобы напоминать лицо Мерити Часс, чтобы успокаивать Феликса. Гаунт тоже отреагировал на это на инстинктивном уровне.

«Что происходит?» спросил он.

«Ты мне скажи,» ответила она.

«Ты чистишь свое разобранное оружие,» сказал он.

Она кивнула, и быстро собрала его. Это был Тронсвассе .40 калибра, которые она взяла на складе, чтобы заменить свое первоначальное оружие.

«Приближается проблема,» сказала она, проверяя пистолет на баланс, и возвращая назад в кобуру.

«Почему ты так говоришь?» спросил он.

«Ты с ума сошел, Ибрам?» спросила она, смотря на него. «Двигатели делают неправильный звук.»

Он замешкался.

«Это очень впечатляюще,» начал говорить он.

Но слова не вылетели, потому что весьма внезапно и неприятно мир вывернулся наизнанку.

ЧЕТЫРЕ: НА МЕЛИ

«Вставай,» сказал Брат Сар Аф из Белых Шрамов Адептус Астартес.

«Да, конечно,» сказал Нахум Ладд. «Конечно. Простите.»

Он знал, что абсолютно неприлично лежать на полу в присутствии трех боевых братьев. Абсолютно неприлично, особенно для офицера Официо Префектус. Офицеры Официо Префектус не лежат на полу во время встречи с Космическими Десантниками. А еще, где его фуражка?

Он поднялся.

«Я... эм,» начал Ладд. Он не был уверен, на чем остановился. Он поискал на их лицах в поисках подсказки.

Трое боевых братьев Адептус Астартес в полуосвещенном ангаре перед ним не дали ничего в ответ. Катер Холофернэс, огромный воин из Железных Змей, очень медленно застегнул свой шлем. Белый Шрам Сар Аф, казалось, расположился так, как будто внимательно к чему-то прислушивался. Брат-Сержант Идвайн из Серебряной Гвардии казался потерянным в глубоких думах.

«Вы не видели мою фуражку?» спросил Ладд.

Никто из них не ответил.

«Эмм, Полковник-Комиссар Гаунт послал меня, чтобы почтительно проинформировать вас, что у нас проблемы с двигателем,» сказал Ладд, внезапно вспомнив. «И... и мы переходим на вторую инструкцию на случай, если нас выбросит обратно в реальное пространство и на нас... эм... ну знаете, нападут.»

Ладд осознал, что моргает правым глазом.

«Ты нам это сказал,» сказал Сар Аф.

«Серьезно?» сказал Ладд. «Когда?»

«Когда ты пришел сюда и сказал нам это,» сказал Сар Аф.

«Ой,» произнес Ладд.

«Примерно за двадцать секунд до того, как корабль... *был выброшен назад в реальное пространство,*» сказал Идвайн, застегивая свой шлем.

Моргание начинало раздражать Ладда. Что-то попало ему в глаз. Он потянулся и обнаружил, что его пальцы были мокрыми. У текла кровь из раны на голове, и она бежала по его лицу.

«Ой,» произнес он. Он начал вспоминать, как мир скрутило, ощущение о... о чем-то, на чем он не хотел задерживаться. Он вспомнил, как летел по воздуху. Он вспомнил, как палуба ускорила, чтобы встретить его.

«Соберись с мыслями,» сказал Сар Аф, надевая свой шлем. «Это, всего лишь, начало.»

«Да?» спросил Ладд.

Холофернэс указал на крышу ангара копьем.

«Слушай,» сказал он.

Капитан Клеменсев Спайка плюхнулся назад на свое кресло. Он тяжело дышал. Его голова болела, как ублюбочная. Он знал это ощущение. Задержавшаяся, болезненная травма от плохого перехода из варпа. Все вокруг него были дезориентированы и ошеломлены, даже наиболее твердые души.

«Кто-нибудь, выключите сигналы тревоги!» крикнул он. Станции и консоли мостика были массой мигающих янтарных и красных рун. Шум был ошеломительным. Один из помощников Спайки сделал подстройки. В непосредственной близости стало тихо, хотя корабельные сирены и предупредительные горны продолжали лаять.

«Доклад, пожалуйста,» сказал Спайка, пытаясь отдышаться.

«Нет данных, не поступают, капитан,» ответил Мастер Техники.

«Нет данных, не поступают,» эхом вторил Мастер Обнаружения.

«Управление отсутствует,» доложил главный рулевой. «Навигатор без сознания.»

«Наше местоположение?» спросил Спайка.

«В данное время невозможно вычислить.»

«Но реальное пространство?» спросил Спайка. «Мы в реальном пространстве?»

Ему не нужно было спрашивать. Он мог чувствовать, что да. *Высочество Сир Армадюк* жестко вышел из имматериума после отказа двигателя. Было чудом, что они не были уничтожены или разорваны на части. Имперское чудо, благослови божественного Бога-Императора. Может быть, Гаунт ошибался насчет их удачи.

«Я хочу отчет о критическом состоянии через пять минут,» сказал Спайка, вставая на ноги. Он сильно ушибся от падения, а его сердечный ритм и неровное дыхание были из-за физиологической симпатии, которые он испытывал к системам и двигателям своего корабля.

«Пять минут,» повторил он. «Жертвы, повреждения, статус систем, расчет времени ремонта, местоположение, возможности, время готовности, всё.»

«Капитан?»

Спайка повернулся.

Младший вокс-офицер держал для него гарнитуру. Человек был бледным и трясся. Травма оставила свои отметины на всех.

«Что?» спросил Спайка.

«Срочный вызов от Идвайна из Серебряной Гвардии,» сказал он.

«Перенаправлен через корабельный вокс?»

«Нет, сэр, корабельный лежит. Это прямой вызов из его доспехов на мои ресиверы.»

Спайка взял гарнитуру.

«Это капитан.»

«*Это Идвайн. Отключите все сирены на борту.*»

«Доблестный сэр, мы только что испытали травматическое возвращение в--»

«*Отключите их.*»

«Зачем?» спросил Спайка.

«Так мы сможем услышать.»

Капитан замешкался.

«Что услышать, Брат-Сержант Идвайн?»

«Что бы там не пыталось пробраться внутрь,» протрещал в ответ голос воина Адептус Астартес.

«Шансы на то, что нас возьмут на abordаж через секунды после перехода, смехотворно малы. Это маловероятное совпадение. Корабль Архиврага должен быть точно в точном месте, и готовым к действиям, и--»

«Спайка, вы ошеломлены. Пересмотрите ситуацию. Приготовьтесь. И отключите чертовы сирены.»

Связь пропала.

Спайке нужно было успокоиться. Он чувствовал себя чрезвычайно плохо. О чем, черт возьми, говорил боевой брат? Как он посмел говорить с капитаном корабля вот так, когда...

Он обнаружил, что пристально смотрит на главную консоль, и, в особенности, на дисплей главного хронометра корабля.

В какой-то момент за время последних нескольких, ужасных секунд отказа двигателя и жесткого выхода из варпа, они потеряли десять лет.

«Отключите чертовы сирены!» закричал он. «Все! Сейчас же!»

ПЯТЬ: В'ХЕДУАК

«Корабельный вокс накрылся,» сказала Маддалена Дэрбилавд.

Ибрам Гаунт кивнул. Он попробовал несколько настенных точек, и не услышал ничего, кроме предсмертного хрипа статики. Тишина лишала духа. Ни доносящейся пульсации двигателей, ни урчания силовых коммуникаций. Был только медленный, болезненный скрип металла,двигающегося и восстанавливающегося, как будто древний корпус *Армадюка* молил о пощаде.

Даже сигналы тревоги затихли.

Гаунт чувствовал себя болезненно. Его разум был окоченевшим и отказывался четко функционировать. Он чувствовал себя так, как будто он был заморожен, а затем разморожен. Он был покрыт синяками там, где гравитация кинула его на пол, но больше всего его беспокоила неповоротливость рук и медлительность мыслей.

По тому, как она выглядела, Маддалена тоже страдала. Она быстро моргала, как будто была оглушена, а ее обычная грация отсутствовала. Она ходила вокруг, спотыкаясь, так же, как и он.

Гаунт проверил магазин своего болт-пистолета, убрал его в кобуру и вышел в коридор. Маддалена последовала за ним. В переработанном воздухе был тонкий намек на дым, и любопытные запахи, которые смешивались со зловонием разлитых химикатов, и запах, который предполагал, что были потревожены давно застоявшиеся отстойники.

«Я собираюсь найти Феликса,» сказала Маддалена.

Гаунт сделал паузу. Он это ожидал. Это был ее главный долг, и он едва ли мог винить ее за дословное следование приказам ее господ из Дома Часс.

Он посмотрел на нее.

«Я понимаю,» сказал он. «Но Феликс не в меньшей, и не в большей опасности, чем любой из нас. На кону благополучие всего корабля. Ради Феликса, наш главный приоритет сначала обезопасить его.»

Она поджала губы. Это был странный, притягательный знак неуверенности, который у Гаунта ассоциировался с Мерити Часс. Скопированное лицо идеально передавало выражение.

«Он – моя ответственность. Я должна оберегать его жизнь,» сказала она.

«Он – мой сын,» ответил Гаунт.

«Твои предложения?»

Гаунт сделал жест вперед.

«Нам нужно дать оценку нескольким ключевым вещам. Насколько, на самом деле, мертв корабль. Каков уровень повреждений. Сколько потребуется – если вообще возможно – на восстановление функций. И самое главное, есть ли для нас внешняя угроза.»

«Абордажа?»

Гаунт кивнул.

«Чем дольше мы беспомощно дрейфуем здесь...»

Маддалена улыбнулась.

«Космос, прости, что звучу упрощенно, очень большой. Чтобы быть добычей, нам нужно, чтобы нас кто-нибудь нашел.»

«Ты подготавливала свое оружие,» напомнил ей Гаунт.

«Я пойду с тобой на мостик,» сказала она.

Они дошли до следующего перекрестка и остановились, когда слышали шаги, стучащие в их направлении.

«Первый и Единственный!» окликнул Гаунт. Он не вытащил свое оружие, но Маддалена твердо держала руку на своем.

«Спокойно, сэр!» крикнул в ответ голос.

Гаунт узнал его.

«Крийд?»

«Идем к вам,» крикнула в ответ Тона Крийд. Она вошла в поле видимости с приготовленной лазерной винтовкой. С ней был командный отряд из Роты А, который включал в себя Ларкина и ротного адъютанта, Белтайна. Их лица были бледными и осунувшимися, как будто все они только что очнулись от плохого сна.

«Мы как раз шли, чтобы найти вас, сэр,» сказала Крийд, «когда это все--»

Она замешкалась, и повела плечом в сторону корабля вокруг них.

«--когда это все произошло.»

«Что вы видели?» спросил Гаунт.

«Несколько травмированных членов команды корабля, больше особо ничего,» ответила она. «Все были сбиты с ног. Я думаю, что на мгновение отключилась гравитация.»

Гаунт кивнул и посмотрел на Белтайна. Адъютант нес свой передатчик вокса.

«Он работает, Бел?» спросил Гаунт.

«Да, сэр,» ответил Белтайн, смещенный.

«Все коммуникации на корабле сдохли,» сказал Гаунт. «Нам нужен нас собственный полевой вокс, чтобы скоординироваться. Установи его, поглядим, до кого сможем дотянуться. Полк должен быть на второй инструкции, так что кто-нибудь, кто еще на ногах, должен быть с подготовленным воксом.»

Белтайн снял свой передатчик вокса, поставил его на палубу, и включил. Загорелись лампочки, и он начал подстраивать частотные шкалы. Водовороты статики и аудио шум вырвался из колонок.

«Всем ротам, это Гаунт. Доложить о местоположении и статусе, подтвердить вторую инструкцию. Пошли это голосом и сигналами, и скажи мне, что получишь в ответ.»

Белтайн кивнул и начал отправлять сообщение. Он набрал его на маленькой клавиатуре передатчика, а затем снял трубку, чтобы отправить голосовую версию. У него была проблема четко настроить частоту.

«В чем проблема, парень?» спросил Ларкин.

«Белтайн?» спросил Гаунт.

«Что-то неправильно,» ответил Белтайн, работая с круговыми шкалами.

«Например?»

«Я получаю вмешательство,» ответил адъютант. «Слушайте.»

Он снова очень аккуратно повернул шкалу, и шум вырвался из колонок. Это была смесь импульсов, визгов, электромагнитного жужжания, глухих металлических стуков и странный, гогочущий сигнал, который звучал так, как будто запись множества голосов проигрывалась на высокой скорости. Коктейль из звуков появлялся и исчезал в пелене белого шума.

В этом было что-то страшное. Гаунт почувствовал, как его шею пощипывает.

«Святой чертов фес,» прошептал Ларкин.

«Клянусь Троном, сэр,» сказал Белтайн. «Я понятия не имею, что это.»

Эзра Ап Нихт, называемый Эзрой Ночь его друзьями Призраками, тихо скользил вдоль огромного, беспомощного корпуса корабля с рейнбоу в руке. Он был серой тенью, порхающей с места на место сквозь темные глубины древнего корабля.

Он чувствовал себя так, как будто его вывернули наизнанку. У него была туманная голова. Но годы битв в тихой войне в Антилле научили его, что опасность не ждет, пока ты будешь чувствовать себя в форме, чтобы встретиться с ней. Когда приходит опасность, ты делаешь себя готовым, неважно, насколько ужасно ты себя чувствуешь.

Его разум, остро заточенный, спасибо воспитанию в качестве Нихтгейнца Гереона, идентифицировал звуки угрозы. Он изолировал их от остальных тысяч других звуков, доносящихся по всему раненому кораблю.

Армадьюк стал тюрьмой, армированной, ржавеющей, железной тюрьмой, со слепыми и глухими системами сенсоров. Острые человеческие или трансчеловеческие чувства были единственными тактически жизнеспособными ценностями.

Главные технические и инженерные отсеки формировали кормовую секцию корабля, и включали в себя серии похожих на пещеры залов, топливных бункеров и машинных залов. Там была вонь сажи и топленого жира, вонь прометиума и цинковой пыли, выброшенной из перегретых экстракторов.

Гравитация была чрезмерно неправильной в задней части корабля. Эзра фактически не понимал концепцию гравитации. По его опыту, выработанному в Антилле Гереона, земля была тем, к чему привязан человек, и к чему все подброшенные или уроненные предметы возвращаются. Тоже самое подтвердилось на других мирах, которые он посетил в качестве части свиты Танитского Первого, и, так же, на борту космических кораблей, которые переносили их между полями сражений.

Сейчас та сила, власть земли, исчезла. Эзра мог чувствовать легкое вращение корабля, пока тот медленно поворачивался. Это было так, как будто внезапно можно стало ощущать, как вращается мир на своей оси. Звездный свет, пробивающийся внутрь сквозь те грязные иллюминаторы, которые остались незакрытыми, скользил, как пятна белого масла по палубам, вверх по стенам и вдоль потолка. Дым блестел в воздухе некомфортными завитками. Большую часть палуба под ногами держала его твердо, как должна держать любая земля. Но местами гравитация изменялась, там, где отказали гравитационные пластины, или кольца реакторов массы разрегулировались от жесткого перехода из варпа.

Эзра обнаружил себя идущим вниз по странно покатым коридорам, а затем, без предупреждения, обнаружил, что вертикаль ненадолго прошла вдоль основания стены. В одном месте, на полпути по длинному погрузочному залу, нарушенные гравитационные поля оторвали его от палубы, понесли к одной стене, к потолку, пока он не стал идти вверх ногами, а затем назад вниз вдоль другой стены, снова на палубу. Все это время он не делал ничего, кроме того, что быстро шел по прямой линии.

Эзра потрянул это. Это сбивало с толку, но, галактика была сбивающей с толку. Его жизнь, все его ранние годы, была закрытой в серой темноте Антилла. Затем он присоединился к Гаунту и его людям, а с ними к чудесам галактики: космосу, полному звезд, городов и пустынь, к видам, которые ему и не снились и созданиям, которых он никогда не смог бы представить.

Ничто не удивляло его. Он давно принял то, что все было возможно. За любым углом могло ждать все, что угодно. Включая, он знал, смерть... с наименее предполагаемого направления.

Нарушенная гравитация была сбивающей с толку, но он отказался быть сбитым с толку. Пусть пол станет стеной, а потом потолком.

Опасность была единственной вещью, которая должна занимать его мысли.

Икры летели из настенных панелей, которые закоротило. Световые установки над головой, висящие на цепях, покачивались на медленных, широких, овальных орбитах, выдавая странное, медленное вращение корабля.

Он достиг одного из главных шлюзов, ведущих в инженерное ядро. Это была массивная конструкция, похожая на триумфальную арку, украшенная медными серафимами и херувимами. Стальные рельсы бежали сквозь арку, позволяя вагонам доставлять руду из глубоких бункеров к топке. Железные противовзрывные ворота в арочном проходе были угрожающе открыты.

Эзра вытащил железную стрелу из кожаного колчана, и бросил ее в дуло рейнбоу. Он услышал, как она встала со стуком на место, затем услышал легкий гул и напряжение, когда магнитные поля, сгенерированные магподами по обе стороны рейнбоу, активировались и закрепили стрелу на месте.

Он крался вперед.

За возвышающимся арочным проходом лежал огромный турбинный зал. Часть потолка обрушилась, покрыв палубу листами металлической обшивки и сломанными балками. Другие сорванные панели висели на проводах, обнажая темные полости в крыше, где кружилось и угасало пламя. Небольшие огни горели среди обломков на палубе.

Огромные хромированные-и-медные турбины, стоящие в линию в зале, были тихи. Масло вытекало из нескольких из них там, где разорвались швы и стыки. Темная жидкость бежала, как кровь, образуя на палубе большие блестящие лужи, подобно черным зеркалам, которые старейшины Нихтгейнцев использовали, чтобы мельком заглянуть в будущее. Из некоторых капли летели с пола к крыше.

Эзра мог видеть будущее. Еще час или два, и расширяющиеся пятна достигнут огня... или огонь доберется до пятен. Может последовать ад, и он может уничтожить турбинный зал.

Где были кочегары? Где были люди из Технической Службы? Эзра пошел вперед с приготовленным рейнбоу, ступая тихо и осторожно по кучам обломков и разбитым панелям. Он осознал, что несколько покрытых пылью объектов под его ногами, были телами инженерной команды, которые упали и были задавлены упавшим металлом.

Хотя, слишком мало. Где были остальные? Он осматривал эту часть корабля несколько раз за время долгой поездки, удивляясь масштабам и промышленностью. Обычно здесь были сотни рабочих, работающих шумными напряженными рабочими бригадами.

Он пошел вдоль рельс. Рельсы пролегали в центре зала, между комплексами турбин. Проходя мимо первых турбин, из которых текло масло, Эзра подошел к ряду из сорока массивных вагонов, которые были физически сброшены с рельс. Они лежали на боках, руда рассыпалась, как черный оползень, как гигантская, сломанная многоножка. Масса вагонов уничтожила огромное количество медных конденсаторов и групп малых турбин с правой стороны зала.

Эзра услышал движение. Он спрятался за один из перевернутых вагонов. К нему быстро приближались: повышенные голоса, грохочущие шаги. *Паника.*

Инженерный персонал начал нестись мимо него, направляясь вдоль рельс. Они бежали, некоторые несли раненых товарищей. Эзра видел старших техников, младших инженеров, огромных огринов-кочегаров, черных от сажи, сервиторов и адептов в робах. Мимо прошли дюжины, сотни.

Затем началась стрельба.

Она шла с конца зала, с того направления, куда направлялся Эзра. Это была рваная смесь из лазерного огня и пулевых очередей. Эзра увидел, как некоторые из убежавших инженеров повернулись, чтобы посмотреть, а затем побежали быстрее. Другие упали, подстреленные обжигающими зарядами. Массивный кочегар был срезан огнем прямо рядом с местом, где прятался Эзра. Он споткнулся, неуклюже

повернулся, и упал на вагон, кровь хлестала из двух пулевых отверстий у него на боку.

Огрин пристально смотрел на Эзру непонимающими пороссячьими глазами, пока медленно сползал по вагону и падал на палубу.

Стрельба стала более интенсивной. Открыл огонь тяжелый стаббер. Смотря из укрытия, Эзра видел, как дюжины бегущих инженеров падали, когда в них вонзались заряды. Люди изгибались и падали, или были сбиты с ног. Двое были разорваны на части тяжелыми пулями. Случайные выстрелы врезались в цилиндры турбин и медные вентиляционные коробки.

Эзра взобрался на последний вагон, воспользовавшись массивным, маслянистым стыком в качестве опоры для ног, и лег на боковую часть вагона. Он был почти в четырех метрах от земли. Он пополз вперед, чтобы получить лучшую точку обзора.

Атакующие заходили в турбинный зал в дальнем конце, там, где зал примыкал к одному из главных топочных залов корабля. Они взбирались на кучи обломков и открывали огонь, когда делали это.

Они были людьми... гуманоидами, по крайней мере. Люди, но не люди. Они были одеты в изорванное боевое обмундирование, в котором смешивались баллистические материалы с пласталевыми нагрудниками и кольчугой. У большинства лица были закрыты лишенными характерных черт масками, которые выглядели, как грязные сварочные маски. Единственные, широкие щели для глаз светились мягким желтым с решетками визоров.

Их оружие было старым, но, явно, хорошо обслуживаемым и эффективным. Это, в основном, было оружие, которое Астра Милитарум использовало веками.

Но эмблемы на нагрудниках и лбах атакующих были, безошибочно, токсичными символами Архиврага.

Эзра прицелился из рейнбоу. Он снял свою первую цель стрелой в голову.

Рейнбой произвел легчайший металлический шепот, когда магподы разрядились и выплюнули стрелу. Это было неслышно на фоне рева оружейного огня.

Атакующие заметили это только тогда, когда упали второй и третий из них, с железными стрелами, торчащими из груди и горла. Желтые визоры замерцали в замешательстве.

Внезапно, концентрированный огонь залил вагон, охотясь на Эзру.

Он быстро перекатился и прыгнул на палубу, скользя к другой точке. Он позволил тяжелому каркасу вагона впитать пули и лазерные заряды. Несколько выстрелов большого калибра пронзили нижнюю часть вагона, проделав дыры, через которые засветили лучи грязного света.

Эзра добрался до стыка между вагонами, встал на колени, и прицелился в атакующего из рейнбоу. Он выстрелил, без помех. Стрела вонзилась в щель визора воина, и взорвала дисплей в искрах. Булькая и хватаясь за визор, который теперь был приколот к его лицу, фигура упала на колени.

Эзра перезарядился. Он попытался сделать дальний выстрел в массивного врага с тяжелым стаббером, но промахнулся. Еще больше выстрелов понеслось в его сторону, и он снова переместился, убегая назад вдоль линии вагонов, хрустя и поскальзываясь на кучах рассыпавшейся руды.

Один из атакующих внезапно появился между вагонами перед ним. Рейнбоу Эзры был заряжен, и он инстинктивно выстрелил от бедра. Стрела прошла чисто сквозь пласталевую пластину и торс человека, выбросив кровь и куски мяса в воздух. Он упал.

Второй атакующий был прямо позади него.

Времени перезаряжаться не было.

Эзра бросился на атакующего, воспользовавшись своим рейнбоу, в качестве дубины. Он ударил сбоку по голове воина, но человек отбил. Эзра потерял хватку на рейнбоу. Воин ударил его, и Эзра упал на задницу. В сидячей позиции, он снова замахнулся рейнбоу, более яростно на этот раз, и умудрился выбить ноги воина из-под него. Они скользили и боролись на покато́м склоне из рассыпавшейся руды.

Воин пытался подняться. Эзра поднялся первым. Он несколько раз вонзил стрелу из своего колчана в горло, используя ее, как кинжал.

Воин буркал и бился в конвульсиях, пока истекал кровью.

Эзра потянулся к рейнбоу, но его больше нельзя было использовать никак, кроме как в качестве дубины. Часть рейнбоу была изогнута, а один из магподов был смещен. Со смесью отчаяния и отвращения, Эзра схватил лазерную винтовку своего врага. Ему пришлось сильно ее рвануть, чтобы высвободить из мертвой хватки человека.

Призраки научили его основам использования энергетического оружия, даже не смотря на то, что он ему было плевать на технологии. Он проверил винтовку. Силовая ячейка была заряжена, а предохранитель был снят. Он поднял ее к плечу, выискивая комфортную хватку и ложа палец на незнакомый спусковой механизм.

Двое атакующих протиснулись между вагонами. Один выстрелил в Эзру, и обжигающий лазерный заряд пролетел мимо Нихтгейнца на расстоянии ладони.

Эзра выстрелил в ответ. Он не проверил настройки разряда захваченного оружия. Оно задрожало в его руках и выплунуло очередь в полном автоматическом режиме, скосив обоих врагов перед ним шквалом выстрелов.

Эзра побежал, чтобы найти новое укрытие. Как только он скрылся из поля зрения, он подстроил переключатель на боку своего нового оружия на 'одиночное'.

Битва быстро разрасталась, но он понимал, что она, всего лишь, только начинается.

Виктор Харк вошел в карцер Армадюка. Он был ошеломлен и потрясен. Корабль был, несомненно, в опасном состоянии. Очнувшись лежа лицом на полу после brutального выхода из варпа, он принял твердо решение последовать последней инструкции Гаунта, а затем продолжить восстановление некоторого порядка в полку.

Вторая инструкция. Даже до аварии, Гаунт был озабочен подготовкой Призраков к бою.

Корабль делал странные, жалобные звуки, и он сильно накренился. Харк с грохотом спустился по металлической лестнице и подошел к тяжелой заслонке карцера. Он почти мгновенно осознал, что он в чьем-то прицеле.

«Это я,» сказал он, чувствуя себя по-дурацки.

Появился Жадд Кардасс, опуская свою лазерную винтовку.

«Просто проверял, сэр,» сказал Кардасс.

«Как и должен, рядовой.»

«Что происходит?» спросил Кардасс. Он был удивительно туп для Белладонца. Вероятно, именно поэтому он так долго был в группе Роуна. Хотя, текущая ситуация была достаточной, чтобы вбить напряжение и тупость в любого.

«Мне нужно увидеть майора,» ответил Харк.

Кардасс кивнул, и повел комиссара во внешние комнаты карцера, где посты безопасности примыкали к внутренним люкам, а у стен рядами стояли койки для охранников.

Первый отряд Роты Б, так называемые 'Короли-Самоубийцы', был задействован, чтобы охранять гостя полка, экстремально опасный военный актив. Они серьезно воспринимали свою работу, и внешняя комната фактически стала казармой роты. Рота Б заняла помещение в карцере после того, как попытка убийства гостя в первоначальном помещении во время путешествия, показала то, что оно небезопасно.

Когда Харк вошел, он увидел, что Призраки из Роты Б ставят вещи вертикально. Некоторые поднимают стулья и вещмешки, которые опрокинулись во время проблем с гравитацией. Другие проверяют инструменты безопасности. Двое или трое бинтуют незначительные раны или царапины.

Майор Роун был в дальнем конце с Варлом и Бониным. Они стояли вокруг Ойстин, которая устанавливала передатчик вокса.

«Коммуникации на корабле сдохли,» сказал Роун Харку, даже не смотря.

«Вижу, что ты импровизируешь.»

Роун кивнул. Только сейчас он бросил взгляд на Харка.

«Инцидент с двигателем?» спросил он.

«Думаю, так.»

Роун кивнул.

«Имущество в целости?» спросил Харк.

«Он в безопасности.»

«Я спустился сюда, чтобы проинструктировать вас, чтобы вы перешли на вторую инструкцию,» сказал Харк.

«Сделано и сделано, сэр,» ответил Варл.

«Гаунт предвидел это. Мы покалечены и дрейфуем, я полагаю. Может быть, на нас напали.»

«Абордаж?» спросил Бонин.

«Он думал, что это весьма вероятно,» ответил Харк.

Роун все еще пристально смотрел на Харка.

«Корабль мертв? Отфесан? Мы собираемся подойти здесь? Замерзнем в пустоте? Как чертовы космические скитальцы, о которых рассказывают старые истории?»

«Я понятия не имею о нашем статусе, майор,» ответил Харк. «Я думаю, что мы должны проконсультироваться с капитаном корабля, чтобы оценить наши возможности.»

Роун посмотрел на Ойстин.

«Есть что-нибудь?» спросил он. «Гаунт? Фесов мостик?»

Ойстин поджала губы. Белладонский вокс-специалист из нового вливания, она была переведена под командование Роуна после смерти Кабри, предыдущего адъютанта Роуна. Было ясно, что она все еще была аутсайдером в рядах Королей-Самоубийц.

«Кажется, я не в состоянии связаться с какой-нибудь сетью вокса, сэр,» ответила она.

«Хватило смелости признаться,» фыркнул Варл. «Это – Танитский Первый. Мы не рукожопые идиоты. Боги среди людей Роты Б, может быть, но мы не единственное подразделение, у которого будет мысль установить сеть вокса, чтобы скоординироваться.»

«Ваше заявление принято к сведению,» невозмутимо сказала Ойстин. «Я просто говорю, как это сейчас. Ощущается так, как будто вокс блокируют. Может быть, это из-за суперструктуры корабля. Мы чертовски хорошо бронированы здесь.»

Роун пожал плечами.

«Может быть, это ты не отличаешь один конец передатчика вокса от другого, Ойстин,» сказал он.

«Может быть, это пост-эффект от перехода в реальное пространство?» спокойно предположил Харк. «Может быть, на нас хлынули энергии, которые...»

Его голос затих. Он осознал, что размышляет об областях знаний, в которых даже он, образованный и опытный старший офицер Официо Префектус, ни феса не понимает.

«Погодите, пожалуйста,» сказала Ойстин. «Я что-то получаю. Голос, я думаю. Голосовой сигнал...»

Она резко повернула одну из шкал, затем переключила два переключателя, переключив звук на колонки вместо гарнитуры, висящей на нее шее.

Они услышали смесь воплей, жужжания, электромагнитных бульканий и ударов, в которых появлялся потрескивающий сигнал, который звучал, как наложенная голосовая запись. Вся смесь была омыта шипением белого шума.

«Ты может вычленить это?» спросил Роун, нагнув голову, чтобы послушать.

Ойстин сделала несколько подстроек в попытке изолировать индивидуальные сигналы.

«Просто пытаюсь очистить это,» сказала она.

Внезапно она остановилась. Голоса стали очень четкими. Это был обмен разговорами по воксу между несколькими операторами, скрежет приказов, идущих туда-сюда, подтверждений и рекомендаций. Они могли сказать это по тону и разговорам.

Смысл было невозможно понять. Ни одно из слов, которое произносилось, не было на языке, которые они признавали человеческим.

«Фес это,» сказал Варл.

«Передачи Архиврага,» сказал Бонин.

Ойстин кивнула.

«Выключи,» сказал Роун.

«До того, как мы поймем, что это значит?» спросил Харк.

Роун бросил на него неприятный взгляд.

«Серьезно?» спросил он.

«Я думаю, что мы в глубоком дерьме, Роун. Я думаю, что мы можем использовать все возможности, которые у нас есть прямо сейчас.»

Роун посмотрел на Бонина с Варлом.

«Приведите его,» сказал он.

Вдвоем они без промедления ушли, взяв с собой ЛаХарфа и Бростина, пока шли к двери в главную камеру. Их оружие было приготовлено.

«Открывай!» крикнул Варл Номису на poste безопасности.

«Открываю на три!» крикнул в ответ Номис, когда нажал на рычаги.

Внешний люк поднялся вверх, и открылись внутренние двери.

Бонин вошел первым, чтобы осмотреть камеру. Затем он снова вышел и махнул остальным троим войти.

Прошло почти две минуты до того, как они появились. Харк понимал, что это время было потрачено на установку кандалов, откручивание штифтов на палубе, и тщательную проверку рук, одежды и рта.

Появились четверо Королей-Самоубийц, приближающихся медленным шагом из-за цепи на ногах заключенного. Они окружали его квадратом.

На лице Маббона было отсутствие выражения. Его бритая голова была путаницей старых ритуальных шрамов.

«Что произошло, мо--» начал спрашивать он, когда его остановили.

«Не задавай вопросов,» резко ответил Роун. Он указал на передатчик вокса. «Скажи им. Что это, фегат? Что это означает?»

Маббон Этогор наклонил свою покрытую шрамами голову и слушал несколько секунд.

Затем он глубоко вдохнул.

«В'хедуак,» сказал он. «Четыре или, вероятно, пять штурмовых отрядов на борту. Я думаю, на корме у двигателей. Они закрепляются.»

«Что это за слово?» спросил Харк.

«В'хедуак,» ответил Маббон. «Вас взял на abordаж В'хедуак.»

«И что это значит?»

«Буквально? 'Кровавая плата за проезд',» ответил Маббон. «Это часть более длинной фразы... *Орт'о шет ахгк в'хедуак*... что означает, 'Те, кто будут требовать оплату кровью в качестве платы за перевозку'.»

Он бросил взгляд на Харка со своим жутким невыражающим эмоций лицом.

«Что это фактически означает,» сказал он, «так это то, что мы все, если воспользоваться разговорным языком Сержанта Варла, напрочь отфесаны.»

ШЕСТЬ: СОБРАТЬ НАШИ КОСТИ

Гаунт добрался до мостика *Армадюка* примерно через тридцать секунд после того, как Капитан Спайка умер.

Ведя за собой командный отряд Роты А, с Крийд с одной стороны от себя и Маддаленой, крадущейся с другой, он вошел на мостик через главный арочный проход и увидел команду корабля, собравшуюся толпой вокруг упавшей фигуры.

Некоторые их персонала мостика – а здесь их было очень много – не покинули свои станции или посты. Действительно, многие не могли сделать это, потому что они были прикованы и подключены проводами к своим позициям.

Но даже те, кто не мог двигаться, пристально смотрели. Некоторые начинали стонать. У других были слезы в аугментированных глазах.

Как только он увидел, что это бы Спайка, Гаунт протолкался сквозь толпу, расталкивая руками старших офицеров мостика в робах.

«Что вы делаете?» спросил их Гаунт. Насколько он мог видеть, они все были взволнованы и огорчены, но ни один не предлагал никакого лечения.

«Он упал!» заявил один из офицеров.

«Он упал! Капитан упал!» простонал другой.

«Я думаю, что это его сердце,» сказал офицер обнаружения. «Я думаю, что наш гордый корабль смертельно ранен, и симпатическая боль--»

Гаунт проигнорировал его. Он посмотрел на Маддалену.

«Приведи Керт!» крикнул он.

«Но--»

«Я сказал, приведи Керт!» закричал Гаунт. Маддалена бросила сердитый взгляд, а затем повернулась и выбежала с мостика. Гаунт знал, что она была быстрой, быстрее, чем Крийд, возможно. К тому же, ему нужна была Крийд и ее власть.

Гаунт упал на колени и послушал сердце Спайки. Капитан лежал на спине, его кожа была такой же белой, как воск, а его глаза были пусты.

«Фес,» прошептал Гаунт. Он приподнялся на коленях и начал делать не прямой массаж сердца.

«Крийд!» крикнул он, пока делал это.

«Сэр?»

«Обезопасить мостик! Уведи этих людей от капитана! Верни их к работе, черт возьми!»

Крийд выглядела нерешительной. Старшие офицеры и высокофункциональные сервиторы Армаджо казались вселяющими страх и нелепыми существами для нее. Они пялились на Гаунта и других пришедших с отвращением и смущением, как будто они были незваными гостями или зоологическими экземплярами.

«Что, если эти приятные личности из Имперского Флота не признают власть Астра Милитарум, сэр?» спросила она.

«Тогда погляди, могут ли они признать власть штыка, Крийд. Импровизируй.»

Гаунт продолжал работать. Тело Спайки не выдавало ни легчайшего намека на жизнь.

Гаунт раньше спасал жизни. Его работой было отбирать жизни, и он был, прискорбно, хорош в этом, но он спас жизнь или две в свое время. Помощь на поле боя, осуществление действий при травме. Он накачивал легкие и сердца, перевязывал обильные кровотечения полевыми жгутами, и затыкал раны пальцами до того, как придут медики.

Он был лучше в смерти, чем в жизни, но последнее теперь считалось. Им нужен был Спайка. А еще больше, Спайка не заслужил такой конец.

«Ну же!» прорычал Гаунт, пока работал.

«Нас взяли на abordaj,» сказал человек.

Продолжая не прямой массаж, Гаунт поднял взгляд. Крепкий, с волосами песочного цвета, офицер флота смотрел вниз на него. Серебряная парча украшала его темно-голубую тунику. Он был из командной ветви, не мастер чего-то там или офицер какого-то специфического подразделения.

«Мы это предвидели,» ответил Гаунт, его руки монотонно работали.

«Вы должны покинуть мостик,» сказал офицер.

«Ты видишь, что, фес, я делаю?» спросил Гаунт.

«Наш возлюбленный капитан, да упокоит Трон его душу, покинул эту жизнь,» сказал офицер. «Стресс. Он был предупрежден. Его здоровье было проблемой. Мы оплачем его. Теперь он ушел, жизнь корабля это все, что имеет значение. Вы покинете мостик.»

«Пошел нафес!» ответил Гаунт.

«Я Субкомандующий Келведон,» сказал офицер. Его голос был легким и сухим, похожим на высокую траву в конце лета. «Я - второй в последовательности после капитана. В этот час смерти, командование *Армадюком* переходит ко мне. Его благополучие – мое дело. Вы очистите мостик.»

«Он даже не остыл!» резко бросил Гаунт. Он жалел о своих словах. Плоть Спайки, там, где Гаунт разорвал его мундир и тельняшку, казалась такой же холодной, как пустота. Спайка выглядел покинутым и позабытым, его грудь была тощей и сморщенной, как брюхо рыбы. Он казался командующим человеком. Смерть безжалостно уменьшила его.

«Очистите мой чертов мостик,» сказал Келведон. «Держите своих тупых солдат в предназначенных им каютах и не путайтесь под ногами. Это боевой корабль. Мы обезопасим все палубы и отбросим врага.»

«Мы сражаемся лучше, чем вы,» ответил Гаунт. «Имперская Гвардия. Астра Милитарум. Самые лучшие боевые ублюдки во Вселенной. Хватить нести чушь и сотрудничайте со мной, *Действующий* Капитан Келведон. Спайка понимал нашу ценность и как получить выгоду из наших совместных действий.»

«Спайка принимал решения, которые я бы не сделал,» ответил Келведон. «Все мероприятие не было боевым действием. Это было чем-то вроде смутной тайной черной работы, которую ваши начальники из Комиссарита и--»

Внезапно Келведон произвел странный звук, звук, который шины транспортного-8 делают, когда взрываются. Его глаза заслезились, его щеки надулись, и он осел на палубу, сложившись пополам.

«Коленом по яйцам,» провозгласила Крийд Гаунту, когда Келведон рухнул на бок в позе эмбриона. «Это то, о чем вы думали?»

«Великолепная работа, Капитан Крийд.»

Она наполовину повернулась, а затем посмотрел назад.

«Что вы сказали?»

«Я собирался сказать тебе,» сказал Гаунт, давя на грудь Спайки ладонями, «просто не было подходящего момента. Повышение, Тона. Капитан. Командование ротой. Ротой. Я хочу, чтобы ты командовала моей ротой.»

«За то, что ударила по яйцам какого-то пустотного?» спросила она.

«Могу привести несколько других аргументов в твою пользу. Например, твой бесподобный послужной список. А сейчас, Капитан Крийд, если ты не против, можешь ударить по яйцам Капитана Келведона второй раз?»

Крийд нахмурилась.

«Зачем?» спросила она.

Гаунт прекратил делать массаж и сел на корточки.

«Потому что это заставит чувствовать меня лучше. Это не работает.» Он потер руки. Холод от трупа Спайки, казалось, проник в него, заставив онеметь его руки, его запястья, его предплечья.

«Он фесово мертв,» вздохнул Гаунт.

Он медленно поднялся, отступил назад от душераздирающего трупа Спайки и подошел к хнычущему Келведону.

«Кто, на самом деле, здесь командует?» спросил он мостик вокруг него. «Не эта хвастливая свинья,» добавил он, указывая на Келведона. «Кто следующий в очереди? Ну же, фес вас! Это срочно!»

«Я,» произнесла одна из фигур в робе, ожидающая на краю платформы мостика. Он вышел вперед. Он был высоким, таким же высоким, как Эзра Ночь, и тощим, как грабли. Его одеяние до пола было голубым, отделанным странной тканью, которая казалась переливчатой. Его глаза были массивными аугментическими имплантами, а одна из его рук была бионическим пауком. Входные штекеры и кабели данных покрывали его шею, горло и грудь.

«Дарулин, Мастер Артиллерии,» сказал он Гаунту с легким поклоном.

«Артиллерия имеет преимущество перед техникой и управлением?» спросил Гаунт.

Дарулин кивнул.

«Корабль – это его орудия. Все остальное вторично.»

«Это правда, что нас взяли на абордаж?» спросил Гаунт.

«Доступные данные говорят об этом. В машинных залах бой.»

«Кто сражается?»

«Я неправильно выразился,» ответил Дарулин. «В машинных залах *убийство*.»

«Кто напал на нас?»

«Архивраг,» сказал Дарулин.

«Как они нас нашли?» спросил Гаунт.

«Проконсультируйтесь с хронометром,» позвал Дарулин с жужжащим пауко-жестом. «Для нас прошло мгновение, но мы потеряли десять лет. Мы дрейфуем. У Архиврага было время, чтобы засечь и триангулировать.»

«Что вы сказали?» спросил Гаунт.

«У Архиврага было время, чтобы засечь--»

«Нет, перед этим.»

«Мы потеряли десять лет. Мы потеряли десять лет из-за временного искажения при инциденте во время перехода.»

Гаунт и Крийд посмотрели друг на друга.

«Мы были без сознания всего лишь мгновение,» прошептала Крийд. «Мгновение.»

«Вы уверены?» спросил Гаунт Мастера Артиллерии.

«Да. Такие потери времени редки и волнительны, но не неслыханны. У вас нет пустотного опыта. Вы не знаете о таких вещах.»

Гаунт некоторое время пристально смотрел на палубу, собираясь с мыслями, а затем снова посмотрел на Дарулина.

«Мы должны скоординировать контратаку,» сказал Гаунт. «Мой полк. Ваши охранники.»

Дарулин собирался ответить, когда на мостик вошла Ана Керт. Пара Танитских санитаров следовали за ней, а за ними шла Маддалена Дэрбилавд. Ларкин, Белтайн и остальные из Роты А собрались в дверном проеме, мрачно смотря.

«Кто ранен?» спросила Керт.

«Капитан,» сказал Гаунт. «Для него уже слишком поздно.»

«Я буду судить об этом,» сказала она ему. Она остановилась и бросила взгляд назад на Гаунта.

«Больше никогда не посылай за мной свою сучку,» сказала она.

Он не моргнул.

«Веди себя, как профессионал,» ответил он.

Керт встала на колени рядом со Спайкой, и проверила его пульс.

«Массаж!» приказала она одному из санитаров, который рванул вперед, чтобы повиноваться.

«Я это пробовал,» сказал Гаунт.

«Посмотрим, что произойдет, когда кто-то знает, что делает,» резко ответил она. Она открыла медицинский ящик, подняла складные ящички и выбрала гидронеиматический шприц. Она наполнила его из пузырька, проверила его, щелкнула по нему, а затем ввела в место над сонной артерией Спайки на шее.

Игла вошла внутрь, и она сделала укол.

Спайка не пошевелился.

«Дерьмо,» сказала Керт, и начала делать дыхание рот в рот, пока санитар старательно делал массаж сердца.

Гаунт повернулся назад к Дарулину.

«Мой полк. Ваши охранники. Что вы там хотели сказать?»

Его путь к машинным залам был заблокирован коридором, который испытал катастрофический гравитационный коллапс. Сержант-Разведчик Мколл переключился на сервисные каналы и технические подполья. Он заканчивал путь вниз по почти вертикальной, неосвещенной вентиляционной трубе, когда вокс, в конце концов, ожил.

Протрещал голос, сухой в холодной темноте.

«Предупреждение, предупреждение,» произнес голос. «Архивраг на борту корабля. Вооружиться и приготовиться. Архивраг в машинных залах и наступает.»

Мколл закрепил себя на сварочном шве, раздвинув ноги. Вентиляционный канал был вертикальным. Он отпустил винтовку, которая была на ремне, и перезарядился, повесил ее на плечо и подстроил свою микробусину. Холодный воздух дул на него издалека внизу, донося таинственные звуки из бряцания и глухих ударов.

«Это ты, Роун?» тихо спросил он.

«Назови себя?»

«Это Мколл.»

«Где ты?» спросил Роун по связи.

«Как будто я скажу тебе это по открытому каналу. Отчет.»

«Нас взяли на abordаж.»

«Я знаю. Я встретил нескольких. Не уверен, что они такое.»

«Разведданные говорят, что шесть штурмовых отрядов, что означает около семисот врагов. В'хедуак.»

«И что это такое?» спросил Мколл.

«Нет времени детально объяснить. Флот Архиврага, в основном. Когда-нибудь задумывался, как Племена Кровавых Миров путешествуют? Как Кровавый Пакт перемещается с мира на мир? В'хедуак, вот как. И когда они не действуют, как движущая сила ублюдочных наземных войск, они крадутся среди звезд, выискивают корабли, чтобы разграбить их. На нас напали каннибалы.»

«Техно каннибалы?»

«Ага, и остальное.»

Мколл замолчал на мгновение. Он чувствовал капли пота на своем лбу, несмотря на холодный ветерок, дующий на него снизу.

«От кого ты получил эти данные, Роун?» спросил он.

«Ты не захочешь знать, Оан.»

«Но они надежные?»

«Как фес.»

«Где ты?» спросил Мколл.

«В карцере, охраняю имущество.»

«Роун, кто-нибудь идет на корму к машинным залам?»

Была длительная пауза.

«Мколл, это все немного не скоординировано. Вокс неустойчивый. Я думаю, что туда идет рота Баска. Ни слова от Колеа. Ничего от Гаунта.»

Мколл вздохнул.

«Фес,» прошептал он сам себе.

«Повтори?»

«Держите фесову линию,» сказал Мколл. «Я собираюсь посмотреть, что там.»

На носках и ногтях, он возобновил свой спуск.

Эзра Ночь метнулся очертя голову в укрытие. Вражеский огонь хлестал в его сторону, разнося переборки и настенные распорки позади него. Дождем летели искры. Куски пластика и алюминия свистели в воздухе.

Эзра перекатился. Он поднял свою лазерную винтовку и выпустил пару солидных очередей. Варл бы им гордился. Варл и Крийд. Те, кто учили его.

Враг упал. Архивраг.

Эзра отбивался в задних частях машинных залов, огромных, какими и были. Он был, всего лишь, одним человеком против отрядов из сотен.

Он будет сражаться и погибнет. Сражаться и погибнет. Это то, что всегда говорил Ибрам. Лучше сражаться и погибнуть. Ты хочешь жить вечно?

Немного подольше было бы неплохо, подумал Эзра.

Он снова прицелился и выпустил очередь. Двое атакующих упали на спину с разорванными торсами.

Он знал о маленькой янтарной руне, которая моргала на краю отверстия для ячейки над его большим пальцем. *Низкий заряд.* Ему нужно было перезарядиться. Почему он не подумал о том, чтобы взять одну ячейку с трупа?

Серия мощных взрывов пронеслась по центру палубы, направляясь к нему. Обломки полетели в воздух, целые напольные панели и подпалубные трубы.

Архивраг послал более тяжелые единицы в Армадюк.

Эзра следил за первым из сталк-танков, пока тот гроыхал по машинному залу в его сторону. Еще два следовали за ним. Он раньше видел такие машины. Они были легкими, с почти сферическим отсеком корпуса, который был достаточно большим как раз для одного водителя или присоединенного проводами сервитора-оператора, плюс контрольные группы. Мощные счетверенные лазерные пушки или плазменные орудия были установлены на люльке с гироскопом под корпусом. Танки шли на восьми парах длинных тонких паучьих ног.

Эти устройства были тяжелее, чем обычно. Корпуса были бронированы против жесткого вакуума и тяжелого огня. Ноги были более прочными, и заканчивались гибкими клешнями. Эти штуки были разработаны, чтобы ходить в холодной тишине пустоты, чтобы быстро передвигаться по поверхности звездных кораблей, чтобы находить точку опоры, чтобы прогрызть или прорезать путь внутрь. Они были построены, чтобы жить, как вши или клещи на шкуре космического корабля.

Их свисающие орудийные отсеки стреляли, гироскопы превращали каждую отдачу в текущий отскок. Палубные плиты взрывались. Часть стены зала разлетелась ошеломительными брызгами пламени и искр. Один из топливных вагонов был взорван на куски.

Железное колесо скрежетало, пока катилось по палубе.

Вражеские пехотинцы, щели их визоров светились, наступали позади сталк-танков, стреляя на ходу. Эзра почувствовал, как в его горле зарождается смех. Он пережил одностороннюю войну, придерживаясь тактики бей-и-беги Нихтгейнцев. Красться, убивать, двигаться, оставаться невидимым. Сейчас его положение было за гранью возможного.

Эзра встал на колени и прицелился. Он был частично закрыт горящими останками ящика. Он прицелился в маленькое, бронированное окошко на ближайшем сталк-танке, и задумался, сможет ли он попасть в него. Он был совершенно уверен, что сможет. Но сможет ли он пробить его? Даже если потратить всю энергию, оставшуюся в ячейке?

Да. Да, он сможет. Он уничтожит это. Это будет его последнее действие в качестве части полка Призраков.

Эзра спустил курок. Оружие не выстрелило. Руна была красной. *Энергия кончилась.*

Эзра позволил себе засмеяться.

«Есть какой-нибудь способ получить картинку снаружи?» спросил Гаунт.

«Теперь вы командуете этим кораблем?» резко бросил в ответ Келведон.

«Помолчи, Келведон,» приказал Дарулин.

Они спустились к главному тактическому стратегиуму, широкому проекторному колодцу в передней секции мостика. Келведон снова был на ногах, хотя его лицо было красным. Другие старшие офицеры мостика следовали за ними. Гаунт был окружен возвышающимися людьми в робах, которые были только минимально органическими, и раздраженными офицерами в голубой униформе из командного эшелона. Он был полностью не к месту. Это не был его тип войны, как и не его область компетенции. Он был Гвардейцем. Боевой Флот и Астра Милитарум, они были древними соперниками по славе, с полностью различным складом ума. Они были всегда такими, с тех пор, как человечество впервые покинуло колыбель Терры и отправилось к звездам. Одна ветвь человечества завоевывала миры, другая завоевывала пустоту. Они были союзниками, братьями... возможно, даже ближе чем это. Но они никогда не были друзьями. Их философии слишком отличались. Для начала, каждый из них полагал, что другой зависит от него.

Но Гаунт поставил себя в центр всего этого. Для этого были две причины. Первая была в том, что все их жизни были поставлены на карту, и он едва ли собирался спокойно сидеть и позволить офицерам флота решать судьбу его полка.

Вторая была в том, что у него было чувство вещей. У него было чувство командования. Цепь власти была во Флоте такой же, как и в Гвардии, и его годы службы оставили ему чутье на это. *Армадюк* был потерян. Он потерял свой дух. Спайка был мертв, а замешательство, которое Гаунт обнаружил на мостике, когда прибыл, было чрезвычайным. Здесь были высокофункциональные офицеры. Они были великолепными и ментально шустрыми. Они не должны были застыть от шока

и быть неспособными принять решения. Они не должны были пялиться на труп своего командира, размышляя, что дальше делать.

Они не должны были нуждаться в том, чтобы неряшливый Гвардейский командир протолкнулся вперед и начал делать напрасный массаж сердца.

Они были растеряны. Гаунт не понимал, почему. Он был уверен, что это было связано не столько со смертью Спайки, сколько с раздирающей жестокостью и непостижимой потерей времени от их перехода из варпа. *Армадюк* был покалечен, и его экипаж – связанный с ним слишком многими утонченными и эмпатическими способами – тоже был покалечен.

Кому-то надо было принять командование. Кому-то надо было разжечь некоторую уверенность. И этот кто-то был не Келведон, который видел только свой карьерный путь.

Гаунт вспомнил свое время на эскортном фрегате *Наварре*, прямо в начале своей службы с Призраками. Там был исполнительный офицер, Крефф, который был благожелательным. Большинству из того, что Гаунт узнал о боевом флоте, он научился от Креффа.

Члены боевого флота, они были всего лишь людьми, даже если они не выглядели, как люди. А люди были одинаковыми во всей Вселенной.

«Нам нужно выбраться из всего этого,» сказал Гаунт. Он начал говорить в общем смысле, как бы случайно. Это была первая вещь, которую вы делаете; вы собираете всех и признаете их. Он ненавидел быть настолько равнодушным, но выбора не было.

«Мы можем включить стратегиум?» добавил он. Случайно, просто комментарий со стороны. Уверенность.

Гололитический колодец начал включаться вокруг них. Световые формы и цифровые дисплеи украсили их лица и одежду.

«Я собираюсь подготовить своих солдат,» сказал он, все еще легкомысленно. «Они собираются защитить этот корабль. Они собираются выгнать всех, кто попытается пробраться внутрь. Я буду благодарен помощи ваших охранников.»

Быть всеохватывающим. Это был следующий шаг. Вырастить чувство общей цели и уважения. Теперь настало время для правды.

«Вы ранены, и вы потрясены. В этом нет никакого стыда. То, что настигло нас – ужасно, и это ранило всех вас. Но корабль – это вы, а вы – это корабль. Он не выживет без вас. Спайка любил эту старую девочку. Он бы хотел увидеть, что она проведет свои дни в надежных руках.»

Гаунт посмотрел на Дарулина.

«Что снаружи?»

«Идет обработка, сэр,» сказал действующий капитан.

«Насколько серьезно мы ранены?» спросил Гаунт. Он задал вопрос спокойно и в общих чертах.

Мастер Техники под капюшоном, окруженный своими помощниками, вздохнул.

«Двигателя нет. Основной энергии нет. Вторичной энергии нет. Щитов нет. Действующего оружия нет. Навигации нет. Ауспекса нет. Наблюдательных приборов нет. Интервокса нет. Стабилизации в реальном пространстве нет. Огромные и последовательные гравитационные разрывы.»

«Я не из Флота,» сказал Гаунт. «Я так понимаю, что это не очень хороший список?»

Мастер Техники фактически улыбнулся.

«Нет, сэр.»

«Тогда перечислите мне хороший.»

Мастер Техники замешкался. Он посмотрел на Дарулина и его подчиненных.

«Ну... я полагаю... у нас есть стабильность внутренней атмосферы и общая целостность давления. Жизнеобеспечение. Гравитация восстановилась. Мы работаем на третичных батареях, которые дадут нам шесть недель реального времени. Мы... мы живы.»

Теперь Гаунт улыбнулся.

«Это, сэр,» сказал он, «основа для большинства сопротивлений Имперской Гвардии. Мы живы. Спасибо Трону. Я никогда не хотел жить вечно, но немного подольше было бы неплохо.»

«На десять лет подольше,» сказала Крийд.

Мрачная волна смеха поплыла по стратегиуму.

«Наружнее наблюдение?» спросил Гаунт.

Дарулин кивнул и махнул жезлом актуатора. Колодец заполнился огромной спроецированной схемой *Армадюка*. Он появился носом вниз, как погружающийся в воду кит. Гаунт потер рот. Он осознал, что на самом деле никогда не знал, как корабль выглядит снаружи. Он смотрел на то, что ограничивало его мир неделями.

Он знал, что корабль был большим. Он не осознавал, насколько большим. *Армадюк* был массивной структурой, а сейчас он был *беспомощной* массивной структурой.

«Что это?» спросил Гаунт, указывая на три каплевидных структуры, отображенных на корме корабля.

«Вражеские корабли,» ответил Дарулин. «Легкие варп-корабли намного меньшего тоннажа, чем мы. Они закрепились на нас, чтобы осуществить абордаж.»

«У них есть материнский корабль?» спросил Гаунт.

Дарулин отодвинул изображение стратегиума назад своим жезлом. *Армадюк* резко уменьшился. Обновленный вид показывал другой корабль, который находил от них на расстоянии семнадцати тысяч километров. Он был большим, возможно крейсер.

«Да, там,» сказал Дарулин. «Корабль Архиврага. Стандартный шаблон не различим. Я бы сказал, разрушитель. Быстрый, верткий, хорошо вооруженный.»

«И он не стреляет по нам, потому что?» спросил Гаунт.

«Они хотят нас на металлолом. В качестве заключенных, в качестве сырого материала,» сказала Крийд. «Они хотят собрать наши кости.»

Гаунт посмотрел на нее.

«Полагаю, что так,» сказал он ей. «Я надеялся, что действующий капитан здесь можешь это признать.»

«Простите, сэр,» сказала Крийд.

«Простите,» сказал Дарулин. «Это... в точности то, что они делают.»

СЕМЬ: ЛИНИЯ

Эзра все еще смеялся над своей собственной судьбой, когда в отсек ворвалась ярость. Пощечина от ударной волны бросила его набок. Воздух наполнился плывущим дымом.

Из него вышли массивные фигуры.

Сар Аф, Белый Шрам. Холофернэс, Железный Змей. Идвайн, Серебряный Гвардеец. В полной броне. С полным набором оружия.

Три воина против огромного количества рейдеров, наполняющих обширный отсек.

«Убить их всех,» сказал Идвайн рычанием из сабвокса.

Солдаты Архиврага, потрясенные и испуганные взрывом, проделавшим пролом, начали стрелять. Лазерные заряды и пули отскакивали от бронированных Адептус Астартес. В унисон, они подняли свой болтеры и начали отстреливаться.

Выстрелы из болтеров скосили два ряда пехотинцев Архиврага. Взрывной ужас разбрасывал куски мяса и обломки в воздух. Вражеская масса начала отступать, отхлынув, когда ее передовой край был разорван на куски.

Эзра смотрел в неверии, как трое Космических Десантников рванули в основную массу врагов. Когда они встретились с передовой линией, столкновение подбросило тела в воздух. Цепной меч Идвайна сверкал, ревя. Солдаты Архиврага падали, как скошенные зерновые, их бронированные тела были разорваны на части. Частишки плоти, крови, тканей и металла дождем летели от резни. Влажный красный туман начал покрывать горящий воздух.

Слева от Идвайна, Холофернэс пробивал себе путь через дрожащих рейдеров. Они обратились друг на друга, яростно борясь, чтобы убрать с пути гиганта. Железный Змей добрался до сталк-танка и вскрыл его брюхо своим копьем. Жидкость, кровь и токсичная вода выплеснулись из разрезанного пузыря управления. Холофернэс вонзил конец своего копья внутрь, чтобы насадить на него съезжившееся тело закрепленного проводами пилота.

Другой танк начал стрелять, автоматически отслеживая свою цель. Холофернэса отбросило назад обжигающими зарядами, но он остался на ногах и метнул свое копье. Пронзенный в центре, стелк-танк задрожал, задергался и упал, извергая в воздух биологическую жидкость.

Холофернэс выдернул свое копье. Жидкость расплескивалась.

«За Императора!» закричал он.

По правую руку от Идвайна, Сар Аф прыгнул и приземлился на спину другого стелк-танка. Тот затрясся под его весом. Он ударил кулаком по верхней части главной части корпуса, чтобы вытащить водителя наружу, и отбросил извивающееся тело в сторону, когда спрыгнул с падающей машины. Топчущиеся на месте пехотинцы прервали его падение. Он убил их своими кулаками, пока они пытались выбраться из-под него. Еще больше спасались бегством. Сар Аф Закричал и последовал за ними, срезая их своим болтером.

Идвайн тоже вырезал пехотинцев. С цепным мечом в одном кулаке и штормовым болтером в другом, он просто быстро шел сквозь линию рейдеров, как человек, идущий непреклонно в сильный шторм, пригнувший голову и неостановимый. Искры летели, когда пули отскакивали от его бронированной массы. Он стрелял, выборочно и методично, повергая группы за раз, разрубая любые тела, которые подошли слишком близко, как будто срезая подлесок.

Эзра покинул свое укрытие и осторожно последовал за ними. Гиганты Адептус Астартес прорубили брешь в двигательном отсеке, усеяв широкую палубу горящими обломками и спутанными телами. Палуба была омыта кровью.

Эзра присел и вырвал лазган из мертвой хватки павшего врага. В этот раз он взял запасные обоймы.

Настало время прекратить умирать. Настало время отбить корабль.

Орнелла Жукова вела часть роты Паши вдоль нижнего туннеля, который вел к двигательным отсекам от носа корабля. Она могла слышать грохот и взрывы боя, который происходил в залах над головой, и она могла чують запах дыма. Каждые несколько секунд палуба сотрясалась.

У всего было гладкое ощущение, слегка расфокусированная мягкость. Она не понимала, был ли это дым, который попадал ей в глаза, или он попадал в ее разум. Что-то произошло. Авария. Что-то сбивающее с толку, что включало в себя физику и процессы путешествия космического корабля, и это заставляло ее чувствовать себя болезненно.

До этого рота готовилась ко второй инструкции. Потом все покатилося к черту. Были ли они подбиты, или это было что-то намного хуже? Она очнулась с мучительной головной болью, и многие из ее солдат тоже испытывали недомогания, или жаловались на тошноту или кровотечения из носа.

«Вокс?» прошипела она.

«Ничего!» ответил оператор вокса. Настенные воксы не передавали ничего, кроме статики, а передатчики вокса подразделения кашляли и трещали.

«Глядите в оба!» приказала она. Люди были в замешательстве. Это делала неразбериха, неразбериха и страх. Они не знали ситуации, и они не знали, с чем столкнулись. А еще хуже было то, что у них было так мало боеприпасов. Не было времени, чтобы послать тележки вниз на склады боеприпасов, а даже если и было бы, Жукова знала, что стеллажи были почти пусты.

Полк был не в состоянии вести еще одну войну.

Один из ее разведчиков появился из перпендикулярного прохода и поспешил к ней.

«Спетнин?» спросила она.

«В боковом втором, продвигается, мэм,» ответил разведчик. Он выглядел запыхавшимся. Его лицо было покрыто сажой и смазкой. Спетнин взял половину роты, чтобы прикрывать группу Жуковой, следуя в параллельном проходе в надежде, что они смогут остановить любое наступление вдоль кормовых проходов. Это если они правильно запомнили планы палуб. Голова у Жуковой болела так сильно, что она едва могла вспомнить свой день рождения.

«Что он докладывает?» спросила она.

Разведчик пожал плечами.

«Пожимание плечами не ответ,» резко бросила она.

«Все то же самое, что и здесь,» ответил разведчик, осведомленные о ее знаменитой злости. «Впереди бой.»

Коридор был поврежден от напряжения корпуса. Проводка в стенах была закорочена и потрескивала белыми искрами, которые плыли, как снежинки, на палубу. Масло капало с потолка и сочились из поврежденных труб. Некоторые из палубных гравитационных плит перестали работать или сместились, и они тревожно смещались под ногами, как доски, плавающие на озере. В одной секции, целых двадцать метров палубных плит были вырваны и прижаты к потолку, удерживаясь там своими собственными нарушенными антигравитационными системами. Открытое подпалубное пространство было скоплением проводов и подпорок, а кабели свисали над головой, как виноградные лозы. Кровь капала вниз. Кто-то стоял на плите, когда она оторвалась, и он был раздавлен о крышу шестью тоннами быстро поднимающегося металла.

Кровь была первым признаком кого-нибудь из экипажа корабля, который увидела Жукова.

Впереди, Рядовой Блексин поднял руку. Он остановился. Она знала этот наклон головы. Он что-то услышал.

Она практически произнесла его имя. Блексин согнулся и упал, струи крови выплеснулись из его спины, когда выстрелы прошли сквозь него. Оружейный огонь срезал троих людей с ним.

Отряд разбежался к стенам, укрываясь за переборками и рамами люков. Выстрелы с воем пронесли мимо. Жукова подняла свой карабин, высунулась и выстрелила в ответ. Некоторые рядом с ней сделали то же самое. Они понятия не имели, в кого стреляют, но было приятно отомстить.

Выстрелы в их сторону прекратились.

«Стоп! Прекратить!» крикнула Жукова. «Не тратить боеприпасы впустую!»

Она рискнула сделать шаг вперед, держась стены. Первый отряд последовал за ней, перемещаясь по коридору пригнувшись, держа винтовки у плеч и высматривая.

Она прошла мимо тел Блексина и его товарищей. Палубные плиты беспокойно дрожали. Она сделала еще шаг. Раздался резкий звук, как выстрел из пистолета, и один из удерживающих плиту болтов отлетел. Угол плиты поднялся над полом, изогнувшись, с напряжением, как ткань палатки под сильным ветром, желающая оторваться от своих проволочных растяжек и улететь прочь.

Жукова тяжело сглотнула. Скорее скользя на ногах, чем шагая, она шла по дрожащей плите. Она полагала, что три или, может быть, четыре тяжелых болта, были всем, что удерживало поврежденную секцию, все, что стояло между ней и ужасной судьбой быть раздавленной, как жук, о потолок.

Она шагнула на следующую палубную плиту. Та была более устойчивой. Горин, Велтер и Урнос следовали за ней. Она могла чувствовать вонь пота от страха Урноса, напоминавшую запах чесночной колбасы.

В плывущем дыму перед ней двинулась фигура. Она увидела врага. Какой-то варвар-монстр в робе с щелью для глаз.

«Враг!» крикнула она, и сделала два выстрела. Вражеский солдат поймал их оба грудью и упал на спину. Ответный огонь вылетел из дыма, пули, которые закружили дым жуткими спиралями. Жукова врезалась в стену, желая, чтобы она поглотила ее. Пуля разорвала вещевой мешок на ее бедре. Велтер упал, застреленный в голову, а Горин упал на спину, подстреленный в плечо и грудь. Урнос упал на живот и начал стрелять и кричать.

Угол вражеской стрельбы изменился, прочесывая палубу, пытаясь попасть в Горина и кричащего Урноса. Жукова видела, как плиты изгибаются. Она увидела, что в край поврежденной плиты, которую она проскользнула, попадают выстрелы.

«Назад! Назад! Назад!» закричала она оставшейся части подразделения позади себя.

Болт на плите оторвался. Не будучи более в состоянии удерживать беспокойную плиту, другие болты резко отлетели от напряжения. Нестабильные гравитационные устройства с грохотом воткнули свободную плиту в потолок, подобно летающему ковру. Она полетела вверх так, как вниз падает валун. Последовал ужасный, хрустящий удар. Жукова понятия не имела, сколько их следующего за ней отряда стояли на плите, когда она оторвалась. Все, что она видела, так это Горина, который

лежал на спине, на стыке. Плита подняла его, как подъемник, и сокрушила о потолок, сокрушила его голову, руки и верхнюю часть туловища. Его ноги, болтающиеся, остались невредимыми и висели, как пара бриджей на бельевой веревке.

Пыль и огни плыли по туннелю. Стрельба на мгновение прекратилась. Жукова схватила Урноса, и оттащила его к стене. Она не могла видеть никого из ее отряда в туннеле позади. Все, что она могла видеть, как это тяжелые, медленно раскачивающиеся ноги Горина.

«Мы в заднице, капитан,» занял Урнос.

Она отвесила ему тяжелую пощечину.

«Вставай на ноги, Вергхастец!» сказала она.

Сжимая свой карабин, она начала идти вперед. Урнос поднялся и последовал за ней. Она могла слышать хриплое бульканье его быстрого дыхания.

«Это безумие...»

«Просто заткнись, Урнос. Веди себя, как солдат.»

В нескольких метрах дальше у стены лежали два тела. Абордажники Архиврага. Они были грязными и в броне местами, лоскутные солдаты, что напомнило Жуковой о разношерстных отрядах, которые охотились в Зойканских Каменных Обломках. Она понятия не имела, кто убил их. Это могла быть она или Урнос. Она ощупала их разгрузки и нашла несколько обойм с патронами, но ничего, что могло бы подойти ее карабину или винтовке Урноса.

Она услышала движение впереди. Она прижала Урноса к стене, затем зажала рукой его рот, чтобы заглушить звук его безумного дыхания.

Запертый дым делал воздух в туннеле густым и стекловидным. Она увидела двух врагов, идущих в их сторону из дыма. Затем еще двоих. Они были закутаны в тяжелые, грязные плащи, а пластины на их телах были тусклыми и потертыми. Их лица были закрыты визорами или сетчатыми масками. Красный свет исходил из щелей визоров, предполагая наличие улучшенной оптики или систем ночного видения.

Но она заметила их до того, как они заметили ее. Вергхастские глаза были сильными, и побили извращенные технические улучшения. Из-за того, что Вervун был сильным, построенным, чтобы терпеть и выживать, его молодые люди были рождены в свободе, здоровые и полные жизни, по образу Бога-Императора...

Жукова сглотнула. Это была такая чепуха. Она слушала патриотические речи Майора Паши слишком долго, слушала дерьмо, распространяемое комиссарами, когда они руководили боевыми школами.

Враг не заметил ее, потому что она и Урнос укрывались за распоркой у стены. Еще несколько секунд, и их оптика выхватит тепло их тел в окружающем дыму.

Улучшатели оптики не обязательно означали считыватели тепла, но опыт подсказывал Жуковой, что Вселенная берет любой удобный случай, чтобы быть настолько жестокой, насколько возможно.

Им нужно было двигаться, или они будут мертвы через секунды.

Она медленно отодвинула руку от рта Урноса. Она подняла четыре пальца, затем постучала по себе и указала налево двумя. Затем она постучала по его груди и показала двумя направо.

Урнос кивнул. Он был напуган до чертиков.

Она показала ему кулак, и раскрыла его, один... два...

Три.

Они вышли из укрытия вместе, стреляя. Это было простое, эффективное действие, которое рота проделывала множество раз на учениях. Она берет на себя двоих слева, он – двоих справа. Сюрприз был на их стороне.

Проблема была в том, что Урнос, прокляни его воняющую чесноком кожу, не отличал право от лево.

Двое абордажников слева сразу были мертвы. Жукова сняла одного выстрелом в голову, а другой был убит лазерными зарядами из их обоих оружий. Урнос был у нее на пути, пихая ее, пытаясь занять ту половину туннеля, где, полагал он, она сказала,

он должен был быть. Ее следующий выстрел ушел в сторону, а он выпустил два драгоценных заряда в пол.

Ей уже никогда не удастся спросить, был ли он просто тупым, или это страх и напряжение сжали его разум.

Двое рейдеров справа стали незамедлительно отстреливаться, до того, как их товарищи даже упали на палубу. Вспышки из дул замерцали в ограниченном пространстве. Пули понеслись к ним. Урнос получил пулю в лоб и еще одну в щеку, попадания разворачивали его лицо, как в анимации. Он отвернулся от нее, кровь хлестала из его пробитого черепа, ударился о дальнюю стену и сполз вниз, его ноги дрыгались.

Жукова повернулась, решительно, и уложила рейдеров одиночными выстрелами. Она вбежала в дым, пригнулась в тених, и начала стрелять в следующую волну рейдеров, пока они бежали вперед, попадая им в грудные клетки и в боковые части голов.

Она рискнула выглянуть. Еще больше рейдеров приближались к ней. Она выпустила пару выстрелов, и в ответ пришел ливень огня.

С ней рядом никого не было, никого позади нее, даже близко.

Она могла остаться на месте и ждать смерти, или двигаться и сражаться. Это может стоить ей жизни, но это был шанс остановить продвижение врага. Тактика разношерстных отрядов. Она вспомнила лекции Паши. Делай неожиданное. Рискуй. Наноси рану врагу, когда у тебя есть шанс, даже если ты заплатишь за него. Потому что речь не о тебе, а о всей битве. Ты делаешь свою часть, когда можешь. Ты не отступаешь, чтобы смог наслаждаться обозрением битвы, когда она закончится, потому что результат твоего обозрения может быть, вполне вероятно, проигрышем.

Жукова высунулась, стреляя. Она переключилась на полный автоматический огонь. Лазерные заряды вылетали из ее карабина и прорывались сквозь первый ряд рейдеров. Следующий ряд начал падать. Некоторые сделали выстрелы, но они прошли мимо нее.

«Гак вас всех в ад и обратно!» заорала она.

Жукова продолжала стрелять. К черту трату боеприпасов. К черту прицеливание. К черту даже способность видеть. Кровь Урноса была в ее глазах и на всем ее лице.

Абордажники разваливались, как мешки с мясом. Они падали в ее сторону. Трясаясь, Жукова посмотрела на свое оружие. Горел символ тревоги, говоря ей, что ячейка была пуста. Как давно он горел? Опустошила ли она ячейку, убивая?

Абордажники падали в *ее сторону*...

Она заморгала и вытерла кровь со рта трясущейся рукой.

Мколл появился сквозь дым позади тел врагов. Он поднял руку, и поманил ее двумя пальцами.

На общей палубе женщины из свиты собрали детей и стариков в складах и установили барьеры у главных люков, используя кровати. Аятани Цвейл суетился вокруг, помогая раненым, и произнося ободряющие речи, чтобы рассеять страх. Это занимало больше, чем несколько добрых слов.

Йонси не прекращала плакать.

«Все в порядке, все в порядке,» успокаивала ее Юнипер. «Мы будем в безопасности.»

Все было совсем не в порядке. Юнипер могла чутать дым в воздухе, и каждые несколько минут со стороны кормы доносился звук взрыва или грохот, некоторые из них достаточно сильные, чтобы сотрясать палубу. Большинство детей плакали или, по крайней мере, хныкали, но всхлипывания Йонси казались особенно мучительными.

Это не звучало, как страх. Это звучало, как боль.

«Юнипер?»

Юнипер оглянулась и увидела Элоди.

«Что ты здесь делаешь?» спросила Юнипер.

«Я была в лазарете, когда это произошло,» сказала Элоди.

«Но что произошло?» спросила Юнипер.

«Я не совсем уверена,» сказала Юнипер. Она могла видеть, что Юнипер была напугана. «Я подумала, что могу помочь тут внизу. Помочь с детьми.»

Она взяла Йонси с рук Юнипер.

«Хонне ударилась головой,» сказала она, делая жест в сторону женщины, которая лежала в проходе поблизости. «Отнеси ее на койку и посмотри, сможешь ли наложить повязку.»

Юнипер кивнула и поспешила к Хонне.

«Все в порядке, Йонси,» сказала Элоди. Йонси продолжала громко кричать, и это влияло на более юных детей вокруг них.

«Йонси, успокойся,» сказала Элоди. «Ты уже взрослая девочка. Хватит хныкать.»

«Плохая тень,» взывала Йонси.

«Что? Что, дорогая?»

«Мне нужна Тона. Мне нужен мой брат. Мне нужен Папа Гол!»

«Они заняты, Йонси,» сказала Элоди, проводя по волосам Йонси.

«Заняты плохой тенью, потому что она вернулась,» сказала она.

«Что такое плохая тень?» спросила Элоди. Она, на самом деле, не хотела знать. Иногда, воображение детей вызывало ужасы, намного хуже, чем что-нибудь реальное. Иногда ночами, она разубеждала детей от ночных кошмаров, которые холодили ее сердце.

«Мне нужен мой папа,» сказала Йонси, неловко вытирая глаза об ее слишком длинный рукав. «Он знает, что делать. Он знает, как все должно быть.»

«Майор Колеа храбрый солдат,» кивнула Элоди. «Он скоро будет здесь. Я в этом уверена, и он прогонит плохую тень, Йонси.»

Ребенок посмотрел на нее, как будто она была тупая.

«Тень,» сказала она, чрезмерно подчеркивая корректировку. «Папа Гол не сможет прогнать тень. Он не достаточно яркий.»

«Ой, вот как! Гол – умный человек,» сказала Элоди.

«Не *яркий* яркий, глупая,» нахмурилась Йонси. «*Яркий* яркий. Когда Папа приходит, все...»

Она замешкалась.

Элоди улыбнулась.

«Гол скоро будет здесь,» сказала она.

«Ты не понимаешь, так ведь?» спросила Йонси.

«Я... нет, совсем нет.»

«Никто не понимает,» сказала Йонси. «Никто не может видеть во тьме.»

Йонси наклонила голову и посмотрела на широкий, усеянный трубопроводами потолок.

«Она почти здесь,» сказала она. «Плохая тень упадет на нас.»

ВОСЕМЬ: ПЛОХАЯ ТЕНЬ

Вопли были первым доказательством для Вэйнома Бленнера, что он не имеет дело с очередным похмельем.

Он слез со своей койки и, спотыкаясь, вышел в коридор. Казалось, что палуба под небольшим углом. Это было неправильно; палубы космического корабля не наклоняются. У них есть системы, гравитационные что-то-там-такое, чтобы убедиться, что поддерживается горизонтальное положение. Может быть, это его голова под небольшим углом.

В любом случае, это не было идеальным, но это была частная проблема.

«Что, во имя феса, за беспорядок?» прорычал он, схватив Ри Пердэй, когда она спешила мимо.

«Корабль захромал, сэр!» ответила она. Она была напугана.

«Захромал? И что это значит?» спросил он.

Она пожала плечами.

«Клянусь Троном, Пердэй, я не в настроении--»

«Я не знаю, что это значит!» резко сказала Пердэй, ее страх пересилил дисциплину перед лицом старшего офицера. «Так говорят. Кто-то сказал, только что. Кто-то сказал, что мы захромали.»

Бленнер огляделся.

«Что, черт возьми, это за вопль?»

«Перемещение груза,» сказала она. «Люди ранены. И падают.»

Он прошел мимо нее и вошел в тренировочный зал. Инструменты Церемониального оркестра, большинство из которых были упакованы в ящики и кейсы, вылетели из своих упаковок и создали кучу, подобно оползню, на полу. Санитары обрабатывали синяки, порезы и случайно вывихнутые лодыжки.

«Трон Терры!» фыркнул Бленнер. «Я подумал, что кого-то, на самом деле, ранили!»

«Разберите и уложите эту кучу!» крикнул он.

«Мы уже укладывали все, комиссар,» сказала старый капельмейстер, Еролемев. «Для второй инструкции, как приказано. Вы это помните?»

«Мне не нравится твой тон, старик,» резко бросил Бленнер. Еролемев сделал шаг назад, и опустил взгляд. Бленнер сглотнул. Это скользило по его разуму. Он был, как в тумане, но он помнил предупреждение. Корабль работал плохо. Он мог вывалиться из варпа. Затем они смиренно сидели, чтобы полк перешел на вторую.

В какой-то момент, внезапно, он решил вздремнуть.

«Я просто был в своей каюте, проверял записи,» пробормотал он. «Как у нас дела со второй?»

Еролемев сделал жест в сторону Якуба Вайлдера, который разбирался с оркестрантом, по имени Корес. Корес был практически в истерике. На самом деле, большая часть воплей, казалось, исходила от него.

«В чем проблема?» спросил Бленнер.

Корес начал выть что-то.

«Не ты,» проворчал Бленнер. «Ты.»

«Удар сорвал груз,» мрачно сказал Вайлдер. «Хеггерлин сломал руку, а у Кореса, его хауцерфон расплющился.»

«Его инструмент?»

«Это его фамильная ценность,» сказал Вайлдер. «Его, вероятно, невозможно починить. Клапаны сломаны.»

Бленнер вздохнул. Его удовольствие от того, что его назначили ответственным за толпу фесовых идиотов-оркестрантов, которые вряд ли когда-нибудь увидят боевые действия и поэтому награждают его легкой, свободной от резни жизнью, подошло с обратной стороны, а именно с той, что они были толпой фесовых идиотов.

Он размышлял, сколько на них орать, когда дым слегка рассеялся. Наклон палубы, опрокидывание упакованных ящиков, использование Пердэй слова «захромал».

«Ох, фес,» пробормотал он. *Армадюк* вывалился из варпа. Они были в беде.

«Вызови Гаунта,» сказал он.

«Связь сдохла,» ответил Вайлдер.

«Ты послал кого-нибудь к Гаунту?» спросил Бленнер.

Вайлдер полупожал плечами.

«Вы – толпа фесовых идиотов,» сказал Бленнер.

«Комиссар!»

Бленнер повернулся. Гол Колеа вошел в зал, окруженный солдатами из Роты С. Они все были вооружены. Они все выглядели, как настоящие солдаты. У Рервала, адъютанта Колеа и оператора вокса, была повязка на голове, которая была пропитана кровью, а он *все еще* ходил, выполняя долг. Фесовы идиоты-оркестранты.

«Здесь все в порядке, сэр?» спросил Колеа.

«Не совсем, майор,» сказал Бленнер, «и в том, что вы не захотите себе представить.»

Колеа нахмурился.

«Это... с уважением, комиссар, не выглядит для меня, как вторая инструкция.»

«Или для меня,» кивнул Бленнер. «Я думаю, что расстреляю многих из них, за то, что они идиоты.»

«Лучше бы вы поставили на ноги свою Оркестровую Роту и заняли Транзитный Шестой,» сказал Колеа. «Как дела с боеприпасами?»

Вероятно их завались, подумал Бленнер, потому что моя банда вряд ли во что-то стреляла.

«Я проверю,» сказал он.

Он сделал паузу.

«Занять Транзитный Шестой?» спросил он.

«Корабль был взят на абордаж,» сказал Колеа. «У нас враги, продвигающиеся от кормовой секции, от машинного зала.»

Внутренности Бленнера превратились в ледяную воду.

«Взяты на абордаж?»

«Насколько я знаю.»

«Кто координирует? Гаунт?»

«У нас нет централизованной координации, потому что связь лежит, а вокс рваный. Я пытаюсь координироваться с Колосимом и Баскевилем. Они продвигаются в Нижний Транзитный Восьмой. Элам и Аркуда заняли Девятый. Согласно Эламу, в машинном зале бой, и он докладывает о врагах.»

«Что за враги?» спросил Бленнер.

«Ну, враги,» сказал Колеа. «Это все, что я знаю.»

Бленнер кивнул.

«Возьмите себя в руки, майор,» сказал он. Колеа выглядел удивленным, но кивнул.

Бленнер повернулся к членам оркестра. Он был добродушным человеком, но у него был мощный голос, особенно во время кризиса, как например, в шумном баре, когда он хотел выпивку, или когда официант игнорировал его.

«Вы – позорники перед фесовым Императором, да благословит Он всех нас, Трон знает почему!» заорал он. «Нас атакуют, Оркестр! Хватит пердеть своими фесовыми музыкальными инструментами, и приведите себя в порядок! Вайлдер!»

«Посчитать боеприпасы! Всех на склад и обеспечить! Если у кого-нибудь не будет места, вытрясите их вещмешки и даже вещи!»

«Вы кричите, а я прямо перед вами,» сказал Вайлдер.

«Да, черт возьми, я кричу! Я хочу, чтобы Оркестр перешел на вторую инструкцию через две минуты, или я возьму фесов хауцерфон и начну им забивать людей до смерти! Найдите эту Ярость Белладона и найдите ее быстро!»

Оркестранты начали носиться. Бленнер повернулся назад к Колеа.

«Мы будем готовы через пять минут,» сказал он. «Я поведу их, чтобы занять Транзитный Шестой.»

Колеа кивнул.

«Уходим!» сказал Колеа своему отряду. «Да защитит вас Император,» сказал он, посмотрев назад на Бленнера.

Бленнер вернулся в свою каюту. По крайней мере, подумал он, по крайней мере, с Колеа, Колосимом, Эламом и Баскевилем в поле, между ним и врагами будет буфер.

Он нашел бутылочку с таблетками в сундуке. Он принял две, затем третью, для уверенности. Он проглотил их, запив глотком амасека.

Он сможет это сделать. Он был фесовым бойцом Трона. Конечно, сможет.

А если не сможет, здесь было множество мест, чтобы спрятаться.

Далин Крийд был главным, и ему это не очень нравилось. Не было никаких признаков Капитана Мерина – последнее, что говорили, было то, что Мерин ушел в лазарет – так что, хотя здесь было несколько человек старше него по званию в роте, у Далина, как адъютанта, было командование.

Палубная казарма Роты Е гудела. Ему приходилось неоднократно кричать, чтобы получить подобие порядка. Последним полученным приказом было перейти на вторую инструкцию, и это Далин намеревался сделать до того, как он не услышит обратное.

«Обезопасить палубу!» кричал он. «Я хочу наблюдательные посты и отряды у каждого люка! Так же проверьте все залы поблизости! Я хочу знать, кто в каком состоянии все остальные!»

Рота Е начала двигаться с кое-какое целью. Вспомогательный персонал выглядел напуганным. Было множество незначительных травм, но Далин мог видеть, что страх был самой большой проблемой.

«Что вы хотите, чтобы мы делали, сэр?» спросила Жесси Бэнда. Далин не поддался на саркастическое ударение, которое она вложила в слово 'сэр'.

«Помогите всем, кто нуждается в помощи,» сказал Далин. «Попытайтесь успокоить их страхи. Лейр? Нескон? Возьмите группу к дальним люкам и кричите, если кто-нибудь подойдет с кормы.»

Люди кивнули.

Далин хотел направиться к свите и найти Йонси. Он отчаянно хотел знать, что с его маленькой сестрой все в порядке. Но он знал, что не может показать никакого фаворитизма. Ситуацию нужно было взять под контроль, и основной персонал нуждался в—

Он повернулся.

«Разберитесь здесь,» сказал он Бэнде и Велну.

«Куда вы собираетесь?» спросила Бэнда.

«Я сейчас вернусь.»

Частные и зарезервированные каюты были в дальнем конце палубы. Он проталкивался через толкающиеся тела и направлялся в ту сторону. Сын Гаунта, Феликс, располагался в одной из тех кают. Далин знал, что Гаунт хотел бы, чтобы мальчик был в безопасности. Полковник-комиссар совсем ненавидел тот факт, что его отпрыск был здесь. Он ясно дал это понять, прося Далина присматривать за Феликсом.

И Далин хотел проверить. Феликс ему нравился. Он чувствовал, что они стали друзьями. Он слегка был напуган, что та связь, которую он создал, была частью эгоистичного стремления впечатлить и порадовать Гаунта. Ему нравилось отвергать эту мысль, и говорить себе, что он нашел друга, и что Феликс нуждался в товарище, на которого он может рассчитывать, но изводящее сомнение не уходило.

Честно говоря, Далин Крийд желал понять, что именно так сильно привлекало его в Феликсе Меритусе Чассе, и надеялся в своем сердце, что это не была психологическая необходимость впечатлить своего любимого командира.

Он нашел каюту и постучал в дверь.

«Феликс? Феликс, это Далин.»

После короткой задержки, люк открылся, и Далин вошел внутрь.

«Ты в порядке?» начал он.

Феликс сидел на койке, его куртка была накинута на его плечи. Он выглядел бледным и нездоровым. Нахум Ладд открыл Далину дверь.

«Сэр, что вы здесь делаете?» спросил Далин.

«Я пришел проверить Феликса,» сказал Ладд. «Корабль атакован.»

«Я знаю,» сказал Далин.

«Это серьезно, солдат,» сказал Ладд. «Я знал, что полковник-комиссар захочет убедиться, что с Феликсом все в порядке, а все связь отфесана.»

Далин кивнул. Он чувствовал себя раздосадованным. Он и Ладд были почти одного возраста, и, как и он, Ладд старался изо всех сил привязаться к Феликсу. Они стали почти, как соперники, враждующие из-за девушки. Это было глупо, но Далин почувствовал что-то ревнивое, обнаружив здесь Ладда. Он был уверен, чертовски уверен, что Ладда мотивировало то же самое стремление, которого Далин страшился в себе. Сильное желание прикрыть себя в качестве признания и втереться в доверие к Гаунту. Ранее было отмечено, что Ладд и Далин представляют собой новое поколение Призраков, что однажды Ладд может стать старшим комиссаром полка, а Далин настоящим офицером. Однажды, если судьба позволит, и полк просуществует так долго. Они символизировали будущее, будущие кампании, будущих командиров Призраков. И таким образом, оба хотели одобрения и внимания Ибрама Гаунта, которые может принять решения и дать рекомендации, которые могут повлиять на их карьеры. Гаунт был отеческой фигурой для них обоих, и здесь они были поглощены тем, что пытались быть тем человеком, кто 'присматривает' за сыном Гаунта.

У Ладда было высокое положение, конечно же. Он был больше похож на отца, которого они оба пытались впечатлить.

«Ты в порядке?» спросил Далин Феликса.

Феликс кивнул, но было ясно, что он был травмирован.

«Он был сбит с ног жесткость перехода из варпа,» сказал Ладд. «Я нашел его без сознания. Тот шкафчик упал на него.»

«Я в порядке,» сказал Феликс. «Просто потрясен.»

«Ему было голодно,» сказал Ладд.

«Мы должны отвести его в лазарет,» сказал обеспокоенно Далин. «Гаунт--»

«Корабль атакован,» сказал Ладд. «Мы понятия не имеем, какие палубы захватил враг. Передвижение без приличных сил будет плохой идеей. Я решил, что лучше присматривать за Феликсом здесь, пока не минует критическое положение.»

«У меня есть Рота Е--» начал Далин.

«Хорошо. Тогда обезопась люки, ведущие к корме и прикрой задние коридоры. Это то направление, откуда они придут.»

Далин замешкался.

«Ну же, рядовой,» сказал Ладд.

«Это был приказ?» спросил Далин.

«Да,» сказал Ладд. «Мерин не с тобой?»

Далин помотал головой.

«Значит это твой день славы, солдат – ты командуешь. Заблокируй коридоры. Поставь баррикады, если сможешь. Главный центральный проход здесь ведет прямо к ангарам свиты, а там женщины и дети, которым нужна защита.»

Далин кивнул.

«Ты точно уверен, что в порядке?» спросил он Феликса.

«Да. Иди.»

Далин кивнул и вышел.

Ладд закрыл дверь за ним и обернулся к Феликсу.

«Ты же не расскажешь ему, так ведь, Нахум?» спросил Феликс.

«Что?»

«Что ты увидел, когда нашел меня--»

«Я ничего не видел,» сказал Ладд.

«Я серьезно, Нахум. Никто не должен знать. Никто не знает, кроме Маддалены. Никто не должен знать--»

«Успокойся,» сказал Ладд. «Я ничего не видел.»

«Мы должны проверить,» сказал Баскевиль. «Так ведь? Мы должны проверить.»

Шогги Домор пожал плечами.

«Думаю так, Баск,» ответил он.

Баскевиль и Домор вели свои роты – D и K, соответственно – по широким ангарам и грузовым трюмам нижних палуб *Армадюка*. Интервокс корабля был мертв, но по отрывочным переговорам по ротным передатчикам стало понятно, что их взяли на абордаж, и что абордажники продвигались от кормы, в частности от машинного зала. Несколько ненадежных источников сообщили, что масштабный бой уже шел на пути в машинный зал, и по запаху дыма в сухом воздухе, Баскевиль склонялся дать этой истории некоторое доверие. Другие источники предполагали, что абордажные войска были каннибалами. Пустотными монстрами, жаждущими плоти. Баск был счастлив отвергнуть это, как паникерство, хотя он прожил достаточно долго, чтобы знать, что ужасы Галактики обычно превосходили самые худшие воображения человека.

Его рота соединилась с ротой Домора скорее по случайности, чем специально. План, каким и был, был постепенно продвигаться к корме, пока они не войдут в контакт с врагом. Насколько Баск знал, шесть рот продвигались к корме из своих казарм. Он с Домором решили пойти маршрутом вдоль брюха корабля через грузовые секции, в

то время, как Колосим и Элам пойдут вдоль главных транзитных путей верхних палуб. 'Исчерпывающий охват', назвал это Ферди Колосим. Это имело смысл. Не было никакого смысла маршировать к машинному залу только для того, чтобы обнаружить, что уроды-каннибалы захватили мостик, пройдя по грузовым отсекам. Элам советовал проверять каждый отсек, когда они будут входить в него. Абордажники могли оставить отряды для засад. А еще хуже, они могли найти другие точки входа, и роиться незамеченными.

Баск и Домор, распределив свои отряды по огромному и запутанному грузовому трюму, проверяли каждую камеру и отсек, которые проходили.

Они достигли грузового трюма девяносто.

«Мы должны проверить,» сказал Баск, как будто убеждая себя. Он с Домором посмотрели на печати, которые Комиссар Фейзкиель и офицеры капитана прикрепили на замки. Грузовой трюм девяносто был тем местом, где они разместили все материалы и артефакты, забранные из Предела Спасения во время рейда, нечеловеческие артефакты, взятые в убежище Архиврага. Фейзкиель сделала опись, и существующим приказом было то, чтобы материалы оставались опечатанными и неприкасаемыми во время обратной поездки, готовыми для немедленной передачи высшим властям.

Это было до того, как корабль вывалился из имматериума и пришел к мертвой, беспомощной остановке.

«Может быть, мы должны просто оставить это в покое,» сказал Домор. «Я имею в виду, эти штуки... Это плохие штуки, так ведь? Фесовые злые Архивражеские штуки.»

«Ага,» кивнул Баск, «и, кроме того, достаточно важные, чтобы мы доставили их все. Гаунт говорит, что это может быть жизненноважно для войны. Вот почему мы все это везем назад с собой. Если они прорежут внутреннюю стену...»

Домор пожал плечами.

«Поставить здесь кордон!» крикнул он. «Приготовить винтовки!»

Чирия и Эулер подвели поближе огневую команду, целясь в люки.

Домор вытащил свой серебряный клинок и срезал первую печать. Затем он применил болторез к замкам. Баск взял монтировку у Веса Маггса. Как только Домор закончил, Баскевиль поднял тяжелую заслонку люка.

Они открыли люк.

«Энергии нет,» сказал Домор, смотря внутрь.

«Ага, но ты что-нибудь видишь?» спросил Баск. Глаза Домора, сложная аугментика, жужжала и щелкала, пока глаза обыскивали темноту.

«Я думаю, что несколько коробок упали,» сказал он. «Несколько ящиков.»

«Босс?»

Баскевиль повернулся. Вес Маггс, старший разведчик его роты, нашел электрический ящик в закрытой нише неподалеку.

«У нас здесь аварийное освещение,» сказал он.

«Включай,» кивнул Баск.

Внутреннее освещение зажглось с глухим стуком. Голубое аварийное освещение вырвалось в открытый люк.

Баскевиль поднял свой лазган.

«Давай хорошо посмотрим,» сказал он, «затем снова опечатаем.»

Он с Домором вошли в трюм девяносто, следом за ними Фейпс и Чирия. Материалы были упакованы в коробки и разложены на металлических стеллажах. На каждой картонной коробке был ярлык, инвентарный номер, и предупреждения насчет порчи и перемещения. Фейзкиель была доскональна.

Две полки упали во время перехода из варпа, и картонные коробки были рассыпаны по палубе. Баск увидел глиняные таблички, некоторые целые, некоторые сломанные, среди упаковочного наполнителя, вместе с планшетами, маленькими статуями и четками, и старыми обрывками пергамента. Всего лишь некоторые из нечестивых сокровищ, ради которых они рисковали своими жизнями, утащенных из коллегии наследования Предела.

«Мы должны убратся здесь,» сказал Домор.

«Я не хочу к этому прикасаться,» ответил Баск.

«Ну, мы не должны просто оставлять это, как есть, если это настолько ценно,» сказал Домор.

«Я думаю, что мы должны. Мы не знаем, что и где лежало. Здесь никого нет, так что я говорю, что мы снова закроем это все. Когда вся неразбериха закончится, Гаунт с Харком придут сюда с описью и все будет на местах.»

Домор кивнул. Он выглядел облегченным.

«Сэр?»

Баск повернулся. Его адъютант, Фейпс, вошел в следующую комнату.

«Здесь еще кое-что упало,» крикнул Фейпс. «Я думаю, вы должны увидеть это.»

Баскевиль и Домор пошли к нему. Во второй комнате еще три картонных коробки упали с полок на палубу. Еще свитки и старые книги, и несколько отвратительно выглядевших банок с образцами. Баскевиль не хотел думать, что может быть в них.

«Какого феса?» начал Домор.

Баскевиль сделал шаг вперед. Он не смог придумать никакого готового объяснения. Восемь древних каменных табличек выпали из одной картонной коробки. Они были расположены почти на идеальных линиях на палубе: ряд из четырех над рядом из трех, с одной табличкой в центре над ними.

«Они так упали,» сказала Чирия, как будто пытаясь убедить себя.

«Рядами?» спросил Фейпс.

Таблички были идеально расположены, как будто кто-то скрупулезно и осторожно разложил их так. Ни одна из них не выбивалась из порядка.

«Как...» пробормотал Домор. «Как это произошло? Как это вообще могло произойти?»

Баскевиль встал на колени рядом с рядами. Он пристально смотрел на них. Он вспомнил яростные усилия, чтобы забрать все в грязной коллегии Предела. Он вспомнил, как Гаунт говорит ему, что Маббон признал эти каменные таблички, как вещи особенной важности. Артефакты ксеносов, невозможно древнего изготовления. Каждая табличка была размером со стандартный планшет, и сделана из блестящего красного камня. Они все были повреждены и потерты от времени, а у одной отсутствовал значительный кусок. Они были покрыты надписями, которые Баскевиль не мог понять.

«Здесь никого не было,» сказал он. «Вы видели печати. Здесь никого не было. Должно быть, они просто упали так--»

«Это кусок феса,» сказал Домор.

«У тебя есть лучшее предположение?» спросил Баск, подняв на него взгляд.

«Ни одного, которое я бы хотел озвучить,» пробормотал Домор.

Баскевиль потянулся рукой в сторону табличек.

«Не трогайте их!» закричала Чирия. «Вы с ума сошли?»

«Я не--» ответил Баскевиль, отдернув руку. Но это была ложь. Он собирался прикоснуться к ним. Ему нужно было прикоснуться к ним, даже если прикосновение было последней вещью, которую он хотел сделать.

Он поднялся на ноги.

«Они выглядят, как аквила,» сказал Фейпс.

«Что?» спросил Баскевиль.

Фейпс указал.

«Так, как они лежат, сэр. Крылья, видите, и тело? Как орел, с распростертыми крыльями. Сэр?»

Баскевиль больше не слушал своего адъютанта. Он пялился на таблички на полу. Они лежали, как символ орла.

Он тяжело сглотнул. У него появилось внезапное, болезненное воспоминание. Пополнение припасов... отмененное пополнение припасов на Айгоре 991. Там был демон. *Нечто*. Нечто *плохое*. Они слышали голос. Ладно, не *он*, но Рервал слышал. Сначала Рервал, затем Гол. Гол сделал полный отчет насчет этого. Голос заявлял, что он голос Сека.

Он требовал, чтобы они принесли ему *орлиные камни*.

Они отбились от... от *чего бы это ни было*, и отменили пополнение. Гол отменил пополнение припасов, и он предоставил полный отчет Гаунту. Никто не мог предложить объяснения, и к тому же, это, в любом случае, было дерьмо варпа. Ты никогда не уделяешь внимание дерьму варпа и бреду Архиврага, потому что это уверенный путь к безумию.

Но это... Эти камни на палубе. Камни, про которые фегат говорил, что они драгоценны, лежали в форме орла.

«Трон сохрани нас,» прошептал он.

«Сэр?» спросил Фейпс.

«Запечатать,» сказал Баск. «Запечатать. Принесите горелку и заварите дверь. Мы вернемся к этому, когда минует кризис.»

Домор посмотрел на него, затем повернулся и вышел, зовя солдата с горелкой.

Баскевиль посмотрел на Фейпса.

«Посмотри, сможешь ли заставить вокс работать,» сказал он адъютанту. «Вызови Гаунта. Расскажи ему, что мы нашли тут. Не приукрашивай. Просто прямо ему скажи, что мы нашли здесь и как это выглядит. Потом спроси его, что он хочет, чтобы мы с этим сделали.»

«Гаунт?»

Гаунт отошел от стратегиума и подошел к Керт. Она все еще работала с хрупким телом Спайки, делая массаж.

Он присел рядом с ней.

«Есть пульс,» прошептала она.

«Да?» ответил Гаунт.

Она кивнула. «Я не хотела выкрикнуть это и дать этим людям ложную надежду. Он слабый. Абсурдно слабый. И он может исчезнуть в любое мгновение. Но пульс есть.»

Гаунт кивнул.

«Я хочу посмотреть, сможем ли я поддерживать его еще пять или десять минут,» прошептала она. «Если я смогу, я рискну переместить его в лазарет. Ему нужна немедленная операция. Обходной клапан. Хотя, его мозг, может быть, уже мертв.»

«Я попрошу Крийд подготовить носилки.»

«Хорошо,» сказала Керт.

«Если ты вернешь назад капитана,» сказал Гаунт, «ты сделаешь поразительную--»

«Не покровительствуй мне,» сказала она, не отрывая взгляд от работы. «Это мое призвание. Жизнь нужно спасти. Я пришла сюда.»

Гаунт встал. Вокруг дисплея стратегиума началась внезапная суета.

«В чем дело?» спросил он.

«Я оцениваю,» сказал Дарулин. «Что-то только что...»

«Что-то что?»

«Отмотать назад,» сказал Дарулин техноадепту. «Тридцать секунд.»

Изображение на главном дисплее замерцало, когда отматывалось от текущего времени к записанным данным. Гаунт не увидел отличия.

«Смотрите сюда,» сказал Дарулин. «Вражеский корабль, находящийся в семнадцати тысячах километров от нас, приблизительно. Корабль-носитель.»

Он прикоснулся к дисплею, делая маленькую тактильную отметку рядом с темной точкой вражеского крейсера.

«Вперед покадрово, одна сотая скорости,» сказал Дарулин адепту.

Данные начали проигрываться. На четырехсекундной отметке, темная точка была заменена точкой белого света. Точка света расширилась, а затем исчезла. Не было никаких признаков черной точки.

«Что я только что увидел?» спросил Гаунт. «Взрыв?»

«Разрешение сенсора очень плохое,» сказал Дарулин, «но, да. Вражеский корабль только что взорвался. Полное уничтожение.»

«Но он был больше, чем мы,» сказала Крийд.

«Был,» согласился Дарулин.

«И, что... несчастный случай с двигателем?» спросил Гаунт.

«Что это?» спросил Келведон, потянувшись, чтобы указать.

Еще одна темная точка, большая по размеру, появилась в зоне видимости. Она двигалась мимо точки, где исчезла другая точка. Она ускорялась в направлении *Армадюка*.

«Это корабль,» сказал Дарулин. «Очень большой корабль.»

«Время, когда он достигнет нас?» спросил Гаунт.

«Он уже рядом с нами,» сказал Дарулин. Он повернулся к команде мостика. «Я хочу опознание, сейчас же! Сейчас же!» закричал он.

«У нас есть изображение,» крикнул Келведон.

Что-то приближалось к ним, что-то настолько огромное, что оно затмевало свет местной звезды. Оно отбрасывало огромную тень на поврежденный, беспомощный *Армадюк*. Свет на мостике изменился, когда тень скользила по ним, накрывая внешние иллюминаторы темнотой.

«Мы в его тени,» тихо сказал Дарулин. Мостик стал спокоен и очень тих. Не было никаких звуков, кроме скрежета воздушных систем, щелкания автоматических систем и случайного свиста системы дисплея.

Внезапно ожил вокс. Кричащий шум громко доносился из каждого динамика. Все вздрогнули и закрыли уши.

Оглушительный шум стал словами. Голосом, который был нечеловеческим. Голосом, который эхом отдавался в шахтах.

«тормагеддон монструм рекс! тормагеддон монструм рекс! тормагеддон монструм рекс!»

«Демонический корабль у Солнца Тависа,» заикаясь произнес Келведон.

«Вражеский боевой корабль,» кивнул Дарулин. Он выглядел бледным, смирившимся.

Крийд посмотрела на Гаунта, пораженная ужасом. «Сэр?»

«У нас еще нет щитов, или...» голос Гаунта затих. Имя все еще грохотало в динамиках, снова и снова, монотонно повторяясь. Гаунт мог видеть взгляд Действующего Капитана Дарулина.

«Извините, полковник-комиссар,» сказал Дарулин. «Какой бы надежды у нас не было раньше, она исчезла. Мы пойманы, беспомощные, в прицел боевого корабля врага, который намного превосходит нас размерами и классом во всех поддающихся измерению значениях. Нам конец.»

ДЕВЯТЬ: КРОВАВАЯ ЦЕНА

Единственными звуками были треск пламени и вздохи противопожарной системы, когда она пыталась активироваться. Секция коридора была в состоянии низкой энергии. Порванные кабели свисали, как веревки кишечника, из покореженных потолочных панелей. Плыли искры.

Рейдеры Архиврага пробирались вперед, мягкое свечение из щелей их визоров вспыхивало и металось. Они были передовым отрядом, грабителями, кто пробивался глубоко в корабль-жертву, чтобы уничтожить любое сопротивление впереди основных сил. Они были более защищены броней на груди, плечах, руках и животах, сегменты брони были залатанными и обожженными лазером. Их оружие было инструментом зачистки: дробовики, роторные пушки, лазлоки с широким дулом и большие булавы.

Они производили удивительно мало звука, пока продвигались. Их длинные, грязные одеяния приглушали колебания надетой брони, а металлические части их перчаток были обмотаны тряпками. Они общались жестами и краткими переговорами по сабвоксам, легчайшим шепотом.

Они были хороши. Опасны. Незаметны.

Мколл был впечатлен. Он надеялся, что примерно так же будет впечатлен навыками скрытности Капитана Жуковой, пока рейдеры приближались. Они вжались в техническое углубление, узкий межпалубный канал. Здесь едва хватало места, что дышать. Это было просто место, чтобы спрятаться.

Оба крепко держали свое оружие, готовые выдвинуться и стрелять. Мколл вполглаза наблюдал за Жуковой, готовый предотвратить любое движение или звук, которые они может сделать, что может выдать их местоположение. Она хорошо контролировала свое дыхание, но ее глаза были широкими. Она была напугана. Это было хорошо. Напугана – это хорошо. Солдат, который заявляет, что он не напуган, не слишком то и солдат.

Наблюдая за их приближением, Мколл посчитал. Он мог видеть, по меньшей мере, дюжину крадущихся вперед врагов, и они располагались так, что можно было предположить, что они были острием наступления, а не отдельным отрядом. И что

это значило? Тридцать? Пятьдесят? Если у них был здравый смысл, тогда поблизости у них были люди с тяжелым оружием и орудия с расчетами. Так бы делали это Призраки, а у этих дьяволов, казалось, было много здравого смысла и много навыка.

Мколл был хорош, но пытаться уничтожить тридцать плюс врагов было самоубийством. Если бы у него были несколько гранат, чтобы заставить их отступить и рассеяться, это могло бы улучшить положение вещей. Но гранаты в туннельном бое были плохой идеей. Он оглушит себя, и еще ослепит, вероятно. Любое преимущество, которое могли бы дать ему взрывы, будет сразу потеряно.

Он увидел жест одного из рейдеров. Они открывали боковые люки и отсеки, пока продвигались. Мколл подумал, что они засекли его и Вергхастку, но они двигались к другой стороне коридора, приближаясь к люку в отсек в восьми метрах по левую сторону.

Один подошел, и разрезал замок термическим резаком. Другой резко открыл люк. Он открылся с металлическим воплем. Мколл слышал крик, умоляющий голос.

Рейдеры выпустили грохочущие выстрелы из дробовиков в дверной проем, затем вошли внутрь. Еще выстрелы, приглушенные.

Они нашли экипаж корабля. Кочегаров, вероятно, или техноадептов, прячущихся в единственном убежище, которое смогли найти. Рейдеры систематически убивали их.

Один вырвался. Мичман в изорванной форме Флота, раненый в руку. Он выбежал, крича, в коридор. Один из рейдеров, ждущих снаружи, убил его выстрелом из дробовика. Грохот оружия перекрыл вызывающий ужас удар разорванного тела мичмана, ударившегося о стену коридора.

Жукова бросила взгляд на Мколла. Ее глаза были еще шире. Он знал этот взгляд. «Мы должны помочь--»

Мколл покачал головой.

Мы не можем их спасти. В этом случае мы не сможем спасти себя. Они в любую минуту обнаружат нас...

Мколл жестами показал Жуковой. *Ты. Стой здесь. Жди.*

Она нахмурилась.

Он повторил это, и добавил жест для выразительности.

Она кивнула.

Он мог проскользнуть через коридор к массивной переборке на другой стороне. Если их все равно найдут, а их найдут, две стрелковые позиции будут лучше, чем одна.

Они могут открыть перекрестный огонь, и прикрыть друг друга с разных углов.

Лучшая зона обстрела. Она понимала это. Она понимала, что убежать было невозможно, и никакого смысла не было притворяться, что они могут остаться нераскрытыми.

Мколл приготовился передвигаться. Рейдеры все еще были заняты зачисткой бокового отсека. Их внимание было направлено. Бедные души, которых вырезают, могут дать Мколлу и Жуковой отсрочку, чтобы занять лучшую позицию.

Внезапно рейдеры прекратили свою работу по зачистке. Мколл наблюдал, как они замерли, и, все до одного, посмотрели вверх. Казалось, что они к чему-то прислушиваются.

Он напряг палец на спусковом крючке винтовки. Это собиралось начаться. Им нужно выжать все лучшее из своей плохой позиции. Если в Галактике есть какое-нибудь милосердие, Император защитит.

Защитит их достаточно долго, чтобы они, по крайней мере, набрали приличный счет. Чтобы сделали хороший счет, это все, чего он сейчас желал.

Мколл услышал крошечный, приглушенный свист сабвокс. Рейдеры напряглись, а затем двинулись прочь, быстро, назад в направлении, откуда пришли.

Он ждал. Был ли это трюк?

Он подождал еще. Он не слышал ничего, кроме треска огня.

Он двинулся, чтобы выйти из ниши. Жукова крепко схватила его за руку. Он посмотрел назад на нее, сделал знак ободрения открытой рукой.

Мколл выскользнул наружу. Он пошел вперед, с винтовкой у плеча, двигая прицелом. Вокруг не было никого, кроме дымящегося трупа несчастного мичмана. Куда, черт возьми, они подевались?

Он бросил взгляд назад. Жукова была позади него, с карабином у щеки, осторожно передвигаясь.

«Чисто?» прошептала она.

«Мы это выясним,» ответил он.

Сначала он не воспринимал ее всерьез. Вергхастцы были хорошими солдатами. У них, как правило, отсутствовала искусность Танитцев, но они легко сравнивались с ними в сердцах и отваге. Некоторые из самых лучших солдат в полку были Вергхастцами. Но Жукова казалась ему слишком молодой, слишком красивой, слишком мягкой, слишком высокомерной. Классический пример амбициозного, с хорошими связями, политически продвинутого Гвардейского офицера, что Мколл видел слишком много раз за свою карьеру. Все слова, все замечания, все приказы, были направлены на то, что ожидалось, что другие сделают всю грязную работу, потому что у них отсутствовал талант и характер, чтобы сделать это самим.

Ему пришлось слегка пересмотреть это. Она была на передовой сегодня, и не дрогнула. У нее голова была на месте. И она была такой же тихой и решительной, как фес. Ее внешность противоречила факту, что она была первоклассным солдатом. Он подумал, что было досадно, что ей вообще дали звание. Она бы преуспела в полевой специализации.

«Куда они ушли?» спросила Жукова.

«Я не знаю,» сказал Мколл.

«Они быстро уходили,» сказала она.

Он кивнул.

Они дошли до следующего перекрестка. Впереди, и по обе стороны, коридоры были пусты. Только мусор, признаки повреждений, несколько небольших костров.

«Что-то происходит,» тихо сказал Мколл.

Они пошли по туннелю вперед. В дальнем конце противовзрывные двери были изогнуты наружу. Дым плыл в рваную брешь. Мколл прислонился спиной к стене коридора и медленно сполз по нему, так, чтобы он мог лучшим образом целиться в брешь и держать угол. Жукова прикрывала его с другой стороны, в нескольких шагах позади. Идеальная позиция.

Металл заскрипел. Погнутый противовзрывной люк отогнулся и сорвался внутрь к ним, когда что-то прошло в него, разрывая толстую пластину, как мокрую древесину.

Мколл снял палец со спускового крючка в самый последний момент. Он уже собирался крикнуть Жуковой, но она выпустила три лазерных заряда в центр массы входящей твари.

Затем она прекратила стрелять.

Идвайн из Серебряной Гвардии кратко посмотрел вниз на выжженные отметины от выстрелов на пластине на туловище. Его громада заполнила разорванный дверной проем.

«Излишне,» отметил он, его голос был мягким шепотом в динамиках шлема.

«М-мои извинения,» ответила Жукова, опуская карабин. «Лорд, я подумала, что вы--»

«Заметно,» сказал Идвайн. Он сделал два шага вперед. Каждый шаг ощущался так, как будто кто-то таранит палубу. Они слышали микро-вой силовых систем его брони, когда они изгибались.

«Дальше ничего?» спросил он Мколла, возвышаясь над Танитским разведчиком.

«Там было много,» сказал Мколл, «но они быстро отступили около пяти минут назад. Направились в эту сторону.»

«Я встретил нескольких,» сказал Идвайн. «Они больше не живут. Другие быстро уходили к кормовым секциям.»

«Что это значит?» спросила Жукова, осмелившись подойти к гигантскому воину Адептус Астартес.

«Это значит, что что-то происходит,» ответил Идвайн. «Что-то странное.»

Мколл бросил взгляд на Жукову.

«Я ж тебе говорил,» сказал он.

«Что-то происходит,» сказала Ойстин, вслушиваясь в наушники ее передатчика вокса.

Харк и Короли-Самоубийцы стояли вокруг нее, наблюдая.

«И как ты в точности можешь описать это?» спросил Роун.

«Неправильное?» предположил Варл.

«Стало тихо,» сказала оператор вокса, «я имею в виду, на самом деле тихо, на минуту или две, а затем передачи возобновились. Они стали безумными. Никакой разговорной дисциплины.»

«Мы должны пойти туда,» сказал Бонин. Кардасс с согласием кивнул.

«Я полагаю, что у вас тут особенные обязанности,» сказал Харк, «и я полагаю, что Майору Роуну не нужно напоминать вам об этом.»

«Не нужно,» спокойно согласился Роун. Он пристально смотрел на Ойстин. Он думал, и это заставляло его выглядеть более опасным, чем обычно.

«Хотя, Мах прав, не?» проворчал Бростин. Огнемечник сидел в дальнем углу карцера, номинально присматривая за входным люком. Его громада не вмещалась на складном брезентовом стуле. Его засаленный огнемеч лежал у его ног, готовый развернуться, как ручная змея.

«Объясни?» спросил Харк.

«Если нам конец,» сказал Бростин, «если кораблю конец, я имею в виду... 'напрочь отфесаны' ... тогда охрана как-его-там не так уж и важна.»

Он бросил взгляд на Маббона.

«Без обид, ваша нечестивость,» добавил он. Маббон не ответил.

«Если это наш последний причал, мы должны погибнуть сражаясь, как ублюдки,» продолжил Бростин. «Спустить на них фесов ад, пока они душат нас, вместо того, чтобы прятаться в фесовом тюремном блоке.»

«Если честно,» сказал Варл, «это то, что большинство из нас делают всю свою жизнь.»

«Не смешно, сержант,» сказал Харк.

«В какой-то степени смешно,» тихо сказал Маббон.

«Если нам конец,» сказал Бонин, «мы должны погибнуть с остальными. Рядом с остальными. Сражаясь. Предстать перед Троном хорошо себя показав.»

«А когда мы этого не делали?» спросил Кардасс.

«И если есть шанс, что мы переживем это,» сказал Бонин, «тогда еще одно подразделение на острие увеличит этот шанс.»

«Особенно наше,» сказал Варл.

«Может быть, мы им нужны прямо сейчас,» сказал Кардасс. «Мы можем быть силой, которая имеет значение.»

Харк посмотрел на Роуна.

Роун вздохнул.

«У нас есть долг,» сказал Роун. «Четкие приказы защищать и охранять. Я не собираюсь заканчивать свои дни, отвергая недвусмысленный фесов приказ.»

Он посмотрел на Маббона.

«Но мы можем решить, как лучше всего применить этот приказ,» сказал он. «Может быть лучше всего защитить нашего подопечного – это убратся отсюда и многих поубивать.»

«Вы должны сделать это девизом вашего подразделения, майор,» сказал Маббон.

«Я хочу больше информации,» сказал Роун. «Я хочу знать, как изменилась ситуация.»

Маббон поднялся на ноги с металлического стула, на котором они позволили ему сидеть. Окруженный по бокам ЛаХурфом и Варлом, он потащился обратно к передатчику вокса, звеня кандалами.

Ойстин нервно протянула наушники. Маббон пожал плечами и улыбнулся в ответ. Его скованные руки не позволяли ему поднять гарнитуру к уху.

«Ради феса,» проворчал Варл, и забрал гарнитуру у Ойстин. С выражением отвращения, он прижал одну чашечку наушника к правому уху Маббона и стал держать.

Маббон наклонил голову вперед, слегка ссутулившись, и вслушался.

«Суматоха... множество разговоров...» сказал он. «Ойстин права. Дисциплины нет, и это необычно. Субзвуковые и вокс переговоры В'хедуака обычно упорядочены и экономны. Там паника.»

«Паника?» сказал Харк.

«Мы надрали им задницы, так ведь?» улыбнулся Варл.

«Нет,» сказал Маббон, все еще слушая. «Я могу уловить передачи от лидеров подразделений и отрядов, пытающихся утихомирить панику. Они... они постоянно утверждают, что корабль захвачен, несмотря на сопротивление, и что абордажные силы должны продолжать идти к своим точкам и закончить задания. Они...»

«Они что?» спросил Роун.

«Они говорят кое-какие нелестные вещи о своих Имперских врагах,» сказал Маббон извиняющимся тоном. «О том, как вы близки к уничтожению. Я не хочу переводить. Это просто ругательства, чтобы стабилизировать боевой дух.»

Он еще послушал.

«Но отряды захвата бегут. Они нарушают порядок и отступают. Они бросают свои попытки захватить корабль. Они... им больше не нужен корабль. Они опасаются за свои... жизни. Они чего-то боятся.»

«Нас?» спросил Роун.

«Нет, майор,» сказал Маббон. Он отошел от передатчика вокса.

«Они боятся великого разрушителя,» сказал он. «Они боятся *Тормагеддон Монструм Рекс.*»

ДЕСЯТЬ: ПОСЕТИВШАЯ СМЕРТЬ

Безмерный, боевой корабль Архиврага скользил в сторону беспомощного Имперского судна. Двигатели реального пространства *Тормагеддона Монструма Рекса* лениво пульсировали в звездном свете, рыча кругами красного света, который мерцал и колыхался, как умирающие солнца. Широкая форма боевого корабля, расширяющаяся назад к зазубренным крыльям летучей мыши, была практически полностью неосвещенной, и его чернота закрывала собой звезды, как будто пустота, отражающая и излучающая ничто, стала живой.

Кожухи его батарей отодвинулись, как веки. В открытых орудийных портах оружие включилось и начало сиять подобно фонарям по краям корабля, когда энергия начала питать кабели и генераторные каналы орудий. Красный вулканический свет пульсировал, когда осветил корабль изнутри, румяный свет внутри обуглено-черной кожи и кости корпуса монстра.

Он все еще бормотал свое имя, как отдаленное неровное дыхание какого-то океанического чудовища.

«Орудийные станции вражеского корабля заряжены!» пропел адепт, отвечающий за поступление данных.

«У нас есть оружие?» потребовал Гаунт.

Дарулин помотал головой.

«Все контрольные системы огня не работают,» ответил он. «Мы не можем привести оружие в готовность или прицелиться--»

«Тогда, щиты?» спросил Гаунт.

«Ждите,» сказал Келведон. Он занял место у ближайшей консоли с Мастером Охраны и тремя техноадептами. Адепты пытались наладить что-то типа байпаса, их аугментические руки порхали над группами контрольных устройств. Ноосферические обмены сообщениями шипели между ними, пока они яростно обменивались информацией. Гаунт мог слышать пiski на грани слышимости.

«Некоторые щиты по левому борту могут быть жизнеспособны,» сказал Келведон.
«Техники перенаправили через вторичные кабели.»

«Это его не остановит,» предупредил Мастер Техники. «Уровни энергии слишком значительны для вторичных ветвей, чтобы питать их.»

«Но мы все равно это попробуем?» спросил Гаунт.

Мастер Техники посмотрел на него, искусная металлическая радужка его оптики расширилась с легким жужжанием.

«Конечно, солдат Гвардии,» сказал он, «потому что больше ничего не осталось, чтобы попробовать.»

«Энергия на три!» провозгласил Келведон.

«Зажечь щиты,» приказал Действующий Капитан Дарулин.

«Щиты, так точно!»

Раздался глубокий, низкий стон, хтоническая басовая нота, более глубокая, чем мог произвести любой храмовый орган. Мостик завибрировал. Свет приглушился.

«Щиты!» крикнул Келведон.

Экраны вокруг центральной части мостика стали красными, ожили с янтарными предупреждающими рунами.

«Щиты отказали,» вздохнул Келведон.

Мастер Техники проверил свою консоль.

«Энергетические флуктуации были слишком большими,» сказал он. «Мы не можем поддерживать целостность щита. Щиты мертвы.»

Феликс поднялся на ноги. Свет разгорался и затухал.

«Что за чертовщина происходит?» спросил он.

«Я не знаю,» сказал Ладд, «но это не может быть хорошо.»

Эзра ап Нихт сидел на платформе, смотря сверху на главный машинный зал. Он забрался по металлическим лестницам, чтобы избежать худшего. Пожары горели в отсеке внизу, а палубы были усеяны телами. Сражение было яростным. Он потерял воинов Адептус Астартес из виду. Сражение пронеслось по главному залу во вторичные отсеки за ним. Он все еще мог слышать выстрелы малокалиберного оружия и случайный грохот болтеров.

Он не мог ясно понять, была ли победа или поражение. В любом случае, казалось, что корабль погиб. Он мог слышать, что могучие системы хрипят и кашляют.

Инстинктивно, он знал, что какому бы пути они не следовали, он скоро должен был закончиться.

Тормагеддон Монструм Рекс заговорил. Три из его заряженных батарей зажглись и выплюнули, послав копыа раскаленной добела энергии в раненый *Высочество Сир Армадюк*. Удары поразили кормовую секцию, выбросив огромные конусы света и обломков.

Извергая пар и горящий газ, *Армадюк* снова начал поворачиваться.

Гаунт поднялся с палубы мостика. Вокруг него зал шумел.

«Мы мертвы?» крикнул он.

Большинство дисплеев погасли, включая световое изображение стратегиума. Сервиторы заливали несколько консолей газом из огнетушителей, пока офицеры оттаскивали раненых.

«Мы ослепли! Данных нет!» крикнул Мастер Техники.

«Ну, очевидно, мы не мертвы,» сказала Крийд. «На самом деле, не мертвы.»

Она порезала щеку, когда упала на палубу. Она вытерла кровь.

«Мы получили три попадания,» сказал Дарулин. «По меньшей мере, три.»

«Попадания в корму,» согласился Келведон.

«Чтобы повредить двигатели?» спросил один из офицеров.

«Они что, играют с нами?» спросил Гаунт. «Дарулин, они играют с нами? Это спорт? Отсрочивают нашу кончину?»

«У меня нет никакой информации, сэр,» беспомощно ответил Дарулин. Он рявкнул приказы адептам вокруг него, и они пошли к стратегиуму, чтобы починить и перезапустить.

В динамиках мостика снова заговорил *Тормагеддон Монструм Рекс*. Он больше не произносил монотонно свое имя.

«Что это означает?» спросила Керт. «Он объявляет требования?»

«Это тяжело перевести,» сказал Маббон Этогор.

«Серьезно, попробуй,» посоветовал Варл, держа для него гарнитуру.

Маббон бросил взгляд на Призраков, окружающие его в карцере. Было невозможно прочесть выражение его лица.

«Тогда, грубо, он говорит, 'То, которое рождено, должно жить',» сказал он.

«Что это?» спросил Роун.

«Это неясно,» ответил Маббон. «Слово 'рожден' может быть так же использовано в смысле 'сделан' или 'изготовлен', а форма слова 'жить' может, так же, означать 'выжить' или 'продолжаться'. Значит... это может быть так же понято, как, 'То, что было сконструировано, должно остаться целым'.»

«Что это?» спросил Харк.

«Нет,» сказал Маббон, прижимая ухо к гарнитуру, которую держал Варл. «Он это повторяет, как молитву. 'То, что было сделано, должно остаться целым... отпрыск Великого Мастера...'»

«Отпрыск?» сказал Харк, подходя ближе.

«Опять же, это открыто для интерпретаций,» сказал ему Маббон с извиняющимся пожиманием плечами. «Слово 'отпрыск' может означать сделанную вещь, или ребенка, или что-то призванное. Это женского рода...»

«Что, как дочь?» спросила Ойстин.

«Нет, я думаю, нет,» сказал Маббон. «Вещи женского рода. К кораблям, например, относятся, как к 'ней'. Подтекст – любое значимое творение.»

Он сделал паузу.

«Что?» резко бросил Роун. «Что еще?»

«Он только что сказал,» сказал Маббон, «он сказал, 'Все это будет волей того, чей голос заглушает все остальные.'»

Он посмотрел на Варла и покачал головой. Варл опустил гарнитуру.

«Он прекратил говорить,» сказал Маббон.

«Я напугана!» всхлипывала Йонси. «Я хочу, чтобы пришел Папа!»

Элоди крепко ее держала. Она не знала, что сказать.

«Ну же!» крикнул Гаунт на адептов Флота, ремонтирующих стратегиум. Они бросили на него взгляд, озадаченные.

«Выкрикивание приказов может хорошо служить в Астра Милитарум, сэр,» сказал Мастер Техники, «но на Флоте мы предпочитаем более эффективную систему ободрения и поддержки.»

Гаунт уставился на него, а затем сделал шаг назад и пожал плечами.

«Полковник-комиссар уже показал достоинства динамизма в этот кризис,» сказал Дарулин Мастеру Техники. «Он намного больше контролировал себя, чем любой из нас. Поскольку это сейчас мой корабль...»

Его голос затих, и он бросил взгляд назад на тело Спайки на палубе поблизости, где Керт все еще ухаживала за ним.

«Это сейчас мой корабль,» повторил он. «И в таком случае... заставьте работать этот чертов стратегиум!»

Вздрогнув от его ярости, адепты возобновили работу с возросшей энергией.

«Первичная оптическая связь разорвана, мастер,» доложил один из адептов.

«Запасные части обнаружены в грузовом ангаре пятьдесят,» сказал другой, читая опись, которую ноосфера показывала перед его глазами.

«Для этого нет времени,» сказал Дарулин. «Поставьте мост. Срастите! Сейчас же!»

Адепты замешкались.

Мастер Техники оттолкнул их в сторону. Он протянул руки и стал держать свои аугментированные руки над открытым кожухом стола стратегиума. Цепкие кабели, такие же тонкие, как бечевка, и такие же гибкие, как змеи, вытянулись из углублений на его кистях и червями проделали путь в сложный механизм, прикрепляясь и соединяясь.

«Соединение установлено,» сказал он. «Временная операционная связь на месте. У вас, приблизительно, четыре минуты.»

Гаунт бросил взгляд на Дарулина.

«Мастер Техники поставил мост,» сказал Дарулин. «Его собственная биомеханическая система стала запасным компонентом.»

«Активировать,» приказал Мастер Техники. Подали энергию. Он трясся и дрожал, но оставался стоять. Гаунт мог видеть слабый ореол утечки тепла, окружающий его.

«Это выглядит опасным,» сказал Гаунт.

«У всего есть предел,» ответил Дарулин. Он подошел к стратегиуму, ввел код допуска, и дисплей ожил.

Они уставились на него.

«Разрешение ухудшено,» сказал Дарулин. «Получение данных ниже по сравнению с тем, что у нас было раньше.»

Они изучали дисплей. Блоки машинного текста и кода плавно скользили на гололите вокруг трехмерного изображения *Армадюка*. Это были кости корабля, скелетная диаграмма. Гаунт мог видеть три ярких раны вокруг кормовой секции корабля, точки

повреждения, которые светили так ярко, что данные были отрицательными. Зона вокруг них была затуманена фрагментами несвязанных данных.

«Это дефекты изображения?» спросил Гаунт.

«Нет,» сказал Дарулин. «Это лучшее, что стратегиум может сделать, чтобы изобразить поле обломков.»

«Значит, в нас сильно попали?»

Далин нахмурился.

«В нас вовсе не попали, сэр,» мягко сказал он.

«Что?»

«Эти три точки попаданий... это останки от трех абордажных кораблей, которые прицепились к нам. Вражеских рейдеров выжгли с нашего корпуса.»

«Вы сейчас серьезно?» спросил Гаунт.

«Этот?» спросила Крийд, указывая на хищную тень вражеского корабля, который маячил над *Армадюком*. Он был настолько огромным, что только маленькая его часть вырисовывалась на сферическом поле дисплея.

«Да,» сказал Дарулин. «Вражеский боевой корабль уничтожил наших врагов. Он... он сберег нас.»

«Спас нас?»

«С великолепной точностью. Кажется так.»

«Зачем?» сказал Гаунт. «Зачем?»

«Это засвидетельствованный факт, что логика и склад ума Архиврага чужды нам,» сказал Келведон.

«Я знаю это лучше, чем многие,» сказал Гаунт. Он сделал шаг назад. Он осознал, что его трясет. Это была паника. Он работал на адреналине, наплыве, который, с которым он проходил годы войны и битв. Но сейчас он ощущал страх, неподдельный страх. Не страх перед опасностью, или перед безысходностью войны. Это был ужас.

Ужас перед неизвестным. Простая неспособность постичь и измерить темную работу Галактики. Он мог сражаться с физическим врагом, несмотря ни на что. Практическую проблему можно было атаковать и ликвидировать. Но это было непостижимо для него, и он презирал это чувство. Не было никакой логики. Чем сильнее он всматривался в это, тем меньше логики в этом было.

«Возможно--» начала Крийд. Все посмотрели на нее.

«Возможно,» сказала она, «это связано с территорией. Как банда против банды. Мы враги для обоих, но они совсем не друзья. Возможно, большой громила хочет нас для себя.»

«Замечание не лишено смысла,» кивнул Дарулин.

«Значит, мы должны ожидать новый абордаж с боевого корабля?» сказала Крийд. «Я имею в виду, перегруппироваться и подготовиться снова отражать атаку?»

Гаунт кивнул.

«Если это его намерение,» сказал он. «Да, так будет мудро. Какую защиту мы сейчас можем организовать--»

«Сэр!» произнес Келведон.

Дарулин обернулся, чтобы посмотреть.

«Вражеский корабль разрядил свои орудия,» сказал Келведон, изучая тактический дисплей. «Он перенаправляет энергию на двигатели.»

На дисплее, гигантская тень начала двигаться.

Боевой корабль Архиврага, черный, как ночь, начал двигаться. Звездный свет сверкал на голых металлических контрфорсах, которые линовали угольно-черный корпус. Его острый нос поднялся, как выпрыгивающий из воды кит, затем он плавно заложил вираж и рванул в глубокий космос.

Поврежденные сенсоры *Армадюка* отслеживали его путь по тепловому следу, пока он удалялся от них прочь на шестьдесят, восемьдесят, тысячу километров.

Затем Мастеру Техники пришлось отсоединиться от стратегиума ради собственной безопасности. Его плоть начала дымиться, и он больше не мог формировать членораздельные слова. Дисплей стратегиума погас.

К тому времени, *Тормагеддон Монструм Рекс* уже был в миллионах километров, исчезнув в звездном поле.

ОДИННАДЦАТЬ: МИР-КУЗНИЦА УРДЕШ

Гром прокатился по Великому Заливу Элтата. Был пик лета, и воздух был покрыт дымкой, которая делала низкое, широкое небо ярко-серым. Кучи облаков, бегущие над широким заливом и морем за ним, были, как перевернутые горы, темные и зловещие, как фантомы. Молнии шипели, как вены в мертвой плоти неба.

Это был не конец летнего шторма, хотя изменения в погоде предполагались до наступления ночи. Это была электромагнитная ударная волна от того, что большой корабль входил в атмосферный слой.

Замедляясь, *Высочество Сир Армадюк* скользил сквозь облачный покров, войдя в жесткий солнечный свет, омываемый потоками дождя. Он оставил длинную борозду в системе облаков позади себя, как палка, которую провели по старому снегу, дорожка, которой понадобится несколько часов, чтобы исчезнуть.

Он низко опустился над морем. Он быстро летел, выходные отверстия его двигателей реального пространства сияли синим, но он, так же, хромал. Это был залатанный выживший, покрытый швами и сваркой, его сломанная челюсть была наглухо завязана проволокой после битвы. Понадобилось шесть недель, чтобы добраться до Урдеша, и эта поездка была осуществлена, благодаря безумным ремонтам на ходу, постоянным упрашиваниям, отчаянным компромиссам и чистой силы воли.

В атмосфере, он производил ужасный шум: жужжащие, вибрирующие, грохочущие вопли запыхавшихся двигателей, усталой механики и напряженных гравитационных систем. Его звук грохотал над заливом, как рваный гром, как барабан, наполненный свинцом, который пинком скинули с длинной лестницы.

Его громада была уродливой, почерневшей и обожженной. Три огромных раны шрамами украшали его перегретые борта, и один из четырех двигателей реального пространства не работал, черная впадина, из которой вытекали тонны жидкой сажи и воды. Он оставлял длинный, грязный след из испарений и маслянистого черного дыма за собой, дым, который вырывался из выхлопных труб, как дым из трубы локомотива. Куски грязного льда отшелушивались от его корпуса, пока воздух обдирает его, забирая краску и покрытие корпуса с собой. Куски льда улетали прочь,

падая, как глубинные заряды в океан внизу, так что для береговых наблюдателей *Армадюк* выглядел так, как будто он осуществляет бомбардировку с малой высоты.

Пар облегал его верхнюю часть корпуса, кружась в зоне пониженного давления, и следа дикой статики вспыхивали и схлопывались вокруг его мачт.

Он летел вдоль залива. К западу от него, находившийся на гравитационном якоре на высоте в полтора километра над морем, боевой корабль *Наяд Антитор* располагался, как плывучий континент, наполовину скрытый морским туманом, Имперский крупный боевой корабль размером в девять раз больше, чем непреклонный *Армадюк*.

Три перехватчика класса Фауст, которые направляли *Армадюк* сквозь флотилию, заполонившую высокую орбиту, вылетели из облаков боевым строем, и снова заняли свои места в качестве наконечника стрелы, летя впереди *Армадюка* и моргая своими фонарями. *Наяд Антитор* запульсировал своими главными прожекторами. Вокс-связь вопила приветствиями корабль-корабль. Пролетая мимо носа *Наяд Антитора* на расстоянии десяти километров, *Армадюк* заморгал своими прожекторами, отдавая формальный салют. На обоих кораблях, экипажи стояли и творили символ аквилы, смотря в направлении другого корабля, когда *Армадюк* пролетел рядом со своим прославленным кузеном.

Эскадрилья Ударов Молний, в серебряных с красным цветах Второго Хеликсидского, поднялась с взлетных палуб *Наяд Антитора* и выскользнула из его брюха, как осы из потревоженного гнезда. Они полетели на низкой высоте над серой водой, оставляя шипящие брызги за собой, а затем поднялись и заняли порядок по обе стороны от быстро летящего *Армадюка*, формируя почетный эскорт из сотни самолетов.

Впереди, Великий Залив начал сужаться к индустриальным предместьям из сухих и мокрых гаваней и огромных верфей Элтата. Холм огромного города, доминирующий над полуостровом, возвышался вдали. Солнечный свет выхватывал флаги, штандарты и мачты, которые венчали Урдешский Дворец на вершине.

Грохочущий *Армадюк* опустил ниже, сбрасывая скорость. Его капитан сдержал его быстрое продвижение, уменьшив подачу энергии, чувствуя, что корабль нашел

последний всплеск ускорения, как уставшая лошадь или гончая при виде дома и укрытия.

Он пролетел над портом, сбрасывая скорость. Под ним, водные корабли оставляли белые линии на море, которые светились розовым и красновато-коричневым с цветом водорослей. Южный берег, примыкающий к порту, был разлинован заброшенными пищевыми фабриками и скоплениями огромных ржавеющих лодок, которые когда то перерабатывали водоросли в еду. Множество десантных кораблей Астра Милитарум, серых и покрытых обшивкой, как жуки, висели на низком якоре над блестящей гаванью. Торговые лодки носились вокруг них по воде или порхали вокруг их бронированных корпусов, как энергичные птицы.

Затем они оказались над землей, над береговой полосой города. Безмерные сухие доки, похожие на соборы без крыш, в некоторых были меньшие по размеру корабли для ремонта. Бесконечные амбары и склады Муниторума и династические ремесленники. Башни и заводы Механикус, расположенные пучками, как грибы в лесу, вокруг основания вулкана. Огромные доки и гравитационные дворы верфи, похожие на секции морских гигантов, с обнаженными структурными ребрами, каждое из которых огромно, укрепленные углубления в склоне горы, ожидающие космические корабли. Наблюдательные башни. Орудийные батареи в бункерах у Низкого Острия и Восточного Холма и Сигнальной Точки. Башенные эмиттеры купола щита и их шпили связи, торчащие из отвесных склонов, как шипы из позвоночника животного. Скелетообразные пустоши нефтяных заводов, торчащие из зловещих вод Восточного Предела, раскинувшегося на сто шестьдесят километров.

Армаджок снова замедлился. Его двигатели реального пространства начали уменьшать обороты, их сияние уменьшилось, и грохочущий звук от корабля слегка уменьшился. Гравитационные системы и маневровые двигатели включились, заставив медленно зависнуть невообразимо массивный объект над башнями Элтата. Звук от корабля, даже уменьшенный, эхом отдавался от стен города. Окна дрожали в своих рамах.

Эскорт из Фаустов устремился прочь, моргая фонарями в качестве отдания чести, когда они рванули в космос на форсаже. Хеликсидские Удары Молний стались с замедлившейся громадой *Армаджока* немного дольше, снизив скорость почти до

нуля. Затем они тоже разлетелись, выстроившись в ленты, и полетели назад к своему родительскому кораблю.

Буксиры, медленные, как черепахи, появились в зоне видимости, прикрепляя магнитные линии и тяжелые кабели к боевому кораблю, и потащили его в последний путь. Армадюк теперь крался, проходя мимо высочайшими шпилями города, так близко, что человек мог выйти из люка сразу на балкон.

Начали звучать горны и сирены.

Южный конец крытого дока номер восемь, гигантские ворота, стонали, когда широко открывались, открывая интерьер дока – обширную ребристую полость, открытую небу. Ряды направляющих огней моргали вдоль нижней части дока. Воздух покалывал, так как мощная гравитационная колыбель работала. Воздух завыл и затрещал, когда гравитационное поле ползущего корабля стало тереться о гравиметрический буфер дока. Армадюк отключил двигатели. Направляющие буксиры, подобно тучным стеведорам, протащили корабль последние несколько сотен метров.

Связи отсоединились. Буксиры поднялись из дока и повернулись. Врата дока закрывались, снова формируя заднюю стену похожего на гроб дока, в котором находился корабль.

Армадюк замер, медленно отключая свое гравиметрическое поле, пока системы дока принимали на себя его вес. Корпус и каркас застонали, и распределение веса сместилось. Плиты трескали и изгибались. Местами, заклепки отлетали от давления, а швы на корпусе рвались, и из них вырывался газ и грязная жидкость, которая лилась на пол дока.

С последней, вымученной дрожью, Армадюк прекратил двигаться и замер, поддерживаемый монолитными колоннами и гравиметрической чашей дока. Массивные гидравлические балки выдвинулись из стен дока, чтобы поддерживать корабль с боков. Их усиленные торцы грохотали по корпусу со стуком тяжелых магнитов, закрепляясь.

Наконец, наступила тишина. Пульсация двигателей и гудение корабля исчезли. Единственными звуками были сирены в доке, скрежет выдвигающихся пешеходных

мостиков, грохот погрузочных машин, катящихся на своих платформах, и расплескивание жидкостей, вытекающих из корпуса в дренажные системы неосвященного пола дока.

С долгим выдохом, *Армадюк* открыл свои люки и воздушные шлюзы.

Затем разразилась буря. Гром грохотал над заливом, над Элтатом и над Урдешским Дворцом. Над Крытым Доком Восемь, небо превратилось в раннюю темноту, и начался дождь. Он виделся, как белый веер в лучах прожекторов дока, освещавших корабль. Он шипел на охлаждающемся корпусе, превращался в пар, когда попадал на обтекатели двигателей. Он гудел, как звуки тысяч крошечных бубнов, когда попадал на невидимую подушку гравитационного поля, и превращался в туман.

Он стекал по залатанному и шероховатому корпусу *Армадюка*, смывая копоть и ржавчину в таких количествах, что вода превращалась в красную до того, как упасть.

Для некоторых в доке и на рампах, это выглядело так, как будто дождь промывает боевые раны старого корабля, купает его уставшие кости, и совершает помазание за его очень запоздалое возвращение. Сильный дождь грохотал по брезентовым крышам металлических мостиков, которые вытянулись к воздушным шлюзам корабля. Гаунт вышел наружу на один из пешеходных мостиков, чувствуя, как его металлическая конструкция слегка закачалась. Он увидел дождь в лучах прожекторов дока, которые освещали *Высочество Сир Армадюк*. Он ощущал свежий воздух. Он пал грязью и сыростью, но это был свежий воздух, воздух планеты, а не воздух на корабле – первый, который он вдохнул за год.

Десять лет, поправил он себя... *Одиннадцать*.

У начала пешеходного мостика была активность. Он начал идти вниз по узкому пешеходному мостику, игнорируя темную бездну дока, которая разверзлась внизу.

Собиралась группа приветствия. Гаунт видел чиновников Муниторума, окруженных охраной с легкими пиками. Почетная гвардия из восьмидесяти Урдешских штурмовиков стояла на платформе дока идеальными рядами в безукоризненной стойке «смирно».

Гаунт сошел с мостика на платформу дока. Мокрый рокрит захрустел под его сапогами. Сейчас, когда он уже не был под брезентовой крышей мостика, дождь падал на него. На нем была его униформа и длинный плащ.

Кто-то выкрикнул приказ, и Урдешские солдаты резко и синхронно встали, держа свои винтовки вертикально перед собой, отдавая честь. Офицер вышел вперед. На нем был белый с черным Урдешский камуфляж, а его отличительные знаки обозначали его, как полковника.

«Сэр, добро пожаловать на Урдеш», сказал он, сотворив символ аквилы.

Гаунт кивнул и сделал официальный жест в ответ.

«Я – Полковник Казадер», сказал человек, «Семнадцатый Урдешский. Мы чтим ваше возвращение. Как вы и приказали, агенты ордоса и Механикус ожидают, чтобы забрать ваш груз.»

«Я проконсультирую их напрямую», сказал Гаунт. «Есть специфические вещи, которые я не включил в свое сообщение. Вещи, упоминание о которых не должно содержаться ни в одной передаче, даже зашифрованной.»

«Я понял, сэр», сказал Казадер. «Служители ордоса так же готовы забрать ваш актив под охрану. Если, он, конечно, все еще жив.»

«Он жив», сказал Гаунт, «но не будет никакого перемещения заключенного, пока я не встречу со служителями и пока сам не убежусь в их пригодности.»

«Их...?»

«Что они не собираются убить его, полковник», сказал Гаунт. «Многие пытались, и они включали в себя людей, носящих розетту.»

Казадер слегка поднял брови.

«Как пожелаете, полковник-комиссар», сказал он. «Вы, явно, осторожный человек.»

«Это, вероятно, объясняет, почему я прожил так долго», сказал Гаунт.

«На самом деле, сэр, мы предполагали, что вы мертвы. Давно мертвы.»

«Десять лет мертв.»

«Да, сэр,» сказал Урдешец.

«Я никогда не терял веру.»

Гаунт повернулся. Голос шел из теней неподалеку, из-под навеса дока. Фигура вышла в дождь, окруженная помощниками и персоналом. Охрана с легкими пиками пошла шаг в шаг, и их фонарики осветили лицо человека.

Гаунт сначала его не узнал. Он был стариком, хрупким и с серой бородой, как будто голубая нательная броня, которая была на нем, держала его вертикально. Его длинный плащ был окантован золотом.

«Никогда,» сказал человек. «Ни разу за десять лет.»

Гаунт отдал честь с прямой спиной.

«Лорд генерал,» сказал он.

Бартол Вон Войтц подошел нос к носу к Гаунту. Он все еще был большим человеком, но его лицо было разлиновано болью. Дождевые капли капали с его тяжелой бороды.

Он мгновение смотрел Гаунту в глаза, а затем обнял его. В его объятиях было огромное намерение, но очень мало силы. Гаунт не знал, как отреагировать. Он стоял, чувствуя себя неловко, пока генерал не отпустил его.

«Я им всем говорил, что ты вернешься,» сказал Вон Войтц.

«Рад вас видеть, сэр.»

«Я им говорил, что смерть – это не фактор в вычислениях Ибрама Гаунта.»

Гаунт кивнул. Он подавил желание высказать резкую реплику. Яго был в прошлом, далеко в прошлом для Вон Войтца, чем для Гаунта. Генерал был приличным другом и союзником в ранние дни, но он ужасно использовал Гаунта и Призраков на Яго. Раны и потери все еще были свежи.

По крайней мере, для Гаунта. Для Гаунта, они были свежи на пять лет. Для Вон Войтца прошел долгий срок, и жизнь, явно, одолевала его другими проблемами.

Вон Войтц, очевидно, не видел сдержанности на лице Гаунта. Кроме того, глаза Гаунта стали нечитаемы.

Глаза, которые у меня есть только из-за тебя, Бартол.

Вон Войтц осмотрел его сверху донизу, как отец, приветствующий ребенка дома после долгой учебы в школе, изучая его, чтобы увидеть, как он вырос.

«Ты – герой, Брам,» сказал он.

«Это слово применяется слишком свободно и слишком часто, генерал,» сказал Гаунт.

«Чепуха. Ты вернулся в чести и славе. Чего ты достиг...» его голос затих, и он покачал головой.

«У нас будет время все обсудить,» сказал он. «Обсудить многие вещи. Подробный отчет и тому подобное. Много чего обсудить.»

«Мне дали понять, что магистр войны желает получить мой доклад.»

«Так и есть,» кивнул Вон Войтц. «Как и все мы.»

«Канцелярия магистра войны устроит аудиенцию,» сказал помощник рядом с Вон Войтцем.

«Ты помнишь моего человека, Брам?» сказал Вон Войтц.

«Тактик Байота,» кивнул Гаунт. «Конечно.»

«Теперь Главный Тактический Офицер, Группа Пятой Армии,» кивнул Байота. «Рад вас снова видеть, полковник-комиссар.»

«Я хотел быть одним из тех, кто встретит тебя, Брам,» сказал Вон Войтц, «лично, когда ты ступишь на твердую землю. Потому что мы команда.»

«Команда.»

«Штаб в суматохе, знаешь ли,» сказал Вон Войтц. «Какую ты создал шумиху. Но я настоял, что это должен быть я.»

«Я не ожидал, что мой спуск на берег будет засвидетельствован лордом генералом,» сказал Гаунт.

«Другом, Ибрам,» сказал Вон Войтц.

Гаунт замешкался.

«Если вы так говорите, сэр,» ответил он.

Вон Войтц мгновение изучал его. Дождь продолжал капать с его бороды. Он печально кивнул, как будто признавая право Гаунта на обиду.

«Да, в самом деле,» тихо сказал он. «Я так сказал. Этот разговор мы должны провести за парой стаканов амасека. Не здесь.»

Он посмотрел вверх в дождь.

«Это не самое гостеприимное место. Я прошу прощения, что место твоего возвращения не более великолепная сцена.»

«Что есть, то есть,» сказал Гаунт.

«Не только погода, Гаунт,» повернулся Вон Войтц и положил руку на плечо Гаунта, как будто собирался повести его во внутренние помещения под доком. «Урдеш,» сказал он. «Это кровавое месиво.»

Гаунт слегка напрягся.

«Когда вы используете слова, как ‘месиво’, Бартол,» сказал он, «это всегда преуменьшение. Эвфемизм. И я тотчас ожидаю, что за этим последует какое-то описание того, как Призраки смогут вытащить вас из этого ценой своих жизней.»

Настала тишина, кроме стука дождя в доке и по навесам.

«Я заявляю, сэр,» сказал Казадер, «что человек не должен так говорить с лордом генералом. Вы обязаны немедленно извиниться и--»

Вон Войтц резко поднял руку.

«Спасибо вам, Полковник Казадер,» сказал он, «но мне не нужно, чтобы вы защищали мою честь. Полковник-комиссар Гаунт всегда говорит то, что у него на уме, и поэтому я ценю его, а, так же, именно поэтому он все еще полковник-комиссар. То, что он сказал, было правдой, подкрепленной горячим темпераментом, без сомнения, но, все-таки, правдой.»

Он посмотрел на Гаунта.

«Урдешская Война будет закончена благодаря хорошей тактике и сильному командованию, Гаунт,» сказал он. «Она ничего не потребует от тебя или твоих людей. Реальное месиво – это крестовый поход. Образ действий изменился, Брам, и эти дни, вероятно, лучшее время для правды и откровенного разговора. Это такой момент, Брам, один из таких моментов, которые запоминает история.»

«Мое отношение со временем и историей слегка исказились, сэр,» сказал Гаунт.

«Вы испытали провал во времени, так ведь?» спросил Байота.

«Авария при переходе из варпа,» сказал Гаунт.

«Ты пропустил время,» сказал Вон Войтц, «но это время теперь может быть твоим. Оно должно принадлежать влиятельному человеку.»

«У меня есть влияние?» спросил Гаунт.

Вон Войтц тихо засмеялся.

«Больше, чем ты даже можешь представить,» ответил он, «и будет еще больше. Давай поговорим, где-нибудь подальше от этой омерзительной погоды.»

ДВЕНАДЦАТЬ: БЕЗОПАСНОЕ МЕСТО

Под собой, сквозь сильный дождь, Гол Колеа наблюдал, как Армаджук избавляется от своего содержимого.

Он стоял на наблюдательной платформе, расположенной высоко на суперструктуре корабля. Платформа автоматически выдвинулась, когда открылись люки корабля. Внизу, как муравьи, медленные процессии людей шли по накрытым мостикам в док, и тяжелые машины везли вниз паллеты, нагруженные грузами и материалами.

Он чувствовал холодный воздух, слабо затуманенный нефтепродуктами и дождем. Он чувствовал холодный ветер на коже. Это был не дом, потому что он больше никогда его не увидит, но это был дом. Это напоминало ему высокие стены Улья Вervун.

В той жизни, тогда, он побывал на высоких стенах улья несколько раз. У такого человека, как он, шахтера с границ суперулья, нечасто были причины или разрешение, чтобы посетить такую господствующую позицию. Но он хорошо помнил вид. Его жена любила это. Когда они впервые сошлись, он иногда сохранял бонусные деньги, чтобы позволить себе заплатить за пропуск на Панорамную Аллею, для ее удовольствия. Он даже сделал ей там предложение. Это было задолго до того, как появились дети.

Мысли о его детях причиняли ему боль. Гол ненавидел то, что он ощущал страх и боль каждый раз, как они появлялись в его мыслях. Хотя в этот раз это ощущалось не так, прошло десять лет, как он повел десант на Айгор 991 для пополнения запасов. Десять лет с тех пор, как он услышал голос. Целых десять лет с тех пор, как голос сказал ему, что он был проводником для демонов, и что ему нужно принести орлиные камни или его дети погибнут.

Ужас от того дня задержался в нем. Он пытался выкинуть это из головы. Когда ты сражаешься на передовой против Архиврага, Губительные Силы пытаются обмануть тебя и осквернить тебя постоянно. Он говорил себе, что все это было: обманом варпа. Он так же сделал доклад Гаунту, о голосе и что он требовал, но не обо всем остальном. Как он мог доложить об этом? Ради своих детей, как он мог признать, что был обречен?

Затем был инцидент в ангаре во время abordaja. Баскевиль все рассказал ему об этом. Казалось, что, весьма вероятно, теперь они знали, что представляют собой 'орлиные камни'. Теория Баска, и соответствующие мнения, все были засекречены, чтобы стать частью официального доклада Гаунта верховному командованию. Теперь они были в безопасности на Урдеше, все дело будет передано властям, людям, которые знали, что делают, не таким рядовым пехотинцам, как он.

Если ужасными вещами в грузовом отсеке были орлиные камни, значит они, несомненно, были драгоценными артефактами. Был некий смысл в том, что проклятый Анарх Сек захочет вернуть их, и будет пытаться манипулировать, чтобы добраться до них. Согласно начальным данным, Сек был здесь, на Урдеше, возглавляя силы врага. *Ладно, ублюдок. Я принес тебе камни, как ты просил. Теперь ты можешь оставить меня в покое. Оставить меня и моих детей в покое. Мы больше не часть этого.*

«К тому же,» громко прорычал он в дождливое небо, «прошло *десять лет.*»

Колеа вздохнул.

Он был достаточно высоко на корабле, чтобы смотреть за стены дока на город и залив. Он был серыми очертаниями в дожде, линия горизонта была усеяна точками света. Он немного знал об Урдеше, за исключением того, что это был мир-кузница, и он был знаменит, и он предоставлял хороших солдат, с некоторыми из которых он сражался рядом в Сиренхольме. Они не были самыми дружелюбными душами, но Колеа уважал их военное мастерство. Урдешцы были упрямыми и гордыми, сражающимися за дух своего мира, мира, который переходил из рук в руки слишком много раз и слишком часто становился театром военных действий. Он это понимал. Он понимал гордость человека, преданного своему родному улью.

Это был прекрасный вид. Сильное место. Пейзаж, к которому мог привязаться человек. Ливи это бы понравилось, стоять здесь под дождем, смотреть на...

«Гол?»

Он повернулся. Баскевиль появился из люка, чтобы найти его.

«Что у нас?» спросил Колеа.

«Выгружено около двух третей,» ответил Баск. «Администратум предоставил нам жилье примерно в десяти километрах отсюда. Полку и свите.»

«Казармы?» спросил Колеа.

Баскевиль сверился с планшетом. «Нет, жилые дома.»

«Как так?»

«Видимо основные лагеря Милитарума уже заполнены солдатами, ожидающими отправки на передовую, кроме того, из города массово эвакуировали население, так что нам дали квартиры в реквизированных жилых блоках.»

«Где передовая?» спросил Колеа.

Баскевиль пожал плечами.

«Ладно, давай пошлем несколько командиров рот вперед, чтобы проверить наше жилище. Крийд, Колосима, Пашу, Домора.»

«Капитана Крийд, ты имеешь в виду?» спросил Баск.

«Чертовски верно. Давно пора. Скажи им осмотреть место и составить приличный порядок расселения, чтобы никто не начал ссориться из-за своих жилищ. И давай отправим Мколла проверить местность и составить нам отчет о безопасности.»

«Это не передовая, я так понял,» улыбнулся Баскевиль.

«Никогда не помешает,» оскалился в ответ Колеа. «Сколько раз вещи менялись за ночь и кусали нас за задницу?»

«Джентльмены?»

Они подняли взгляды от планшета, когда Комиссар Фейзкиель присоединилась к ним. Она подняла воротничок своего плаща против дождя.

«Медицинский персонал прибыл, чтобы вывезти с корабля наших раненых. По крайней мере, тех, кто все еще не может ходить.»

«Таких же немного, да?» спросил Колеа.

«Около дюжины. Раглон, Кант. Чертовски рада, что Даур встал на ноги.»

«Майор Паша тоже,» сказал Колеа.

Фейзкиель кивнула. «Я сделала вывод, что Спетнин и Жукова удручены. Они только начали привыкать к управлению отрядами Паши.»

«Что насчет капитана?» спросил Баскевиль.

«Они забрали его в лазарет Флота в Страже Элтата,» сказала она. «Я откровенно удивлена, что фес все еще жив.»

«Я удивлен, что мы все всё еще живы,» сказал Баскевиль.

«Точно,» согласилась Фейзкиель. «У вас обоих есть свободное время? У нас посетители, и я бы была признательна за моральную поддержку кого-нибудь из старшего офицерского состава.»

«Вы уходите, соуле?» спросил Эзра.

Сар Аф кратко бросил на него взгляд, затем закончил инструктировать команды сервиторов, транспортирующих ящики со снаряжением Адептус Астартес. В ангаре не было никаких признаков Идвайна или Холофернэса.

«Считай ушел,» сказал Сар Аф, подойдя к Эзре, как только раздал инструкции.

«Обязанности закончены, и я никогда не остаюсь на одном месте долго.»

«Гаунт, он будет--» начал Эзра.

«Идвайн отправил ему сообщение о нашем отбытии,» сказал Сар Аф. «Мы слишком долго задержались на этой миссии. Предполагалось, что она продлится шесть недель.»

Эзра кивнул.

«Идвайн уже отбыл,» добавил Сар Аф. «Отправился лично встретиться с магистром войны. Змей тоже ушел. Вероятно, его братья вовлечены в здешнюю войну, и он отправился найти их. Он будет рад снова увидеть их, и присоединиться к ним в новом рискованном предприятии.»

«А ты, соуле?» спросил Эзра.

Сар Аф ухмыльнулся.

«Архивраг давит близко,» сказал он. «Я чую, что есть убийства, которые нужно сделать.»

Он указал на рейнбоу, висящий на ремне на плече Эзры.

«Значит, нашел свое оружие?»

«Сломано, но я починил его,» сказал Эзра.

«Достань себе нормальную вещь,» сказал Белый Шрам. «Что-то, что навсегда остановит врага.»

«Это останавливает врага,» сказал Эзра.

Сар Аф пристально посмотрел на него.

«Я не хорошо читаю лица. Ты печален, Нихтгейнец?»

Эзра покачал головой.

«Ух, это хорошо. Люди могут быть слишком сентиментальными. Они вкладывают излишние эмоции в расставание и все такое. Разделение – это не конец. Жизнь – всего лишь путь впереди, так что ты иногда оставляешь вещи позади себя.»

«Нет сентиментов,» сказал Эзра. «Это было путешествие, и мы прошли его.»

Белый Шрам кивнул. Со скручивающим движением, он расцепил замок своей правой перчатки и снял ее, чтобы обнажить голую руку.

«Это правильно, Нихтгейнец,» сказал он. Он протянул руку и Эзра пожал ее.

«Следуй своему пути, Эзра Ап Нихт,» сказал Сар Аф. «Только ты можешь его пройти.»

Он снова застегнул свою перчатку, надел шлем с гидравлическим щелчком, и последовал за командой сервиторов из ангара, не оборачиваясь.

«Вы можете мне показывать какие угодно бумаги,» сказал Роун, «но Рота S не передаст его, пока я не получу приказ от своего командующего офицера.»

«Ваш тон на грани высокомерия, майор,» сказал Дознаватель Синдре из Ордо Еретикус. Большой отряд Урдешских солдат заполнил коридор в карцер позади него.

«Не для него,» сказал Варл дознавателю. «Там, определенно, был 'фесовы' перед 'бумаги'.»

У Синдре было очень узкое, бледное лицо и очень голубые глаза. Его черная униформа была безукоризненно чистой, неприукрашенной, за исключением золотой с рубиновым розеттой на отвороте лацкана. Он улыбнулся. В ограниченном, темном пространстве бронированного карцера, его голос звучал, как медленная утечка газа.

«Я ценю серьезность, с которой вы выполняете свои обязанности, майор,» сказал он. «Надзор за заключенным – это обязанность уровня альфа. Вы достойны похвалы. Но высший командный состав крестового похода и канцелярия ордоса одобрили его немедленное перемещение в безопасную тюрьму Инквизиции. Приказ был ратифицирован двумя лордами милитантами и старшим секретарем Инквизиции здесь, на Урдеше, за шесть часов до того, как вы вообще приземлились.»

«Гаунт не сообщал никому, что заключенный был все еще с нами,» сказал Роун. Он говорил медленно и звучал благоразумно. Его люди знали, что это всегда был тревожный знак. «Я знаю, как факт,» сказал он, «что информация, которую он передал при приближении к системе, была экстремально ограниченной и не содержала в себе никакой конфиденциальной информации.»

«Разумный ход,» ответил Синдре. «Архивраг близко, и он слушает. На самом деле, есть некоторая обеспокоенность среди старшего командного состава в том, что детали вашей продолжительной миссии еще не были предоставлены. Они ожидают полный доклад вашего старшего офицера.»

«Который он предоставит лично, по тем же причинам безопасности,» сказал Роун.

«Мы, тем не менее, сделали предположение,» сказал Синдре. «Если Гаунт, после всего, жив, значит, заключенный тоже может быть жив, и так далее, и тому подобное...» Синдре пожал плечами и улыбнулся. Казалось, что он улыбается слишком много. «Таким образом,» сказал он, «предполагая, что он жив, заранее были сделаны и авторизованы приготовления для немедленной передачи. Просто на случай, что животное выжило.»

«В сторону,» сказал Виктор Харк. Он вошел в карцер, проталкиваясь сквозь отряд безопасности Синдре. Они сначала бросали на него взгляды, а затем убирались с пути.

«Гаунт подписал, Роун,» сказал Харк. «Он получил гарантии.»

«Дай посмотреть,» сказал Роун.

Харк вручил ему планшет. Роун тщательно его прочитал.

«Вы знаете, что они собираются просто убить его,» сказал Варл.

«Варл...» прорычал Харк.

«Ох, но так ведь,» сказал Варл. «Он больше не нужен. Он сделал то, что от него ожидали. Они не позволят ему жить, не такую тварь, как он. Они сожгут его.»

Синдре снова улыбнулся. Короли-Самоубийцы начинали чувствовать, что его улыбка была такой же тревожащей, как и благоразумный тон Роуна.

«Это я слышу симпатию?» спросил он. «Один из ваших людей сочувствует судьбе дьявола Архиврага? Если безопасность так заботит вас, Майор Роун, я быстро позабочусь об этом.»

«Заклученный – ценный актив,» сказал Роун. «Это все, о чем заботятся мои люди.»

«Конечно, он ценный актив,» сказал Синдре. «В этом мы согласимся. Мы не собираемся казнить его. Пока нет, по крайней мере. Со временем, конечно. Но ордос верит, что из него можно извлечь гораздо больше. К тому же, он до сих пор сотрудничал. Он будет интенсивно допрошен и опрошен, сколько бы на это не потребовалось времени. Какие бы другие истины он не хранил, они будут изучены.»

«Приведите его,» сказал Роун.

Варл стоял позади, качая головой. Бонин, Бростин, Кардасс и Ойстин пошли к камере и сняли замки. После нескольких минут, прошедших за стандартным обыскиванием тела, они привели Маббона Этогора в кандалах. Окруженный Королями-Самоубийцами, Маббон подошел к Роуну.

Синдер смотрел на него со значительным отвращением.

«Штурмовики,» крикнул Синдре. «Занять места рядом с заключенным и приготовиться к движению. Двойное оцепление. Смотрите за каждым его шагом.»

Урдешские штурмовики пошли вперед.

«Рота S, Танитский Первый,» сказал Синдре, «вы освобождены от обязанностей. Ваши усилия и бдительность оценены по достоинству.»

«Мы освобождены,» ответил Роун.

Урдешцы повели Маббона к люку. Это было медленно, потому что его движения были слишком ограничены кандалами.

«Эй!»

Они остановились, и Синдре посмотрел назад. Варл ушел в камеру этогоора и появился, держа кипу дешевых, невзрачных памфлетов и брошюр.

«Это принадлежит ему,» сказал он, протягивая их.

Дознаватель Синдре взял памфлеты и пролистал их.

«Миссионерские тексты,» задумчиво сказал он, «и копия *Жаждающих Сфер*.»

«Он их читает,» сказал Варл.

Синдре отдал их назад.

«Материалы для чтения не разрешены,» сказал он.

«Но они принадлежат ему.»

«Ему ничто не принадлежит, солдат,» сказал Синдре. «Никаких прав, никакого имущества. И, к тому же, ему не понадобятся материалы для чтения. Он будет... занят разговорами.»

Варл бросил взгляд на Роуна, и Роун спокойно покачал головой. У люка, окруженный невозмутимыми штурмовиками, Маббон обернулся через плечо и слегка кивнул Варлу.

«Вы... вы присматривайте за ним,» сказал Варл. «Он хитрый, этот фегат.»

«Берегите себя, Сержант Варл,» сказал Маббон. «Мы больше не встретимся.»

«Никогда не знаешь,» сказал Варл.

«Думаю, что знаю,» сказал Маббон.

«Хватит. Не разговаривать,» резко сказал Синдре Маббону. «Вперед.»

Штурмовики увели его.

Луна Фейзкиель привела Баскевиля и Колеа к люку грузового ангара девяносто.

«Наши посетители,» походу отметила она.

Человек в простой темной униформе службы разведки Астра Милитарум ждал их, в сопровождении представителей Адептус Механикус под капюшонами и высокой женщины в длинном плаще, которая могла быть только из ордоса. Толпа из сервиторов Механикус и нескольких других помощников и ассистентов ожидала в коридоре позади них, так же как и солдаты из службы разведки с плазменным оружием. Элам и отряд из его роты преграждали им путь к люку.

«Мэм,» произнес Элам, когда троица приблизилась.

«Вы здесь командуете?» спросил Фейзкиель офицер разведки. Он был хорошо сложен и красив, с густыми, темными волосами, коротко подстриженными, и седеющими на висках.

«Нас заставили ждать,» сказала женщина-инквизитор. «У вас есть полномочия, чтобы открыть этот люк?»

Когда они подошли, Колеа был поражен внешностью женщины. Она была высокой и стройной, а ее голова, с бритым черепом, была почти кошачьей, с самыми высокими скулами, которые он видел у человека. Она обладала некоторой утонченной, скульптурной красотой, которую он представлял у мифических аэлдари.

Но когда она повернулась, чтобы поприветствовать его, он увидел, что это реконструкция. Вся верхняя часть ее головы, которая была повернута от них, отсутствовала, от подносового желобка вверх, замененная сложной серебряной и золотой аугментикой, выглядящей, как какое-то созданное мастерами оружие. Ее рот

был настоящим, а ее глаза, по-видимому тоже настоящие, вспыхивали в сложных золотых глазных впадинах на ее лице. Она была восстановлена, и хирургия и аугментика смогла сохранить только нижнюю часть ее лица. Даже в таком случае, Колеа представлял, это было просто тщательной копией того, что однажды существовало. Аугментическая часть, очевидно, была разрушена без надежды на реконструкцию. Это его шокировало, и очаровало его. Он был обеспокоен тем, что осознал то, что почти нашел замысловатые золотые украшения ее лица более прекрасными, чем идеальная кожа на ее челюсти.

«Мои извинения,» сказала Фейзкиель. «Высадка после долгой поездки требовательный процесс. У нас есть полномочия снять печати. Я – Комиссар Фейзкиель. Это – Майор Колеа и Майор Баскевиль.»

«Полковник Грае,» сказал офицер разведки. «Со мной Версенджинсир Лоул Этруин из Адептус Механикус и Шива Лакшима из Ордо Еретикус.»

Адепт в капюшоне дернул жезлом актуатора, а маленькая, пухлая женщина вышла вперед из свиты. На ней была простая роба и плащ, а ее волосы были плотными серебряными кудрями. Она предоставила Фейзкиель толстую кипу бумаг.

«Документация от принимающей стороны,» сказал она, смотря вверх на Фейзкиель. «Здесь список и аккредитации всего присутствующего персонала, включая команду сервиторов и ученых.»

«А вы?» спросила Фейзкиель.

«Мой главный ученый, Онабель,» сказала Лакшима, «и ее личность не уместна в этом разговоре. Пожалуйста, объясните, я озабочена тем, что печать была испорчена.»

«У нас были проблемы, мэм,» сказал Колеа.

«Корабль был взят на абордаж. Мы отбились от них,» сказала Фейзкиель. «Тем не менее, мы были обязаны открыть и обыскать все отсеки корабля, чтобы убедиться, что ни один агент врага не спрятался.»

«Кто открыл этот?» спросила Лакшима.

«Я,» сказал Баскевиль. «Он был открыт по моему приказу.»

Адепт в капюшоне произвел тихий, щелкающий, жужжащий звук. Лакшима кивнула.

«Я согласна, Этруин,» сказала она. Она посмотрела на Баскевиля. «Операционные приказы постановляли, что материалы, собранные в Пределе Спасения должны оставаться опечатанными во время обратной поездки. Существует потенциальная опасность для нетренированных и неподготовленных.»

«Операционные приказы устарели на десять лет,» сказал Колеа.

«Как объяснила моя коллега, мэ,» сказал Баскевиль, «обстоятельства изменились. Я подумал, что лучше рисковать потенциальной опасностью, чем рисковать еще большей опасностью. Полевое решение.»

Лакшима пристально посмотрела на него. «Полевое решение,» сказала она. «Как по Астра Милитарумски. Вы Баскевиль?»

«Майор Браден Баскевиль, Танитский Первый, мэ.»

«Но вы урожденный Белладона.»

«Моя инсигния выдает меня,» ответил он, оживленно.

«Нет, ваш акцент. Когда вы открыли грузовой отсек, Баскевиль, что вы нашли?»

«Нарушения в грузе. Некоторое содержимое сместилось и рассыпалось. Я проверил территорию на предмет врагов, никого не нашел, и незамедлительно опечатал грузовой отсек.»

«Потому что?» спросила Лакшима.

«Операционные приказы, мэ,» сказал Баскевиль.

«Нет,» сказала она. «Что-то еще. Я вижу это в вашем поведении.»

Баскевиль бросил взгляд на Колеа.

«Содержимое одной из коробок рассыпалось таким способом, которого я не могу объяснить. Наш актив предполагал, что этот особенный набор предметов, возможно, наиболее ценные артефакты, собранные во время рейда. Я ни к чему не прикасался. Я оставил их там, где они были, и снова опечатал отсек.»

Адепт снова тихо засвистел и зажужжал.

«В самом деле,» кивнула Лакшима. «Охарактеризуйте 'способом, которого я не могу объяснить', пожалуйста, майор.»

«В коробке были каменные таблички или плитки, мэм,» сказал Баскевиль, чувствуя себя некомфортно. «Они упали, но расположили себя рядами.»

«Рядами?» эхом повторил Грае.

Баскевиль сделал жест, чтобы объяснить.

«Идеальными рядами, сэр,» сказал он. «Идеально расположенными. Мне казалось весьма маловероятным, что они могут упасть вот так.»

«И вы оставили их?» спросила Лакшима.

«Да.»

«Что вы ощущали?» спросил коренастый низкий ученый.

«Ощущал?» ответил Баскевиль. «Я... я не знаю... Моим побуждением было поднять их, но я чувствовал, что это было неблагоприятно.»

«Было ли еще что-нибудь примечательное, что произошло за время поездки?» спросил Грае.

«Много чего,» сказал Колеа. «Это была насыщенная поездка.»

«О чем бы вы хотели рассказать, я имею в виду,» сказал Грае.

Баскевиль бросил взгляд на Колеа. Никто из них не хотел быть тем, кто откроет ящик Пандоры, насчет орлиных камней и голоса. К тому же, теперь это было выше их класса, и было частью официального отчета о миссии.

«Есть много чего, что вы нам не говорите, так ведь?» спросила инквизитор.

«Отчет о миссии длинный, сложный и засекреченный,» сказал Баскевиль.

«Детали не могут быть разглашены до тех пор, пока отчет не предоставят высшему командованию и магистру войны, и не будут ратифицированы ими,» сказал Колеа.

«А ордос не включен в этот список?» спросила Лакшима.

«Это вопрос протокола Милитарума--» начал Баскевиль.

«Мне сказать, что я думаю о протоколе?» спросила инквизитор.

«Наш командующий офицер прямо сейчас в пути, чтобы доставить полный отчет в штаб,» быстро сказала Фейзкиель. «Он предоставит его лично. Детали были сочтены слишком щепетильными, чтобы быть переданными в сообщении или в другой форме, которая может быть перехвачена.»

«Это... Гаунт?» спросила Лакшима.

«Да, мэм.»

«Его репутация идет впереди него,» отметил Грае.

«Да, сэр?» спросил Колеа.

«Да, майор,» сказал офицер разведки. «Значительно увеличенная с его смертью, что, конечно же, теперь оказалось неверным. Он сделал себе имя, посмертно. Это редкость, что человек возвращается живым, чтобы оценить это.»

«Я уверена, что полковник-комиссар так же предоставит вам полный отчет,» сказала Фейзкиель.

«Конечно, предоставит,» сказала Лакшима. «Магистр войны собрал нашу рабочую группу, чтобы идентифицировать и исследовать собранные материалы. Полные отчеты должны быть собраны у всех участников, и всех, кто контактировал, так же как должен быть осуществлен детальный разбор любых происшествий, окружающих миссию, которые могут быть важны.»

Она посмотрела на Колеа.

«Даже те, которые могут казаться неспециалистам неважными,» добавила она.

«Нам нужен будет полный список всех, кто контактировал с предметами во время их изыскания и помещения на склад,» сказал Грае. «Всех, кто был... обнажен.»

Колеа кивнул. «Это огромное количество личного состава, сэр.»

«Их всех опросят,» сказал Грае.

Адепт зажужжал.

«Этруин спрашивает, кто складировал и пронумеровывал материалы для декларации.»

«Я,» сказала Фейзкиель.

Лакшима кивнула.

«Декларация весьма доскональная. Вы одержимы деталями, Комиссар Фейзкиель.»

«Я считаю, что именно поэтому Гаунт дал мне эту обязанность, мэм,» ответила Фейзкиель.

«Вы методичны,» задумалась Лакшима. «Обсессивно-компульсивны. Было ли состояние диагностировано, и была ли дана этому экспертная оценка?»

«Была ли... что?» спросила Фейзкиель.

«Может мы откроем люк?» предложил Баскевиль. «Вы возьмете на себя ответственность за содержимое. Мы будем рады избавиться от этих вещей.»

Я точно буду, подумал Колеа.

Длинная колонна транспортников-8 оставила возвышающиеся ворота крытого дока номер восемь и проследовала по старым улицам вниз по склону в Эллат. Дождь прекратился, и небеса были мозаично-серыми. Дождевая вода собралась в выбоинах и колеях, усеивающих рокритовые дороги, и большие колеса движущихся грузовиков расплескивали ее.

Здания квартала были старыми, и выглядели покинутыми. Когда-то они были магазинами и зданиями гильдий, но война опустошила их давно, и они стояли тихими и, часто, заколоченными. Время и погода украли черепицу, а местами были свободные участки земли, где соседние здания были подперты балками, чтобы они не упали в кучи обломков. Обломки заросли лишайником и сорной травой. Это были площадки зданий, разрушенных артиллерийскими обстрелами и нападением с

воздуха. Пространства, которые они оставили после себя на границе улицы были похожи на дыры в ряду зубов.

Колонна везла первых из Танитского к предназначенному им размещению. Тона Крийд ехала в кабине первой машины. Она вглядывалась в мрачные здания, пока они грохотали мимо.

«Когда здесь закончилась война?» спросила она.

«Война не закончилась,» ответил Урдешский водитель.

«Нет, я имею в виду, последняя война?»

«Какая последняя война?» спросил он, неотзывчиво. Он бросил на нее взгляд.

«Урдеш в состоянии войны десятилетия. Захват, оккупация, освобождение, новый захват. Все систему оспаривают с давних пор. Одна война следует за другой, за которой следует следующая.»

«Но вы держитесь?» спросила она.

«А какой у нас выбор? Это - наш мир.»

Крийд задумалась об этом.

«Простите меня, что спрашиваю,» сказал водитель через какое-то время, смотря на дорогу, «вы прибыли сюда, чтобы сражаться, и вы не знаете, что такое война?»

«Это вполне нормально,» сказала Крийд. «Мы просто идем туда, куда нас отправляют, и мы сражаемся. В любом случае, это та же самая война. Та же самая война, как и везде.»

«Это точно, я думаю,» ответил человек.

Они ехали дальше через старый квартал. Улицы были безжизненны, как и раньше. Крийд начала замечать вещи, висящие вдоль улиц между зданиями, подобно праздничным флагам. Это были простыни, ковры, старые занавески, и другие большие куски ткани, которые вяло висели в сыром воздухе. Местами простыни висели так низко, что они соприкасались с верхушками движущихся грузовиков.

«Зачем это?» спросила она, показав на простыни.

«Снайперы,» сказал водитель.

«Снайперы?»

«Мы завешиваем улицы этим, чтобы уменьшить любую прямую видимость,» сказал водитель. «Это уменьшает возможности для прицеливания для снайперов.»

«Здесь есть снайперы?» спросила Крийд.

«Время от времени,» кивнул человек. «Архивраг везде. В эти дни его здесь не так много. Основные сражения на юге и востоке. Там совершенно различные типы убийственных территорий. Но враг проникает иногда. Мятежники, отряды самоубийц, команды внедрения, иногда ублюдки, которые залегают тихо в бомбоубежищах или канализации после последней оккупации. Им нравится причинять проблемы.»

Крийд кивнула. «Полезно знать,» сказала она.

Он снова бросил на нее взгляд.

«Изучите жилище, в котором будете жить,» сказал он. «Держитесь подальше от окон. Не торчите без дела на улице. И присматривайте за мусором или обломками на дорогах или у дверных проемов. Еще за брошенными машинами. Ублюдкам нравится оставлять сюрпризы повсюду. Редкий день проходит без взрыва.»

Она достигли перекрестка, и остановились, ожидая, пока тяжелые грузовые транспортеры и бронированные машины проедут мимо, направляясь в сторону доков.

На другой стороне перекрестка Крийд увидела стену старого завода. Кто-то, с некоторым навыком, сделал на ней рисунок и написал слова '**Святая жива и она с нами**' огромными красными буквами. Рядом было грубое, но яркое изображение женщины с мечом.

«Святая,» сказала Крийд.

«Беати Саббат, да благословит она нас и присмотрит за нами,» сказал водитель.

«Рада видеть, что Урдеш силен верой, по меньшей мере,» сказала она.

«Не просто верой,» сказал водитель, переключая передачу транспортника-8 и снова поведя вперед конвой по длинному склону в направлении жилого квартала. «Она здесь. Она с нами.»

«Святая?»

«Да, леди.»

«Святая Саббат здесь на Урдеше?» спросила она.

«Да,» сказал водитель. «Они вам ничего не рассказали?»

ТРИНАДЦАТЬ: ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ

Урдешский Дворец занимал пик Великого Холма. Эллат был субконтинентальной столицей Северного Династического Конклава, и, как и все города-кузницы Урдеша, его местоположение и важность были обусловлены геотермальной энергией вулканического выхода на поверхность. Адептус Механикус пришли на Урдеш тысячи лет назад, во время раннего заселения Миров Саббат, и накрыли крышками и приручили пики вулканов мира, чтобы обогреть и питать свою промышленность. Урдеш был не просто стратегически важным из-за своего местоположения: он был жизненно важным, живым активом для массового промышленного производства.

Транспорт Вон Войтца, с мощным эскортом, ехал вперед по оживленным улицам на склоне холма, минуя башни заводов Механикус и паровые фабрики, которые торчали на склонах и питались энергией от геотермальных источников. Пелена из дыма и пара окутывала верхние части города, висая, как, как при погоде в горах, побочный продукт промышленности. Копоть и сажа покрывали рабочие башни и строительные залы, и зачерняли огромные символы Бога-Машины, которые были закреплены на стенах завода.

«Когда-то,» заметил Вон Войтц, «рассказывали, что Механикус использовали столько же рабочих бригад, чтобы обслуживать дворцы-кузницы, сколько их было и в самих кузницах. Им приходилось чистить и снова чистить, никогда не прекращающийся тяжелый труд, чтобы те эмблемы сверкали золотом, а белые камни стен были отполированы. Но сейчас военное время, Брам. Внешний вид менее важен, и Механикус нужна вся их рабочая сила для работы внутри. Поэтому наслаивается грязь, и великолепие тускнеет.»

«Я уверен, что есть кое-какая притча, сэр,» осмелился высказаться Байота, «о самом Урдеше. Бесконечный тяжелый труд, чтобы держать его свободным от губительной грязи.»

Вон Войтц улыбнулся.

«Я уверен, мой старый друг. Непокоренная гордость Урдешских Династий, вечно трудящихся. Я уверен, что адепты сочинили песни на коде об этом.»

«Она на самом деле здесь?» спросил Гаунт.

Вон Войтц выглядел развеселенным, наблюдая, как растерянно Гаунт смотрит из окна транспорта на движущийся мимо город.

«Да, Брам,» сказал он.

«Сания? С Хагии?»

«Она очень давно не пользовалась этим именем,» сказал Вон Войтц. «Сейчас она – Беати, во всех отношениях, номинальный глава нашей монументальной борьбы.»

Гаунт посмотрел на генерала.

«Могу я увидеть ее?» спросил он.

Вон Войтц покачал головой.

«Нет, Брам. Не в ближайшее время, по крайней мере.»

«Это вопрос логистики,» услужливо добавил Байота. «Она вместе с Хереппанской кампанией, в южной полусфере, во многих тысячах километров отсюда, там, где сражение наиболее интенсивное. Доступ туда затруднен. Возможно, вокс-связь может быть организована для вас.»

«Как долго она здесь?» спросил Гаунт.

«С тех пор, как началась контратака,» сказал Вон Войтц. «Значит... четыре года?»

«Три,» сказал Байота. «Полковник-комиссар, множество аспектов кампании изменились после того, как вы... после вашего посвящения в ситуацию. Я должен проинформировать вас о деталях так скоро, как возможно.»

«Многое изменилось,» сказал Вон Войтц, «хотя, многое осталось тем же самым. Прошло десять лет, а требования к нашим усилиям не изменились.»

Он наклонился вперед в своем кожаном сидении, смотря на Гаунта, локтями на коленях. В его глазах был сконцентрированный взгляд, который Гаунт не видел с самых ранних дней их службы вместе.

«Проблема все та же самая, какой и была всегда,» сказал он, «после Балгаута. Имперский фокус. Наш возлюбленный магистр войны настаивает, несмотря на

советы штаба, на наступлении на Архонта и на Анарха. Мы ведем два крестовых похода в одном.»

«Слайдо недооценивал индивидуальную мощь магистров,» сказал Гаунт.

«Ох, да. Именно так,» согласился Вон Войтц. «И из них, Анарх Сек наиболее опасный.»

«Наступление в Тыл неизбежно приведет к разделению наших сил,» сказал Гаунт. «Мы были бы совершенно разбиты, если бы не схлестнули--»

Вон Войтц поднял руки.

«Я не спорю, Брам. Это было жизненноважно. Тогда. Кроме того, мы сломали Сека и выгнали его из Систем Кабала. Те звезды освобождены. Это, все из-за политики междоусобного разделения, которую ты защищал.»

«Это сработало?» спросил Гаунт.

«Мы использовали амбиции и власть Сека против него,» сказал Байота. «После миссии в Пределе Спасения были другие, все с тем же намерением – разжечь конкуренцию между Секком и Гором. Они больше не действуют в единстве. Есть конфликт. Значительные сражения между племенами Кровавых Миров. Разведка предполагает, что два года полномасштабная война бушевала между Кровавым Пактом и Сынами Сека в системах Ванда Пи. Сек был разбит, выгнан из Систем Кабала и Хана, а Архонт Гор снова напал на прочную линию Групп Эриний.»

«Но Сек вернулся, сюда?» сказал Гаунт.

«Либо Анарха снова вернул в строй Гор,» сказал Вон Войтц, «и он делает попытки показать свою возобновленную верность, или он делает последнюю попытку консолидировать свои собственные власть и ресурсы. Он запустил эту контратаку против группы систем, с особенным фокусом на Урдеше, из-за его производственных активов. Это бедный мир, оспариваемый так много раз. Я сомневаюсь, что есть другой мир в Зоне Саббат, который переходил из рук в руки так часто за последние сто лет.»

«Значит, усилия направлены на то, чтобы разбить его здесь?» спросил Гаунт.

«В последний раз,» сказал Вон Войтц. «Пока Лорд Генерал Эйрик ведет наступление против Гора. И в этом дело, опять же – мы снова на двух фронтах. Мы очень растянулись. Это политика, которую Макарот не отпустит.»

«Потому что он отдает себе отчет насчет угрозы от Сека,» сказал Гаунт.

«Сек отчаянный,» сказал Вон Войтц. «Войны при помощи флота было бы достаточно, чтобы покарать его и держать его подальше. Наш магистр войны, с Беати подле себя, должен бы вести атаку против Архонта, а не задерживаться здесь.»

«Вы бы сдали Урдеш?» спросил Гаунт.

«Раньше такое уже делалось,» резко сказал Вон Войтц. «Множество раз. И так, Сек немного укрепляется. Как только Архонт уничтожен, Сек был бы всего лишь частью зачистки. Но у Макарота стало навязчивой идеей вступить в единоборство сразу с ними обоими, и уничтожить из обоих.»

«Вы не одобряете?»

«Я не одобрял пятнадцать лет, Брам,» сказал Вон Войтц. «Мое инакомыслие довело меня до Пятой Группе Армий и к командованию, чтобы прикрыть Тыловой Фронт.»

«С уважением,» сказал Гаунт, «в то время это выглядело так, как будто магистр войны обходит вас благосклонностью в пользу таких командующих, как Уриенц. Вас и Сайбона. Это выглядело, как понижение в должности. История показала обратное. Если бы вы, Сайбон и Блэквуд не были бы переведены на Тыловой Фронт, Сек и Иннокенти разбили бы крестовый поход в 76-ом. Было ли это раздражением со стороны магистра войны, или было ли это стратегическим пониманием за гранью возможностей любого из нас?»

«Только это понимание длится слишком долго, Брам,» сказал Вон Войтц.

Их машина достигла вершины Великого Холма. Кorteж прогрехотал по металлическим мостам, которые пересекали бездну из геотермальных выпускных отверстий, а затем поехал мимо бункеров и сторожевых башен, которые защищали вход в узкое ущелье, разделяющее внутренний конус вулкана. Внешние поверхности ущелья были покрыты пузырями огневых позиций макро-пушек, подобно наростам на корпусе морского танкера.

Миновав сторожевые башни, процессия въехала в тень устремляющегося вверх ущелья. Отвесные стены по обе стороны были массивными и неприступными. Каждые двадцать метров здесь были оружейные позиции, а на вершинах были батареи тяжелых Василисков, их длинные стволы были направлены в небо, как длинные шеи пасущегося скота.

Мрак прохода по ущелью был рассеян прожекторами, которые были закреплены высоко на стенах. У света был жуткое, искусственное излучение, которое напомнило Гаунту охряное свечение ламп в нижних ангарах корабля.

Кортеж замедлялся несколько раз, когда проезжал врата и барьеры в ущелье, батареи Гидр и счетверенных пушки, которые с жужжанием поворачивались, чтобы отслеживать их, но власть лорда генерала означала, что кортежу не нужно было останавливаться. Ряды облаченных в броню Гвардейцев стояли по стойке смирно, когда машины проезжали мимо.

За входным ущельем небо стало снова видимым. Пик Великого Холма был обширным амфитеатром, окаймленным зазубренными краями конуса вулкана, и внутри него располагались безмерные предместья Урдешского Дворца. Возвышающиеся внутренние стены окружали Имперский бастион скромного размера, его главные шпили простирались высоко над окружающим пиком в гнетущее небо.

Они проехали концентрические группы стен, миновали внутренние дворы, где дивизионы бронетехники стояли, как Гвардейцы на параде: Василиски, танки прорыва, осадные такни, сверхтяжелые под брезентом. Они быстро проехали мимо ряда Завоевателей, одинаковых, отличающихся только номерами на корпусах, а затем поехали по дороге вверх к Высокому Двору главной крепости.

Когда Гаунт выбрался из тяжелого транспорта генерала, эскорт из бронетранспортеров Таурокс окружил его, боевой строй из Ударов Молний проревел на низкой высоте, наполнив Высокий Двор звуком, направляясь на запад над крепостью. Гаунт смотрел вверх, как они проносятся мимо, а затем на вторую волну, которая быстро последовала за ними. Он надел свой плащ, прошел по двору и поднялся по ступеням на стену.

«Гаунт?» крикнул ему вдогонку Вон Войтц.

Со стены у Гаунта был ясный вид над краем конуса, на обширный город внизу и на отдаленный ландшафт. Он мог видеть тусклый блеск моря. Темный промышленный ландшафт простирался на восток, мозаика из нефтеперегонных заводов и мегаструктур фабрик, обширные территории из пилонов, похожих на металлические леса, и на грязные, изрыгающие газ промышленные установки, некоторые, явно, выдающиеся из вод Восточного Предела на искусственных островах. Далеко на востоке разразилась гром, и Гаунт увидел дрожание пламени вдали, освещающего линию горизонта.

Урдешские и Хеликсидские часовые, составляющие личный состав счетверенного оружия на стене, бросали на него взгляды, озадаченные. Кто это был, что только что поднялся сюда?

Еще одна волна самолетов проревела над головой, следуя по тому же самому маршруту, как и предыдущие. На этот раз Мародеры, косяк из пятидесяти, их мощные двигатели ревели, пока они тащились по воздуху, медленнее и более массивные, чем ударные истребители, которые были до них. Гаунт наблюдал за ними, пока янтарное свечение из их форсажных камер не исчезло в темном кавардаке пейзажа. Еще один грохот грома дошел с ветром, и еще одна вспышка осветила горизонт.

«Враг штурмует паровые фабрики у Заракппана,» сказал Байота, встав рядом с Гаунтом, и присматриваясь.

«Мы пытаемся сохранить драгоценную инфраструктуру так долго, как возможно,» сказал он, «именно поэтому Урдешская война в основном сухопутная, а не зачистка с орбиты. Кроме того Архивраг, кажется, больше намеревается разрушать, чем захватывать. Тем не менее, Заракппан слишком близко, чтобы чувствовать себя комфортно. Предпочтение было отдано размещению воздушных сил, вместо наземных, чтобы справиться с атакой более решительно.»

«Ценой паровых фабрик?» спросил Гаунт.

«Прискорбно, но да. Такие жертвы стали возрастающей особенностью этой кампании.»

«Орбитальная зачистка уничтожила бы Сека за дни,» сказал Гаунт. «Возможно, уничтожила бы эту угрозу навсегда. Флот--»

«--готов,» сказал Байота. «Это стратегия, которая есть у нас в кармане. У нее есть свои сторонники. Потеря Урдеша, как функционирующего мира-кузницы будет главной жертвой. Это должно быть взвешено против выгоды уничтожения Сека навсегда.»

«Значит, магистр войны отдает предпочтение наземной войне?» спросил Гаунт.

«Страстно. Чтобы победить Сека и сохранить мощь Урдеша. Достойная цель, и я, безусловно, вижу в ней достоинства. Но она, кажется, игнорирует методологию Архиврага.»

Гаунт посмотрел на него.

«Что ты имеешь в виду, Байота?»

Байота был невозмутим.

«В лучшие времена, сэр, Губительные Силы непредсказуемы, их тактика непостижима. Но здесь она кажется вообще непонятной. Кажется, что они вернулись, чтобы вернуть Урдеш, а еще они--»

«Они что?»

«Даже по их нечеловеческим стандартам, они действую, как маньяки.»

Тактик посмотрел на Гаунта с выражением, которое Гаунт нашел любопытным.

«Есть теория,» сказал Байота, «что Анарх Сек сошел с ума.»

«А мы точно знаем, что это так?» спросил Гаунт.

Байота тихо рассмеялся.

«Справедливое замечание. Но стало невозможно разглядеть какую-нибудь тактическую логику в его кампании. Даже в сравнении с некоторыми из его действий, которые часто показывали экстраординарное коварство. Многие в тактической службе и разведке пришли к выводу, что он испытал нервный срыв. Возможно, он был психически поврежден из-за необходимости сделать реверанс Архонту. Гор

унизил его и вернул его в строй, и это могло стать слишком многим для такого эго, как у Сека. Или, возможно, он болен, или ранен, или осквернен за гранью любых измерений, которые мы можем понять.»

Байота посмотрел Гаунту прямо в глаза. Его взгляд был серьезным.

«Вы это сделали с ним, знаете ли? Вы сломали его.»

«Я заставил его сойти с ума?» спросил Гаунт. «Я запустил это кровавую баню?»

«Это не то, что я говорю,» сказал Байота. «Пожалуйста, идемте. Генерал ждет нас.»

Предназначенное Размещение K700 было кластером из старых домов рабочих в районе Низкого Острия. Возвышающуюся громаду Великого Холма можно было увидеть поверх крыш, со двора, бледная тень в дымке.

Когда прибыл Бан Даур, двор был уже заполнен разгружающимися грузовиками. Везде были люди, солдаты, свита и работники Муниторума, все топчущиеся вокруг, разгружающие и тащащие дорожные сундуки и заплечные мешки в разрушающиеся здания. Двор был небольшим. Транспортникам-8 приходилось возвращаться на подъездную дорогу, или с грохотом парковаться на пустых местах на противоположной стороне, и люди высаживались и шли оставшийся путь вместо того, чтобы ждать.

Даур поблагодарил своего водителя и вылез. Он почувствовал легкий приступ боли в животе и бедре. Раны, которые он получил в Пределе, зажили достаточно, чтобы вернуть его на ноги, и его регулярно осматривали, но простой выход из кабины напомнил ему делать вещи с осторожностью. Керт и Колдинг спасли ему жизнь и залатали его раны, но именно он должен был убеждаться, что работа не была проделана напрасно.

Он остановился, чтобы поговорить с Обелом, и махнул через толпу своему старому другу Халлеру. Место, которое отдали полку, было, явно, гнетущим, но здесь было приличное настроение. Открытый воздух, легкий ветерок, дневной свет. Они скучали по таким вещам.

Мор, его адъютант, подошел вместе с Вивво, как только увидел его.

«Подарок роте, капитан,» сказал Мор.

«На что он похож?» спросил Даур.

«Простой, как фес, сэр. А вы чего ожидали?»

«Никакого героического приветствия для нас, а?» спросил Даур.

«Я думаю, это героическое приветствие,» сказал Вивво.

«Тогда я не хочу знать, что делать Муниторум, если твоя служба была плохой,» ответил Мор.

«Мы используем это место по-максимуму,» сказал Даур. Он заметил, что глаза Вивво направлены вдаль. Вивво был старшим разведчиков Роты G, и одним из лучших в полку, тренированным лично Мколлом.

«Тебя что-то беспокоит?» спросил его Даур.

Вивво скривил лицо.

«Мне не слишком нравится это местоположение, сэр,» сказал он. «Наш водитель упоминал мятежников, даже так глубоко в старом городе. Множество заброшенных зданий поблизости. Много прямой видимости.»

Даур кивнул.

«Найди шефа и расскажи ему о своем беспокойстве,» сказал он. «Скажи ему, что я попросил.»

«Он, вероятно, уже работает,» сказал Мор.

«Не сомневаюсь, но у нас тут семьи, и штатские работники. Давайте убедимся, что мы думаем в правильном направлении. Вивво, не повредит поставить группу часовых, пока ты ищешь Мколла.»

Вивво кивнул и поспешил прочь.

Даур брел через толпу. Он прошел мимо Роты E, выгружающейся из грузовиков. Основная масса вещей, которую выгрузили все роты, которые прибыли ранее, была в виде длинных металлических ящиков для боеприпасов, но это не были боеприпасы.

Миссия в Пределе и отбитие abordaja сократили запасы боеприпасов полка почти до нуля. Они ожидали полное пополнение от Муниторума сейчас, когда они оказались на планете. Но длинные ящики для боеприпасов, прочные и цвета хаки, были надежными ящиками для перемещения любого снаряжения, одежды и личных вещей, и, как и роты, так и свита, массово забрали ящики во время схода на берег для повторного использования.

Даур кивнул Бэнде и Лейру, но проигнорировал самоуверенную улыбку, которой Мерин одарил его. Он увидел, как Мерин отвернулся, засмеялся, и сделал какое-то личное замечание Диди Гендлеру.

У двери ближайшего здания он нашел Крийд, Домора и Мкляра.

«Твоя банда в шестом блоке,» сказала ему Крийд. Даур мельком глянул на экран ее планшета.

«Ты всех распределила?» спросил он.

Она кивнула.

«Ни благосклонности, ни привилегий,» сказала она. «Так что не спорь насчет того, у кого лучшая квартира. Приказы сверху. Все получают то, что получают.»

«Не то, чтобы здесь было много выбора,» сказал Капитан Мкляр. «Здесь нет никаких роскошных апартаментов. Здесь все более-менее одинаково.»

«Сойдет,» сказал Домор.

Даур кивнул. Он мог чутать плесневелый воздух, вырывающийся из дверного проема.

«Я расположила свиту на средних этажах каждого блока,» сказала Крийд. «Кажется, это лучший вариант защитить как их, так и здания. Здесь есть кухни, но мы не смогли найти никакого топлива для печек.»

«Муниторум говорит, что оно в пути,» сказал Домор, «вместо с фесовыми боеприпасами. Грузовики с припасами должны быть здесь к позднему вечеру.»

Крийд сделала заметку.

«Извините меня,» сказала она. Она протолкнулась через ряд солдат, несущих груз в блок, и пересекла двор. Она только что заметила Феликса Часса и его телохранителя.

Феликс отдал ей честь, когда она подошла. Маддалена просто мрачно посмотрела на нее.

«До того, как спросишь,» сказала Крийд, «я определила твоего подопечного в одиночную комнату. Две койки. Четвертый блок, с остальной Ротой Е. Я надеюсь, этого достаточно.»

Маддалена кивнула.

«Место неподходящее,» сказала она.

«У нас есть то, что есть,» сказала Крийд.

«Я не имела в виду жилье,» сказала Маддалена. «Я имела в виду само место. Оно открытое. Настежь.»

«Я согласна. Мы устанавливаем периметр,» сказала Крийд.

«Что там?» спросила Маддалена, указывая. К востоку от зданий была каменная пустошь вокруг руин старого цементного завода, с еще одним рядом запущенных зданий для рабочих за ней. Сквозь ржавый металлический забор они могли видеть Гвардейцев в серых одеждах, играющих в кэмпбол и дрыхнувших под слабым солнцем.

Крийд сверилась с планшетом.

«Там другое размещение,» сказала она. «Семьсот Первое и Второе. Хеликсидский Тринадцатый. Кому-то нужно будет сбродить туда за последнее и поприветствовать их командующего офицера, просто для добрососедства.»

Она бросила взгляд в сторону и заметила слоняющегося поблизости Далина с вещмешком на спине.

«Что-нибудь нужно?» спросила Крийд.

Далин пожал плечами.

«Тогда я уверена, что тебе есть, что делать,» сказала Крийд.

«Да, капитан,» сказал Далин. Это было послушно, но Крийд была позабавлена моментом гордости, который заметила, когда Далин произнес это.

«Тогда, иди,» сказала Крийд.

«Он твой сын, так ведь?» внезапно спросила Маддалена.

«Я вырастила его, да. Его и его сестру.»

Маддалена поджала губы.

«Он внимателен к Феликсу,» сказала Маддалена. «Очень внимателен. Всегда рядом.»

«Я думаю это потому, что Гаунт приказал ему быть поблизости,» ответила Крийд. «Присматривать за ним. Они, примерно, одного и того же возраста.»

«Я присматриваю за Феликсом,» сказала телохранитель.

Крийд выдавила улыбку. Женщина ей не нравилась. Она знала слишком многих из ее породы – аристократов или слуг аристократов – в Улье Вervун, давным-давно. Высокомерные фесы. Она могла чувствовать, что Маддалене не нравится, что ее высокорожденный подопечный якшается с сыном обычного рабочего. А еще хуже, что бывший гангстер все еще носит бандитские татуировки. Тона Крийд совершенно не могла понять, что Гаунт увидел в ней... Если только. Благодаря омолаживающим процедурам Маддалена выглядела практически похожей на прекрасную Мерити Часс, чье изображение в верхнем улье было повсеместным на проекторах Улья Вervун. Наиболее знаменитая и прославленная женщина в Улье Вervун, глава города.

Это была жизнь, которую Тона давно оставила позади, жизнь, которую она была рада оставить. Теперь ей приходилось смотреть на самое известное лицо каждый день.

«Далин?» крикнула Крийд. Далин уже уходил, но повернулся.

«Может быть, ты можешь проводить Феликса и его телохранителя к их комнате?» сказала Крийд. «Помочь им с сумками. Помочь им заселиться.»

Далин кивнул. Крийд показала ему место на своем планшете.

«Сюда,» сказал Далин. Феликс поднял свои сумки и пошел за ним. Маддаллена пошла за ними, бросив на Крийд враждебный взгляд, который очень нравился Крийд.

Крийд заметила одинокую фигуру у забора, примыкающего к Хеликсидскому лагерю, и подбежала.

«Что ты здесь делаешь, Йонси?» спросила она.

Маленькая девочка смотрела, как солдаты играют в кэмпбол.

«Ты должна идти внутрь, дорогая,» сказала Крийд. «Иди, найди Юнипер и Урленту.»

«У меня болит голова, Мама,» сказала Йонси, чеша голову. Крийд посмотрела. Опять вши. Замкнутое пространство *Армадюка* никогда не позволяло избавиться от них. Здесь должны быть карболовое мыло и антибактериальный душ для всей толпы, и надо будет обрить несколько голов, иначе новое жилье тоже будет заражено.

Крийд мельком заглядывала в свою комнату, и размышляла над тем, что в ней есть свои собственные вши.

«Они умрут, Мама,» сказала Йонси.

«Кто, дорогая?» спросила Крийд.

Йонси указала сквозь ржавый забор на фигуры, пинающие мяч.

«Те солдаты,» сказала она.

«Что ты имеешь в виду?» спросила Крийд.

«Они солдаты,» сказала Йонси. «Все солдаты умирают.»

«Не все солдаты,» заверила ее Крийд и ободряюще обняла.

Казалось, что Йонси обдумывает это. Подол ее платья дрожал на легком ветру.

«Нет,» сказала она, «но те, да.»

«Давай отведу тебя внутрь,» сказала Крийд. «Юнипер будет думать, где ты.»

Раздался звук, как будто переломилась хворостинка.

Крийд огляделась. Это был высокий, отличительный звук над шелестом полка позади нее.

Она снова посмотрела на солдат на отдалении. Они прекратили свою игру. Некоторые осматривались вокруг, как будто потеряли свой мяч. Двое подбежали к человеку, который, явно, упал из-за чрезмерно энергичного пинка.

«Он упал, Мама,» сказала Йонси.

Последовал еще один треск. В этот раз Крийд увидела, как человек упал. Он стоял рядом с человеком на земле, что-то крича. Она увидела красный дымок, когда он согнулся и упал.

Крийд повернулась и закричала.

«Снайпер! Снайпер!»

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ: ЛИНИЯ ОГНЯ

Бан Даур повернулся. Он услышал, как кто-то кричит. Вокруг него было множество шума, расслабленных разговоров, но это было ярко выраженным. Настойчивым.

Он повернулся и увидел. Он увидел Тону, бегущую к нему от забора. Она несла Йонси на руках.

Какого гака она кричала?

Он увидел, как двигается ее рот. Он прочитал по ее губам.

«Снайпер!» закричал Даур. «Снайпер! Снайпер! В укрытие сейчас же!»

Разгружающие грузовики работники вокруг него побежали в разные стороны. Некоторые подняли крик. Даур видел, что люди прячутся за грузовиками и грузом, или спасаются бегством сквозь дверные проемы жилых блоков. Паника, хаос, как будто кружка с бусинами, упавшая на пол, разбросала их во всех направлениях. Дети начали плакать, когда женщины из свиты схватили их и начали с ними бежать.

Тона добралась до него. Винтовка Даура все еще была в грузовике, но он вытащил свой пистолет.

«Где он?» спросил Даур.

«Фес знает,» резко ответила Крийд. «Он стреляет по соседнему двору. Двое из тех Хеликсидских парней убиты, по меньшей мере.»

«Медик!» крикнул Даур.

«Не сходи с ума!» проворчала на него Крийд. «Никто не сможет добраться до них живым. Там все открыто!»

Даур услышал резкий треск. Безошибочный. Хотя, отдаленный. Откуда, как, он шел?

Подбежал Мколл, прорываясь сквозь последних отставших, толкающихся, чтобы добраться до дверного проема блока. По всему двору и на подъездной дороге ничком лежали люди, прямо в грязи или укрываясь за укрытием. Некоторые солдаты забирались в кузова грузовиков, чтобы найти свое оружие.

«Угол?» прямо спросил Мколл, снимая свою винтовку.

«Не ясно,» сказала Крийд. Она боролась с Йонси. Ребенок всхлипывал и извивался.
«С восточной стороны, в направлении старых руин.»

Она указала в сторону покинутого цементного завода.

Мколл постучал по своей микробусине.

«Западная сторона,» сказал он. «Дальше от подъездной дороги.»

В конце двора, рядом с началом дороги, кто-то открыл огонь. Залп в автоматическом режиме.

«Какого феса?» прорычал Мколл. Он начал бежать в том направлении, по открытому двору. Майор Паша, Мклур и Домор рванули за ним.

«Бан!» произнесла Крийд. «Ты можешь взять Йонси? Отнести ее внутрь?»

Даур посмотрел на нее. У нее была винтовка на левом плече, и она могла стать более полезной, чем его пистолет. Он взял у нее ребенка. Она была удивительно тяжелой. Он почувствовал мучительное напряжение в своих недавно заживших ранах.

«Иди с Дядей Баном,» сказала Крийд, и побежала по двору.

«Идем, Йонси,» сказал Даур, обнимая ребенка. «Идем внутрь со мной.»

Она плакала и тряслась. Что она повторяла снова и снова?

Плохая тень?

«Разойдитесь!» крикнул Даур. Люди набились в дверной проем. Ему пришлось силой зайти внутрь.

Мколл добрался до припаркованных вдоль края двора грузовиков, и скользнул в укрытие с людьми из Роты Е. Диди Гендлер стоял у одного конца одного из грузовиков. Он выпустил еще одну очередь на полном автомате. Лазерные заряды устремились и зашлепали по пустому участку земли.

«Прекрати это!» крикнул Мколл.

«Я вижу ублюдка,» ответил Гендлер, снова прицеливаясь.

«Диди считает, что видит его,» сказал Мерин рядом с Мколлом.

«Он фесов идиот,» сказал Мколл Мерину. Он посмотрел мимо него на сержанта Роты Е.

«Гендлер, прекрати фесову стрельбу!» прокричал он.

Гендлер замер, и бросил взгляд назад. Его лицо было розовым и потным.

«Он на цементном заводе,» прошипел он.

«Мы ни феса не сможем отследить его, если не сможем его услышать,» сказала Бэнда. Она пригibasь за задними колесами, вытаскивая свой лонг-лаз из защитного чехла.

«Нам нужно слышать,» очень твердо сказал Мколл.

Паша, Мклюд и Домор упали рядом с ними.

Все прислушались. Единственными звуками были свист легкого ветерка, завывания испуганных детей и бормотание всех, кто был в укрытии.

Раздался приглушенный треск.

«Цементный завод. Наверху,» сказала Бэнда. Мколл кивнул.

«Я, черт возьми, так и сказал,» сказал Гендлер.

«Держи рот на замке,» сказал ему Домор.

Бэнда высунулась, чтобы посмотреть. Она положила свой лонг-лаз на заднее крыло и вставила ячейку.

«Стреляет не по нам,» тихо сказала Паша. «Стреляет по другим блокам, не по нам. Ветер доносит.»

Бэнда прикусила губу и кивнула. Майор Паша была из разношерстного отряда. Она была опытной в звуковых отпечатках выстрелов в городском окружении.

Ларкин с Крийд подбежали и упали рядом с Мколлом. У Ларкина был его лонг-лаз.

Мколл подал сигнал старому снайперу встать и обойти грузовик спереди. Ларкин кивнул, и пополз на четвереньках. Бэнда смотрела в свой прицел, перемещая его от одного выбитого окна цементного завода к другому.

«Движения нет,» прошептала она.

«Вероятно фес уже ушел,» прошептал Ларкин с другого конца. «Оппортунист. Сделал свою дневную работу.»

Мколл помотал головой.

«Мы бы увидели, как он перемещается. Там открытое пространство до самого забора.»

«Значит, мы заставим феса показаться,» сказал Гендлер. Он поднялся с корточек и выпустил еще один залп поверх капота транспортника-8.

«Я прирежу тебя нафес,» сказал Домор, прижав Гендлера к грузовику.

«Отвали от него,» рявкнул Мерин, схватив Домора за руку. «Отвали нафес!»

«Заткнись нафес!» сказал Мколл.

Окно кабины рядом с ним взорвалось шквалом органического стекла. Еще один выстрел прошел сквозь брезентовый тент грузовика.

«Фесовый ты мешок с дерьмом,» сказал Домор, держа свои руки на горле Гендлера. «Ты привлек его внимание. Теперь мы цель!»

Еще три выстрела врезались в транспортник-8, закрывающий их, и один позади него. Ларкин выругался и пригнулся. Водитель поблизости вскрикнул, когда осколки стекла вонзились в его щеку и веко. Крийд и Мерин оттащили человека в укрытие за колесом. Он чрезмерно истекал кровью.

«Вы можете выстрелить?» прошипела Паша Ларкину с Бэндой.

Ларкин снова занял свою позицию, пригнувшись.

«Ждите,» сказал он.

«Ты видел какую-нибудь вспышку?» крикнула ему Бэнда.

Еще один выстрел прошел сквозь брезент.

«Верхний ряд. Второе окно слева,» ответил Ларкин. «У меня плохой угол.»

«У меня нормальный,» сказала Бэнда. Ее лонг-лаз громыхнул. Все были слишком хорошо спрятаны, чтобы увидеть, куда попал выстрел. Бэнда сделала паузу, а затем снова выстрелила.

«Попала?» спросила Паша.

«Не уверена, мэм,» ответила Бэнда.

«Не трать попусту,» сказал Мколл. «У нас до феса мало осталось боеприпасов.»

«Ага, у меня ничего нет,» сказал Ларкин.

Крийд посмотрела на Мерина. Между ними водитель всхлипывал и стонал, а Мерин пытался промыть его рану на глазу ярким желтым антисептиком из своего полевого набора.

«У тебя что-нибудь есть? В грузовике?» спросила она.

«Без фесового понятия,» ответил Мерин, изо всех сил пытаясь держать человека.

«Фесово ничего, я думаю.»

«Выясни!» резко бросил Мколл.

«Диди,» прошипел Мерин, смотря через плечо, «делай то, что говорит шеф!»

Диди Гендлер метнул на Мерина взгляд 'пошел нафес', затем с неохотой потащился, пригнувшись, к задней части грузовика. Ларкин с Бэндой выстрелили. Гендлер на животе вполз в кузов, бормоча проклятия, и начал искать. Выстрел пролетел через боковую стенку транспортника-8, и они услышали, как он красочно выругался.

«В тебя попали, Диди?» крикнул Мерин.

«Пошел в гак, нет,» услышали они резкий ответ Гендлера. Еще звуки обыскивания.

«У меня нет хорошего угла в этого феса,» пожаловался Ларкин.

«Здесь есть тридцатый!» крикнул Гендлер. «Тридцатый и станина.»

«Патроны?»

«Патронов нет!»

«Давай его сюда!» крикнул Мколл. Орудие поддержки .30 калибра могла вскрыть крышку целого целевого строения. Гендлер начал продвигать ящики к задней части кузова. Паша и Домор подползли, чтобы спустить их.

«Я думаю, что патроны к тридцатке в одном из последних в хвосте грузовиков,» сказал Мерин.

«В каком?» спросила Крийд.

Мерин осмотрелся.

«Мктиш? Ты был на погрузке. В каком?»

Танитский солдат, укрывающийся поблизости, кивнул. «В третьем отсюда, капитан,» сказал он.

«Иди, принеси!» приказал Мерин.

«Я с тобой,» сказал Капитан Мклюд. Они с Мктишем поднялись, ожидая еще одного выстрела из винтовки Бэнда, а затем начали стремглав нестись вдоль линии машин, пригнув головы.

Домор, Гендлер и Майор Паша вытащили из ящика .30 у заднего крыла грузовика. Крийд услышала еще один треск. Она повернулась как раз в тот момент, чтобы увидеть, как Мктиш упал. Безрассудно, Мклюд начал пытаться оттащить его в укрытие, но Крийд могла видеть, что человек уже был мертв.

Мктиш упал налево, в сторону транспортника-8, который был вторым от того, за которым они прятались.

Налево.

Он был подстрелен справа.

«Фес,» прошипела Крийд.

«У нас еще один!» крикнула она. «Позади нас!»

Второй снайпер начал стрелять откуда-то из заброшенной фабрики, которая располагалась фасадом к зданиям К700. Перед ним лежал весь двор, включая ряд грузовиков, которые предоставляли укрытие от первого снайпера. Они были прижаты.

Все во дворе и на подъездной дороге пытались двигаться, чтобы найти лучшее укрытие. Они заползали под машины или пытались рвануть к старым жилым блокам. Советник Муниторума упал на середине двора. Призрак был сбит с ног в нескольких метрах от кучи ящиков. Крийд увидела, как женщина из свиты неуклюже упала на бок.

«Фес!» произнес Ларкин, пока пытался улучшить свою позицию. «Там больше, чем один снайпер! Два, может быть, даже три!»

Выстрелы дождем сыпались во двор, выбивая искры из корпусов грузовиков. Некоторые поднимали в воздух землю во дворе, или откалывали куски от стен зданий. Окно разлетелось вдребезги. Человек из Роты J был подстрелен, когда стремглав убегал по направлению к уборным. Его товарищ по подразделению подбежал к нему и попытался оттащить его тело с открытого пространства. Выстрел снес ему макушку, и уронил его поперек на тело его друга.

Как будто ободренный возросшим темпом стрельбы с этого второго угла, снайпер на цементном заводе снова открыл огонь. Грузовик, за которым они прятались, начал дрожать, когда выстрелы попадали в него с обоих направлений.

«Нахрен все это,» пробормотал Мколл. Майор Паша, за задним крылом грузовика с наполовину собранным .30, крикнула в тревоге, но Мколл уже поднялся и бежал по двору в сторону здания.

Крийд поднялась и побежала за ним.

Непрерывный огонь с фабрики бил по фасаду жилого блока четыре, разнося вдребезги стекла в страшных окнах и проделывая дыры в старой каменной кладке. Два человека были застрелены в толпе, которая набилась в лестничный колодец для укрытия, а еще один был убит в дверном проеме здания. Жестянщик из свиты упал в комнате на третьем этаже. Пуля пробила внешнюю стену перед тем, как попасть в него, и все равно она срубила его с достаточной силой, чтобы сломать ему бедро.

Люди дрожали и кричали, а дети вопили. Солдаты, застрявшие в толпах, которые заткнули нижние коридоры, начали выбивать задние двери здания в надежде, что люди смогут выйти на задний двор и найти лучшее укрытие там.

На третьем этаже выстрелы хлестанули по комнате, предназначенной для Феликса Часса, разбив окно. Маддалена подмяла под себя Феликса, прижав его к полу. Далин пригнулся за койкой.

Маддалена яростно посмотрела на Далина.

«Уведи его! Задняя лестница!» крикнула она.

«Куда?» спросил Далин.

«Куда-нибудь подальше от линии огня, идиот!» резко бросила Маддалена. «Ты хочешь быть его особенным другом? Я доверяю тебе!»

«А вы куда--»

Маддалена резко открыла кобуру своего мощного пистолета, и вытащила его так быстро, что Далин не увидел даже расплывчатого пятна.

«Я покончу с этим идиотизмом,» ответила она. Она поставила Феликса на ноги и толкнула его к Далину. Далин схватил юношу и рванул с ним в коридор, держа свою руку прижатой к черепу Феликса, чтобы он не поднимал голову. Он бросил взгляд назад, как раз вовремя, чтобы увидеть, как Маддалена разбежалась и выпрыгнула из окна.

Маддалена приземлилась во двор, как кошка. Аугментические кости и мускулы поглотили удар. Она поднялась, люди спасались бегством в укрытия повсюду вокруг нее, и выпустила плотную очередь в сторону фабрики. Грохот ее Тронсвасса эхом отдался во дворе и стал причиной еще большей паники. Она сорвалась на бег и пересекла двор. Ее скорость была нечеловеческой.

Крийд и Мколл добрались до задней стены руин фабрики. Жукова, Несса и Вивво тоже прибыли, с разных частей двора, отчаянно бросаясь в укрытия, спинами к кирпичной кладке. Под линией разрушающейся стены они были близко от снайперов, но у них был ограничен угол ведения огня.

Мколл жестом показал Вивво и Нессе – *направо*.

Они кивнули, и начали идти в том направлении. У Нессы был ее лонг-лаз, и Мколл знал, что у нее есть приличный личный запас боеприпасов для него. Она была рано ранена на Пределе, и потратила немного.

Мколл обернулся к Жуковой и Крийд. Жукова была красной и тяжело дышала. Ее спринт с юго-западного конца двора был безумным и смелым.

Мколл указал на точку доступа слева от них. Они кивнули и начали скользить вдоль стены к ней. Выстрелы отдались эхом в воздухе над ними.

Определенно, трое, показал жестами Мколл.

Точка доступа была грязным желобом, где когда-то пролежала труба для дождевой воды. Кирпичная кладка была мягкой и скользкой от мокрой грязи, но на высоте трех метров была низкая крыша, покатая линия водостока пристройки или склада. Жукова прижалась спиной к стене, и сделала ступеньку руками. Мколл не мешкал. Он поставил свой левый ботинок в ее руки, положил левую руку на ее плечо, и позволил ей подсадить себя к крыше. Жукова захрипела. Момент, чтобы проверить, что ему сейчас не отстрелять лицо, и Мколл подтянул себя на крышу, и лег на ней на живот.

Крийд тотчас заняла место Жуковой, и посадила Вергхастского капитана сложенными чашечкой руками. Мколл схватил протянутые руки Жуковой, и затащил ее на крышу рядом с собой.

Держась низко, они осмотрелись. Покатая крыша вела вверх к низкой основной крыше, которая была горизонтальной и усеянной ржавыми останками упавших мачт вокса. Там был ряд окон без стекл. Мколл указал, и Жукова кивнула. Она повернулась, чтобы посмотреть на Крийд, надеясь потянуться вниз и поднять ее наверх, но Крийд уже ушла за угол здания, ища другой путь наверх.

Мколл и Жукова поползли вверх по покато́й крыше к окнам.

В правом конце здания по правую руку, Вивво и Несса плечами открыли гниющую дверь, и скользнули внутрь фабрики. Это было обширное, темное место, заваленное старьем, освещенное только дневным светом, который лучами пробивался в дыры в крыше. Пол был покрыт толстым слоем птичьего помета, и старые, гальванические

генераторы, очень ржавые, вырисовывались, как припаркованные машины. Несса подняла лонг-лаз к плечу, и начала водить прицелом по крыше. Вивво повел ее вперед, с приготовленной лазерной винтовкой у груди.

Они прошли через полуоткрытую раздвижную дверь в более большое место. Еще больше каменных обломков, еще больше выгоревших машин. Крыша была едва видна, и стекла были грязными и туманными. Их появление напугало стайку гнездящихся птиц, которые сорвались с мест, и начали кружиться и собираться вокруг стропил. Движение заставило Нессу вздрогнуть, но она расслабила палец на спусковом крючке в тот момент, когда она увидела, что это было. Вивво мог слышать глухие звуки выстрелов над ними. Он знал, что Несса не может, и он показал ей жест и указал направление. Она кивнула. Они прокрались вперед еще немного.

Еще выстрел. Вивво резко повернул голову, рассматривая потолок. Еще выстрел, затем еще. В этот раз он увидел краткое отражение вспышки на грязном стекле высоко над собой. Он указал. Они могли разглядеть только большую трубу по центру крыши, через грязь, покрывающую треснутое окно. Было ли это вентиляционное отверстие или...?

Нет, фигура, прижимающаяся к дымоходу.

Несса схватила Вивво, направляя его, пока он не повернулся лицом к отдаленной фигуре. Она положила свой лонг-лаз на его правое плечо, используя его, в качестве опоры, и слегка присела, чтобы улучшить угол. Вивво отвернул голову в сторону, и заткнул правое ухо пальцем.

Несса выстрелила. Один выстрел. Стекло окно взорвалось высоко над ними, вниз дождем посыпались куски стекла. Секундой позже рухнула целая секция крыши, окна и опоры, когда тело пробило их.

Падающее тело ударилось о рокритовый пол с треском ломающихся костей. Винтовка, пулевая, снайперское оружие, произведенное на Урдеше, упала рядом, деревянный приклад разбился в щепки.

Они подбежали. Никто из них не сомневался, что стрелок был мертв. Выстрел Нессы прошел сквозь его позвоночник.

Вивво перевернул его. На нем была грязная форма Муниторума и залатанный плащ. На его шее, мокрой от крови, была золотая эмблема. Лицо, сделанное из золота, с рукой, закрывавшей рот.

Сыны Сека.

Крийд прокралась в переулок, забитый каменными обломками, с левой стороны фабрики. Ее лазерная винтовка была у ее плеча, приготовленная для стрельбы, и она водила ей медленно и осторожно, пока кралась вперед, высматривая движение и укрытия.

Темп огня, идущий сверху, все еще был постоянным.

Она услышала движение позади, и резко повернулась. В поле видимости вбежала Маддалена Дэрбилавд, с пистолетом в руке. Крийд моргнула. Она не знала, что кто-нибудь из человеческого вида может бежать так быстро, или достигнуть такой длины шага.

«Назад!» прошипела Крийд.

Маддалена проигнорировала ее. Вспышкой красного в своем комбинезоне, телохранитель из Улья Вervун пробежала мимо нее, запрыгнула на бочку из-под топлива, и прыгнула на крышу. Она проделала около трех метров за один прыжок с ходу.

Крийд хотела крикнуть ей не быть идиоткой, но крик бы просто напросился на неприятности.

Порывисто, она побежала за ней, забралась на бочку, а затем с усилием забралась на крышу. Аугментированная, трансчеловеческая сука сделала это за один прыжок, и то, как она делала это, выглядело легким.

Крийд забралась на крышу, и перекатилась в укрытие, как только сделала это.

«Маддалена!» прошипела она. «Маддалена!»

Съежившись позади вентиляционной трубы, она осмотрела крышу. Это было большое пространство с остроконечной крышей, покрытое лишайником. Дымовые трубы росли, как деревья, из коньков и борозд неровной черепицы прямо рядом с

ней. Дальше, наклон крыши становился более крутым, формируя более высокую центральную секцию каркаса фабрики. Эта секция была обшита досками и металлическими листами, вероятно потому, что когда-то давно в прошлом старая черепица сгнила. Здание было заброшено когда-то после этого, и даже доски провисали под своим собственным весом. Крийд видела обнаженные стропила там, где целые секции рухнули.

Далеко впереди она заметила еще одну вспышку красного. Маддалена уже добралась до основной крыши, и металась, как марионетка, по парапету. Ей пришлось прыгнуть еще на несколько метров вверх, чтобы просто забраться туда. Она была быстрой, но святой гак, она когда-нибудь слышала об укрытии?

Крийд сменила позицию, а затем быстро упала. Лазерный заряд разнес часть дымохода рядом с ней. Пыль и куски глины осыпали ее. Ее заметили, что было иронично, потому что она не была той, кто прыгает по открытому пространству в красной одежде.

Еще один выстрел провыл над ее головой. Она попыталась поводить винтовкой, но она упала в тесное укрытие и попытка вышла слишком неуклюжей. Она отпустила свою винтовку и достала пистолет из кобуры на ремне на груди. Пригнувшись так низко, насколько возможно, она завела руку за кирпичный дымоход и выпустила серию выстрелов в смутном направлении источника огня.

Еще две тяжелых винтовочных пули пролетели мимо нее. Затем она услышала стучащую очередь из большого пистолета.

Тишина.

Она рискнула выглянуть. Не было признаков кого-либо, и никто больше не стрелял. На четвереньках она поползла вперед так быстро, как могла, направляясь к следующей группе дымоходов.

Мколл и Жукова держались низко и забежали вверх по наклонной поверхности крыши. Они добрались до широкого канала для дождевой воды, забитого грязью, а затем забрались на низкий выступ свеса и скользнули в укрытие за контрфорсом. Шесты с болтающейся проволокой стояли вдоль края крыши, вероятно для того, чтобы отгонять гнездящихся птиц, или, возможно, это были просто реликты какой-то

предыдущей фазы конфликта. На проволоках были перья, а шесты были покрыты птичьим пометом. Мколл занялся одним из шестов и сделал прореху, в которую они оба могли проскользнуть.

Впереди, повторяющиеся выстрелы звенели с большой колокольни, которая когда-то созывала рабочих фабрики к их дневным обязанностям.

Мколл показал Жуковой идти направо. Он пошел налево. Это был плохой и импровизированный способ сделать клещи, но стрелок на колокольне явно не собирался прекращать стрелять во двор, пока у него не закончатся боеприпасы.

Жукова прокралась мимо ржавых барабанов и головных частей машин, которые торчали из линии крыши, древних массивных подъемников, которые когда-то перемещали изделия из одной внутренней части фабрики в другую. Она все еще могла видеть Мколла, скользя пригнувшись по секции оцинкованной листовой обшивки крыши. У нее был угол на колокольню, достаточно хороший, чтобы видеть вспышки из дула, освещающие овальное окно на ее северной стороне, но она не могла никак увидеть стрелка. Она хотела, чтобы он двинулся, чтобы переместился на новую позицию. Чтобы он, всего лишь, показался на мгновение, это все, что ей было нужно.

Мколл добрался до основания колокольни на противоположной стороне от позиции стрелка.

Он показал Жуковой – *непрерывный*.

Она кивнула в ответ, отрегулировала хватку на оружии, и прицелилась. Она ждала, когда Мколл начал забираться вверх на колокольню, цепляясь за старую кирпичную кладку пальцами и носками. Он добрался до окна на противоположной от стрелка стороне.

Время для отвлечения.

Жукова начала стрелять. Она усеяла выстрелами каменную кладку вокруг отверстия стрелка, раскалывая камень вокруг и резную раму окна, и поднимая тучи пыли. Стрелок прекратил стрелять, и отпрянул, чтобы избежать случайного ранения. Он,

вероятно, был удивлен, что попал под огонь с такого острого угла. Жукова выстрелила еще, затем сделала паузу, чтобы проверить Мколл.

Не было никаких признаков старшего разведчика. Во время ее отвлекающего огня, он, должно быть, пробрался внутрь через другое окно. Жукова напряглась и снова открыла огонь. Нужно было еще большее отвлечение и быстро.

Она снова покрыла выстрелами площадь окна. У нее оставалось мало боеприпасов.

Мколл тихо проскользнул в темноту колокольни. Воздух был пыльным и спертым, и вонял оружейным дымом. Он мог слышать, как огонь на подавление Жуковой стучит по дальней стороне небольшой башни. Он зажмурился, чтобы его глаза привыкли к темноте после яркого солнечного света снаружи. Движение, за кучей ящиков. Человек присел, чтобы достать обоймы с боеприпасами из холщового вещмешка.

Мколл уже собирался выстрелить. Человек был, всего лишь, в двух метрах от него, и он его не видел.

Мколл замешкался. Человек не был стрелком. Хотя он не мог видеть напрямую, Мколл знал, что второй человек должен быть вне поля видимости прямо за углом в алькове, выходящей на другое окно. У человека, которого он видел, не было винтовки. Он был подающим боеприпасы, доставляющим свежие обоймы стрелку у окна. Если он застрелит его, второй парень отреагирует, и это может привести к перестрелке в ограниченном пространстве, которую Мколл считал определенно невыгодной.

Мколл повесил на плечо винтовку и вытащил свой клинок. Используя темноту и низкие балки в качестве укрытия, он обошел купол колокольни по краю и схватил подающего сзади. Руку на рот, серебряный клинок между третьим и четвертым ребром. Мгновение тихих конвульсий, и человек обмяк. Мколл осторожно опустил его.

Стрельба Жуковой прекратилась. У нее, вероятно, кончились боеприпасы. Мколл услышал, как стрелок крикнул.

«Эшбал вуут!» *Еще патронов, быстро!*

«Эшетт!» крикнул он в ответ. *Иду!*

Он поднял тяжелый мешок и пошел к алькову. Стрелок сидел у окна, спиной к нему. Он сжимал тяжелую, длинноствольную автоматическую винтовку, настойчиво тянувшись рукой назад для боеприпасов.

Он начал поворачиваться. Мколл бросил в него мешок. Его вес впечатал человека в стену у окна. Держа одной рукой, Мколл выпустил в него два выстрела из своего лазгана до того, как тот смог подняться.

Мколл поднял автоматическую винтовку стрелка и выбросил ее в окно.

«Чисто!» крикнул он.

Капитан Мклюд скользнул в укрытие рядом с транспортником-8. Он сжимал две барабанные обоймы для .30. Он был пропитан кровью Мктиша.

Майор Паша схватила один из барабанов, и прикрепила на место наверху собранного орудия поддержки. Домор уже держался за рукоятки орудия, и поворачивал его в сторону цементного завода.

«На месте!» крикнула Паша.

Домор открыл огонь. Орудие издало тарахтящий рев, как промышленная машина. На верхнем этаже цементного завода пунктиром начали появляться отверстия. Начали появляться черные дыры, похожие на вмятины или черные точки гниения на фрукте, окруженные облаками пыли, образующейся в точках попаданий. Затем стена начала раскалываться и обрушаться. Куски рокрита взрывались и отлетали, разрушая верхний уровень заброшенного строения.

Домор убрал палец со спусковой кнопки, когда закончилась обойма.

«Заряди другую,» сказал он.

«Мы попали в него?» спросила Паша.

«Вы шутите?» фыркнул Мерин. «Шогги снес всю верхушку здания.»

«Погодите,» крикнул Ларкин.

Они ждали, смотрели. Пыль плыла от здания в сыром послеполуденном воздухе.

«Вы заставили его спуститься вниз на этаж,» прошептал Ларкин, прицеливаясь.

«Откуда ты знаешь?» спросил Домор.

«Я только что видел его в окне первого этажа,» сказал Ларкин. Его оружие выстрелило с громким треском.

«И еще раз,» сказал он, опуская винтовку.

Крийд остановилась. Она только что слышала непрерывный огонь орудия поддержки. Призраки во дворе позади нее наконец-то достали что-то тяжелое, чтобы разобраться со снайпером на цементном заводе.

На крыше было тихо. За пару минут до этого была какая-то стрельбы на западной стороне здания. Она предполагала, что это был Мколл и Вергхастка. После этого все стало тихо. Она была высоко наверху, и ветер, дующий с города, бил ей по ушам. Может быть, они разобрались со всеми ними, или заставили отступить.

Она услышала внезапный треск. Выстрел из винтовки. Затем быстрая очередь из автоматического пистолета. Еще один, более громкий, одиночный выстрел.

Тишина.

Фигура покинула укрытие на коньке крыши перед ней. Человек в грязной боевой одежде, с длинноствольным оружием с прицелом. Он пытался спуститься вниз. Поспешно, она подняла свой лазган и выстрелила, разнеся черепицу слева от него.

Он вздрогнул и заметил ее, поднимая винтовку, чтобы выстрелить. Он выпустил одну пулю, которая пролетела мимо ее щеки на расстоянии пальца. Крийд вонзила три заряда ему в верхнюю часть тела. Он дергался, как от удара молотом, от каждого, затем упал. Его обмякшее тело, с почти широко раскинутыми руками, соскользнуло с края крыши перед ней, и кучей свалилось внизу.

Прижав винтовку к плечу и целясь, Крийд поспешила вперед. Стрелок был мертв. Нет нужды даже проверять. Были ли здесь еще?

Она обошла вокруг края покатой крыши по парапету и вышла на плоский участок. Территория была путаницей из заброшенных вентиляционных отверстий, ржавых и

покрытых вмятинами, и штабелей сломанных оконных рам, стоящих у нижнего края крыши.

Никого в поле видимости. Она решила вернуться назад и найти Мколла и Вивво.

Она услышала звук. Зазвеневший кусочек стекла, который откололся и упал.

Она обернулась к штабелю оконных рам. Она увидела торчащую ногу.

Она побежала туда.

Маддалена Дэрибавд лежала на спине в куче рам. Она упала туда и разбила вдребезги стекла. Куски стекла были повсюду. Ее оружие все еще было у нее в руке, но оно было пустым. Ее лицо было таким же красным, как комбинезон, залитым кровью, которая, так же, покрывала ее волосы. В нее два раза попали из длинноствольной винтовки. Первая пуля попала ей в бедро, и оно было отвратительно деформировано, но вероятно, не смертельно. Вторая, в голову, была смертельной.

Ее глаза все еще были широко открыты. Капли крови прилипли к ее ресницам.

«Ох, фес,» пробормотала Крийд.

Маддалена заморгала.

Крийд опустилась рядом с ней, игнорируя боль, когда кусочки стекла врезались в ее колени и голени.

«Держись! Держись!» произнесла она. «Я приведу медика!» Как женщина могла быть все еще жива с такой раной?

Маддалена смотрела в небо. Она выпустила вздох или стон, который, казалось, опустошил ее легкие.

«Я приведу медика!» сказала ей Крийд, копаясь в своей сумке в поисках бинтов или чего-нибудь еще, чтобы замотать рану.

«Крийд--» сказала Маддалена. Ее голос был тихим, ее губы едва двигались. Это было почти пустое дыхание.

«Я приведу медика,» уверила ее Крийд.

«Присмотри за--»

«Что?» Крийд наклонилась, чтобы услышать, своим ухом к губам Маддалены. Кровь булькала, когда телохранитель говорила.

«Присмотри за--» повторила Маддалена. «У тебя есть дети. Ты понимаешь. Ты знаешь, как. Ты--»

«Не разговаривай.»

«Феликс. Пожалуйста, присмотри--»

«Оставайся со мной!» сказала Крийд, пытаясь наложить повязку на рану на голове.

«У тебя есть дети. Не позволяй ей--»

«Кому? Ты имеешь в виду, Йонси? Что с Йонси?»

«Пообещай мне, что ты присмотришь за Феликсом. Защити Феликса.»

«Что? Оставайся со мной!»

«Пообещай мне.»

«Я обещаю.»

Маддалена снова заморгала.

«Тогда, хорошо,» сказала она. И умерла.

ПЯТНАДЦАТЬ: ШТАБ

Гаунт следовал за Байотой по залам Урдешского Дворца. Тактик казался менее предрасположенным разговаривать дальше.

Охранники были расположены на каждом углу и у всех дверей: Урдешцы в парадной форме, Нарменианцы с хромированными нагрудными пластинами и силовыми дубинами, Кейзонские штурмовики в тяжелой броне. Крепость была из бледного камня и продуваемая сквозняком. Шаги отдавались эхом, и ветер бормотал в пустых залах. Стены были избавлены от картин, а пол от ковров. Изоляционные коврики и тепловая изоляция лежали на главных путях. Старое гальваническое освещение было заменено на светосферы.

Байота провел вниз по длинной, изогнутой лестнице, и настежь открыл двери длинного подземного помещения с рифленным каменным потолком. Подземное помещение было полно людей, стоящих неформальными кучками, разговаривающих. Они все обернулись, когда двери открылись.

Байота не замедлил шаг, идя по помещению к двойным дверям в дальнем конце, даже не удостоивая людей вторым взглядом.

Гаунт следовал за ним. Он осознавал, что на него смотрят. Люди, в огромном многообразии униформ Милитарума, и у которые в основном были длинные темные плащи, смотрели, как он проходит мимо. Здесь была сотня людей или даже больше, и ни у одного из них не было звания ниже генерала или полевого командующего. С существенной разницей, Гаунт был самым низким по званию в помещении.

Байота дошел до дверей. Сделанные из тяжелого металла, с витиеватым узором, они были украшены травленной сталью и искусной позолоченной арматурой. Гаунт вообразил себе, что они были, вероятно, одной из первоначальных черт крепости, древние двери, которые ощущали на себе стук королей, и видели проходящих вождей династий и лордов секторов. Это было лучше, чувствовал он, чтобы воображать себе такое, чем думать о сосредоточенной власти глаз, энергично разглядывающих его.

Байота стукнул один раз, затем открыл левую дверь. Гаунт почувствовал дым сигарет с лху и сигар. Он вошел, когда Байота кивком поманил его, а затем осознал, что Байота закрыл за ним дверь, не войдя.

Зал был большим, и задрапирован висящими боевыми штандартами, некоторые были потерты временем и использованием. Сквозняк дул откуда-то еще, колыхая открытое пламя на факелах, которые стояли на черных металлических триподах по всему периметру зала. В танцующем свете, Гаунт мог видеть надписи на стенах, объявляющие, что этот зал является военной комнатой Урдешской Коллегии Беллум.

Полы были из глянцевого черного камня, что контрастировало с бледным камнем остальной части старой крепости. Камни были покрыты списками, списками, вытравленными плотными линиями, а затем заполненными золотой проволокой. Легенды о битвах, военные кампании, почетные списки.

Здесь был огромный полукруглый стол в центре комнаты, его прямая часть была перед ним и дверью. Стол был деревянным, и выглядел так, как будто он был половиной цельного куска ствола, лакированного до глубокого блестящего коричневого. Гроздь светосфер парила над ним. Над ними, кольцом вокруг стола, двадцать маленьких киберчереповплыли на свои позиции, их глаза светились зеленым, их скульптурные серебряные лица тихо бормотали и щелкали.

Тридцать человек сидели за изогнутой частью стола. Все они пристально смотрели на него. Тридцать первое сидение стояло, пустым, в центре.

Гаунт узнал их всех. Их звания и власть, по крайней мере. Некоторых он знал по пиктам и файловым отчетам, некоторых по картинам. Некоторых он знал лично. Слева, Гризмунд, его старый союзник с Вергхаста, теперь полный лорд генерал по тесьма на воротничке и рукавах. Гризмунд резко кивнул приветствие Гаунту.

«Выйди вперед, Брам,» сказал Вон Войтц, с небрежным жестом. У него в кулаке, которым он поманил, была зажата сигара, и дым, поднявшийся ленивой желтой дымкой мимо светосфер, напомнил Гаунту медленное подкрадывание ядовитого газа на полях битв. Вон Войтц сидел слева от пустого кресла.

Гаунт вышел вперед, смотря на прямой край стола. Он снял фуражку, заткнул ее подмышку, и сотворил символ аквилы.

«Полковник-Комиссар Ибрам Гаунт из Танитского Первого, вернувшийся к нам,» сказал Вон Войтц.

Вокруг стола пробежал шепот.

«Император защищает,» сказал Лорд Милитант Сайбон. «Я вдохновлен тем, что вижу что ты безопасно вернулся, Гаунт.»

Гаунт бросил взгляд на массивного, аугментированного военачальника. Осунувшееся лицо Сайбона, скрепленное бионической техникой, было невозмутимым. Свет от факелов блестел на эмблемах падальщиков у его горла.

«Спасибо вам, сэр,» сказал Гаунт.

«Много времени прошло,» сказал Лорд Генерал Булледин, широкий и с серой бородой. «Много, в самом деле. Монтакс, да?»

«Прямо перед Хагией, я полагаю, лорд.»

«Ах, Хагия,» сказал Булледин с мрачным смешком. Смех эхом повторили все за столом.

«Все привело к лучшему, в конечном итоге,» сказал другой лорд генерал, дальше на полукруге. Булледин бросил взгляд в его сторону.

«Ты – живое этому доказательство, мой друг,» игриво сказал он.

Человек, с которым он говорил, ответил самодовольной улыбкой, как будто это все было казарменным подшучиванием. Гаунт бросил взгляд в его сторону. Он увидел, что этим человеком был Люго. Он напрягся. Люго выглядел старше, намного старше, чем он был тогда, когда Гаунт видел его в последний раз, как будто время обработало его песком. На нем была богатая парча лорда милитанта генерала, вероятно, самая показушная из различных униформ в комнате. Опять лорд генерал, подумал Гаунт.

«У тебя есть доклад для нас, Брам,» сказал Вон Войтц.

«Есть, сэр,» сказал Гаунт. Он вытащил зашифрованный планшет из кармана. «Если вы все готовы получить его.»

«Готовы,» сказал Сайбон. Он поднял жезл, чтобы изменить настройки киберчерепов. Они начали жужжать и стрекотать, развертывая криптополе, которое изолировало комнату от всех любопытных глаз, ушей и сенсоров. Гаунт активировал планшет, и передал свой конфиденциальный отчет на устройства в комнате. Лорды генералы вытащили или взяли свои разнообразные устройства. Некоторые начали читать.

«Личное резюме, я думаю, Брам.» сказал Вон Войтц, игнорируя свой планшет, который лежал рядом с его пепельницей на столе.

«По приказу высшего командования,» сказал Гаунт, «а именно, властью Лорда Милитанта Генерала Сайбона и Лорда Комиссара Меркюра из Официо Префектус, мой полк покинул Балгаут в 781-ом относительно. Целевым пунктом была промышленная база Архиврага в Приграничье Римворлда.»

«Предел Спасения,» сказал Булледин.

«Именно, сэр,» сказал Гаунт. «Цель была тройной. Нейтрализовать промышленные мощности врага, заполучить, где возможно, данные и материалы для изучения, и создать предосудительную дезинформацию, которая могла бы дестабилизировать силы врага.»

«Из которых,» сказал Сайбон, «третье было самым специфическим. Миссия в Пределе была частью более обширной программы для подрывных операций.»

«Это разработал,» сказал Булледин, «ты, Сайбон, и Меркюр?»

«И это было санкционировано магистром войны,» ответил Сайбон. «Но зачатки идеи шли от Гаунта.»

«С помощью вражеского бойца,» сказал Люго. Он бросил взгляд на Гаунта, его глаза блестели. «Это так, так ведь? Был вовлечен враг высокой ценности?»

Гаунт прочистил глотку. У него было ощущение, что он знал, к чему все может привести.

«Высокая ценность только тогда высоко ценна, когда эта ценность используется, сэр,» ответил он. «Вражеский офицер сдался нашим войскам. Смена стороны. Он, когда-то, был одним из нас. Он предоставил информацию.»

«Вам?» спросил Люго.

«Он доверился мне.»

Несколько лордов милитантов зашептались.

«Я не могу понять смысла этого замечания, кроме как удобное,» сказал Люго. «Иначе это хорошо отражается на обе стороны этой войны.»

«Правда часто может быть неудобной, сэр,» сказал Гаунт.

«Почему он доверился вам, Полковник-Комиссар Гаунт?»

Вопрос шел от женщины с жестоким лицом, в которой Гаунт узнал Милитанта Маршала Тзару, гет-атамана Кейзонского Воинства, и Госпожи Семнадцатой Армии. Ее волосы были блекло-красными, подстриженными очень коротко, а ее красный плащ был окаймлен густым мехом животного. Узоры из металлической проволоки украшали бронированный перед ее кожаной куртки с высоким воротником.

«Мне нужно повторить вопрос?» спросила она.

«Он доверился мне, потому что он понимает войну, и уважает способного командира, маршал,» сказал он. «Я победил его, на Гереоне. Мне была дана задача уничтожить предателя Генерала Ночеса Стурма. Активу не удалось защитить Стурма от моего правосудия. Я заслужил его уважение.»

«Значит, это он предложил вам этот план?» спросил Булледин. «Архивраг предложил этот план вам?»

«Сначала я был осторожен, сэр,» сказал Гаунт. «Как и сейчас. Я поддержал план только тогда, когда донес его Лорду Сайбону и Лорду Меркюру на рассмотрение.»

«Это было беспощадно проанализировано до того, как мы согласились,» проскрежетал Сайбон. «Беспощадно.»

«Но теорией было создать раскол между Гором и Секом?»

Гаунт посмотрел в сторону сказавшего, молодого человека, сидящего в конце по правую руку. Это был Лорд Генерал Уриенц, один из блестящих звезд Крестового Похода Саббат, выдающийся командир, который поднялся к славе на волне

господства Макакота. Они никогда не встречались, и Гаунт был удивлен увидеть его здесь. Он представлял себе, что Уриенц будет командовать своим собственным фронтом, и дальше покрывая золотом свою заслуживающую внимания репутацию. Двадцать лет, Витус Уриенц был отмечен, как магистр войны в ожидании.

Он был возраста Гаунта. Его волосы и козлиная бородка были черными, а его широкое лицо «драчливым», как будто он боксировал будучи младшим офицером – боксировал без скорости, чтобы парировать удары, которые расплющивали его нос, брови и скулы, но с телосложением, которое позволяло ему впитывать жестокое обращение, не обращая на это внимания. В нем была угроза, вес. Его униформа была темно-голубой, сделанной портным и простой. Ни медалей, ни плаща, ни парчи, ни показухи. Ничего, кроме простых золотых знаков различия его звания.

«Именно так,» сказал Гаунт. «Гор был неприступно могущественным среди магистров Кровавых Племен. Он заслужил свое звание Архонта из-за своей военной свирепости, а так же усмирив своих ключевых конкурентов. Сек, Иннокенти, Асфодель, Шебол Краснорукий. Он сделал их доверенными лейтенантами. Справедливым будет сказать, что Сек намного более способный военный лидер. В то время, как актив добрался до меня, Сек возвышался, и строил свою собственную основу власти. Мы знали, что это раздражает Гора, и что трения растут. Планом было полностью разжечь это соперничество, и привести в действие междоусобную войну.»

«Чтобы заставить наших врагов сражаться друг с другом, и так их ослабить, в целом?» спросил Лорд Генерал Келсо.

«Точно так, сэр,» сказал Гаунт.

Келсо, почтенно старый и выделяющийся в своей серой официальной униформе, задумчиво кивнул.

«Сумасбродный план,» сказал Вон Войтц.

«Это преуменьшение, старый друг,» тихо рассмеялся Люго.

«Это было вдохновлено безумием,» тихо сказал Сайбон, «даже отчаянием.»

Он повернулся, и посмотрел через стол на Люго.

«Но это чертовски хорошо сработало.»

«В... некотором смысле,» согласился Люго.

«Ни в каком не 'некотором смысле', друг мой,» сказал Вон Войтц. «Хотя мы уже десять лет стоим перед лицом ярости, это отличная ярость. Войска Сека должны были разбить нас восемь лет назад, если бы им не пришлось разделиться. То, с чем мы имеем дело сейчас, используя слово моего друга Сайбона, это отчаяние. Безумие трупа, который отказывается признать, что он мертв.»

«Слабость, которую мы не используем,» сказал Маршал Блэквуд. Это была первая вещь, которую Гаунт услышал от прославленного военачальника. Блэквуд, в своем плаще, был здесь единственным человеком, который не снял свою фуражку. Он был худым и мрачным, а его тон был смесью печали и злобы.

«Давайте не будем к этому возвращаться,» сказал Келсо.

«В самом деле,» сказал Булледин. Блэквуд неуверенно пожал плечами.

«Это может подождать, Артор,» сказал он.

«Может, Еремия, и подождет,» сказал Булледин. «Гораздо более фундаментальная обязанность требует нашего внимания до того, как мы снова спустимся на еще один раунд тактических аргументов и ссор. Миссия Гаунта, несмотря на то, что некоторые из нас могут посчитать ее отчаянной, была успешной. Она была просчитана в 84-ом. Был официальный доклад, на котором поставил печать наш магистр войны. Предел Спасения был добавлен в почетный список важнейших боевых действий в этой войне.»

«Это где-то там на полу,» сказал Сайбон с небрежным жестом. «Сам можешь прочитать, Гаунт.»

«Вы были признаны пропавшим без вести, полковник-комиссар,» сказала Тзара.

«С нами произошел варп-инцидент,» сказал Гаунт.

«И хотя теперь вы снова появились, каким-то чудесным образом, мы осознаем безмерные риски--»

«Суицидальные,» проворчал Сайбон.

«--безмерные риски,» закончила Тзара, «с которыми вы встретились, чтобы достичь этого.»

«И понесенные вами значительные потери,» добавил Булледин.

«Ты все это пропустил, Брам,» сказал Вон Войтц. «За те десять лет, что ты отсутствовал, ты был прославлен, как Имперский Герой, потерянный в славе, твое имя и имя твоего полка будут чтиться всегда. Были посмертные объявления благодарности, празднования в честь твоего имени, посвящения. Известность и слава навалились на тебя, Брам.»

«Только в смерти, сэр,» сказал Гаунт.

«Как это часто бывает с нашей породой,» сказал Булледин.

«Это редкость для человека, чтобы он увидел лавры, возложенные на его могилу,» сказал Сайбон.

«Я... спасибо вам, лорд,» сказал Гаунт. Он кратко поклонился и снова сотворил символ аквилы. «Я польщен вашими словами.»

Маршалы и генералы переглянулись. Некоторые тихо рассмеялись.

«Ну же, Брам,» сказал Вон Войтц. «Займи свое место.»

«Здесь только одно, сэр,» сказал Гаунт. «Мы ждем магистра войны и--»

«Магистра войны здесь нет, Брам,» сказал Вон Войтц. «Он занят своими стратегиями. Это место ждет не его.»

Вон Войтц поднялся на ноги.

«В смерти. Ибрам Гаунт,» сказал он, «ты был рекомендован на высочайшем уровне, и награжден посмертным званием в честь твоих деяний и бескорыстного вклада. Теперь, когда ты вернулся к нам, живым и целым, будет высшей степенью неуважения лишить тебя этого звания и притворится, что оно не было получено. Займи свое место среди нас, Лорд Милитант Коммандер Гаунт.»

Они все встали, каждый из них со своих кресел. Они начали хлопать, тридцать лордов генералов, маршалов, лордов милитантов.

Гаунт заморгал.

ШЕСТНАДЦАТЬ: ВНУТРЕННИЙ КРУГ

Муниторум установил световые установки вокруг двора К700. Они отбрасывали туманное белое свечение, которое выхватывало проливной дождь. Роун высадился из своего транспортника-4, и пошел с Харком и Ладдом к мобильному медицинскому модулю, который транспортер Муниторум притащил прямо перед наступлением ночи. Гол Колеа, ждущий под навесом, кивнул им.

«Что случилось?» спросил Роун.

Колеа пожал плечами.

«Инсургенты,» ответил он. «Сыны Сека. Восемь мертвых здесь, еще четверо у соседей. Хеликсидов.»

«Фес,» произнес Роун.

«Мы добрались до них?» спросил Харк.

Колеа кивнул.

«Мы достали их всех,» сказал он. «Хотя, беспорядок. Меня не было здесь, когда все произошло, но Паша говорит, что это была бойня, потому что у нас было слишком мало боеприпасов. Они метались вокруг в поисках боеприпасов.»

«Сейчас они у нас есть?» спросил Роун.

«У нас есть свет, продовольствие и медицинский трейлер для Керт,» сказал Колеа. «Пока еще никаких боеприпасов.»

«Я займусь этим,» сказал Харк.

«Мы делали повторные запросы, Виктор,» сказал Колеа.

«Они пока еще не слышали это от меня, Гол,» сказал Харк мягким, но угрожающим тоном. «Я займусь этим.»

Когда Харк ушел, Роун оглядел территорию. Он мог слышать дождь, бьющий по крыше медицинского модуля и по пластековому навесу, и воду, булькающую в разбитых желобах и сливных трубах древних зданий.

«Мы--» начал он.

«Я разместил охрану по периметру и патрули, да,» сказал Колеа. «Они не доберутся до нас снова.»

«Я думал, что это был безопасный город,» сказал Ладд.

Колеа посмотрел на него.

«Вероятно, здесь везде так,» сказал он. «Главные линии фронта дырявые. Ячейки инсургентов пробираются в здания и безопасные зоны.»

Роун кивнул.

«Гаунт?» спросил он.

«Все еще в штабе,» сказал Колеа. «Мы решаем, кто ему расскажет, когда он вернется.»

Роун вопросительно сузил глаза.

«Вероятно, ты, Эли,» сказал он.

«Почему?»

«Он тебя в любом случае ненавидит,» сказал Колеа.

Роун фыркнул и вошел в дверь медицинского модуля. Ладд метнул на Колеа озадаченный взгляд, затем последовал. Он резко остановился, когда увидел Феликса, стоящего с Далином рядом с входом.

«Что вы здесь делаете?» спросил Ладд.

«Они не позволяют мне увидеть ее,» сказал Феликс.

«Он в порядке,» сказал Далин. «Оставьте его.»

«Не говори мне, что делать, рядовой,» сказал Ладд. Он снова посмотрел на Феликса.

«Они не позволяют тебе увидеть кого?» спросил он.

Роун вошел в тесный медицинский модуль. Колдинг накладывал швы на лицевую рану водителя Муниторума. Керт складывала инструменты в автоклав. Она подняла взгляд, когда вошел Роун, ее лицо было холодным и натянутым, затем дернула головой в сторону ближайшей каталки, которые располагались в заднем отсеке модуля.

Роун подошел к ней и поднял край простыни.

«Фес,» сказал он.

«Умерла до того, как я туда добралась,» сказала Керт.

«Кто еще?» спросил Роун.

«Список висит там,» сказала Керт.

В дверном проеме раздался шум, и вошла Крийд. Она отдала набор медицинских ножниц Керт.

«Спасибо,» сказала она.

«Не могу представить, что она легко это перенесла,» сказала Керт.

«Волосы Йонси отрастут снова, Ана,» сказала Крийд.

«Ты использовала мазь?»

«Ага. Ты будешь много раз использовать эти ножницы следующие несколько дней,» сказала Крийд.

«Я проведу полную проверку,» сказала Керт. «Я заказала порошки со склада, так что мы сможем обработать все постельные принадлежности. Вшей будет легче контролировать здесь, чем на корабле.»

Крийд заметила Роуна. Он опускал простыню.

«Она была храброй,» сказала Крийд. «Пошла прямо на них, защищая. Защищая мальчика больше, чем что-нибудь еще. Отвела от него угрозу. И полка, но он был на первом месте. Она была быстрой. Конечно, она все нафес знала о городском бое. Но в этом красном комбинезоне...»

«Я скажу Гаунту,» сказал Роун.

«Нет, я это сделаю,» сказала Крийд. «Я была с ней в конце.»

«Я это сделаю,» сказала Керт. «Это работа старшего медика.»

Они оба посмотрели на нее.

«Я это сделаю,» сказал Роун, более твердо.

«Сэр?»

Роун посмотрел назад. В дверном проеме был Ладд.

«Феликс... то есть, Рядовой Часс, он хочет увидеть тело.»

«Для этого будет время позже,» сказала Керт.

«Она была ему, как мать,» тихо сказала Крийд. «Я имею в виду, вероятно больше мать, чем его родная мать. Даже если она была психованной су--»

«Прекратите это, капитан,» сказал Роун. Он посмотрел на Керт. Медик сделала задумчивый вдох, затем кивнула.

Роун поманил рукой Ладда. Ладд привел Феликса в трейлер. Далин висел у них на хвосте в дверном проеме.

Феликс выглядел особенно маленьким и худым, больше похожим на ребенка, чем когда-либо, подумал Роун. Он подошел к каталке, у которой стоял Роун.

«Тебе не нужно смотреть,» сказала Керт.

«Нужно,» сказал Роун.

«Ему, вероятно, нужно, Ана,» сказала Крийд.

«Фесовы вы солдаты,» пробормотала Керт. «Вы считаете, что ужас делает прививку от ужаса.»

«Это называется завершением, Ана,» сказала Крийд.

«Если спросите меня, то этого слишком много в мире,» сказала Керт.

Роун потянулся, чтобы снова поднять край простыни, но Феликс сделал это первым. Роун убрал руку, когда Феликс поднял край запятнанного кровью покрывала.

Он мгновение пристально смотрел на лицо, которое пристально смотрело на него в ответ с каталки.

Он сказал что-то.

«Что?» спросил Роун.

Феликс прочистил глотку и повторил.

«Она страдала?»

«Нет,» сказала Крийд.

«Она защищала тебя,» сказал Роун. «Это была ее работа. Ее воспитание. Ее жизнь.»

«Она умерла, защищая меня?» спросил Феликс.

«Да.»

«От этого не лучше,» сказал Феликс.

«Когда-нибудь это все равно должно было произойти,» сказал Роун.

«Ох, ради феса, Эли!» фыркнула Керт.

«Он прав,» сказал Колдинг с другого конца трейлера. «Жизнь телохранителя принадлежит ему или ей, кого он охраняет. Они ставят себя на линию опасности.»

«Есть способы делать это...» начала Крийд.

«Что это означает?» спросил Феликс, резко посмотрев на нее.

«Ничего,» сказала Крийд.

«Скажите мне, что вы имели в виду,» сказал Феликс.

Крийд пожала плечами.

«Твой телохранитель была превосходна в личной охране. Я имею в виду, она была отлично тренирована для этого. Незаметные нападения, тайные убийства. В

окружающей обстановке дворца или резиденции верхнего улья, она бы была превосходной. Но она не была солдатом. Боевая зона, как эта, намного отличное место. Ты не бежишь по ней, небрежно и безрассудно. Ты не рассчитываешь на одни только скорость и реакцию. Ты не носишь красное и не делаешь себя целью.»

Губа Феликса слегка дрожала.

«Мне жаль,» сказала Крийд. «Она была храброй.»

«Ей будут нужны похороны,» сказал Феликс.

«Они все получают похороны,» сказала Керт. Она потянулась к своему планшету на переполненном рабочем столе. «Муниторум дал разрешение на захоронение, и назначил места на... Втором Кладбище Восточного Холма.»

«Нет,» сказал Феликс. «Официальные похороны. Со службой в храме и с приличным экклезиархом, который произнесет литанию, а не с этим вашим идиотом священником. Я не позволю ей упокоиться в каком-то массовом военном захоронении.»

«Что-то не так с военными похоронами?» спросил Роун.

«Или с нашим фесовым аятани?» пробормотала Крийд.

«Феликс,» сказал Ладд, «Астра Милитарум предоставляет это для всех, кто пал на службе. Похоронные службы просты, но очень почетны. Есть денежное пособие на погребение от Муниторума--»

«Частная служба,» сказал Феликс. «Частная заупокойная служба. У меня... у меня есть доступ к средствам. Через любую счетную палату здесь на Урдеше, я могу перевести деньги со счетов моей семьи. От Дома Часс. Она получит должные похороны.»

«Она погибла с нами,» сказал Роун. «Она служила с нами. Она ляжет в землю с нами, по нашему обычаю.»

«Как было указано, майор,» сказал Феликс с яркими глазами, «она не была солдатом. Она будет похоронена так, как я сочту нужным.»

Казалось, что Роун уже собирается ответить, но остановился, когда Крийд мягко взяла его за руку и покачала головой.

«Ммм,» начал Ладд через некоторое время. «Я бы попросил, чтобы Рядовой Часс был взят под надзор Комиссариата с данного момента.»

«Под твою опеку, ты имеешь в виду?» спросил Роун.

Лицо Ладда стало суровым и недружелюбным.

«Мне поручили благополучие рядового, учитывая его особенные обстоятельства. Его телохранитель погибла, и есть вопрос дальнейшей защиты. Я буду оставаться его защитником до тех пор, пока--»

«Он – часть Роты Е,» сказал Далин в дверном проеме. «Что вы собираетесь делать? Перевести его? У него не может быть комиссара, лично наблюдающего за ним, днем и ночью. Или вы хотите переместить его из казарменных помещений?»

«Я думаю, что ясно дал понять, чего я хочу, рядовой,» сказал Ладд.

«Нет,» сказала Крийд. «Он останется на месте. Он останется в рядах.»

«Это не вам решать, капитан,» сказал Ладд.

«Часс пришел к нам, чтобы научиться быть солдатом,» сказала Крийд. «Это то, что хотела его мать. Это то, что хотел его высокородным дом. И это то, чего, так же, хочет Гаунт. Он не научится пути Астра Милитарум, если будет неженкой.»

«Я не говорю об особенном обращении--» начал Ладд.

«Но это именно так,» сказала Крийд. «Он останется на месте. У него приличные отношения с Далином. Далин приглядит за ним и будет спать с ним. Не спускать с него глаз. Менее назойливый глаз, чем у комиссара.»

Ладд посмотрел на нее с тем, что выглядело как сдерживаемая ярость.

«Вы говорите это только потому, что Далин ваш сын. Вы хотите, чтобы он получил благосклонность в глазах Гаунта. Это полностью неподобающе.»

«А ты не пытаешься получить благосклонность?» спросил Роун.

«Я заинтересован в... благополучии мальчика, майор,» огрызнулся Ладд.

«Хватит,» сказала Керт. «Это маленький трейлер, и здесь уже слишком много людей. Урегулируйте это или разбирайтесь снаружи.»

Она посмотрела на Феликса.

«Прости,» сказала она. «Я не хотела звучать бесчувственно. Я очень сожалею о твоей потере.»

«Я сказала то, что сказала не потому, что Далин мой сын,» спокойно сказала Крийд. «Я сказала это потому, что этого хотела Маддалена. Когда я добралась до нее, она все еще была жива. Едва. Я понимала... я понимала, что она не выживет. Она заставила меня поклясться. Она заставила меня поклясться, что я должна сделать для тебя все возможное.»

«Вы?» спросил Ладд.

«Не потому что Далин мой сын, но потому что я мать,» сказала Крийд.

«Она... она была жива?» прошептал Феликс, пристально смотря на Крийд.

«Какое-то время,» тихо сказала Крийд. «Всего лишь пару мгновений. Было слишком поздно. Она заставила меня пообещать. Она... она доверилась мне. Фес знает почему. Она заставила меня пообещать.»

«Ладно, все это очень хорошо,» сказал Ладд, «но--»

«Обещание солдата – серьезная вещь,» спокойно сказал Роун. «Простая, но серьезная. Как солдатские похороны. Крийд спросили, и она пообещала. Мы сделаем так, как говорит Крийд.»

«Майор, я протестую!» крикнул Ладд.

«Протестуй сколько нафес хочешь, Ладд,» сказал Роун. «Я старший офицер в этой комнате. Трон, за исключением Гаунта, я старший офицер в этом фесовом полку. Я только что отдал приказ. Вот как все делается. Гаунт может отменить его, если захочет, но не ты, Ладд. Ты уже должен к данному моменту знать, что у меня есть

целый фесов грузовик с директивами от Официо Префектус. Что будет для меня концом, со временем. Но прямо сейчас, мы сделаем, как сказала Крийд.»

«Я доведу это до Харка,» сказал Ладд с мрачным лицом.

«Флаг тебе в руки,» сказал Роун.

Ладд посмотрел на Феликса. В его была мягкость, которая удивила их всех.

«Ты...?» начал он. «Ты согласен с этим? С тобой все будет в порядке?»

Феликс посмотрел на него. Было очевидно, что он не согласен, но он все равно кивнул.

«Далин?» сказал Роун. «Уведи Рядового Часса, посели в комнату с собой. Только вы двое. Перераспределите спальные места, если тебе придется. Моей властью.»

«Да, сэр,» сказал Далин.

Он вошел в трейлер, чтобы сопроводить Феликса наружу. Роун положил руку ему на плечо и остановил. Он наклонился и прошептал на ухо Далину.

«Присматривай за ним, Дал. Не спускай глаз, ты меня понял? Он шокирован. И не позволяй Мерину общаться с ним.»

«Да, сэр. Нет, сэр,» сказал Далин. Он бросил взгляд на Крийд, которая кивнула, а затем увел Феликса наружу в дождь.

После того, как Роун, Крийд и Ладд ушли, Керт закончила уборку, а затем повернулась, чтобы посмотреть на посмертные отчеты, наваленные на ее рабочем столе.

Колдинг только что отправил водителя с замотанным бинтами лицом.

«Мне закончить отчеты, доктор?» спросил он.

«Я это сделаю, Ауден.»

«Вы устали, мэм,» сказал он. «К тому же, смерть и бумажные дела – две из моих специальностей.»

Она улыбнулась и кивнула.

«Спасибо. По крайней мере, смогу подышать воздухом.»

Она вышла из трейлера в искусственное освещение двора. Дождь уменьшился до мороси, и за границами световых установок мир был черным и холодным.

«Закончила на сегодня?»

Она огляделась и увидела Вэйнома Бленнера, бредущего к ней.

«Да,» сказала она.

«Тяжелый день,» сказал Бленнер. «Ты знаешь, что я всегда нахожу эффективным лекарством от тяжелого дня?»

«По твоему медицинскому мнению?»

«Я доктор жизни, Ана,» тихо рассмеялся он. «И по моему опыту, испытания, которые жизнь плюет в нас, лучше всего отразить стаканом или двумя жидких фортификаций. Водитель Муниторума, который привез меня сюда сегодня, был очень полезен в том, чтобы выпустить бутылку амасека под мою опеку. Хочешь ко мне присоединиться?»

Она посмотрела в темноту. Там было слабое свечение вдалеке, свете города, предположила она. Вероятно фонари и прожектора Урдешкского Дворца, который нависал над всеми ними.

«Нет, спасибо, Вэйном,» сказала она. «В последнее время я обнаружила, что пью слишком много.»

«Конечно, нет,» улыбнулся он.

«Ты должен знать, Вэйном. Я всегда это делаю в твоей компании.»

«И мы приводим дела человеческие в порядок, два великих философа вместе.»

«Нет, Вэйном. Во мне больше нет философии.»

Он пожал плечами.

«Есть, конечно, множество других способов расслабиться, Ана.»

Она посмотрела на него. Он вздрогнул от суровости в ее глазах.

«Вы очень настойчивый, Бленнер. Очень настойчивый. Я думаю, что я ясно все сказала.»

«Ладно, я, определенно, ничего не имел в виду под этим, Доктор Керт.»

«Вэйном, ты имеешь в виду ничего под всем, и все под всем. Я оценила по достоинству твою дружбу в эти последние несколько месяцев. Честно, я никогда не ожидала обнаружить какое-нибудь родство с таким человеком, как ты.»

«Человеком, как--? Вы раните меня, доктор.»

«Я узнала тебя, Вэйном, и ты, определенно, знаешь себя. У тебя бурная, поднимающая настроение душа, но у тебя всегда тайные планы.»

«Никогда!» запротестовал он.

«Всегда,» твердо сказала Керт. «Ты стремишься служить себе, любым способом, которым можешь. Чтобы уберечь свою жизнь от неудобных неприятностей. Когда я проводила время с тобой, я смеялась, и я забывала себя.»

«Как это может быть плохим?»

«Я забывала, что я служу остальным,» сказала она. «Я – медик, Вэйном. Это мой долг и мое предназначение. Всегда было. Я боюсь, что если я и дальше буду впустую проводить с тобой время слишком часто, я забуду об этом. Я начну подписываться на твой эгоистичный образ жизни. Я умру, служа себе, не другим.»

«Это так ты видишь меня?» спросил он.

«Ты знаешь, какой ты,» ответила она. «Это не похвала. Ты – человек выдающихся качеств, если бы ты только признавал их. На самом деле, я думаю, что Империя может быть улучшен, если в нем будет больше таких людей, как ты. Людей, которые могут, несмотря ни на что, найти следы радости и удовольствия в этой фесовой тьме.»

«Ты говоришь, что я плохо влияю?» сказал он с язвительной улыбкой. Он наклонился к ней.

«Я абсолютно нафес серьезно, Бленнер,» сказала она. «Я потеряла себя в последнее время. У меня нет никакого желания больше терять себя.»

Она повернулась и начала уходить.

«Это из-за того, что она умерла, так ведь?» крикнул он ей вдогонку. Когда он произнес слова, он вздрогнул. Он понял, что они вырвались слишком едко.

Керт повернулась.

«Что?» резко спросила она.

«Я слышал, что она умерла,» сказал он. «Мы все слышали. Теперь, когда она исчезла из вида, ты можешь прекратить тратить время со мной и сосредоточиться на--»

Она быстро подошла к нему и схватила за лацканы.

«Женщина погибла. Восемь человек погибли. А ты назвал это 'трудный день'?»

«Она тебе даже не нравилась!» выпалил он, отталкиваясь от нее.

«Нет, но я – доктор, и это тут не при чем. Я спасаю жизни, Бленнер. Я не сужу их.»

«Ты только что осудила меня.»

Она отпустила его, и посмотрела на лужи на дворе.

«Я извиняюсь,» сказала она. «Я не идеальна, и я иногда нелогична.»

Он положил ободряющую руку на ее плечо.

«Тебе она не нравилась, Ана. Ты мне это говорила достаточно раз.»

Керт сбросила его руку.

«Она была человеческой жизнью, сэр,» сказала она. «Она была храброй. Она не была приятной личностью, но она была хорошей личностью. У нее был долг, который она твердо исполняла до конца. Урок для обоих из нас, возможно.»

«Я думаю, что ты расстроена,» мягко сказал он, «не потому что она мертва, но потому что ты счастлива, что она мертва.»

Она резко развернулась к нему.

«Как ты смеешь?» спросила она.

«Не говори, что это не так. Тот факт, что ты огорчена – это драгоценное эгоистичное чувство, о котором ты мне только что читала лекцию. Сучки Гаунта нет. Для тебя путь свободен, чтобы, наконец-то--»

«Замолчи.»

«-- и ты отбрасываешь меня в сторону так, как одноразовый--»

«Замолчи, Бленнер,» прорычала она, «или нашей дружбе, которую я ценю, конец. Я доверилась тебе, что у меня есть чувства к Гаунту--»

«*Всегда* были чувства...»

«Продолжительность вряд ли имеет значение, идиот. Я доверилась тебе. Как друг другу. Я доверилась тебе, когда самым худшим было проводить время за раздобытой тобой выпивкой, насчет *твоего* товарища детства. Твоего лучшего приятеля из плохих старых дней. Ибрам Гаунт, человек, про которого ты любишь рассказывать всем, кто слушает, твой самый старый и самый дорогой друг на века! Почему ты это делаешь? Потому что это заставляет тебя выглядеть в выгодном свете, чтобы ты был способен говорить это?»

«Он и *есть* мой лучший друг,» сказал Бленнер. Он выглядел оскорбленным.

«Тогда и веди себя, как он. Его спутница умерла сегодня. Насколько мне известно, он еще об этом не знает. Меня она никогда не заботила. Ее было трудно любить. Но он любил ее. Он нашел некое утешение в ее--»

«Ее лице. Она выглядела, как--»

«Это неважно, Вэйном. Если ты по-настоящему знаешь Гаунта, ты знаешь, что он отдален. Одинок. Он был таким всю свою жизнь. Это старый недостаток командования. В качестве полковника и в качестве комиссара, ему нужно оставаться в стороне, чтобы поддерживать свой авторитет, и это делает его отдаленным. Я чертовски хорошо знаю, что он недоступен, и я думаю, что его жизнь создала ему трудности, чтобы выбраться из этого. Какие бы ни были смехотворные причины, эта

женщина предложила ему что-то, что значило для него. Теперь ее нет. Это, хоть на мгновение, беспокоит тебя? Как это повлияет на него? И как это повлияет на полк, если он соскользнет в более темное место из-за этого?»

Бленнер усмехнулся.

«Я не думаю, что ты веришь в эти слова,» сказал он. «Я думаю... я думаю, что ты хороша в том, чтобы озвучивать благородные, принципиальные аргументы о заботе и уверенности, которые полностью игнорируют твои чувства. Это просто дым. Ты рада, что ее нет, и ты, несмотря на себя, рада этому.»

«Этот разговор закончен, Бленнер,» сказала она.

«Ты знаешь, что я прав. Хватит маскировать. Прекрати притворяться, что здесь есть какие-то моральные принципы...»

Он замолчал.

«Что?» спросил он. «Ты собираешься ударить меня?»

«Что?» сказала она. «Нет!»

Он кивнул. Она посмотрела вниз и увидела, что ее правая рука была сжата в кулак. Она расслабила ее.

«Нет,» повторила она.

«Тогда, ладно,» вздохнул он.

«Ты ошибаешься,» сказала она.

«У нас разная точка зрения. И я проверю своего старого друга, как только он вернется.»

«Тогда, спокойной ночи,» сказала она. Она сделала паузу.

«Вэйном?»

«Да, Ана?»

«Ты... ты себя чувствуешь лучше, в эти дни?»

«Лучше?»

«Нервы? Беспокойство?»

«Хах,» произнес он, с небрежным жестом. «Я более спокойный. Хорошие разговоры с другом помогают.»

«Ты... ты не просил у меня таблетки. Давно.»

«Плацебо, ты имеешь в виду?» тихо рассмеялся он.

«Я говорила вам, сэр, что я просто следую курсу поддержки, который прописал Доктор Дорден.»

«Сахарные таблетки, чтобы смягчить мои проблемы,» сказал он. «Ты знаешь, эффект плацебо очень мощный. В эти дни, я ощущаю себя снова.»

«Вэйном, если нет... если, Трон спаси нас, этот разговор между нами взволновал тебя--»

«Ага, но вы слишком много думаете о себе, доктор,» сказал он.

Она замешкалась, ужаленная.

«Не впадай в уныние,» сказала она. «Несмотря на спор между нами, не позволяй ему затуманить себя. Если ты борешься, ты можешь придти ко мне. Я помогу тебе. Не опускайся до низших слоев общества, которые тратят по пустякам--»

«Я осведомлен о вашей низкой оценке меня, Доктор Керт,» сказал он. Он поправил свою фуражку.

«Доброй вам ночи,» сказал он, и ушел.

Она смотрела, как он пересекает двор, а затем повернулась, чтобы найти какую бы то ни было сырую квартиру, которую выделили ей.

Праздничный банкет был убран в величественной приемной, примыкающей к военной комнате Урдешской Коллегии Беллум. Генералы и лорды-командующие сидели, откинувшись, пока сервиторы приносили амасек и закуски. Огонь горел в огромном камине.

Компания была веселой, несмотря на состояния шока у Гаунта. Это было так, словно старшие офицеры сохраняли серьезные лица раньше и только сейчас смогли разделить шутку, и отпраздновать как повышение Гаунта, так и его забавную дезориентацию.

Он обнаружил, что сидит между Вон Войтцем и Булледином, с Гризмундом напротив себя. Вон Войтц был особенно словоохотливым, поднимающимся на ноги систематически, чтобы поднять бокал и произнести тост за самого нового из лордов. Люго, к удивлению Гаунта, был самым менее вовлеченным, поднимающим свой мягкий, пустой голос над шумом торжества, чтобы усладить собрание неподдельно забавными историями, множество из которых были самоуничижительными. Одна история, относительно Маршала Хардикера и товара серебряных кубков для пунша, вызвала такой оглушительный смех, что Гаунт увидел, что Лорд Генерал Сайбон впервые громко смеется. Маршал Тзара ударила кулаком по столу так сильно, что это сотрясло мелкую посуду, больше от веселья на реакцию Сайбона, чем от самой истории.

В какой-то момент, Уриенц наклонился над столом и указал на Гаунта наполовину обглоданной ножкой дичи, которую он поглощал.

«Вам нужен хороший портной, Гаунт,» сказал он.

«Портной?»

«Вы – милитант командер,» сказал Уриенц. «Вы должны выглядеть соответствующе.»

«Я... Что не так с моей униформой? Я ношу ее всю свою карьеру.»

Уриенц фыркнул.

«Он прав, вы должны выглядеть соответствующе,» сказала Тзара.

«Эта смесь комиссара и лесного партизана весьма обычна, молодой человек,» прищелкнул Келсо.

«У меня есть отличительный знак звания,» ответил Гаунт. Он поднял большой, золотой герб милитант командера, который ему вручил Булледин. Он лежал рядом

с тем местом, на котором он сидел. Он еще не прикрепил его. Просто его поднятие вызвало хор одобрительных восклицаний и чекание бокалов.

«Это не связано со скромностью и приличием,» сказал Гризмунд. «Вы не измените себя, в качестве повелителя людей из-за высокомерия.»

«Ну,» сказал Блэквуд, «некоторые делают так.»

«Я это услышал, Блэквуд, ах ты пес!» крикнул Люго.

«Это вопрос несомненного статуса,» сказал Гризмунд, смеясь.

«У моих людей никогда не было проблем в распознавании моей власти,» сказал Гаунт.

«В подразделении из пяти тысяч?» сказал Уриенц. «Вероятно, нет. Но в войске из сотни тысяч? Пяти сотен тысяч? Вы выглядите, как комиссар.»

«Я и есть комиссар.»

«Ты – милитант командер, тупой ублюдок!» проревел Вон Войтц. «Когда ты ступаешь на поле, тебе нужно, чтобы не было сомнений, кто обладает властью. Ты не хочешь, чтобы люди спрашивали, 'Кто здесь командует?'... 'Вон тот человек!'... 'Комиссар?'... 'Нет, человек, стоящий с другими комиссарами, который не просто комиссар'...»

«Это не чувство гордости, Гаунт,» сказал Гризмунд. «Это необходимость. Тебе нужно выглядеть так, как все люди всех полков будут ожидать.»

«Может быть, мантия?» предложила Тзара. «Не та мерзкая тряпка, которая на тебе.»

«Может быть, огромный пустотный балдахин, поддерживаемый боевыми сервиторами!» крикнул Люго.

«Я приму мудрый совет от своих лордов и превращу себя в наиболее колоссальную цель для врага,» сказал Гаунт.

Стол сотрясся от смеха.

«По крайней мере, возьми адрес моего портного,» сказал Уриенц. «Он хороший человек, в квартале Сигнальной Точки. Чистый мундир, кушак, это все, о чем я говорю.»

Когда прием пищи закончился, генералы начали уходить, один за другим. Обязанности и армии ждали, и некоторые ждали слишком долго своих Командующих Офицеров. Каждый из них тряс руку Гаунта или хлопал его по спине до того, как уйти.

Остались только Вон Войтц, Сайбон, Булледин, Блэквуд, Люго и Тзара.

«Думаю, что я должен вернуться в свое подразделение,» сказал Гаунт, прикончив последний бокал амасека. «Они едва сошли на землю.»

«Есть еще некоторые вопросы, которые нужно обсудить, Брам,» сказал Вон Войтц. Он кивнул службе из штаба, ожидающей их, и они ушли, закрыв двери за собой.

«О состоянии крестового похода и здешней кампании?» спросил Гаунт.

«Ох, да, это,» сказал Сайбон. «Мы дойдем до этого.»

«Я жажду полных отчетов разведки,» сказал Гаунт. Он сделал жест в сторону своего герба на столе. «Сейчас, тем более, потому что я считаю, что я обязан все это рассмотреть.»

«Мой человек, Байота, предоставит тебе все, что тебе будет нужно,» сказал Вон Войтц. «Полный отчет, затем завтра или послезавтра брифинг, чтобы изучить стратегию.»

«А когда я получу аудиенцию у магистра войны?» спросил Гаунт.

Бревна потрескивали и плевались искрами в решетку. Булледин потянулся к хрустальному графину и наполнил стаканы для себя и Гаунта.

«Наш возлюбленный магистр войны,» сказал Вон Войтц, «да будет он жить вечно, очень отдаленная душа. Мало кто из нас видит его в эти дни.»

«Он обитает в одиночестве здесь, в восточном крыле,» сказала Тзара. «Он всегда был человеком тактики и стратегии--»

«Великолепной стратегии,» вставил Люго.

«Я не спорю, Люго,» сказала Тзара. «То, как один человек может собрать и содержать у себя в голове данные всего крестового похода и осмысливать это, это чудо.»

«Это всегда было его главным талантом,» сказал Гаунт. «Чтобы видеть на пять или десять шагов впереди Архиврага. Чтобы оперировать огромными механизмами войны.»

«Одержимость, я думаю,» сказал Блэквуд. «Разве нет какого-то качества одержимости в голове, который может достичь такого искусства обработки данных.»

«Это одержимость, что поглощает его,» сказал Сайбон. «Он удаляется все больше и больше с каждым днем в одинокий мир размышлений, приказывая писарям и рубрикаторам приносить ему самые последние клочки данных постоянно. Он досконально рассматривает каждый клочок со всеяющей страх точностью, выискивая улику, благоприятную возможность, нюанс.»

«Вы говорите так, как будто он болен,» сказал Гаунт.

«За эти последние годы, Брам,» сказал Вон Войтц, «махинации врага становились все менее и менее понятными.»

«Я слышал слухи, что ими управляет сумасшедший,» сказал Гаунт.

«Ты не думаешь, что этот ублюдок, Сек, сошел с ума?» спросил Люго.

«Конечно,» сказал Гаунт. «Это обманчиво. Всегда была холодная логика, стратегическое великолепие, которое нельзя отрицать. Сек – дьявольский монстр, но как и Надизбар до него, он без сомнения способный командир. Насколько же хороший, осмелюсь сказать, как и все, кто есть у нас.»

«Может мне вызвать ордос, а?» захихикал Булледин.

«Я хочу сказать, сэр,» сказал Гаунт, «что он был, по крайней мере. Его послужной список неопровержимый. Конечно, мои знания отстали на десять лет.»

Легкий смех пробежал по столу.

«Если Сек сошел с ума,» тихо сказал Блэквуд, «если он скатился в отчаянное безумие и потерял ту хватку, которой, я признаю, он обладал... тогда что, вы предполагаете, происходит с человеком, который изучает планы Сека с навязчивостью, день за днем, выискивая шаблон, его смысл?»

«Вы говорите...?» начал Гаунт.

Вон Войтц отпил амасека.

«Если ты смотришь в безумие, Брам, ты видишь только безумие, и ты сам становишься безумным, выискивая в этом правду, правду, которой там нет.»

«Может быть, я должен вызвать ордос,» сухо сказал Гаунт.

«Самое великое оружие Макакота – это ему ум,» сказал Сайбон, его голос был практически шепотом, похожим как сталь, вытащенную из ножен. «Я это не отрицаю. Человек – чудо. Но его разум повернулся против него за слишком многие годы пристального взглядывания в безумие.»

Последовала долгая тишина.

«Этот вопрос вы хотели обсудить?» спросил Гаунт.

«Мы – внутренний круг, Брам,» сказал Вон Войтц веселым тоном. «Шестеро присутствующих здесь. Семь, если ты сидишь с нами. Среди нас, нескольких из наиболее старших командующих крестового похода. Магистр войны хорош ровно настолько, насколько хороши лорды милитанты, окружающие его, лорды, которые следуют его приказам, а так же, которые проверяют его решения. Мы даем ему правду.»

«А он затыкает нас,» сказал Булледин. «Не только нас, но и всех тридцать, кто присутствовал сегодня ночью, и других уважаемых лордов тоже. Он не принимает советов. Он не проводит совещаний. Он практически не проводит аудиенций.»

«Мы даем ему правду,» сказал Булледин, «но он не прислушивается к нам.»

«Крестовый Поход Саббат в кризисе, Гаунт,» сказал Сайбон. «Мы не говорим о нелояльности Макароту. Мы говорим про лояльность Трону, и о надежде триумфально завершить эту долгую кампанию.»

«Значит, вы строите заговор?» спросил Гаунт.

«Твое слово,» сказал Блэквуд. «Опасное слово.»

«Мне не нравится то, что я слышу,» сказал Гаунт. «Вы обдумываете сделать ход против магистра войны? Заставить его сменить политику? Или вы планируете свергнуть его?»

«Макарот не прислушивается к нам,» сказал Вон Войтц. «Мы пытались советовать, а он не берет в расчет наши рекомендации. Его власть абсолютна, намного больше, чем когда-либо была у Слайдо. Брам, такое случилось. Такое не беспрецедентно. Великие люди, даже величайшие, перегорали. Они достигали своих пределов. Макарот был магистром войны двадцать шесть лет. Он выдохся.»

«Магистры войны могут быть только замещены,» сказал Сайбон. «Слишком часто, они погибают до того, как это становится необходимо, но само предназначение лордов милитантов - это наблюдать за своим повелителем и проверять его идеи. Если магистр войны начинает сдавать, тогда его лорды милитанты переходят к своим священным обязанностям, если они не могут найти лекарство от этой слабости.»

«Мы – внутренний круг,» сказал Вон Войтц. «Это не то решение, к которому мы пришли легко или быстро.»

«И не потому, что он смотрел сверху и игнорировал так многих из вас за время своей власти?» спросил Гаунт.

Тзара посмотрела на Вон Войтца.

«Ты говорил, что он наглец,» сказала она.

«Я говорил, что он говорит прямо,» ответил Вон Войтц. «Я всегда восхищался этим.»

Он посмотрел на Гаунта.

«Он игнорировал каждого из нас?» риторически спросил Вон Войтц. «Да. В некоторых случаях множество раз. Смотрели ли мы мимо и сносили эти пренебрежения? Каждый раз, потому что мы, в конечном счете, всегда видели высший смысл в его цели. Это не личная злоба, Гаунт.»

«И вы все так думаете?» спросил Гаунт. «Не только вы шестеро? Все тридцать, которые были ночью?»

«Не все,» сказал Сайбон. «Некоторые, как Гризмунд, новенькие и все еще благодарные Макароту. Некоторые, как Уриенц, сделали себе карьеру благодаря Макароту, и никогда против него не скажут. Некоторые, как Келсо, просто слишком старые и следуют доктринам. Но все это чувствуют. Все это видят. И большинство встанут рядом с нами, если мы вмешаемся.»

«Но вы – внутренний круг?» сказал Гаунт.

Тзара подняла свой бокал.

«Мы те, у которых нет тайных планов, кроме победы,» сказала она. «Те, кому нечего терять от его покровительства. Мы те, у кого есть яйца, чтобы действовать, вместо того, чтобы бороться в тишине.»

«И как вы будете действовать?» спросил Гаунт. Он сделал глоток своего напитка, чтобы держать себя в руках.

«Совместно,» сказал Сайбон, «мы можем поднять вопрос о доверии. Это может обойти штаб для подписей. У нас всех есть союзники. Большинство поддержит. Мы больше, чем просто самоуверенные, у нас есть голоса. Затем мы презентуем это ему, и донесем наше решение дл него.»

«Официальный и конфиденциальный запрос уже был послан Лорду Сектора Хулан, Главам Флота и Высшим Лордам Терры для их поддержки в смещении магистра войны,» сказал Блэквуд.

«Это не дворцовый переворот, Гаунт,» сказал Булледин. «Мы начали процесс официально, и с должным уважением к одобренной процедуре. Мы делаем это по всем правилам.»

Гаунт посмотрел на герб на столе перед собой.

«Теперь в этом больше смысла,» мрачно сказал он. «Еще один голос, чтобы поддержать остальных. Милитант командер в вашем кармане. Вы знаете, что я

лично в долгу, по крайней мере, у троих из вас. Вы рассчитываете, чтобы я был вашим человеком. Это делает вот это довольно пустым.»

«Это заслужено, Брам,» сказал Вон Войтц. «Полностью заслужено.»

Гаунт посмотрел на него.

«Скажи мне, Бартол, до того, как это было вложено в мою неожиданную руку сегодня ночью, у вас были голоса? Или я тот, чей голос сделает разницу?»

«У нас есть голоса, Гаунт,» фыркнул Сайбон. «У нас они были годами. Твоя поддержка будет просто добавлена к силе нашего голоса, а не к перевесу.»

«Этот герб, милитант командер, был вам дан за вашу службу,» сказал Люго. «Как говорит Бартол, это полностью заслужено. Но время...»

«Время, сэр?» спросил Гаунт.

«Было необходимо повисить тебя так быстро, насколько возможно,» сказал Люго.

«Процесс смещения в процессе,» сказал Булледин. «Есть только один фактор, которого у нас не было.»

«И что это, сэр?» спросил Гаунт.

«Приемник,» сказал Сайбон.

«Ни один человек ниже звания милитант командера не может быть избран на пост магистра войны,» сказал Вон Войтц.

«Вы...» начал говорить Гаунт. «Вы с ума сошли?»

«Мы не можем просто сместить Макакота во время войны,» сказал Вон Войтц. «Мы не можем нарушить цепь командования. Смещение должно идти рука об руку с приемственностью. Чтобы успешно осуществить это, нам была нужна готовая замена. Кандидат, приемлимый для всех.»

«У нас у всех есть багаж,» сказал Блэквуд. «Это не может быть кто-нибудь из нас.»

«К тому же, это стало бы испытанием для слишком многих личных амбиций,» сказала Тзара.

«Но ты,» сказал Люго, «Народный Герой, убийца Асфоделя, Спаситель Беати, вернувшийся во славе, отсутствующий десять лет, никакие ссоры и штабные дразги не цепляются тебе за пятки. И никакой истории амбиций. Твои руки без единого пятнышка. Потому что ты не знал о всей инициативе до сегодняшнего вечера.»

«Слайдо почти сделал это после Балгаута,» сказал Сайбон. «Ты это знаешь.»

«Ты наш кандидат, Брам,» сказал Вон Войтц. «Нам не нужна твоя поддержка. Нам просто нужно, чтобы ты был готов, когда мы объявим тебя магистром войны.»

СЕМНАДЦАТЬ: ОРЛЫ

Полковой псайбер орел сидел на заборе, окружающем двор, одна голова уснула, другая бодрствовала и бодро смотрела на рассвет.

Небо было розовым, и углы теней были длинным и четкими. Жукова вышла во двор, приветствуя караульных у двери здания.

«Рано встала,» сказал Даур.

«Как и ты,» ответила она с улыбкой.

«Если я сплю слишком долго, шрам начинает болеть,» ответил он, хлопая по боку живота с гримасой. «Легкая прогулка облегчает спазмы.»

«Элоди не возразила, что ты покинул ее постель, едва забравшись в нее?» спросила Жукова.

«Я скоро вернусь,» сказал Даур с ухмылкой. «В любом случае, она была на ногах полночи. Маленькая дочка Крийд, Йонси. Тоне пришлось побрить ей голову. Вши, знаешь ли. Бедный ребенок вне себя от потери косичек. Они по очереди сидели с ней и успокаивали.»

«Думаю, что я слышала всхлипывания,» сказала Жукова.

«А, это,» рассмеялся Даур. «Это просто все сердца, которые ты разбила. Мужчины и Роты Т, плачущие во сне.»

Жукова фыркнула.

«Я собиралась пробежаться,» сказала она.

«Проверь разведчиков. Они наблюдают за территорией. После вчерашнего.»

Она кивнула, а затем сделала паузу.

«Это еще что?» спросила она.

Бронированный транспортер, без опознавательных знаков, катился по дороге по направлению к двору.

«Это, наконец-то, вернулся Гаунт?» спросила она.

Даур пожал плечами.

«Без понятия,» сказал он.

Фейзкиель, Баскевиль и Домор вышли из жилого блока позади них. Каждый из них был в чистой парадной униформе.

«Что происходит?» спросил Даур.

«Захватывающий день,» сказал Баск. «Нас вызвали в ордос.»

«Что? Почему?» спросила Жукова.

«Потому что *кое-кто*,» сказал Домор, метнув взгляд на Баскевиля, «был достаточно глупым, чтобы шататься рядом с фесовым специальным грузом, вот почему.»

«Это рутина,» сказала Фейзкиель. Она закончила прищипливать свои волосы, и надела фуражку. «Ордос взял под охрану безделушки, которые мы поднимали, и они хотят провести опрос всех, кто контактировал с ними.»

«Безделушки, она говорит,» застонал Домор.

«Луна права, это просто рутина,» сказал Баск. Он выпрямился перед Жуковой и Дауром. «Когда мы не вернемся назад, дорогие друзья, помните наши имена.»

Жукова с Дауром рассмеялись.

Транспортник остановился в центре двора, и открылся задний люк. Маленький помощник Инквизитора Лакшимы вышла.

«Фейзкиель? Домор? Баскевиль?» прокричала она, читая планшет.

«Потише, вы мертвого разбудите,» крикнул в ответ Баскевиль.

«Не в первый раз,» сказала Онабель. Она ждала, с кислой миной, пока тройца шла к ней и забралась на борт. Баскевиль весело махнул Дауру с Жуковой, когда люк закрылся.

«Ладно,» сказал Даур, «весело им провести время.»

«Они могут поддерживать такой тип веселья,» сказала Жукова.

«Что такое?» спросил Феликс. «Это мой отец?»

Он изгибался на своей койке под кучей шерстяных одеял, только его лицо торчало наружу. У окна Далин зевал, пока смотрел на двор.

«Нет, какой-то транспортник,» сказал он. «Баскевиль уехал с Шогги и комиссаром.»

«Ладдом?»

«Нет, не Ладдом.» Он снова зевнул, когда транспортник поехал прочь. «Фейзкиель. Мы должны вставать.»

«Время вставать?»

«Скоро будет. Тебе не нужно ждать звонка. Офицеры впечатляются пунктуальностью. Людьюми, которые готовы до того, как должны быть.»

Он подошел, чтобы сорвать одеяла с Феликса.

«Даже не смей, фес тебя,» резко сказал Феликс. Далин отошел назад со сдающим жестом.

«Просто вставай, Феликс,» сказал он. «Тебе нужно в душ. Нам, вероятно, нужно увидится с Керт для проверки на предмет вшей.»

«Вшей?»

«Да. Вставай. Я не думаю, что ты даже разделся ночью.»

Далин осмотрел комнату на третьем этаже. Это была та комната, которая была предназначена для Феликса с Маддаленой. Воспользовавшись властью Роуна, Далин просто занял ее. Как только Мерин услышал имя Роуна, он не задавал вопросов.

Далин пнул койку.

«Ну же, Часс. Поднимай свою ленивую задницу. Иди в душ.»

«Иди,» сказал Феликс. «Я сразу после тебя.»

Далин схватил сумочку с набором для душа.

«Сделай, чтобы это было фесово так,» сказал он.

Жукова легким бегом пересекла двор к жаровне, у которой стояли Мколл и Бонин, потягивающие из жестяных кружек кофеин.

«Безопасно, чтобы сделать кружок?» спросила она.

Бонин поднял брови.

«Достаточно безопасно,» сказал Мколл.

«Спасибо, шеф,» сказала она.

«Жукова? Капитан?»

Она уже хотела начать бежать. Она обернулась.

«Что такое, шеф?»

«Есть время на пару слов?»

Она подошла к ним.

«Я еще раз проверю периметр,» сказал Бонин.

«Оставайся счастливым, Мах,» сказал Мколл, когда разведчик пошел прочь.

«В чем дело?» спросила Жукова.

«Я думал,» сказал Мколл.

«О-о-о, слушаю.»

Мколл не улыбнулся.

«Ты знаешь, какая у тебя была репутация, когда ты пришла к нам?» спросил он.

Она сердито посмотрела. «Дай мне гаково предположить,» сказала она.

«Красивая девочка,» сказал Мколл. «Слишком красивая. Слишком красивая, чтобы быть хорошим солдатом. Должно быть, получила свое звание за то, что красивая. Трофейный офицер. Хорошо смотрится на вербовочных постерах Улья Вervун.»

«Пошел нафес,» сказала она.

Он пожал плечами.

«Это правда, так ведь?» спросил он.

«Я сражалась, шеф. Планетарные силы обороны, разношерстный отряд, потом ополчение, потом Гвардия. Я заслужила свои лычки. Я заслужила свое место.»

«Не говорю, что это не так. Я говорю то, что мужики всегда думают.»

Жукова вздохнула.

«Это преследует меня всю мою жизнь. Мужики думают то, что думают, и они имеют тенденцию быть тупыми.» Она показала на свое лицо. «Я этого не просила. В Вербунской Войне, иногда, я надеялась, что ранит шрапнелью. Попаду под бомбардировку одной из тех гаковых машин скорби, знаешь ли? Чтобы это слегка превратилось в месиво, чтобы люди начали меня воспринимать серьезно.»

Мколл кивнул.

«Только этим утром,» сказала она. «Бан Даур, мой друг. Я знаю его годы. Даже он сострил. Не хотел причинить вред. Просто обычная шутка о Жуковой. ‘Ой, она красивая. Должно быть, проделала путь через нескольких офицеров, чтобы получить звание.’ Я устала от этого. И это не только мужики. У нас с Элоди теперь все нормально, но поначалу она думала, что я была каким-то старым огоньком, появившимся, чтобы увести Бана. И Паша, любя ее Трон, всегда предостерегает мужиков насчет меня. Что я использую свою внешность, чтобы получить то, что хочу.»

«Это так?» спросил он.

«А ты что думаешь?»

«Я не думаю, что ты должна быть капитаном,» сказал Мколл.

Она заморгала. Румянец появился на ее щеках.

«Я ожидала...» она запнулась. «От тебя, по крайней мере. Пошел нафес. Пошел ты нафес в ад.»

«Я не думаю, что ты должна быть капитаном, потому что это расточительство,» сказал он.

Она нахмурилась.

«Ты хороший солдат, и ты выглядишь так, как есть,» просто сказал Мколл. «Ты получаешь повышение. Пользуясь преимуществом. Выбранная над остальными. Умная. Хорошо выглядящая. Четко формулирующая мысли.»

«Ты сейчас пытаешься залезть мне в трусы, Мколл?»

Он фыркнул.

«Я говорю, что ты выбрала очевидный путь. Продвижение по карьере. Но я видел твою работу. На *Армадьюке*. И на той крыше вчера Это была не просто хорошая служба. Ты можешь вести людей, Жукова, но ты очень хороша в индивидуальной работе.»

«Спасибо,» сказала она, удивленная.

«Это заставило меня просмотреть твой послужной список. Я долго об этом думал. Слушай, я не ищу просто хороших солдат. Я ищу специалистов.»

«Серьезно?»

«Паша снова на ногах. Командование не останется твоим. Для тебя и Спетнина останется Рота Т, и ты получишь командование, потому что ты выглядишь так, как выглядишь. И это будет тратой Спетнина потому что, если честно, он фесово хороший офицер.»

Мколл праздно посмотрел на орла, наблюдающего за ними.

«И это двойная досада. Он будет демотивирован, и мы потеряем хорошего линейного командира. И ты получишь командование, что хорошо, но не соответствует твоим настоящим талантам. Ты – расточительство в качестве капитана. Любой может быть офицером.»

«Ну, не любой,» сказала она.

«Я не знаю. Посмотри на Мерина. Некоторые люди становятся приличными офицерами. Некоторые люди становятся великолепными офицерами. Но почти никто не становится великолепным разведчиком.»

«Разведчиком?»

«Что думаешь?»

«Ты предлагаешь мне место в штате разведчиков?»

«Кажется, я это и делаю, ага,» сказал он.

«Я никогда не просила--»

«Я выбираю Танитских разведчиков, Жукова. Я не набираю добровольцев. Ты сохранишь свое звание, но ты будешь отвечать передо мной. Ты откажешься от командования.»

«Что... что говорит Паша? Или Гаунт?»

«Я не знаю,» сказал он с небрежным пожатием плечами. «Я еще никого не спрашивал. Я спрашиваю тебя первой. Скажи нет, и никого не придется спрашивать. Скажи да... Ну, Гаунт редко *не* принимал мои рекомендации.»

«Я говорю, да,» сказала она.

Он кивнул. Он пытался не улыбаться, но ее улыбка была яркой и заразной.

«Спасибо тебе,» сказала она.

«О, нет, Жукова. Не благодари меня. Никто никогда не благодарил меня, за то, что я сделал это их жизнью.»

«Ну, а я благодарю. Я бы поцеловала тебя, но это не улучшит мою ужасную репутацию.»

«Нет.» Мколл вытряхнул кружку и отвернулся.

«Наслаждайся бегом,» сказал он.

Мколл вернулся к зданию.

«Ты спросил ее?» спросил Бонин. Он смотрел, как Жукова побежала быстрее, когда выбежала с подъездной дороги.

«Ага.»

«И?»

«Она сказала да.»

Бонин кивнул и улыбнулся.

«Хорошие новости.»

«Хоть какие-то за последнее время,» согласился Мколл.

Орел пролетел над головой.

«Смотри зорко,» сказал Бонин.

Машины спускались по дороге к лагерю. Два Таурокса спереди и сзади Химеры.

«Там знамена. Штабные машины,» сказал Бонин. «У нас тут какой-то фесов лорд фесов генерал.»

«Приведи Роуна и Колеа, быстро,» сказал Мколл.

Машины въехали во двор, двигатели заглохли. Роун с Колеа спешили присоединиться к Мколлу, Харк следовал за ними. Испуганные солдаты спешили за ними, некоторые зевали, некоторые еще не полностью оделись.

«В шеренгу, пожалуйста!» крикнул Харк. «Ну же, фесы! Оденьтесь, оденьтесь! Вадим? Где твоё оружие? Ладно, иди и найди его, фес тебя!»

«Что происходит?» спросила Паша.

«Один фес знает, мэм,» сказал Обел.

«Вы хотите, чтобы я поднял весь полк?» спросил Колосим в ухо Роуну.

«Нет. Если они не встали и готовы, пусть прячутся и скажи им быть умнее. Мы разберемся, что у нас здесь.»

Он повернулся и крикнул, «Харк? Мы можем постараться, чтобы это выглядело достаточно профессионально?»

Женщины и дети выглядывали из окон средних этажей жилых блоков.

«Назад, пожалуйста!» крикнул Роун, указывая на них.

Люк Химеры открылся. Двое Сционов Темпестус в блестящей серой пластинчатой броне вышли наружу, за ними последовали еще двое. Они оглядели двор, смотря на собирающихся Призраков со скрытым презрением, затем выстроились в линию, смотря на собрание, с хелганами у груди.

«Зачем тут эти фесовые славные парни?» прошептал Элам.

«Что-то неправильно,» пробормотал Белтайн.

Гаунт спустился по рампе Химеры. Он поморщился от солнечного света, и закутался в свой плащ. Затем он широким шагом прошел мимо недвижных Сционов и остановился, лицом к лицу с Роуном и Колеа.

«Доброе утро,» сказал он.

«Сэр,» сказал Роун. «Что за шумиха?»

Гаунт бросил взгляд через плечо на Сционов.

«Они?» сказал он. Он хрюкнул. «Их приставили. Ко мне.»

«Зачем?» спросил Колеа.

«Личная охрана.»

«Что ты наделал?» спросил Роун.

Гаунт улыбнулся и покачал головой.

«Сам себя об этом спрашиваю,» сказал он.

«В транспортнике больше никого нет?» спросил Колеа. «Никакого лорда генерала, готового удивить нас инспекцией?»

«Нет,» сказал Гаунт.

«Никого важного?» спросил Роун.

«Нет,» сказал Гаунт, более выразительно. «Все могут расслабиться. Просто расслабьтесь.»

Он бросил взгляд на шеренги, которые собрал Харк, и на офицеров, стоящих с ними.

«Расслабьтесь!» крикнул он, указывая на них. «Пожалуйста, возвращайтесь к своим завтракам.»

Он начал поворачиваться к Роуну и Колеа.

«Это очень быстро обостриться,» начал он.

Но Роун схватил его. Он схватил плащ Гаунта и развернул его. Когда Гаунт указывал на шеренги, плащ слегка разделился, и Роун кое-что увидел.

«Что *это* за фес?» сказал он.

«Ну,» сказал Гаунт, «я собирался рассказать тебе об этом...»

«Это *настоящее*?» спросил Колеа, с широкими глазами, пялясь на золотой герб орла, приколотый на груди Гаунта, который раскрыл Роун.

Четверо Сционов внезапно окружили их, целясь из оружия прямо в Роуна. Роун замер.

«Убери руки,» сказал их лидер, его скрежещущий голос был усилен угрожающим визором, «от персоны милитант командера, *сейчас же!*»

«Ты слышал приказ, подонок!» рявкнул другой. Их оптика засветилась красным, когда заработали системы автоприцеливания.

«Воу, воу, воу!» произнес Колеа.

«Я его отпускаю! Я его отпускаю!» воскликнул Роун, убирая руки.

Гаунт посмотрел на главного Сциона.

«Как тебя зовут?» спросил он.

«Санкто, лорд.»

«Темпестор Санкто, этот 'подонок' – мой заместитель. Ты будешь выказывать ему должное уважение, какое ты выказываешь мне.»

«Лорд.»

«Теперь иди и встань у транспортника. Нет, иди и встань лицом к фесовой стене. Все вы!»

«Лорд?»

«Вы меня не услышали, фес вас, Сционы? Я фесов милитант командер и вы сделаете так, как я фесово скажу, без вопросов!»

«Да, лорд!»

Четверка повернулась, ушла, и встала идеальным рядом, смотря на фабрику, спинами ко двору.

Гаунт посмотрел на Роуна с Колеа.

«Очевидно,» сказал он, прочистив горло, «очевидно, мне нужно лучше разобраться с этим. Не получать друзей таким способом.»

«Ты фесов милитант командер?» спросил Роун.

«Я фесов, да, Эли,» сказал Гаунт.

«Ты... фесово шутишь?» спросил Колеа.

Гаунт покачал головой. Он посмотрел на них. Во дворе было экстраординарно тихо.

«Трон, ваши фесовы лица...» улыбнулся Гаунт.

«Я не знаю, дать ли тебе в морду или обнять,» сказал Роун.

«Отдание чести, вероятно, будет лучшим вариантом,» прошептал Колеа. Он повернулся. «Комиссар Харк?»

Харк повернулся к шеренгам, с прямой спиной.

«Танитский Первый, внимание!» закричал он. «Танитский Первый, честь отдать!»

Люди встали по стойке смирно и сотворили символ аквилы.

«Танитский Первый, троекратное ура нашему милитант командеру!»

Аплодисменты и крики заполнили двор. В окнах, свита и солдаты, которые опоздали, улюлюкали и махали. Зазвучал девиз «Первый и единственный! Первый и единственный!»

Гаунт пожал руку Роуну.

«Ты фесов ублюдок,» сказал Роун.

«Поздравляю, сэр,» сказал Гол, тряся руку Гаунта, как только ее отпустил Роун.

Мколл похлопал Гаунта по плечу.

«В твоих глазах слезы, шеф?» спросил Гаунт.

«Ни единой слезинки, сэр,» сказал Мколл.

«Ты врешь, Оан?»

«Аллергия, сэр.»

Подожли люди, хлопая и толпясь вокруг него.

«Нахальный вы фес!» рассмеялся Варл, затем добавил, «сэр.»

«Никогда не думал, что доживу до такого дня,» сказал Ларкин. Гаунт обнял старого снайпера.

«Вижу, что командование, наконец-то, сделало решение, которое я одобряю,» прокричал Харк.

«Надеюсь, что ты не будешь сожалеть от этом высказывании, Виктор,» ответил Гаунт. Они обнялись, Харк сжал в объятиях Гаунта так крепко, что на мгновение оторвал его от земли.

Из дверного проема здания, Крийд с Керт смотрели, как Гаунт идет сквозь аплодирующую толпу, ликующих солдат. Ухмылка Крийд была широкой, у Керт меньше и печальнее.

«Роун должен сказать ему,» сказала она.

«Он скажет,» сказала Крийд.

«Он должен сказать ему прямо сейчас. Это не может ждать. Он выяснит в любой момент.»

«Он скажет ему, Ана,» сказала Крийд.

«Дайте ему насладиться этим моментом,» произнес Бленнер позади них. Они повернулись. Бленнер выглядел очень уставшим и с похмелья, но на его лице было выражение гордости, и в глазах у него стояли слезы.

«Дайте ему насладиться этим одним моментом, ради феса,» сказал он.

Он протолкнулся мимо них во двор, идя к толпе, поднимая руки и с энтузиазмом хлопая.

«У меня, я думаю, где-то тут есть оркестр,» кричал он. «Какого гака они не играют? Ну же! Ибрам, старый ты пес! *Старый ты пес!*»

Мокрый от ледяного душа, с полотенцем на талии, Далин неся по коридору жилого здания, его мокрые ноги поскальзывались и он ударялся о стены. Здание вокруг него гремело криками и ликованием. Внизу во дворе снаружи, оркестр начал играть, не очень хорошо, но ярко.

«Феликс!» кричал Далин. «Феликс, вставай! Вставай! Вставай, *сейчас же!*»

Он ворвался в комнату. Феликс уже вылез из кровати и был полуодет. Когда Далин ворвался внутрь, Феликс издал стон и схватил одеяло, оборачивая его вокруг себя.

«Ох, мой Трон!» выдохнул Далин, затормозив.

«Ты, фес тебя, никогда не стучишь? *Никогда?*» закричал на него Феликс.

«Ох, мой фесов Трон...» заикаясь, сказал Далин. «Прости меня. *Прости!*»

Он с трудом повернулся к выходу.

Обернутый одеялом, Феликс прошел мимо него и захлопнул дверь.

«Прости,» сказал Далин, пялясь на дверь.

«Ты никому не расскажешь,» сказал Феликс. «Понял?»

«Д-да!» произнес Далин.

«Ты понял? Ты *никому* не расскажешь,» сказала она.

ВОСЕМНАДЦАТЬ: И КАМНИ

Крепость ордосов в Элтате находилась в районе Гэйлен. Однажды это была тюрьма и здание суда, но ее толстые стены и отдельные камеры были давным-давно переделаны для использования Инквизицией. Фейзкиель, Баскевиля и Домора оставили ждать в главном атриуме, холодном, мраморном склепе. Они сидели вместе на стульях с высокими спинками рядом с главной лестницей.

«Сюда они приводят пленников,» сказала Фейзкиель, «ну знаете, для суда.»

«Прекрати пытаться поднять мне настроение,» сказал Домор.

Через час, Онабель пришла, чтобы забрать их, и повела их к длинному, отделанному деревянными панелями бюро, где ожидала Инквизитор Лакшима.

Три стула стояли перед тяжелым столом. Лакшима жестом указала на них, но не оторвалась от планшета, который читала. Еще несколько дюжин, вместе с бумажными книгами и информационными табличками, покрывали ее стол. Полковник Грае из службы разведки стоял у окна, потягивая из маленькой чашки кофеин.

Они заняли свои места.

Лакшима подняла взгляд и улыбнулась. Это было сбивающим с толку, потому что только ее рот из плоти улыбнулся. Ее глаза, золотая аугментика без плоти, не могли.

«Спасибо вам, за посещение,» сказала она.

«Я не думаю, что это было не обязательно, мэм,» сказал Домор.

Грае тихо рассмеялся.

«Нам, наконец-то, предоставили копию отчета о миссии Гаунта,» сказала Лакшима. «Астра Милитарум была достаточно любезна поделиться.»

«Теперь, когда отчет был доставлен в Урдешский Дворец, и находится в руках нашего любимого магистра войны, протокол разрешил это,» сказал Грае.

«И теперь мы осведомлены о всех дополнительных особенностях,» сказала Лакшима. «Вопросах, о которых вы были несклонны говорить вчера, Майор Баскевиль.»

Баскевиль почувствовал, что его напряжение начинает расти.

«Мы начали осматривать материалы, которые вы вручили нам,» сказала Лакшима. «Ну, Версенджинсир Этруин проводит реальный осмотр. Это займет месяцы--»

«Версенджинсир?» сказал Баскевиль. «Вы говорили это раньше. Я думал, что неправильно услышал. Вы имеете в виду 'энджинсир'?»

«Я говорю точно, майор,» сказала она. «Специальность Этруина – противоположная инженерия. Деконструкция, и, таким образом, постижение вражеских технологий и материалов. Как я ранее говорила, на это потребуются месяцы, если не годы. Но мы сосредоточили наше непосредственное внимание на каменных табличках, которые вы так незабываемо обнаружили.»

«Мы бы опросили вас в свое время,» сказал Грае. «Вас, и каждого члена отряда, присутствовавших при обнаружении, и всех остальных, кто входил в контакт с материалами. Просто собирание данных в ближайшие месяцы. Кроме того, вы упорядочивали материалы, Комиссар Фейзкиель, а вы двое – Майор Баскевиль и Капитан... Домор – вы командовали, когда обнаружилось нарушение.»

«Это так, сэр,» сказал Баскевиль.

«Даже от поверхностного осмотра,» сказала Лакшима, «Этруин дает оценку, что от материалов будет большая ценность, в совокупности. Кто знает, какие войны мы сможем выиграть и каких побед достичь благодаря их секретам. Время покажет.»

Она посмотрела очень многозначительно на Баскевиля.

«Каменные таблички кажутся ключевыми,» сказала она. «И может оказаться так, что Архивраг думает так же. Не так ли, майор?»

Фейзкиель увидела беспокойство Баскевиля.

«Вы удивительно открыты, мэм,» сказала она.

Лакшима поджала губы, выражение, которое Баскевиль прочел, как 'озадачена'.

«Ладно, комиссар,» сказала она, «обстоятельства изменили где-то ночью, так ведь?»

«Изменились?» спросил Домор.

«Я буду честна,» сказала инквизитор, «с учетом того, что я прочитала в отчете о миссии, опрос вас троих должен бы проводиться индивидуально, в менее... комфортной обстановке, и с гораздо большей принужденностью.»

«Очаровательно,» сказал Домор.

«Не проверяйте меня, капитан,» сказала Лакшима. «Этот корабль еще совершенно не проплыл. Но, исходя из обстоятельств, я обнаружила, что обязана предложить большой уровень сотрудничества, быть менее территориальной. Полковник Грае тут, чтобы наблюдать за этим сотрудничеством. И вы трое теперь, конечно, имеете право на более высокий уровень доверия. Вас можно расспрашивать. Как и любых членов вашего полка на уровне подразделения и на особенном уровне или выше. Все верно, так ведь, полковник?»

«Так, мэи инквизитор,» сказал Грае. «В половине первого ночью, уровень допуска Танитского Первого на уровне подразделения и на особенном уровне был поднят по умолчанию до кобальтового.»

«Кобальт,» сказала Лакшима. «Что неприятно для меня, потому что я чувствовала, что я, вероятно, получила бы намного больше от вас, если бы мне позволили действовать на стандартном, основном уровне. Особенно от вас, я думаю, капитан.»

Она улыбнулась своей не-улыбкой Домору.

«Вы думаете, что получили бы больше и более лучшую информацию от нас посредством усиленного допроса, чем от... чего?» сказала Фейзкиель. «Нашего честного сотрудничества?»

Лакшима пожала плечами. «Возможно, нет. Сотрудничество всегда более эффективно. Это просто вопрос правды, и предполагается, что я должна доверять вам сейчас, когда вы на уровне кобальт.»

«Погодите,» сказал Баскевиль. «Простите. Могли бы вы начать сначала?»

«Откуда, майор?» спросила Лакшима.

«С начала?» предложил Домор.

«С той точки, с которой нас, внезапно, рассматривают на верхнем уровне эшелона,» сказал Баскевиль.

«Ох, дорогой,» сказала Лакшима. «Я не понимаю, чего ты не понимаешь.»

«Это... это часть усиленного допроса?» спросил Домор, неловко ерзая на стуле.

«Шшшш, Шогги,» произнесла Фейзкиель.

«Я просто совершенно сбит с толку,» сказал он.

«Инквизитор,» сказал Грае. «Я полагаю, что они все еще не знают.»

«Серьезно?» сердито сказала Лакшима.

«Знают, что?» спросила Фейзкиель.

«Ночью, Полковник-Комиссар Ибрам Гаунт получил повышение до звания милитант командера, и ваш полк автоматически стал носить особый статус, с соответствующим допуском.»

Настала долгая пауза.

«Он теперь кто?» спросил Домор.

«Ты собираешься что-нибудь сказать?» спросил Роун.

Гаунт сделал долгий вдох и выдохнул. Он стоял, смотря в окно маленькой комнаты в жилом блоке, которую они определили, в качестве его комнаты. Роун стоял у двери.

«Это сделано,» сказал Гаунт. «Я не могу изменить это.»

«Она, ммм... она защищала мальчика, конечно же. Ее навыки не были, я предполагаю, соответствующими для городской войны. Она должна была оставить это нам.»

«Она была не из тех, кому говорят,» сказал Гаунт.

«Думаю, так.»

«Еще погибли?»

«Семеро, сэр. Несколько Хеликсидов поблизости, тоже.»

«Я посмотрю список имен.»

«Да, сэр.»

Роун сделал паузу.

«Крийд, она хотела рассказать все сама. Она была там, когда... Она была там. И Керт, она хотела вывалить это тебе. Я решил, что это должен быть я. Я хотел все тебе прямо сказать, но во дворе был тот момент, и чувствовалось неправильным испортить его. Мне жаль, что я должен испортить тебе настроение так скоро.»

Гаунт посмотрел на него.

«Все в порядке. Это печально. Все в порядке. Жизнь потеряна. Буду скорбеть. И я буду скучать по ней. Буду. Но, по правде...»

«Сэр?»

«Внизу, там, *был* момент. Увидеть Призраков, настолько воодушевленных. Увидеть празднование. У нас их так мало.»

«Будут еще, сэр,» сказал Роун. «Я думаю, что Бленнер хочет банкет. Я думаю, что он сказал – банкет. Или - серия банкетов.»

Гаунт сухо рассмеялся.

«По правде, Эли,» сказал он, «я рад за Призраков. Я рад, что это подбадривает их. И оправдывает их тоже, за все годы мужества и жертв. Мы теперь уважаемый полк, со специальным статусом, и это идет с преимуществами. Но я не вне себя от радости от этого дня, как должен быть. Как *ожидается*, что я должен быть. Этот день настал с дополнительными вопросами.»

«Вопросами, сэр?»

«Мы обсудим их, в свое время. Смерть Маддалены не разрушила хороший день. День, несмотря на очевидную славу, уже был помечен, как угрожающий. Потеря ее просто поставила на нем печать.»

Гаунт сел и жестом показал Роуну тоже сесть.

«Как это принял Феликс?» спросил он.

«Тяжело,» сказал Роун. «Как ты бы и ожидал. Крийд взяла его под свое крыло. Вероятно, это было предсмертным желанием твоей женщины, и она приняла это. Она заставила Далина присматривать за Феликсом. Держать вещи в нормальном состоянии, насколько возможно. Гвардейская рутина.»

«Это хорошо. Думаю, что я должен поговорить с ним.»

«Ну, он типа твой сын и все такое. И он хочет похороны.»

«Конечно.»

«Нет, он хочет заплатить за частные похороны. »

«Неприемлемо.»

«Ой, позволь ему сделать это. Маддалена была ему, как мать. Это путь Дома Часс, и он богат, как фес. Позволь ему сделать это, и убереги себя от горя.»

Гаунт не ответил.

«Оставь Феликсу немного горя,» добавил Роун. «Дай ему чувствовать, что он что-то сделал.»

Гаунт кивнул.

«Мне нужно вернуться во дворец к полудню. Я нужен в штабе. Там масса тактических данных, которые нужно просмотреть. Эта война – хаос.»

«Это война. Когда они не были хаосом?»

«Нам, вероятно, нужно обсудить изменения, Эли.»

«Изменения?»

«В полковой структуре. Мы теперь со специальным статусом. Болваны из Темпестус ходят повсюду за мной.»

«Они прямо за дверью, и, вероятно, могут слышать тебя,» сказал Роун.

«Меня это не особо волнует. В любом случае, это новое звание поднимает меня намного выше полковой структуры. Разрыв слишком большой. Мне будет нужно повысить кого-нибудь внутри.»

«Повысить?»

«Здесь нужен командующий полковник, особенно, когда меня нет, а этого не будет так долго, сколько бы мне хотелось.»

«Гол, Баск и я управляем полком достаточно хорошо, когда тебя нет поблизости.»

«Я в это не сомневаюсь, но Муниторум будет настаивать на соблюдении официальных процессов. Мне нужно повысить одного из вас, или они приведут кого-нибудь снаружи.»

«Серьезно?» спросил Роун, его лицо было не в восторге от такой перспективы.

Гаунт улыбнулся.

«Это будет один из вас троих. Ну, я считаю, что Даур, Элам и Паша тоже подходят, но, на самом деле, это один из вас троих. Иронично. Один Танитец, один Вергхастец, один Белладонец.»

Роун кивнул.

«Это должен быть Гол,» сказал он.

Гаунт выглядел удивленным.

«Я прошу тебя, Эли.»

«Быть полковником? Полковник Роун? Я так не думаю. Гол лучший человек.»

«Гол – один из лучших людей, с которыми я когда-либо служил. Но это должен быть Танитец, из-за истории полка и его названия, и это должен быть ты, из-за твоей службы.»

Роун откинулся на стуле и пожал плечами.

«Вот, что я думаю,» сказал он. «Ты сказал мне, что штаб повысил тебя за твой послужной список, главным из которого был Улей Вервун. Народный Герой. Если это все насчет шоу, тогда крепкозадый герой разношерстного отряда Вергхаста – это тот, кто тебе нужен. Это весьма поэтично. Народный Герой и его бесстрашный заместитель-партизан. Плюс, опять же ради шоу, Гол был... типа... благословлен фесовой Беати и был возвращен из живых мертвецов, так что он, вероятно, получит фесозадую святость в отдаленном будущем.»

«Она здесь, ты знаешь?» сказал Гаунт. «Здесь, на Урдеше.»

«Так я понял.»

Роун положил руки на стол.

«Я не хочу быть фесовым полковником,» сказал он. «Колеа – вот человек, который тебе нужен. У нас у всех есть авторитет, это достаточно верно. Мой идет от... ну, люди бояться меня. Они любят Баска. Это то, откуда идет его авторитет. Гол... Он командует через уважение. Все его уважают. Все. Он – тот, кто тебе нужен. Плюс, он никогда не пытался убить тебя или не клялся в вечной мести против тебя или что-нибудь такое. Я не хочу быть фесовым полковником. Мне никогда не удастся снова посмотреть лесам Танита в лицо... ой, погоди.»

Он уставился на Гаунта.

Гаунт рассмеялся.

«И, к тому же,» сказал Роун, «я никогда не смогу занять место Корбека. Никогда.»

Гаунт кивнул.

«Мы поговорим об этом позже,» сказал он.

«Ни феса,» сказал Роун. «Это законченное фесовое дело, мой лорд милитант командер.»

Они сидели вместе на разрушенной стене позади здания, смотря на разрушенные каменные пустоши.

«Как долго ты--» в конце концов сказал Далин.

«Девочка? Ты тупой? Всю жизнь.»

«Скрываешь это, я собирался сказать.»

Феликс пожала плечами.

«С Вергхаста. С рождения.»

«Кто знает?»

«Маддалена знала. Ладд знает.»

«Ладд?»

«Да, 'Ладд',» усмехнулась она.

«Как Ладд узнал?»

«Практически по той же причине, по которой и ты. Он узнал случайно. Маддалена пошла на многое, чтобы всегда держать меня в частной комнате. Когда Армадюк вывалился из варпа, я была одна, одевалась для второй инструкции, и я потеряла сознание от удара. Он нашел меня.»

«И он увидел--»

«Да, он увидел.»

«Значит, это поэтому он--»

«Да, поэтому. Поэтому он хотел, чтобы я была отдана под его опеку, чтобы защитить мой секрет. Но он не мог это сказать. И твоя чертова мать--»

«Делала то, о чем ее попросила Маддалена. И пыталась помочь тебе.»

Феликс пожала плечами.

«Это больно?» спросил Далин.

«Что больно?»

«Повязка на твоём теле, сдавливающая твою--»

«Мою?»

«Твою... грудь.»

«Они называются груди, Далин. Повзрослей.»

«Прости.»

«Ты к этому привыкнешь,» добавила она.

«Зачем?» спросил Далин. Он поднял камень со стены и кинул его над обломками.

«Зачем это скрывать? Зачем этот секрет? В этом полку есть женщины...»

«Моя мать,» сказала она, «глава Дома Часс из Улья Вервун-Вергхаста. Ты вергхастец, Крийд. Ты это понимаешь.»

«Немного. Я был очень юн, когда ушел. И я – отребье из нижнего улья, так ведь? Так что политика твоего мира потеряна для меня.»

«Мой мир – это твой мир,» сказала она.

«Не совсем. Мой мир – это полк. Для меня, Вергхаст означает полк.»

Феликс обдумала это. Она посмотрела на разрушенные дома. Розовый рассвет превращался в тусклый серый, затянутый облаками день, покрытое чешуйками серое пространство неба. Перехватчик, вероятно Молния, пролетел на отдалении, с востока на запад, низко над городом, оставляя за собой долгий, катящийся свист.

«Моя мать – наследница Дома Часс,» сказала она. «Дом Часс наиболее могущественный из правящих династий Улья Вервун. Она – единственная наследница. Сыновей нет. Первая женщина, у которой есть это звание. Она должна унаследовать полный титул, когда умрет мой дедушка.»

Феликс сделала паузу.

«Время прошло. Он, вероятно, уже мертв.»

Она пожала плечами.

«В любом случае, старейшины улья против того, чтобы женщина правила Ульем, и другие знатные семьи... они видят удобный случай, чтобы расшатать Дом Часс и

ослабить его хватку на вожжах власти. Улей Вervун-Вергхаст – патриархальный, Крийд. Если моя мать преуспеет, она будет считаться слабой – это будет момент, чтобы скинуть Дом Часс с его долгого доминирования. Дом Анко, Дом Сондар, Дом Дженик... Трон, они будут тяжело сражаться. Это будет династическая война, которая может разрушить Улей Вervун более основательно, чем когда-то удалось Зойканской Войне Херитора гакова Асфоделя.»

Она бросила взгляд в сторону на Далина. Он слушал, нахмурившись.

«Моя мать упорная и амбициозная. Очень амбициозная. Она ссылается на непрерывность родословной, и на ее связь с Народным Героем, который спас улей от гибели. Ее могут выбрать на всенародном голосовании, несмотря на ее пол. Сейчас, город знает, что у нее есть ребенок от Гаунта, отпрыск спасителя улья. Таким образом, в отсутствии прямого наследника мужского пола, наиболее элегантным компромиссом для достижения преемственности было бы пропустить поколение. Сделать ребенка новым лордом. Для моей матери – отойти в сторону и стать Леди Довагер. Для успеха ее сына. Это было бы большое дело. Это безмерно усилило бы Дом Часс. Для Улья Вervун – унаследовать правителя, у которого в родословной как Дом Часс, *так* и Народный Герой.»

«Но никто не знает, что ребенок – девочка?»

«Никто,» сказала она.

Далеко в направлении Заракппана, начал прокатываться приглушенный грохот артиллерийской бомбардировки или массированного обстрела, подобно далекому грому или дрожи тяжелых металлических листов. Пятно черного дыма размазалось по горизонту.

«Моя мать амбициозна,» сказала Феликс. «Она хочет власти себе. И она, в любом случае, не может согласиться на требования отойти в сторону, потому что это означает признать, что ее ребенок тоже женского пола. Так что, она отослала меня прочь.»

«Вот так просто?»

«Ты серьезно не понимаешь политику улья, так ведь? Отослав меня прочь, моя мать делает себя единственным кандидатом на преемственность. Она избегает проблемы отхода в сторону, и обеспечивает абсолютное право первородства, что подходит ее амбициям, независимо от политической борьбы, которая может встать перед ней. Если бы я осталась, вопрос о моей преемственности стал бы в фокусе, и мой пол открылся бы. Это бы ослабило Дом Часс даже больше. От пропуска не было бы пользы, а в дальнейшем были бы шансы на преемственность женщин. Женщина следовала бы за женщиной. Это было бы слишком для традиционалистов. С Домом Часс было бы покончено.»

«Значит, она отослала тебя прочь?»

«Она отослала меня прочь.»

«Значит, она может стать королевой?»

«Не *королевой*. Главой Дома.»

«Звучит не так, как будто она очень приятная женщина,» сказал Далин.

«Так и есть. Она – политическое животное. Я уважаю и ненавижу ее за это в равной степени. Я честно хотела найти своего отца. Я думала, что он будет лучшим родителем.»

«А он нет?»

«А ты как думаешь?»

Далин покачал ногами и пожал плечами.

«Он - великий человек.»

«Он – великий солдат,» сказала Феликс. «Он – не отец. Кроме как, иронично, для Призраков.»

Далин пробежался языком по губам и на мгновение задумался.

«Мы должны рассказать ему,» сказал он.

«Нет!»

«Тогда, моей матери?»

«Ты пытаешься быть тупым?»

«Тогда, Доктору Керт. Керт можно доверять. Разве *она* еще не знает?»

«Я старательно избегала все медицинские осмотры,» сказала она. Она сделала паузу.
«Перспектива вшей – это проблема.»

«Ты на передовой. Что, если тебя ранят? Они выяснят. Этот не тот способ, чтобы узнать!»

«Ты будешь хранить мой секрет, Далин Крийд. Ты мне поклянешься в этом.»

Она яростно посмотрела на него. Она не просила. Это был взгляд человека, который был воспитан, чтобы ожидать полного подчинения.

«Слушай,» сказал он. «Высший эшелон Вергхаста может быть женофобным беспорядком... что, я должен сказать, стало для меня сюрпризом, исходя из того, сколько солдат-женщин он вырастил. Как мою мать.»

«Из-за необходимости,» усмехнулась она, «и из-за того, что это единственная сфера в которой Вергхастские женщины могут расцвести. Война позволила женщинам показать их силу. Это официальный момент против традиционной патриархии, которым моя дорогая мать воспользовалась на полную, чтобы сохранить свою позицию. Это, так же, стало фактором для ее решения насчет меня. Если бы меня послали к моему прославленному отцу, и я бы служила с ним, и заслужила звание и славу, тогда я могла бы вернуться и помочь ей, и было бы неважно, была ли бы я мужчиной *или* женщиной. Потому что слава, полученная в войне – это валюта, которую понимают все Вергхастцы. Так что она заставила ювенантцистов ускорить мой рост и отослала прочь.»

В отдалении, гром бомбардировки стал более сильным.

«Моя точка зрения такова,» сказал Далин, «что здесь тебе не нужно скрывать. Призраки примут тебя за то, кто ты есть. Здесь не будет такого предубеждения, как в твоём родном улье.»

«Слухи дойдут до Вергхаста, и это подорвет ее тщательно спланированные планы,» сказала Феликс.

«Я думаю, что ты должна рассказать кому-нибудь,» сказал он.

«Я думаю, что никому не должна рассказывать,» ответила она.

Какое-то время между ними была тишина.

«Как мне тебя звать?» спросил он.

«Феликс,» сказала она. «Или Часс, как ты и делаешь.»

«Какое твоё настоящее имя?»

«Меритус Феликс Часс. Мерити Часс. Как моя мать. Но мое имя придумано ловко, чтобы замаскировать пол.»

Далин что-то услышал позади них. Он резко повернулся.

«Что ты здесь делаешь, Дал?» спросила Йонси.

«Йонси!» Далин прыгнул со стены.

Йонси чесала свой обритый череп. Она выглядела тоньше и старше без косичек маленькой девочки. Ее детское платье казалось больше похожим на тунику мальчика препубертатного возраста. Она выглядела неловко, но, как ни странно, более красивой, чем когда она была ребенком с косичками.

«Мама отрезала мои волосы, Дал,» сказала она.

«Как долго она тут?» спросила Феликс, с тревогой прыгнув со стены.

«Она отрезала мои волосы из-за вшей,» сказала Йонси. «Зудящие вши. Она отрезала мои косички.»

«Как долго она тут?» повторила Феликс. «Что она слышала? Далин?»

«О чем вы разговаривали?» спросила Йонси.

«Ой, да просто так,» сказал Далин.

«Вы говорили о Папе Гаунте?»

«Да,» осторожно сказала Феликс.

«Он теперь милитант командер,» сказала она. «Так говорят.»

«Это точно,» сказала Феликс. «Мой великий отец, с каждым часом все больше.»

Йонси задрала обритую голову и посмотрела на Феликс большими глазами.

«Он тоже твой папа? Папа Гаунт?»

«Он мой отец, да.»

Йонси нахмурилась и задумалась.

«О чем еще вы говорили?» спросила она. «Кто такая Мерити?»

Лакшима провела их через большие рабочие области, примыкающие к ее офису. Грае следовал за ними. Рабочие области были несколькими соединенными залами, разлинованными лабораторными столами, над которыми висели стеклянные защитные экраны. Техно-ученые ордоса кланялись Лакшиме перед тем, как вернуться к своим старательным обследованиям.

Лакшима взяла маленький серебряный киберчереп со своего стола. Она включила его, а затем послала в воздух, как будто она выпустила голубя. Они все тотчас почувствовали легкое покалывающее ощущение. Дрон генерировал невидимое подавляющее поле вокруг них.

«Камни – главные предметы интереса,» сказала Лакшима. Она щелкнула жезлом актуатора, и изображения камней появились на висящих защитных экранах. Увеличенные изображения, как спереди, так и сзади, в высоком разрешении. Домор посмотрел на них и вздрогнул.

«Я понимаю, актив считал их особенно важными?» сказала она.

«Так я поняла,» сказала Фейзкиель.

«Он не говорил, почему?»

«Ни Фейзкиель ни меня не было во время захвата,» сказал Баскевиль.

«Я был,» сказал Домор. «Я был частью Ударной Группы Бета, которая вошла внутрь с Гаунтом, и мы их забрали. Мы вошли в это грязное фесовое место. Там было так, словно там жили дикие животные, но Маббон, он называл это коллегией.»

«Маббон?» спросил Грае.

«'Актив',» угрюмо ответил Домор.

«Что еще он говорил?» спросила Лакшима.

Домор пожал плечами.

«Я не знаю. Мы были под постоянным огнем, и я был слишком занят собиранием этого дерьма в коробки. Как и все мы. Я, на самом деле, не слушал.»

Фейзкиель вытащила планшет и сверилась с ним.

«В записях говорится, что зона была 'коллегией наследования', оружейной лабораторией, управляемой – согласно активу – *магиром хаптека* Анарха, или оружекованными. Было сказано, что все материалы инертны. То есть, не активно испорченные.»

«Вы в этом поверили активу?» с сомнением спросила Лакшима.

«Были неоспоримые причины верить, что это так,» сказала Фейзкиель. «Более неустойчивые, зараженные варпом материалы содержались в других зонах.»

«Коллегия наследования,» сказал Грае.

«Для разработки оружия,» сказала Фейзкиель, читая свои исчерпывающие заметки. «Одна из многих заводов, построенных Херитором Асфоделем, чтобы снабжать Анарха военными машинами.»

«Асфодель, безумный гений,» задумчиво произнесла Лакшима. «Весьма вероятно, что он порченный адепт Механикум, вероятно невероятно старый, поделившийся извращенными секретами Механикум с врагом.»

«Эта гипотеза, вероятно, не уровня кобальт, мэм,» сказал Грае.

«Дрон не заблокировал это,» ответила она, бросив взгляд на киберчерепа, парящий поблизости. «Тем не менее, если бы я сказала, в добавок, что Асфодель считается --»

Ее рот продолжил двигаться, но они больше не могли слышать ее голос. Слабое жужжание от киберчерепа блокировало ее слова, редактируя засекреченную информацию. Грае кивал. Он мог ее слышать.

«Да,» сказал он с вздрагиванием, «это, определенно, уровня вермильон.»

Баскевиль, Домор и Фейзкиель переглянулись.

«Асфодель, прокляни его душу, мертв,» сказал Домор. «Давно умер, на Вергхасте. Полковник-Комиссар Гаунт убил его. Я имею в виду... Милитант Коммандер Гаунт.»

«Актив предполагал, что Асфодель был, всего лишь, одним из множества 'хериторов', работающих на врага,» сказала Фейзкиель. «Величайшим, возможно, но одним из многих. Культ слабоумных оружекованных, предположительно 'унаследовавших' секреты от Механикум, следуя вашей линии мысли.»

«Я уже полностью осведомлена об этих теориях,» резко сказала Лакшима. «Я хочу знать детали событий вашего полка в точке сбора. Что актив говорил о месте и этих камнях?»

«Согласно дословному отчету Гаунта,» сказала Фейзкиель, вернувшись к своей копии отчета, «актив называл их *Глифотек*. 'Библиотека в камне'. Он помнил их, потому что бывал на Пределе годами ранее, и с тех пор обращался с ними, как с ценностью. Было сказано, что они – вещи ксеносов значительной важности, собранные на одном из Миров Хана. Он хотел, чтобы их забрали, и считал их очень важными. Он не знал, почему, он просто оценивал их важностью, важность того, что оружекованные считали важным иметь их. Он считал их 'находкой особой ценности'.»

«У них сейчас другое название, так ведь, Майор Баскевиль?» спросила Лакшима.

Баскевиль вздохнул и кивнул.

«Есть причина полагать, что они могут называться орлиными камнями, мэм,» сказал он.

«Из-за инцидента на Айгоре Девять Девять Один?» спросила она.

«Да.»

«На котором вы присутствовали?»

«Да, присутствовал.»

Лакшима посмотрела на свой планшет.

«Вы, и Майор Колеа, которого я встретила вчера, и двое солдат, Маггс и Рервал?»

«Именно так, мэм,» сказал Баскевиль.

«Вы слышали голос?»

Баск помотал головой.

«Я – нет, мэм,» сказал он. «Голос слышали только Рервал и Гол. Эм, Майор Колеа.»

«Но вы кое-что видели?»

«Мы *сражались* с кое-чем, мэм. Демоническая тень. Она убила двоих из нашей группы. Мы отогнали ее.»

«Отвратительно,» сказал Грае, сморщив лицо от отвращения.

«В последствии,» спросила Лакшима, «Гол рассказал, что говорил голос?»

Не используй его имя так, подумал Баскевиль. Не говори так о нем, как будто ты его знаешь.

«Он сделал полный отчет, нашему командующему офицеру. Милитанту Коммандеру Гаунту,» сказал Баскевиль. «Он, так же, рассказал мне, что говорил голос.»

«Наедине?»

«Да.»

«Почему Гол доверился вам?»

«Потому что я его друг,» сказал Баск.

«И что Гол говорил, что сказал голос, майор?»

«Голос... обозначивал себя, как 'голос Сека'. Он говорил, 'Принеси мне орлиные камни'.»

«И в то время, это ничего не значило?» спросила Лакшима.

«Это ничего не значило ни для кого,» сказала Фейзкиель.

«А после этого, во время абордажа?» спросила инквизитор.

«Мы обнаружили, что чертовы камни высыпались на пол,» сказал Домор.

«Шаблоном. Фейпс... это адъютант Майора Баска... он сказал, что они выглядят, как орел. С распростертыми крыльями.»

Лакшима повернулась к группе экранов. Она снова подстроила свой жезл. Восемь гололитических изображений скопировали сами себя на один экран, и составили шаблон.

«Типа этого?» спросила она.

«Примерно, так,» кивнул Домор.

«И по виду, и из-за ремарки вашего адъютанта, вы сделали связь?» спросила Лакшима Баскевиля.

«Это просто предположение,» сказал он. «Внутреннее чутье. Совпадение, в котором было слишком много неприятного смысла.»

«Они здесь?» спросил Домор. «Сами камни?»

«Нет,» сказал Грае. «Версенджинсир Этруин изучает артефакты в здании Механикус В--»

Мягкое жужжание заблокировало конец его предложения.

«Это вермильон, полковник,» сказала Лакшима.

«Мои извинения,» сказал Грае.

«Есть еще одна деталь, которая придает вес предположению, что эти орлиные камни ценны и ими хочет владеть Архивраг,» сказала Лакшима. «Ваш корабль был спасен.»

«Это тоже есть в отчете,» сухо сказала Фейзкиель.

«У вас произошел инцидент во время перехода из варпа, и вы были беспомощны,» сказала Лакшима. «На вас напал враг. Вражеский корабль значительного водоизмещения --»

Она сверилась с планшетом.

«-- *Тормагеддон Монструм Рекс*, держал вас в своей власти, но вместо этого выбрал уничтожить единицы Архиврага, взявшие вас на бордаж. Затем он оставил вас.»

«Милость Императора странная и за гранью нашего понимания,» сказал Баскевиль. «Он делает--»

«Избавьте меня от банальностей,» сказала Лакшима. «Вражеский боевой корабль, не самая стабильная, сдержанная или логическая сущность в этой Вселенной, спас вас. Разве это не предполагает, что на борту вашего корабля было что-то, что было слишком ценным, чтобы уничтожить?»

«Это только одна из точек зрения,» сказал Баскевиль.

«Выглядит весьма вероятным, что ему приказали не распылить вас на атомы,» продолжила Лакшима. «В самом деле, ему приказали защитить сокровище, даже от своего вида.»

«На это потребовался бы приказ от магистра или самого Архонта, чтобы остановить корабль от агрессивного поведения,» сказал Грае.

«Еще есть вопрос о трансляции,» сказала Лакшима. «Трансляции, сделанной кораблем.»

«Я не знаю ни о какой трансляции, мэм,» сказал Баскевиль.

«Трансляция была перехвачена Майором... Роуном,» сказала Лакшима. «Его вокс-офицером. Она была переведена вашим активом, Этогором.»

«Я об этом не знал,» сказал Баскевиль.

«Я тоже,» сказал Домор.

«Это в докладе о миссии,» сказала Фейзкиель. «Это было сочтено, как кому-положено.»

«Кажется, у этого Майора Роуна есть некоторое понятие конфиденциальности,» сказала Лакшима.

«Домор и Баскевиль сейчас на уровне кобальт, инквизитор,» сказал Грае.

Лакшима улыбнулась. Она посмотрела на свой планшет и начала читать.

«Посмотрим, как далеко я зайду,» сказала она. «Копия перевода Маббона Этогора гласит, "То, которое рождено, должно жить" или, возможно, "То, что было сконструировано, должно остаться целым". В целом, "То, что было сделано, должно остаться целым... отпрыск Великого Мастера... все это будет волей того, чей голос заглушает все остальные"»

Она бросила взгляд наверх на киберчереп.

«Ладно,» сказала она. «Кобальт, в конце концов. Вероятно потому, что это расплывчато.»

«Что это означает, 'отпрыск'?» спросил Баскевиль.

«Согласно вашему активу,» сказала Лакшима, «это открыто для интерпретаций. Якобы слово 'отпрыск' может означать сделанную вещь, или ребенка, или что-то призванное. Это женского рода, так что это может относиться к ребенку женского пола, но, очевидно, на языке Архиврага, вещи женского рода. К кораблям, например, относятся, как к 'ней'. Со всей вероятностью, утверждение относится к устройству безмерной значимости. Мои следователи занимаются этим вопросом с активом.»

«Где Маббон?» спросил Баскевиль.

Лакшима ответила, но жужжание дрона скрыло ее слова.

«Вы знаете, что такое орлиные камни, мэм?» спросила Фейзкиель.

«Без сомнения создание ксеносов. Этруин убежден, что они совпадают с артефактами и культурными реликтами Кинебрахов, вида, про который известно то, что он существовал в Группе Хана за десять тысяч лет до настоящего времени.»

«Время Великого Крестового Похода,» сказала Фейзкиель.

«Они просуществовали немногим дольше этого,» сказала Лакшима. «Во время Ереси.»

«Но они больше не существуют?» спросила Фейзкиель.

«Ксеноархеологи полагают, что они вымерли в тот период.»

«Как результат Великой Ереси?» спросил Баскевиль.

«Мой дорогой майор,» сказала Лакшима, «вы отлично знаете, насколько рваные наши записи о древней истории. Мы понятия не имеем, что с ними случилось.»

«Хотя, я слышал это название,» сказал Баскевиль. «Когда мы были на Яго. Кинебрахи. Они были теми, кто, как говорят, построили миры-крепости.»

«Ой, они не построили их,» сказала Лакшима. «Но они, почти наверняка, использовали их.»

«Для чего эти камни?» спросил Баскевиль.

«Мы понятия не имеем,» сказала Лакшима. «Так же, как понятия не имеем, почему Архивраг считает их такими ценными. Но совершенно очевидно, что они высоко ценятся. Ваш друг, Гол, это самое прямое подтверждение этому.»

Она посмотрела на всех троих.

«Есть что-нибудь еще, что вы бы хотели добавить?» спросила она. «Что-нибудь еще, чем бы вы хотели поделиться? Я рекомендую вам это, в присутствии Полковника Грае, что сейчас самое время, в этой дружеской атмосфере. Если в дальнейшем обнаружится, что вы скрыли какую-нибудь ценную информацию, ваш кобальтовый уровень и близость к милитант командеру не будут достаточными, чтобы прикрыть вас. Если мы будем обязаны снова поговорить, наша беседа будет намного менее приятной. Мы друг друга поняли?»

Они кивнули.

«Что-нибудь?»

Домор с Фейзкиель помотали головами.

«Нет, мэм,» сказал Баскевиль.

«Секунду,» сказала она, и повернулась к Грае. Двое обменялись несколькими замечаниями, которые были полностью скрыты раздражающим жужжанием дрона.

Лакшима снова повернулась к ним.

«На этом все,» сказала она.

Они вышли во двор крепости. Ученая Онабель сказала им подождать, и что транспорт, который отвезет их обратно к месту размещения, будет организован. Баскевиль был уверен, что это означает, что им придется прождать несколько часов. Начинался дождь. Было непонятно, громыхает ли гром вдалеке или это бомбардировка.

Баскевиль выпустил долгий выдох. Фейзкиель стояла и одержимо игралась с пуговицами на плаще. Домор сел на каменный блок и зажег сигарету с лхо.

«Я был бы счастлив, чтобы этого больше никогда не случилось,» сказал он.

Баск кивнул.

«Я поговорю с Гаунтом,» сказала Фейзкиель. «Расскажу, что было. Это только я, или вы тоже почувствовали территориальную игру здесь? Ордос, с их тайнами, трется с Астра Милитарум? Спорят, как они разделят информацию?»

«Я это понял,» сказал Баскевиль. «Грае было не по себе. Это, очевидно, что-то очень большое.»

«Я думал, что мы все были на одной стороне,» сказал Домор, выпустив большое облако дыма. Его руки тряслись.

«Предполагалось, что именно так,» сказала Фейзкиель.

«Но у кого самая большая власть?» спросил Домор. «Я имею в виду, когда опускается до этого? Инквизиция или Астра Милитарум у руля?»

«Я бы сказал, что магистр войны,» сказал Баскевиль. «В конечном счете, не смотря на влияние ордоса, у магистра войны должна быть окончательная власть. Он – представитель Императора.»

Домор бросил сердитый взгляд.

«В любом случае,» сказал он, «мы должны предупредить Гола сразу же, как вернемся.»

«Предупредить его?» спросил Баскевиль,

«Ну, мы весьма сдали его в процессе,» сказал Домор. «Не важно, что мы говорили или как мы отвечали, Гол оставался во внимании. Он был бедным фесом, с которым это говорило. Фес, в самом конце, что они говорили о нем.»

Баскевиль посмотрел на него.

«Что ты имеешь в виду, ‘в конце’?» спросил он. «Дрон редактировал их. Мы не могли--»

«Фес меня, Баск,» сказал Домор, вставая на ноги и туша сигарету с лхю о пятку. «Все эти годы службы с бормочащими Вергхастцами из разношерстного отряда, и ты не считаешь по губам автоматически?»

Он постучал по своей аугментике.

«Нахер дрона и его криптополе,» сказал он. «Я все время читал по их губам. Вторая натура.»

«Какого феса они говорили, Шогги?» спросил Баскевиль.

«Эта капризная сука хочет Гола. Она так и сказала Грае. Сказала, что хочет, чтобы его немедленно привели, без споров,» ответил Домор. «И по выражению на лице Грае, это не будет милый разговор, который только что был у нас.»

ДЕВЯТНАДЦАТЬ: ТРАУР

Двор перед зданиями, где размещались Танитцы, суетился. Наконец-то прибыли запасы боеприпасов, в виде трех транспортников-10 в цветах Муниторума. Харк, который обнаружил, что у старшего комиссара, прикрепленного к милитант командеру, больше влияния, чем у старшего комиссара, прикрепленного к полковнику, стоял и разговаривал с адептами Муниторума, просматривая накладные на груз. Спетнин, Тейсс и Аркуда надзирали за людьми, которые забирали боеприпасы с грузовиков. Тейсс и Элам заложили мешками с песком одну из умывальных комнат, в качестве склада, и Призраки таскали туда длинные ящики с коробки.

Гол Колеа сидел на лестнице жилого блока, наслаждаясь бледным солнцем, которое вышло ненадолго между дневными ливнями. Около импровизированных кухонь неподалеку люди из свиты собрались, чтобы начать приготовления для 'большого банкета', который объявил Бленнер, чтобы отпраздновать повышение Гаунта. Здесь было много суеты и много смеха. Цвейл руководил, и, очевидно, казался в форме, чтобы благословить каждую посуду и каждый ингредиент. Дети, уставшие от работы, сорвались, чтобы поиграть, бегая по краям руин территории, и играя в салочки во дворе. Он мог видеть Йонси, прыгающей на резинках, растянутых двумя более молодыми девочками. Он мог слышать их считалочку, какую-то жуткую вещь, которая, как говорили, была дворовой считалочкой с Танита. 'Король Ножей'. Это звучало угрожающе, и все старые игровые старые считалочки и детские песенки темнели под их невинными словами.

Он наблюдал за Йонси. Ее обритая голова была жуткой, и она, внезапно, казалась намного больше по сравнению с более мелкими детьми, почти неуклюжей. Тона предупреждала его. Она уже выросла. Она больше не была ребенком, не важно, как она вела себя. Может быть, стрижка была хорошей вещью, хотя Гол понимал, что она ненавидит это. Больше никаких косичек. Больше никакого притворства, что она, всего лишь, ребенок.

Поблизости, Оркестр начал играть, практикуясь. Шум, казалось, заставляет Йонси вздрагивать. Она закрывала уши руками, и хмурилась. Дети, играющие с ней, смеялись.

Какая жизнь ее ждет, когда она станет молодой женщиной? Гол задумался. Она останется среди свиты, потому что она была ее семьей. Потом что? Гол не видел ее, следующей за Далином в полк. Станет ли она просто одной из простых женщин? Выйдет ли она замуж за какого-нибудь красивого молодого гвардейца? Казалось, только вчера она бегала вокруг его ног и смешно рисовала его, простой рисунок над его кроватью.

Гол залез в свой карман и вытащил последний рисунок, который она дала ему. Он развернул и посмотрел на него. Он все еще заставлял его холодеть. Прямо перед Айгором, он съел ужин с Крийд, Далином и Йонси. Потом она дала его ему. На нем была каждая деталь ужаса Айгора: он и Баск и Лаффри, две луны, шахта, плохая тень.

Как она узнала об этом? Просто еще одно ужасное совпадение? Голос Сека добрался до Гола Колеа, и угрожал его отпрыску. Если он мог сделать это, тогда он мог поиграть с разумом маленькой девочки. Мысль весьма беспокоила его, что она могла быть затронута этой тьмой. Он защитил бы ее, если бы до этого когда-нибудь дошло, но было что-то в ней, что беспокоило его. Он был отдален от обоих детей, но ему удалось снова сблизиться с Далином. Кроме того, Далин был взрослым, и гвардейцем, и у них была связь. Он любил Йонси, но она всегда ощущалась, как незнакомец. Далекой от него.

Это не важно. Она была его ребенком. Он будет держать плохую тень подальше от нее.

«Фес, но эта стрижка ужасна.»

Гол поднял взгляд. Бан Даур брел к нему. Он снова убрал рисунок.

«Вши,» сказал он. «Тона сказала, что это к лучшему.»

Даур кивнул.

«Они все будут такими через день или два,» сказал Гол. «Дюжины маленьких бритых детей, бегающих вокруг.»

Даур тихо рассмеялся.

«Бедная,» сказал он. «Это заставляет ее выглядеть, как маленького мальчика.»

Гол бросил на него взгляд.

«Ой, без обид, Гол,» сказал он.

«Нормально,» сказал Гол.

«Хотя, иронично,» сказал Даур.

«Что иронично?»

Даур пожал плечами.

«Ну знаешь,» сказал он. «Из-за неправильного понимания.»

«Какого непонимания, Бан?»

Даур сел на ступеньку рядом с ним.

«Элоди рассказывала мне, эм, месяцы назад. На Балгауте.»

«Годы, ты имеешь в виду?»

«Точно!» Даур покачал головой. «Элоди расспрашивала обо мне среди Вергхастских женщин. Ей нужна была грязь. Думала, что у нас с Жуковой что-то есть.»

Гол поднял брови.

«Не было,» сказал Даур, выражая неудовольствие его взглядом. «Дело в том, что она говорила с женщинами насчет тебя, и спрашивала, знал ли я тебя давным-давно в Улье Вервун, и выяснилось, что некоторые из них слепо клялись, что оба твоих ребенка были мальчиками.»

«И кто эти женщины?»

«Ну,» произнес Даур, развеселенный. «Галайда, я думаю. Хонне, может быть. Я не знаю. Они были совершенно уверены в этом. Это был шок, когда Элоди напрямую спросила их.»

«Они думали, что у меня сыновья?»

«Ага. Ты знаешь, как истории все портят. Большинство людей даже не знали, что у тебя дети в свите очень долгое время. Они были уверены, что ты потерял двух сыновей на Вергхасте. Гол?»

Даур посмотрел на него.

«Гол? Ты в порядке? Гол?»

Гол не ответил. Воспоминание только что вторглось в его мозг, как солнце, появившееся сквозь дождь, как нечто проросшее из земли. Он и Ливи, Люби ее Трон. На высокой стене Улья Вervун, Панорамная Аллея, где он сделал ей предложение. В одно из их редких, драгоценных посещений. Особенный день. Он сохранил бонусные деньги, чтобы купить им проход. Высоко над ульем, наслаждающиеся видом, смешивающиеся на прогулке с жителями высокого улья. Взгляды, которыми их одаривали те высокомерные ублюдки....

Ливи положила руку на живот. Там едва ли был толчок, чтобы показать.

«Это мальчик,» сказала она.

Вот, как она сказала ему. Он заорал от радости. Все высокомерные ублюдки повернулись, чтобы посмотреть. Вот, как она сказал ему.

О Далине. Должно быть. Вот, как она ему сказала насчет того, что Далин уже в пути. Это был первый раз. Трон, его память была настолько искажена и разрушена после Хагии. Гол мог вспомнить только частичку своей старой жизни. Некоторые мелкие, яркие детали. Все остальное было затуманено.

Это мальчик. Он мог слышать, как она произносит это. Вот, как она сказала ему.

За исключением того, что между ними была коляска. Детская коляска с ребенком в ней. Далином. Ему пришлось сохранить доплату, заплатить доплату, почти половину стоимости проживания, чтобы они смогли взять с собой детскую коляску.

Это мальчик. И Далин был там, прямо там, уже.

Это мальчик.

Гол чувствовал себя так, как будто сейчас упадет, даже хотя он уже сидел.

«Гол, прекрати уфесывать. Ты в порядке?»

Его голова плыла. Он поднял взгляд и увидел, что Даур пристально смотрит на него. Даур держал руки на плечах Гола, поддерживая его прямо.

«Гол? Фес, ты белый, как простыня.»

«Головная боль,» сказал он. «Я в порядке... Просто внезапная головная боль.»

«Выглядит так, как будто это больше, чем просто фесова головная боль,» сказал Даур. «Я думал, что ты сейчас упадешь.»

«У меня они есть время от времени,» сказал Гол. «Ну, ты знаешь, после...»

Даур кивнул. Раны, которые Гол получил на Фантине, были такими серьезными, что его восстановление было неподдельно сверхъестественным. Даур помог Голу подняться.

«Я пойду к Керт,» сказал он.

«Думаю, что так будет правильно. Давай я пойду с тобой.»

Колеа помотал головой. Его зрение все еще плавало.

«Нет, все нормально.»

Обеспокоенный, Даур стоял и смотрел, как Гол шаркает прочь. Он смотрел, когда Гол повернулся и долго смотрел на Йонси, играющую на дворе.

«Что еще теперь?» спросил Диди Гендлер, щелчком отбросив в сторону сигарету с лху.

Большой, глянцево-черный транспортник заезжал на двор, за ним следовали две штабные машины. Они тоже были глянцево-черными, блестящими в бледном солнечном свете. Машины объехали грузовики с боеприпасами и людей, разгружающих их, и остановились рядом с медицинским трейлером.

«Они хоронят ее, Диди,» сказал Мерин.

«Суку Гаунта?» спросил Якуб Вайлдер.

Мерин кивнул. Втроем они стояли на краю двора, под одним из пластековых навесов.

«У нее будут фесовы похороны?» спросил Гендлер.

«Ага,» сказал Мерин.

«Частные похороны?» спросил Вайлдер.

«Конечно,» сказал Мерин. «Она была... как ты это называешь? Высокоульевой?»

«Она – гаков телохранитель,» фыркнул Гендлер. «Какая-то низкорощенная проститутка. В ней нет крови Дома.»

«Сейчас в ней совсем нет крови,» сказал Мерин.

«До феса холодная,» сказал Вайлдер.

«Она работала на дерьмовых аристократов, так ведь?» сказал Мерин. «Была нанята Домом Часс. Все эти забавные снаряжение и аугментика. Таким образом, она получила работу.»

«Она получила работу, потому что она сучка Гаунта,» сказал Гендлер.

«Она получила работу, потому что она была телохранителем ребенка Гаунта, а ребенок Гаунта – высокородная кровь, вот как все было,» сказал Мерин.

Он мог видеть, что Гендлер кипел. Диди Гендлер был, когда-то, из высокого улья, но он потерял все в Зойканской Войне, и его единственным вариантом была служба в Гвардии во время акта Утешения. Иногда, он был так ранен потерей своего статуса, что Мерин думал, что человек выпрыгнет из своей бледной, светловолосой кожи и его обнаженные кости пойдут вперед, чтобы кого-нибудь задушить. Негодование Гендлера насчет Феликса Часса было легендарным. Он ненавидел привилегию, из-за которой Феликсу досталось теплое местечко в полку, и особое обращение.

«Если я умру,» сказал Гендлер, «Гаунт даже никогда не поковыряет пяткой в грязи, чтобы сделать могилу.»

Мерин кивнул.

«У меня вопрос,» сказал Вайлдер. «Такие забавные похороны, как эти? Они много стоят. До феса много. Кто за это платит?»

«Хистью, соуле,» сказал Эзра.

Гаунт поднял взгляд от своей работы. Нихтгейнец пристально смотрел из окна на двор внизу. Гаунт встал. Его стол был завален планшетами. Верный своему слову, Байота прислал с курьером полную техническую информацию Урдешского театра боевых действий Гаунту. Было много, что нужно было просмотреть, и то, что он изучал, уже беспокоило его.

К тому же, он был отвлечен. Тень Маддалены стояла перед ним. У него было ошеломляющее чувство потери. Часть него беспокоилась, что потеря разрастется, если он осознает ее. Другая часть боялась, что его жизнь просто сделала его бесчувственным к смерти, что его способность на эмоциональную связь уменьшилась до ничего.

Тем не менее, он потерял ход времени. Был, практически, полдень.

Он подошел к окну и увидел, на что смотрел Эзра.

Прибыл кортеж. Нанятые плакальщики, в длинных черных плащах, выходили и шли к медицинскому трейлеру.

«Ты можешь пойти и найти Феликса, и сказать ему, что мы скоро отбываем?» спросил он Эзру.

Нихтгейнец кивнул.

«Эзра?»

«Соуле?»

«Я просил Далина держать глаз на Феликсе, теперь, когда Маддалены нет. Но, в качестве одолжения для меня, мог бы ты...»

Эзра с недоумением наклонил голову.

«Просто присматривай за ним,» сказал Гаунт. «Ничего назойливого, просто из теней. Но присматривай за ним, и если вещи станут опасными, вмешайся и помоги Далину.»

«Тебе не нужно просить об этом,» сказал Эзра.

Эзра прошел мимо Бленнера, когда выходил из комнаты.

«Есть минутка, Ибрам?» беспечно спросил Бленнер.

Гаунт надевал черную нарукавную повязку.

«Нет, Вэйном.»

«Ох, уже время?»

Бленнер подошел к окну. Он смотрел, как плакальщики вынесли гроб и положили его в транспортник. Керт со сложенными у груди руками, надзирала за ними.

«Ладно, это может подождать,» сказал Бленнер. «Тогда, позже.»

«Позже я буду в штабе,» сказал Гаунт.

«Тогда, вечером?»

«Весь день, Бленнер. Меня вызвали на более детальные брифинги, затем есть, что проработать.»

Гаунт кивнул в направлении планшетов с данными на своем столе.

«Я уверен, что штаб знает все о войне, Ибрам,» сказал Бленнер.

Гаунт посмотрел на него.

«Я не уверен, что это так,» сказал он. «Я просмотрел этот материал. Я думаю, что увидел, что они кое-что упустили.»

«Ты увидел кое-что, что они упустили?» сказал Бленнер с улыбкой. «Что-то, что все лорды милитанты и генералы в смешных штанах и старшие тактики и офицеры из разведки--»

«Да,» сказал Гаунт. «Потому что они слишком близко. Я – свежий взгляд. И это поразительно очевидно для меня.»

Бленнер сглотнул. Он чувствовал, как его стресс возрастает, его ладони начинают потеть. Он знал этот взгляд. Когда Ибрам Гаунт смотрит так, ты понимаешь, что приближается дерьмо. Бленнер не хотел, чтобы приближалось дерьмо.

Он подошел к столику и налили себе стакан амасека.

«Я полагаю, что ты не собираешься поделиться своей особенной теорией со мной?» спросил он. Когда он наливал выпивку, он использовал свое тело, чтобы скрыть факт, что он вытаскивает таблетку из кармана. Фес! Почти последняя.

«Я пока что не делюсь этим ни с кем, кроме штаба,» сказал Гаунт.

Бленнер положил таблетку в руку и опрокинул ее с амасеком.

«Трон, но повышение изменило тебя,» сказал он, пытаясь звучать беззаботным. Гаунт на это не поддался.

«Ты говорил с Аной?» спросил Бленнер.

«Нет. Зачем?»

«Совсем нет?» спросил Бленнер.

«По обычным обязанностям, да, но не более. А что?»

«Я думаю, ты должен,» сказал Бленнер, сожалея о том, что он опрокинул амасек одним глотком и размышляя, сможет ли он уйти дозаправившись.

«Зачем?» спросил Гаунт, пристально смотря на него.

«Ну, вещи были такими беспокойными, Ибрам. Столько всего произошло. И сейчас эта бедная леди мертва, а ты и Ана были такими хорошими друзьями...»

«Она тебе что-нибудь говорила?»

«Ана? Нет! Нет, я просто думаю... ну, знаешь... Ты должен знать, что Доктор Керт очень любит тебя...»

Гаунт взял свою фуражку.

«У меня на это нет времени, Вэйном, а, даже, если бы и было, это неподобающе.»

«Человек, разговаривающий со своим самым лучшим и старейшим другом, это неподобающе?» спросил Бленнер, все равно наливая себе еще один стакан амасека.

«Ради феса, Бленнер. Что тебе нужно?»

Бленнер выглядел уязвленным.

«Ладно, если ты так, лорд милитант командер,» сказал он. «Я думаю, что ты и Керт должны поговорить. Она обеспокоена.»

«Я понял,» сказал Гаунт, «что ты был хорошей компанией для Доктора Керт. Это факт, который ты бестактно ронял в разговоре в нескольких случаях.»

«Да. Так и есть. У нас есть взаимопонимание.»

«Что ты сделал, Вэйном?»

«Ничего.»

Гаунт сделал шаг вперед.

«Ты связался с ней?» спросил он.

«Что?»

«Я знаю тебя, Бленнер. Ты мерзавец. Пьяница. Дамский угодник. Ты получаешь то, что хочешь, а затем уходишь не прощаясь. Ты не заботишься о людях.»

«Погоди--»

«Если ты водил ее за нос,» сказал Гаунт. «Если ты играл с ее чувствами, а затем проделал свой обычный трюк и сбежал. Если ты ранил ее--»

«Смешно слышать такое от тебя!» резко бросил Бленнер.

«Следи за словами! Что ты сделал с ней? Что ты ей сказал?»

«Это совсем не то!» ответил Бленнер. Его руки тряслись. «Мы не вместе или что-то такое. Мы – друзья. Пошел нафес, Ибрам! Ты – единственный, к кому у нее есть чувства. И всегда были. Пристально посмотри на себя. Пристально! Потому что, если

кто и играет с Аной Керт – это ты! Она беспокоится! Она беспокоится за тебя! Она беспокоится, что твое горе может--»

«Хватит, комиссар,» сказал Гаунт.

«Да, ладно.»

«Я давно тебя знаю, Бленнер. Я давно смирился с твоими выходками и твоими недостатками. Ты можешь говорить со мной с фамильярностью, которая очень немногим людям в этом полку может сойти с рук. Но, когда ты в униформе, ты не обращаешься ко мне вот так.»

«Прости,» сказал Бленнер. Он поставил стакан.

«Этот твой шарм зашел слишком далеко,» сказал Гаунт. «Разберись в себе, и быстро, или мне придется пересмотреть твое место в этом полку.»

«Да, сэр.»

В дверь постучали. Один из Сционов Темпестус заглянул внутрь.

«Я иду, Санкто,» сказал Гаунт.

«Мой лорд,» сказал Сцион, «только что пришел приказ. Вас вызывают во дворец.»

«Нет, у меня планы на день.»

«Вызов был очень ясным, мой лорд. Вы должны доложиться немедленно.»

«Но у меня тут похороны--»

Гаунт прервался. Он сделал глубокий вдох.

«Приведи транспорт, Санкто,» сказал он. «Я сейчас буду.»

Бленнер смотрел на Гаунта.

«Это очень не вовремя,» сказал Бленнер. «Я знаю, что ты бы хотел пойти со своим сыном. Ты хочешь, чтобы я--»

«Нет, Вэйном. Я не хочу, чтобы ты вообще что-нибудь делал.»

Гаунт пристегнул свой меч, поправил плащ, и покинул комнату.

В одиночестве, Бленнер пялился на стакан на столике. Его руки сильно тряслись, а сердце колотилось. Он видел, что его будущее ускользает от него. Намек Гаунта на приближающиеся неприятности был довольно прозрачным. Он этого не хотел. Но он успокоил себя тем, что сейчас он был на посту в командной группе милитант командера, привилегия защитит его. Такой поворот может вывести человека с передовой.

Но если Гаунт устал от него, если он слишком далеко забросил дружбу, тогда он получит назначение. Его переведут. Он получит место в фес знает каком полку, и он, вероятно, закончит, получив полю на передовой.

В фесово дерьмовом конце фесовой войны.

Бленнер прикончил выпивку одним глотком. Ему нужно быть спокойным. Ему нужны таблетки. Ему нужно попросить об услуге Вайлдера.

Вошел Харк.

«Кортеж здесь,» сказал Харк. «Где Гаунт?»

«Я его не видел,» сказал Бленнер.

«Что с тобой, Вэйном?»

«Ничего,» сказал Бленнер. Он выдавил улыбку. «Совсем ничего, Виктор.»

Он вышел и оставил Харка пристально смотреть, озадаченного.

«Не вставай,» сказал Гаунт. Крийд все равно встала.

«Что такое, сэр?» спросила она. Гаунт вошел в ее комнату и закрыл за собой дверь.

«Меня вызвали в штаб. Мне нужно идти.»

«Мне жаль,» сказала она.

«Я подумал, могла бы ты--»

«Конечно,» сказала Крийд. «Я все равно собиралась.»

Гаунт снял повязку и отдал ее ей.

«И, Тона, я надеялся, что ты сможешь объяснить--»

«Смогу, сэр,» сказала она.

«Принеси мои извинения. Попытайся заставить Феликса понять.»

«Да, сэр,» сказала она.

«Спасибо тебе, капитан.»

Толпа собралась во дворе. Некоторые пришли просто посмотреть на кортеж из любопытства.

Другие пришли, чтобы отдать дань уважения.

Феликс вошел на двор и подошел к глянцевым черным машинам. На нем была его парадная униформа. Он выглядел очень измотанным и мрачным.

«Где... милитант командер?» спросил он.

Керт покачала головой.

«Я уверена, что он идет, Феликс,» сказала она.

«Он опаздывает. Я послал Далина, чтобы он нашел его,» сказал Феликс.

К ним подошел Цвейл. Втроем они смотрели на свои отражения в дымчатых стеклах задних окон транспортника.

«Храм Святого Киодруса Эмансида – хороший,» сказал Цвейл. «Отличное место. Очень высокое. Я слышал, что еkkлeзиарх тоже отличный парень. Не тупой, что есть полезно в такие времена, как эти.»

Он протянул маленький цветочный букет Феликсу.

«Просто простой венок, который я сделал,» сказал он. «Для тебя. Ислумбин.»

«Где вы нашли ислумбин?» спросила Керт, удивленная.

«Я нашел, что он растет у алтаря Саббатине в часовне, здесь неподалеку,» сказал Цвейл. «Больше нигде. Мне это кажется похожим на благословение.»

Он посмотрел на Феликса.

«Это священные цветы, посвященные Святой Саббат.»

«Я знаю, что они такое,» сказал Феликс. Он взял Цветы.

К ним присоединилась Крийд. Он выглядела высокой и очень доминирующей в своей официальной униформе. Черная повязка была на ее руке.

«Мы ждем Гаунта,» сказала ей Керт.

«Далин пошел привести его,» сказал Феликс.

«Феликс,» сказала Крийд. «Милитант командер был вызван во дворец. Приоритетный вызов из штаба. Он шлет свои искренние извинения.»

«Ох, это фесово невероятно,» прошептала Крийд.

«Мой отец не придет?» спросил Феликс.

«Ему было очень жаль,» сказала Крийд. «Он попросил меня присутствовать от его имени, в качестве капитана Роты А, чтобы представлять полк.»

«Он не озаботился, чтобы придти?» спросил Феликс.

«Все не так,» сказала Крийд.

«Он не озаботился придти,» сказал Феликс. «Отлично. Мне плевать. Он может катиться в ад.»

«Ой, посмотрите на это,» прошептал Мерин в конце толпы.

«Маленький фес плачет,» сказал Гендлер со слишком большим удовлетворением в голосе. «Бу-ху! Где же сейчас твой могущественный папочка, маленький надоедливый ребенок?»

«Как обычно,» сказал Вайлдер. «Гаунт не заботится ни о ком. Даже ни о своем собственном сыне.»

«Это трагедия, что есть, то есть,» согласился Мерин.

«Я все еще хочу знать, кто платит за все это дерьмо,» пробормотал Вайлдер.

«Должно быть, Феликс Часс,» сказал Бленнер, появляясь позади них. Они быстро выпрямились.

«Расслабьтесь,» сказал Бленнер. «На самом деле, я искал вас, Капитан Вайлдер. Просто пока помню. Я подумал, может... может в любой из ваших недавних инспекций нашлась контрабанда? Какие-нибудь таблетки, ну, понимаете?»

Вайлдер мельком бросил взгляд на Мерина и Гендлера. Оба притворялись, что смотрят в сторону, но Мерин подмигнул Вайлдеру.

«Таблетки, комиссар?» ответил Вайлдер. «Да, я думаю, что наткнулся на немного сомнии, только вчера.»

«Мой дорогой,» сказал Бленнер. «Лучше я отнесу их к себе на хранение так скоро, как возможно.»

«Я пойду и принесу их прямо вам, сэр,» сказал Вайлдер.

«Нам, на самом деле, нужно выяснить, откуда появляются эти штуки,» праздно сказал Мерин. «Кто-нибудь может скончаться от гадкой привычки.»

«Это было бы неуместно, капитан,» согласился Бленнер.

«Значит, мальчик?» сказал Гендлер Бленнеру. «Сын Гаунта, он платит за эту муторную процедуру?»

«Да, Диди,» сказал Бленнер. «У него глубокие карманы, несомненно. Богатый, как фес. Просто отправил сообщение в счетную палату, чтобы получить доступ к деньгам.»

«Да?» эхом отозвался Гендлер. «Ну, ну.»

Далин спешно забежал вверх по лестницам к двери жилого блока, где была квартира Гаунта. Не было никаких признаков Гаунта, а кортеж ждал.

Хотя, кто-то был в приемной Гаунта. Он услышал голоса через полуоткрытую дверь, и собрался постучать.

Он остановился.

«Ты можешь это сделать, Виктор?» спрашивал Колеа. «Ты можешь авторизировать это?»

«Это чрезвычайно неортодоксально, майор,» ответил Харк. «Я имею в виду, чрезвычайно. Но, кажется, у меня есть более сильное влияние на Муниторум в эти дни. Я доберусь до вокса и сделаю запрос.»

«Гаунту нужно знать об этом?» спросил Колеа.

Пауза.

«Нет, мы можем держать это между нами, пока что. К тому же, это личное. Если что-нибудь прояснится, мы сможем решить, как ему сказать об этом.»

«Спасибо, Виктор.»

«Да ладно, Гол. Не стоит благодарности. Я могу видеть, насколько это важно. Ты знаешь, Улей Вербун поддерживает свою собственную базу переписей, или это список планетарного масштаба?»

«У Улья Вербун есть свой собственный департамент переписей. Я помню, что они посылали формы каждые пять лет. Рождения, смерти, свадьбы. Обыденность.»

«И ты просто хочешь подтверждения о записанном поле?» спросил Харк.

«Мальчик или девочка, Виктор. Это все, что я хочу знать,»

Далин замер, его рука замерла перед дверью для стука.

Они узнали. Они каким-то фесом выяснили.

«Ты чего тут завис, рядовой?» сказал голос позади него.

Далин развернулся. Это была Майор Паша. С ней были несколько человек. Высокие, сурово выглядящие люди в холодных серых униформах.

«П-простите!» заикаясь, произнес Далин.

«Я ищу Майора Колеа,» сказала Паша. «Мне сказали, что он поднялся сюда.»

«Он внутри, я полагаю,» сказал Далин, указывая на дверь.

Паша постучала и вошла.

«Могу я вам помочь, майор?» спросил с улыбкой Харк. Его ухмылка улетучилась, когда он увидел людей позади Паши.

«Эти джентльмены, сэр,» сказала Паша. «Они ищут Майора Колеа. Они сказали, что пришли за ним.»

Полковник Грае вошел в комнату, окруженный отрядом личной охраны из службы разведки, который привел с собой.

«Майор Колеа,» сказал он.

«Полковник Грае,» ответил Колеа.

«Мне жаль, Колеа,» сказал Грае. «Мне нужно, чтобы вы пошли со мной.»

«Насчет чего весь этот фес?» спросил Харк.

«Пожалуйста, отойдите в сторону, комиссар,» сказал Грае, показывая больше хладнокровия перед лицом раздраженного Виктора Харка, чем многие были способны призвать. «По приказу разведывательной службы Астра Милитарум, Майор Колеа арестован.»

ДВАДЦАТЬ: НАСТУПЛЕНИЕ

Главная крепость Урдешского Дворца возвышалась над Гаунтом, когда он вышел из транспортника на Высокий Двор. День превращался в то, что выглядело, как смутная дымка, типичная для Урдеша. Небо казалось плоским и освещенным сзади, как будто окутанным облаками, смогом от городских фабрик и нефтеперерабатывающих заводов, и фуцелиновым дымом от бомбардировки в Зараккпане. Это заставляло крепость казаться черным монстром, невероятно высоким, пустотой, спроектированной, чтобы поглотить его жизнь.

Он взял с собой Даура, Бонина и Белтайна. Балтайна, потому что он был помощником Гаунта и адъютантом, Бонина, чтобы тот представлял разведчиков полка, а Даура, в качестве члена офицерского состава. В любом случае, это были формальные причины. Скорее всего, это было потому, что Гаунт чувствовал себя более комфортно, имея хороших солдат рядом с собой. Четверо Сционов Темпестус следовали за ними вверх по лестнице. Они тоже были хорошими солдатами. Лучшими, в зависимости от того, как вы измеряете такие вещи, но Гаунт не знал их, и от них несло слишком ревностным воспитанием Префектуса. Они напомнили ему о его собственных ранних днях, его обучении в Схоле Комиссариата. Он, должно быть, тоже стал бы Сционом, если бы не показал мозгов.

Или, возможно, если бы он показал более яростное, не склонное задавать вопросы, усердие.

Бонин понюхал воздух. В нем была острая, растительная вонь, которая без сомнения была от моря, и более острая вонь серы. Он наморщил нос.

«Из вулканических отдушин истекает сера,» сказал Белтайн, тоже подмечая.

«Вулканических?»

«Великий Холм,» сказал Гаунт. «Вся эта территория построена на затычке конуса вулкана.»

«Великолепно,» сказал Бонин.

«Геотермальная энергия, Мах,» сказал Гаунт. «Это то, что двигает промышленность этого великого мира. Этот запах – это та причина, по которой Урдеш так критически важно удерживать.»

«Просто привыкаю к мысли, что мы стоим на вулкане, сэр,» сказал Бонин.

Они вошли в дворцовый атриум, Санкто и его Сционы пошли в ногу позади них. Голые каменные стены восходили к грандиозным аркам, разлинованным полковыми флагами, который висели на похожих на мачты шестах, теперь, когда они были укрыты от ветра. Четыре огромные железные осадные бомбарды стояли на каменных постаментах, раззявив дула в направлении дверей. Офицеры стояли группами, разговаривая тихими голосами. Посыльные сновали туда-сюда. Помощник проинформировал Гаунта, что Байота скоро уделит ему внимание, и что он должен будет подождать в Белом Зале.

Белый Зал был банкетным залом значительного размера, его стены были оштукатурены. Зал был очищен от всей мебели, за исключением длинного стола и скамьи, и пустота заставляла место казаться больше.

Стены были покрыты пиктами в рамках. Гаунт бродил, чтобы изучить некоторые, пока ждал. Это были полковые портреты: суроволицые люди в строгих позах и еще более строгих официальных униформах, сгруппированные рядами, как спортивные команды. Ни один не улыбался. Гаунт читал начертанные от руки названия. Прагарцы, Урдешские Штурмовики, Йованцы, Хеликсидцы, Нарменианцы, Кейзонцы, Ударные Васковцы, Баллантейнцы, Волпонцы, Витрианцы, Гелпойцы... История крестового похода в виде лиц, которые его вели.

Бан Даур присоединился к нему, и задумчиво смотрел на фотографии.

«Мне интересно...» начал он, «мне интересно, сколько людей с этих фотографий все еще живы.»

Гаунт кивнул.

«В самом деле, Бан,» ответил он. Он думал о том, сколько из них были давно мертвы до того, как их фотографии были распакованы в этом зале и повешены на крючки.

Вдоль низа стены были стопки старых фотографий в рамках, которые были когда-то сняты, чтобы освободить место для Имперской экспозиции. Штукатурка на стене была отмечена темными линиями и поблекшими прямоугольниками там, где когда-то висели другие фотографии, и их замена не совпадала по размеру. Даур наклонился и перебрал рамки.

«Смотрите, сэр,» сказал он. Гаунт присел рядом с ним.

Эти иллюстрации были намного старше, пыльные. Некоторые были картинами. Изображениями гордых военных банд и собраниями мрачных промышленников. Гаунт поднял несколько, чтобы прочесть заглавия. Заракский Династический Клан, Клан Гентези Акарред, Хуламский Светский-Техник, Первая Хуламская Армия, Гаэленский Династический Клан...

«Я не узнаю имена,» сказал Даур, «или униформы.»

«Это – история Урдеша, Бан,» сказал Гаунт. «Его долгая и проблемная история.»

«Они не все военные,» сказал Даур.

«Урдеш всегда был промышленным местом, с самых первых поселений,» ответил Гаунт. «Механикус здесь были с самого начала, эксплуатируя энергетические ресурсы планеты, строя анклавов и выковывая заводы. Но Урдеш... Это географическая мозаика из архипелагов и связанных островов.»

«Мозаика?» спросил Даур, сбивый с толку.

«Мешанина,» сказал Гаунт. «Мелкие регионы, без центрального правительства. Я имею в виду, на протяжении долгого времени здесь не было центральной власти. Урдеш был расколот мелкими конфликтами, пока военачальники и феодальные династии соперничали друг с другом.»

«Знатные семьи держали местную власть?» спросил Даур.

«Точно, именно так, контролируя города-государства, и ссорясь из-за ресурсов. Со временем, когда важность Урдеша возросла, Механикус расширили свое влияние, силой приведя мир под свой контроль. Династические семьи и города-государства убедили сотрудничать или они были уничтожены.» Даур нахмурился.

«Значит, Механикус создали Урдеш?» спросил он.

«Они сделали его центральным миром, каким он сейчас является,» сказал Гаунт, «и они рассматриваются, как владельцы и спасители планеты.»

«Что случилось со знатью?» спросил Даур.

Гаунт пожал плечами.

«Большинство могущественных семей сохранили власть в сотрудничестве с Техно-Жречеством,» ответил он, «предоставляя готовую рабочую силу и подготовленные армии. Династии, которые пережили унификацию, преуспели, строя свои анклавов вокруг поселений Механикус, и даже формируя братства.»

«Братства? Что это означает?»

«Объединения, дружественные профсоюзные группы... даже некоторые техномистические ордена, когда Механикус поделились наименьшими из своих тайн в ответ на верную службу. Некоторые из наиболее искусных оружейных мастерских на Урдеше – не от Механикус, Бан. Они – династические светско-технические учреждения, где старые семьи Урдешских военачальников изготавливают оружие, изготавливать которое научили их Механикус.»

Они поднялись от изображений.

«Вижу, вы изучили материалы своего брифинга,» улыбнулся Даур.

«Я прочитал столько, сколько смог,» сказал Гаунт. «Если честно, я пытался прочитать резюме об этом мире, но я отбросил это в сторону. История и раздробленная политика более сложная, что чертов крестовый поход.»

Даур тихо рассмеялся. У него были такие пакеты с информацией на столе.

«К тому же, это бессмысленно,» сказал Гаунт.

«Бессмысленно?» спросил Даур.

«Чем бы ни был Урдеш, Бан, эта эпоха умирает. Крестовый поход либо полностью освободит мир и централизует власть под новым Имперским порядком, или мир

станет вымершим. Эти фотографии, сосланные к полу, сноски к сложным и запутанным хроникам, которые перестали быть важными.»

Они повернулись, когда открылась дверь. Быстро вошел Уриенц, кивнув на отдание чести Сционами Гаунта. Он оставил свою собственную свиту из помощников и солдат в холле. Гаунт пошел к нему, Даур, Белтайн и Бонин повисли сзади.

«Слышал, что ты тут, Гаунт,» сказал Уриенц.

Они пожали руки.

«Просто проходил мимо,» сказал Уриенц. «Меня вызвали в Заракппан. Становится жарко. Дьяволы приближаются.»

«Напрасные попытки, несомненно?» сказал Гаунт.

Уриенц пожал плечами.

«Как бы то ни было,» сказал он, вытаскивая бумагу из кармана. «Адрес моего портного, как обещал.»

Гаунт взял ее и кивнул с благодарностью.

Уриенц взял его под локоть и отвел в сторону от троих Призраков и Сционов.

«На пару слов,» тихо сказал он.

«Конечно.»

«Мы знаем,» сказал он.

«Знаете?» спросил Гаунт.

«Какой план разрабатывают Вон Войтц и Сайбон.»

«Кто это, мы?» спросил Гаунт.

Уриенц пожал плечами.

«Остальной старший офицерский состав. Это не секрет. К некоторым из нас обращались за поддержкой.»

«Вы отказались от возможности?»

Уриенц улыбнулся.

«Есть многие, кто не разделяет точки зрения Сайбона. Многие, кто остается верным Макароту.»

«Я верю, что все верны Макароту,» сказал Гаунт.

«Я советую тебе думать осторожно, Гаунт,» сказал Уриенц. «У меня к тебе нет претензий, и я могу видеть, почему они выбрали тебя, как своего человека. Мало кто сможет помешать тебе. Дело не в этом. Мы на лезвии ножа. Последнее, что нам нужно – это смена командования. Нарушение будет катастрофическим.»

«Значит, это дружеский совет?» спросил Гаунт.

«Есть некоторые, вероятно, которые могут быть более враждебными,» признался Уриенц. «Просто задумайся о том, что я говорю. Крестовому походу не нужен выстрел в голову, как этот. Не сейчас.»

«Выдвижение может быть легко заблокировано,» сказал Гаунт, «очень просто. Это не тайный сговор. Это политическая попытка. Как ты знаешь, магистр войны тоже должен быть осведомлен.»

«Кто знает, о чем он думает?» сказал Уриенц. «Никто из нас не собирается сталкивать его с этим вопросом. Он известен тем, что пристреливает посланников, даже если этот посланник приносит ему ценные разведданные. Слушай, если это пойдет дальше, он сможет тихо уйти в отставку. Но, так же, он легко может пойти войной на Сайбона и его закадычных друзей. Никто из нас не хочет попасть под этот перекрестный огонь. И вот это именно то место, где ты будешь, Ибрам. Ты будешь стоять прямо перед Сайбоном. Политическая кровавая баня может отбросить нас на годы. Трон, это может нанести нам ущерб. Лишить нас всей кампании.»

«Ты имеешь в виду, Урдеш?»

«Я имею в виду чертов крестовый поход. Макарот не идеален, но он магистр войны, и он – магистр войны, который у нас есть прямо сейчас. Это не телега с фруктами, которую нужно опрокинуть.»

«Если у вас такое большое беспокойство, сэр,» сказал Гаунт, «вы должны поговорить с магистром войны. Проинформировать его о том, что происходит. Поддержать разговор.»

«Мне не нужен этот зенитный обстрел, Гаунт. Никому. Отвернись от Сайбона. Не иди рядом с ним. У них больше нет другого приличного кандидата, которого можно выдвинуть, и никого, которого остальной штаб может принять. Ты отступишь в сторону, и они не смогут продвинуться дальше. Все дело умрет. Пусть это утихнет, подожди своего времени. Как только с Урдешем будет покончено, как только жар стихнет и у нас будет время, чтобы дышать, большинство из нас пожелают, чтобы процесс прошел благоприятно.»

«Спасибо тебе за твою откровенность,» сказал Гаунт.

Уриенц улыбнулся.

«Мы все на одной стороне, а? Ты мне нравишься. Я имею в виду, у тебя нет дурных намерений. Ты с прямой спиной вошел в это, и ты едва поспеваешь. Я подумал, что совет благоразумному было хорошей идеей. И, что он сможет спасти нас от большего горя, чем мы сможем вынести.»

Гаунт кивнул. Они снова пожали руки. Уриенц повернулся, чтобы уйти.

«Посети этого моего портного,» крикнул он, пока быстро уходил.

«О чем это было?» спросил Даур.

«О приличной одежде,» сказал Гаунт.

«Что?»

«О том, чтобы выглядеть, как подобающая личность для работы,» сказал Гаунт.

Дверь снова открылась. Вошел Главный Тактический Офицер Байота.

«Лорд милитант,» сказал он. «Простите за задержку. Мы должны начать прямо сейчас.»

Феликс поднял взгляд.

«Почему мы остановились?» спросил он.

Крийд подвинулась на своем сидении вперед и уставилась в переднее окно машины на траурные транспортники впереди. Далин ничего не сказал. Он был совершенно тих после того, как они отъехали, не просто из уважения, но потому что он думал над кое-чем. Крийд не хотела спрашивать его, над чем, перед Феликсом.

«Трафик,» сказала Крийд. «На следующем перекрестке. Мы скоро снова поедem.»

«На Вергхасте,» сказал Феликс, «трафик останавливается перед кортежем. Из уважения. Кортеж не останавливается.»

«Ну, это Урдеш,» сказала Крийд.

«Место, где, уважение испытывает, кажется, жалкую нехватку,» пробормотал Феликс.

Крийд посмотрела на него. Сын Гаунта практически съежился на сидении в углу, пристально смотря из бокового окна на ничто. Она решила не давить.

Один из нанятых плакальщиков, жесткая фигура в черном, выбрался из траурного транспортника и величаво шел к их машине.

«Оставайся с Феликсом,» сказала она Далину и вышла.

«В чем проблема?» спросила она.

«Улица перекрыта, мэм,» сказал плакальщик. «Там блокада Астра Милитарум. До самого Круга Кентала, я полагаю.»

«Почему?» спросила Крийд. Человек помотал головой. Она пробежалась взглядом по улице вокруг себя. Она не была оживленной, но трафик стоял. Пешеходы, большинство из которых были гражданскими, казалось, спешат прочь, как будто у них появилось что-то важное, чтобы сделать.

Плакальщик сверился со своим карманным хронометром.

«Служба не начнется еще семнадцать минут, мэм,» сказал плакальщик. «У нас куча времени. Мы найдем другую дорогу.»

«Сделайте это,» сказала Крийд.

«Я жду объяснений,» сказал Виктор Харк.

Полковник Грае посмотрел на него. Человек был раздражен. Серая Химера, в которой они ехали, грохотала по Холлерсайдскому кварталу, и Харк понятия не имел, куда они едут.

«У вас не было причин сопровождать нас, комиссар,» сказал Грае.

«Я думаю, что были все причины,» сказал Харк. «Вы взяли старшего офицера моего полка под арест без объяснений. Я не собираюсь позволить вам просто увести его.»

Он бросил взгляд назад в грузовом отсеке. Колеа сидел на откидывающемся сидении рядом с задним люком, окруженный по бокам солдатами службы безопасности из службы разведки. Они не надели на него наручники, но они забрали его пистолет, его микробусину и его серебряный клинок.

«Вопрос деликатный,» сказал Грае.

«И я смогу, возможно, помочь вам с ним, если вы введете меня в курс дела,» сказал Харк. «Полковник, этот человек – один из наших самых лучших офицеров. Он – герой войны. Я не говорю о мелочах. Он благословлен Беати--»

«Я осведомлен о его послужном списке,» сказал Грае.

«Он в очереди на повышение для командования полком,» сказал Харк. «Совершенно независимо от судьбы Майора Колеа, я, как вы можете ожидать, сильно обеспокоен благополучием и боевым духом моего полка.»

Грае посмотрел ему в глаза. Харк был встревожен тревогой, которую он прочел на лице человека.

«Значимость Майора Колеа и его послужной список в точности то, из-за чего я забрал его,» сказал он. «Возникли вопросы. У ордоса нездоровый к нему интерес.»

«Нездоровый к кому?» спросил Харк.

«К Майору Колеа.»

«Это у Инквизитора Лакшимы, о которой я слышал?»

Грае кивнул.

«Ордосу нужен Колеа. Я пытался сопротивляться, но разведка крайне подчиненный партнер в этом,» сказал Грае. «Мне дали инструкции, чтобы защитить Колеа в качестве актива--»

«Инструкции от кого?» спросил Харк.

«Штабной уровень,» сказал Грае. «Высокий штабной уровень. Нам нужно защитить его от ордоса. Лакшима может стать для нас причиной серьезных и ненужных задержек, если она получит надзор.»

«Я думал, что мы все мило играем вместе,» сказал Харк.

«Ну же, Комиссар Харк,» сказал Грае, «вы – опытный человек. С наилучшим энтузиазмом в мире, и, несмотря на стремление к тем же самым высоким идеалам, ведомства Империи часто сталкиваются друг с другом.»

«Это территориальное?»

«Давайте скажем так, что строгое применение Инквизиторского интереса замедлит амбиции Астра Милитарум.»

Харк нахмурился.

«Вы взяли его под арест, чтобы помешать ордосу сделать это?»

«Я был вынужден согласиться с Лакшимой, что взятие под стражу Колеа было срочно необходимо,» сказал Грае. «Я не мог не согласиться. Но я должен был добраться первым.»

«Он под стражей, как она и хотела...»

«Но не под ее стражей.»

«Это – защита.»

«Ордосу потребуется некоторое время, чтобы выяснить, где Колеа, и еще больше времени, чтобы проделать бумажную работу, чтобы его перевели под их надзор. Это

купит нам время. В долгосрочной перспективе они доберутся до него. Инквизиция всегда получает то, что хочет. Но мы может задержать эту неизбежность.»

Харк тяжело выдохнул.

«Расскажите мне об этих вопросах.»

Главный Тактический Офицер Байота привел их в военную комнату. Первым, что поразило Гаунта, была температура. Несколько сотен когитаторов, расположенных на пяти этажах, генерировали значительное тепло. Несмотря на размеры зала, воздух был болотистым. Огромные воздуховоды и вентиляционные отверстия были встроены в потолок зала, и свисали, как трубы широкого храмового органа, над главным этажом. Они непрерывно пыхтели, и легкий ветерок, который они создавали, хлопал краями бумаг, стоящих пачками на столах.

Вход был на первом этаже, широкая галерея, которая тянулась вокруг зала и возвышалась над суетливым главным залом. Еще три галереи были расположены над первой, и Гаунт мог видеть, что все они были забиты станциями когитаторов и персоналом. В центре главного зала находился колоссальный дисплей стратегиума, размером с банкетный стол, на его поверхности мерцали голографические данные и трехмерный географический рельеф. Девятнадцать вертикальных гололитических пластин были подвешены вокруг главного стола, проецируя конкретные театры боевых действий на Урдеше и ближайшие пространства. Адепты с голо-шестами наклонялись над столом стратегиума, чтобы перемещать данные, или использовали шесты, как удочки, чтобы передвигать схваченные пакеты данных с одной пластины на другую. Здесь было постоянное бормотание голосов.

Байота провел их вверх по железной лестнице на вторую галерею, которая была уставлена высокочастотными передатчиками вокса. Кабельные линии, лежащие на полу, были такими же густыми, как лианы в джунглях, и Муниторуму пришлось проложить дорожки из досок, чтобы предотвратить спотыкания и запутывания. Посыльные проносились мимо, переноса срочные депеши от одной командной службы в другую.

«Сюда,» сказал Байота. Они забрались на третью галерею. Военная комната была когда-то тронным залом крепости, предположил Гаунт. Возвышающиеся окна были

запачканы и отбрасывали красноватый мрак. Каждый стол, когитатор и рабочая станция были освещены своими собственными светосферами или настольными лампами.

Галерея на третьем уровне была разделена на секции для старших начальников отделов, и в каждой были свои собственные маленький стратегиум и когитаторы. Каждая зона была отделена нечетким, дрожащим силовым полем. Гаунт прошел мимо одной, где трое Урдешских маршалов спорили около стола, затем еще одну, где Булледин инструктировал Гризмунда и четырех командиров танковых войск.

Вон Войтц и Сайбон ждали в третьей. Полковник Казадер и около двадцати офицеров и тактических специалистов были с ними.

Байота жезлом открыл завесу, чтобы впустить Гаунта.

«Ваши люди могут подождать здесь,» сказал он.

«Сционы могут,» сказал Гаунт. «Эти Призраки – мой штаб, так что они пойдут со мной.»

«Я, в самом деле, не думаю--» начал Байота.

«Брам! Заходи!» весело позвал Вон Войтц.

«Следуйте за мной, пожалуйста,» сказал Гаунт Дауру и остальным.

Вон Войтц поднялся и отечески похлопал Гаунта по руке. Сайбон, мрачный, сидел у стратегиума.

«Доброго тебе утра, мой лорд милитант,» сказал Вон Войтц. Он был в 'добродушном' настроении, но Гаунт достаточно давно знал настроения лорда генерала, чтобы уловить его напряжение.

«Нам было назначено на вторую половину дня, сэр,» сказал Гаунт.

«Вещи ускорились,» сказал Сайбон, всего лишь стальное шипение.

«Я очень сомневаюсь, что ты уже не усвоил данные брифинга, Брам,» сказал Вон Войтц. «Ты всегда быстро учился. Старательно.»

«Да, насколько возможно,» сказал Гаунт. «Я бы подольше повникал. Брифинг порядочного размера и сложный.»

«Ладно, для начала найдем комнату,» сказал Вон Войтц, кивая Казадеру и многозначительно смотря на людей Гаунта.

«Я, в любом случае, собираюсь проинструктировать своих людей,» сказал Гаунт. «Это – Капитан Даур, командир Роты G, один из моих старших офицеров. Белтайн мой адъютант. Бонин из группы разведчиков, так что он представляет специализацию Танитского. Мы сэкономим время, если они услышат из первых рук. Я полагаю, что время имеет значение.»

Бонин, Белтайн и Даур выпрямились, чтобы отдать честь лордам генералам. Вон Войтц бросил взгляд на Сайбона, получил резкий кивок, затем принял отдание чести.

«Вольно,» сказал он. «Рад познакомиться с вами.»

«Они здесь, чтобы делать заметки, так ведь?» спросил Сайбон.

«Так и есть, сэр,» сказал Гаунт.

Сайбон посмотрел на Бонина. Даур с Белтайном вытащили планшеты. Бонин стоял, держа руки за спиной.

«У этого человека нет ручки,» сказал Сайбон.

«Ему не нужно,» сказал Гаунт.

«Срочное обновление данных, по состоянию на это утро,» сказал Вон Войтц. Байота переключил изображение на столе, чтобы отобразить территорию южной полусферы.

«Горячая точка – Гереппан,» сказал Вон Войтц. «Все внимание на это. Сообщили, что ночью произошло крупное столкновение. Мы думаем, что Сек концентрирует новые усилия там. Он может быть в этой зоне лично.»

«Это, то место, где Святая?» спросил Гаунт.

«Возглавляет главные южные усилия,» сказал Байота.

«Тем не менее, следует отметить--» начал говорить Вон Войтц.

«Она – цель,» перебил Гаунт.

«Что?»

«Это спланировано или случайно?»

«Она возглавляет там войска,» сказал Вон Войтц.

«Номинально,» добавил Сайбон.

«Но она – приманка,» сказал Гаунт. «Так задумано?»

«О чем ты, Ибрам?» спросил Вон Войтц.

«Вы разместили наш самый ценный актив под носом у Сека,» сказал Гаунт. «Он клюнул. Это было спланировано?»

Вон Войтц бросил взгляд на Сайбона.

«Я спрашиваю,» сказал Гаунт, «является ли это частью спланированной стратегии магистра войны. Чтобы подманить Архиврага.»

«Она – старший командующий,» сказал Сайбон.

Гаунт указал на стол.

«Конечно. Но она, так же, символическая ценность. Если бы боевыми действиями в Гереппане командовали вы, сэр, или Уриенц, или я, вы полагаете, что расположение врага было бы таким же? Вы убиваете одного из нас, вы убиваете старшего офицера. Вы убиваете Святую, тогда вы одерживаете безмерную психологическую победу.»

Вон Войтц прочистил глотку.

«Здесь ярость,» сказал Гаунт, ведя пальцем по линиям трехмерной модели.

«Незамедлительная, небрежная атака. Смотрите, они, несомненно, не защитили эти магистрали, или любую из этих перерабатывающих территорий. Эта паровая фабрика была обойдена. Это все – стратегические победы. Архивраг эффективно игнорирует их в своих усилиях добраться до Гереппана и напасть. Сек видит Святую, как жизненноважную цель, более значимую, что любая производственная ценность на

этом мире. Конечно же, это так. Так что, видите, как он реагирует? Его тактика поспешная, жаждущая и безмерно растянутая. Это не типично для его обычной, осторожной методологии.»

«Я... я уже отмечал вам,» сказал Байота, «что в искусстве ведения войны Анарха безумие. Никакой логики. Это уже продолжается какое-то время.»

«Отмечали, сэр,» ответил Гаунт, «и не удивительно. В этом *есть* логика, просто не такая логика, которую мы можем принять. Я спрошу снова, Святую использовали, в качестве приманки, чтобы заставить Анарха необдуманно сильно растянуть свои силы?»

«Мы в курсе, что она соблазнительная перспектива,» сказал Вон Войтц.

«Серьезно?» спросил Гаунт. «Соблазнительная перспектива? Я ни от кого из вас не слышал, что вы подтверждаете, что ввод ее в действие – это спланированная тактика провокации. Я был бы убежден, если бы вы это сказали. Это равнодушно, и рискованно, но безжалостно эффективно. Меня беспокоит то, что штаб не обеспокоился о результате.»

«Опять, сэр,» сказал Казадер с возмущением, «вы говорите с оскорбительным тоном, который--»

«Заткнись,» сказал ему Гаунт. Он взял жезл у Байоты и подстроил изображение на столе для большего масштаба.

«Архивраг человечества – порочный монстр,» сказал Гаунт, «но мы были бы дураками, если бы недооценивали его умственные способности. И идиотами, если бы предполагали, что его мотивы такие же, как и у нас. Видите? В Гереппанской зоне, все наступление Сека сменило курс. Поместив Святую здесь, мы изменили планы Архиврага. Урдеш ему не интересен. Ему интересна Святая.»

«Мы сделали...» начал Сайбон. «То есть, магистр войны рассчитывал на смену тактики. Святая – не приманка. Скорее... стимул. Вы указали на то, что методика ведения войны Секом изменилась. Мы начали подталкивать его к стремительному структурному позиционированию и наступлению без поддержки.»

«Спасибо, сэр, что, наконец-то, подтвердили мою оценку,» сказал Гаунт. «Да, это сработало... но это нужно развить. Сек может быть разбит в Гереппане. Вы сделали его неповоротливым и ослабили его ядро. Но если эта уловка провалится, он доберется до Святой и мы потерпим критическую потерю.»

«Это будет развито, сэр,» резко бросил Сайбон.

«Это может быть развито командующим на месте,» сказал Гаунт. «Есть огромные благоприятные возможности, чтобы задавить или даже сокрушить вражеские войска. Естественно, командующему на месте нужно быть *осведомленным* о ситуации, чтобы развить ее. Она осведомлена?»

Настала тишина.

«Святая знает, что она – ваш стимул, Лорд Сайбон?» спросил Гаунт. «Если она не знает, ради феса... Она не оценит слабости врага и не сможет этим воспользоваться.»

«У нее есть старшие офицеры,» сказал Вон Войтц. «Советники...»

«Штаб здесь тоже ее консультирует?» спросил Гаунт. «Или мы только предполагаем? Приманке нужно знать, что это приманка, если ловушке нужно сработать.»

Сайбон поднялся на ноги.

«Этот герб, Гаунт, сделал тебя дерзким,» сказал он. «Ты читаешь нам лекцию о тактике?»

«Я думаю, что это все тактика Макарота,» сказал Гаунт. «Я думаю, что он видит это все очень четко. Он собрал штаб, чтобы выполнить ее, вероятно, без полного объяснения своих мыслей. Штаб выполняет план без полного понимания, *что это* за план. Это, я думаю, пример отсутствия обмена, о котором вы мне жаловались.»

«Теперь слушай, Гаунт,» сказал Вон Войтц, его лицо пылало.

«Я хочу выиграть эту войну, генерал,» сказал Гаунт. «Я сомневаюсь, что я единственный человек в этой комнате, который думает, что это самая главная цель. До того, как мы выполним приказы магистра войны, нам нужно осмыслить его идеи.»

«Ты закончил?» спросил Сайбон.

«Я едва начал,» сказал Гаунт. «Дело не только в Святой. Вы думаете, что она единственная приманка здесь на Урдеше? Главный Тактический Офицер Байота рассказал мне о 'безумии' в операциях Сека на этом мире. Обе стороны, должно быть, стремятся заполучить, в целости по возможности, значительные ресурсы на этом мире-кузнице. В конце концов, вот почему захват не был отдан кулаку-молоту флота. Планы Сека, месяцами, казались несвязными, как будто монстр потерял себя, опустился до дикого абсурда. Но то, что мы видим сегодня в Гереппане, может быть расширено на всю планету. С самого начала, Сек был наименее заинтересован в Урдеше, чем в ценности, которую мы поместили на него. Мы сдерживаемся, чтобы Урдеш остался целым. Он рассчитывает на это. Он рассчитывает на тот факт, что мы ценим эту планету в качестве предмета потребления, который нужно сохранить. Я полагаю, что он так беспокоится о том, чтобы доказать свою полезность... или так беспокоится о том, чтобы восстановить свою репутацию в глазах Архонта... что обладание Урдешем вторично для него. Он поставил ловушку. Он поместил для нас приманку. Приманка – это Урдеш и сам Сек. Мы так жаждем захватить этот мир в целости и покончить с ним. Так жаждем, что мы привели Святую. Святую, магистра войны, и значительную часть старшего командного состава.»

Гаунт посмотрел на них.

«Секу не нужен Урдеш,» сказал он. «Он хочет обезглавить крестовый поход.»

Позднее утро принесло сильный дождь над заливом и Элтатом. Это было зловеще. Баскевиль, Домор и Фейзкиель укрывались два часа под колоннадой крепости ордоса, слушая, как дождь стучит по тротуарным плиткам двора. В последний раз, когда Баскевиль попытался вызвать привратника, угрюмый человек вышел после повторяющихся стуков и сказал ему, что транспорт будет предоставлен, и что из-за нехватки водителей, им нужно подождать.

«Мы уже немного подождали,» ответил тогда Баскевиль, сдерживаясь, чтобы не накричать на человека.

Привратник пожал плечами, как будто говоря, 'Я знаю, но что я могу сделать, а?'

В этот раз, Фейзкиель подошла к двери и сильно постучала. Ответа не было. Она попыталась открыть дверь, и обнаружила, что она закрыта. Как и дверь в главный атриум.

«Они нас просто оставили здесь?» спросил Домор, стирая капли дождя с носа.

«Это смешно,» сказал Баскевиль.

«Нет, это типично,» сказала Фейзкиель. «Они заставили нас ждать, когда мы приехали сюда, и они снова заставляют нас ждать.»

«Почему?» спросил Домор.

«Это – игра,» сказала Фейзкиель.

«И в чем смысл этой игры?» спросил Домор.

Баскевиль застегнул на пуговицы свой мундир.

«Как далеко до расположения?» спросил он.

Домор пожал плечами.

«Семь, восемь миль?» сказал он.

«Мы бы сейчас уже дошли до дома,» сказал Баскевиль. Он начал идти к воротам и улице за ними.

«Ты куда пошел?» спросила Фейзкиель.

«Пешком,» сказал Баскевиль.

Не считая дождя, в районе Гэйлен было тихо. Баскевиль уделил не слишком много внимания, когда они приехали, но теперь он осознал, как пусты и гнетущи были улицы, окружающие крепость ордоса. Место не было брошенным. Территория была наполнена торговыми учреждениями, коммерческими зданиями и счетными домами, и они все были в хорошем состоянии и с хорошим ремонтом. Но все они были закрыты. Ставни закрывали их окна, а решетки на дверях были закрыты на всякие замки. Не было никаких признаков жизни. Баскевиль не был уверен, был ли это просто нерабочий день, праздничный день, вероятно, или были ли здания

постоянно закрыты. Они все выглядели так, как будто их закрыли перед прошлой ночью, чтобы никогда больше не открывать.

«Мы просто идем,» сказал Баскевиль.

«Ты знаешь дорогу?» спросила Фейзкиель. «Мы не знаем город.»

Баскевиль ухмыльнулся ей, и показал большим пальцем на подавленного Домора.

«Шогги - Танитец, Луна,» сказал он. «Он не собирается потеряться.»

Баскевиль посмотрел на Домора.

«Так ведь?»

Домор помотал головой.

«Сюда,» сказал он, возглавив их. «На холм, затем налево. Я не помню дорогу, по которой они привезли нас, но я могу найти Низкое Острие оттуда.»

Они с трудом забрались на холм под дождем, промокшие.

«Это – хороший знак,» отметила Фейзкиель.

Кто-то намалевал слова **СВЯТАЯ С НАМИ** на доме неподалеку.

«Если она с нами,» сказал Домор, «тогда она тоже промокла до трусов.»

Холм был пологим. Наверху, на перекрестке, им предоставилась возможность посмотреть назад и увидеть серое пятно залива за покатыми крышами. Погода шла с моря, серая дымка. Они могли видеть, как тени сильного дождя идут под уклоном от более тяжелых облаков.

Баскевиль услышал звук и посмотрел вверх. Самолет. Шум от его двигателя отражался от низких облаков, и ему пришлось поискать реальный объект. Самолет был точкой, летящий низко и на восток над городом. Через мгновение, за ним последовали еще две точки, быстро разрезая облака.

Домор нахмурился.

«Это не наши,» тихо сказал он.

Где-то, далеко на севере, противовоздушная батарея открыла огонь, отдаленный быстрый грохот. Еще несколько присоединились.

«Ох, фес,» произнес Домор.

Машина приближалась по улице на склоне холма. Грузовик. Баскевиль сошел с тротуара и попытался остановить его. Тот быстро пронесся мимо, не замечая, разбрызгав стоячую воду.

Отдаленный грохот орудийного огня стал громче, как фейерверк на соседней улице.

«Нам нужно быстрее вернуться назад,» сказал Баскевиль.

Приближалась еще одна машина, грузовик Муниторума грохотал в дожде с включенными фарами.

«Предоставь это мне,» сказала Фейзкиель.

Она вышла на дорогу и встала с поднятой рукой.

Транспортник остановился перед ней. Водитель высунулся, приветствуя комиссара с волнением.

«Нас нужно отвезти,» сказал ему Фейзкиель. «В район Низкого Острия.»

«Мэм, мне приказано ехать к Сигнальной Точке,» нервно сказал водитель.

«Дай мне перефразировать,» сказал Фейзкиель. «Официо Префектус. Я реквизирую эту машину, сейчас же.»

Пока они забирались в кабину грузовика, Баскевиль услышал еще самолеты. Он повернулся и посмотрел вверх.

Самолеты приближались с юго-запада, появляясь из густого облака. Сотни самолетов, собранных плотным боевым строем.

Они не были Имперскими.

«Погнали!» приказал Баскевиль, захлопнув дверь кабины.

Дождь негативно повлиял на приподнятое настроение, вызванное предложенным Бленнером пиршеством. Дым и пар продолжали подниматься от походных кухонь, но дело затормозилось. Люди ушли, и только несколько женщин и лагерных поваров остались, чтобы держать еду подогретой и не дать ей пережариться. Оркестр свернулся.

«Они идут сюда,» сказала Йонси.

Элоди играла с ней в догонялки в одном из коридоров. Дождь загнал детей внутрь, и они становились капризными. По крайней мере, Йонси перестала жаловаться насчет своих волос. Элоди была этому рада. Она была совершенно уверена, что у нее нет вшей, но каждый раз, когда ребенок упоминал о них, она хотела почесаться.

«Кто, Йонси?» спросила она.

Йонси нахмурилась.

«Они наполнены скорбью,» сказала она.

Со двора слышался шум. Элоди пошла посмотреть, ведя Йонси за руку.

Вернулась траурная процессия.

«Они быстро вернулись,» сказала Элоди Роуну.

«Это то, о чем я думал,» сказал Роун.

Крийд вылезла из машины и поспешила к Роуну. Элоди могла видеть, что Феликс все еще сидит в задней части машины. Далин сидел с ним. Затем она заметила, что гроб все еще был в задней части грузовика.

«Что происходит?» спросила Крийд Роуна.

«Только собирался спросить у тебя то же самое,» сказал он.

«Дороги закрыты,» сказала Крийд. «Мы добрались до храма, и он тоже был закрыт. Служитель сказал, что служба была отложена.»

Роун скривился.

«Феликс расстроен,» сказала Крийд. «Нам пришлось привести гроб обратно.»

«Конечно, он расстроен,» сказал Цвейл, появляясь рядом с ней. «Этого не должно было произойти.»

«Он, скорее, больше зол, чем огорчен,» сказала Крийд, бросая взгляд назад на транспортники. Они могли видеть, как Феликс кричит и указывает на сочувствующего Далина, хотя они не могли слышать, что он говорит.

«Зол на всех и вся,» сказала Крийд. «Зол на всю фесову галактику.»

«Мертвые должны отдыхать,» сказал Цвейл, бормоча, «они, на самом деле, должны.»

«Отмечено, отец,» сказал Роун.

На дворе, Призрак закричал и указал сквозь дождь на низкое небо. Боевые порядки самолетов пролетали над ними. Их были тучи, сотни. Пронзительный визг от их пылящих двигателей был характерным. Казалось, что боевые порядки скользят по серому небу. Они направлялись к Великому Холму.

«Вторая инструкция!» закричал Роун. «Подъем, подъем, подъем! Все роты! Вторая инструкция!»

Вокруг него забежали Призраки, направляясь в свои комнаты и арсенал.

«Свита в укрытие!» крикнул Роун. «Элам! Мерин! Разместите свиту так быстро, как сможете.»

Подбежали Ладд и Бленнером. Бленнер выглядел красным и запыхавшимся.

«Следите за дисциплиной в лагере, Бленнер,» сказал Роун.

«Да, но--»

«Следите за дисциплиной в чертовом лагере!» резко сказал Роун.

«Да, майор.»

Роун посмотрел на Ладда.

«Вторая инструкция, и приготовиться выдвигаться,» сказал он.

«Да, сэр.»

«Это включает в себя орудия поддержки.»

«Да, сэр.»

«У нас есть какой-нибудь транспорт?»

«Несколько транспортников-8,» сказал Ладд.

«Загрузить их. Боеприпасы, плюс тяжелое оружие. Все остальные могут идти пешком.»

«Да, сэр,» сказал Ладд. «Идти куда, сэр?»

«Ну, это не происходит здесь, так ведь?» сказал Роун. «Если только ты не хочешь пострелять по этим самолетам? Что-то приближается, и нам нужно быть готовыми встретить это.»

Ладд кивнул.

«Не окопаемся здесь, майор?» спросил Цвейл.

«Вы хотите, чтобы бой был здесь, аятани?» спросил Роун. «Здесь, где свита?»

«Нет, не хочу.»

«Если мы будем сражаться здесь, это будет очень плохим знаком,» сказал Роун. «Это будет означать, что враг захватил все к югу отсюда, и большую часть города. Так что, если мы будем сражаться здесь, это будет означать, что мы по шею в дерьме.»

Ойстин, адъютант Роуна, протолкнулась сквозь толпы солдат и подбежала к нему. Она протянула бумагу.

«Это из штаба, сэр,» сказала она.

Роун взял бумагу и прочитал.

**УВЕДОМЛЕНИЕ О ПОВЫШЕННОЙ ГОТОВНОСТИ++ВСЕМ ПУНКТАМ В ГОРОДСКОЙ
ЗОНЕ НЕМЕДЛЕННО ПЕРЕЙТИ НА ВТОРУЮ ИНСТРУКЦИЮ++ОЖИДАТЬ ПРИКАЗОВ**

«Ни феса себе,» сказал он, скомкав бумагу и выбросив. Он бросил взгляд на стаи самолетов, гудящие над головой.

«Как будто мне было нужно начальство, чтобы сказать об этом.»

Феликс вышел из машины и посмотрел на небо, открыв рот.

«Ради Трона, что это?»

«Идем,» сказал Далин. «Нам нужно идти.»

После того, как случайно подслушал Колеа с Харком, Далин не находил себе места от перспективы, что секрет Феликса раскроется. Но обстоятельства изменились так резко, что это вряд ли казалось проблемой. Идиотский секрет Феликса Часса казался незначительным сейчас, когда город атаковали.

«Ты идешь?» подгонял он.

«Но Маддалена--»

«Шевелись,» сказал Далин, схватив Феликса за руку.

Элоди подхватила Йонси на руки и поспешила с остальной свитой в здание. Рота Элама открыла подвалы и закрывала мешками с песком окна нижних этажей. Они настойчиво подгоняли гражданских внутрь.

«Вниз по лестнице,» сказал рядовой Элоди. «Побыстрее.»

«Я говорила, что они идут, так ведь?» прошептала Йонси на ухо Элоди, пока они спускались по лестнице.

Элоди посмотрела на нее.

«Враг? Ты имеешь в виду врага?»

Йонси кивнула.

«Они всегда очень близко,» сказала она.

Батареи на стенах Урдешского Дворца открыли огонь, вторя постоянному обстрелу батарей вокруг окраин высокого города. Штормовые облака освещались пятнами

света. Сам дворец стонал и дрожал. Генераторы глубоко внутри ожили, и, с кашлем и хлопками падения давления, системы массивных пустотных щитов включились, закрывая всю верхушку Великого Холма сферой светящейся зеленой энергии против приближающей атаки. В воздухе завоняло озоном.

В военной комнате воцарился ад.

«На что мы смотрим?» потребовал Сайбон.

«Ситуация в Заракппане усугубилась за последний час,» сказал Байота, сканируя данные, которые хлынули на стратегиум. «Быстрее, чем ожидалось. Намного быстрее.»

«Там командует Уриенц, так ведь?» спросил Вон Войтц.

«Он в дороге, сэр,» сказал Байота. «Кроме того, фронт уже прорван в трех местах. Враг продвигается в перерабатывающий район.»

«Черт возьми!» резко бросил Вон Войтц.

«Но это, всего лишь, отвлекающий удар,» сказал Гаунт.

«Да,» согласился Байота. «Это оттянуло назад наши основные силы. Их главное наступление идет с юго-запада, с границ Южного Династического Конклава. Главные силы, преимущественно пехота с поддержкой из быстрой бронетехники. Плюс прикрытие с воздуха, конечно. Быстрый удар. Они используют пригороды здесь, на южном берегу залива.»

Запачканные окна военной комнаты дребезжали в своих рамах, сотрясаемые избыточным давлением массивных пустотных щитов снаружи. Гаунт подумал, что смог услышать первый хруст боеприпасов, ударившихся о наружную часть щита. На гололитическом дисплее, нечеткие пятна изображений, которые указывали на боевые порядки самолетов врага, сливались с верхними контурами Великого Холма.

«Нам нужна реорганизация,» сказал Вон Войтц, изучая карту и передвигая индикаторы бригад, как будто он раскладывал карты для пасьянса. «Нам нужно отвести гарнизонные войска с севера. Где Блэквуд?»

«Зачем нам нужен Блэквуд?» спросил Гаунт.

«У Блэквуда главное командование позициями в Элтате,» сказал Сайбон. «Это его дозор.»

«Об этом нужно доложить магистру войны,» сказал Гаунт.

«Магистр войны нездоров,» сказал Байота. «У Маршала Блэквуда здесь старшинство.»

Гаунт огляделся. Зал кишел персоналом, но не было никаких признаков Блэквуда.

«Ради Трона,» сказал Гаунт Сайбону. «По крайней мере, временно командуйте. Начните фесову реорганизацию! Блэквуд сможет занять свое место, когда прибудет.»

Вон Войтц посмотрел на Сайбона. Сайбон вздохнул, и подошел к перилам балкона. Он повысил громкость своего горлового вокса.

«Внимание!» громыхнул он. «Я принимаю командование до тех пор, пока меня не сменит Маршал Блэквуд! Все данные на мой пост! Ждите приказов!»

Он посмотрел назад на стол. Вон Войтц и Байота уже передвигали блоки данных по гололитической карте, предлагая развертывая резервных гарнизонов, расположенных внутри города.

«Хорошо,» кивнул Сайбон, рассмотрев их предложения. «Подтвердите эти маршруты и пошлите их на главный стол. Пошлите им депеши сейчас же! И убедитесь, что чертов Муниторум знает, где и в чем ему помогать.»

«Да, сэр!» сказал Байота.

«Давайте взглянем на остальной список,» сказал Сайбон. «Есть что-нибудь, что мы можем переместить в тот западный угол?»

Вон Войтц указал на карту города.

«Это твоя банда, Брам,» сказал он.

Гаунт кивнул.

«Есть предложения?»

«Я думаю, что они могут добраться до южного побережья меньше, чем через час. Возможно, окажут поддержку Тулкарским Батареям?»

Вон Войтц кивнул.

«Да, и мы пошлем эту бронетехнику на их левый фланг. Сайбон?»

«Делайте,» прорычал Сайбон, занятый одобрениями на развертывание еще восемнадцати полков.

«У нас с нами свита, сэр,» сказал Гаунт Вон Войтцу. «Прошу разрешения перевезти их на окраину территории дворца.»

«Дано,» тотчас сказал Вон Войтц, затем сделал паузу. Он указал на высокие окна зала, освещенные зеленым светом снаружи. «Но ничто не войдет и не выйдет, пока щиты подняты.»

«Как только отобьем эту воздушную атаку,» сказал Сайбон, отрывая взгляд от карты, «нам придется опустить щиты. Экономия энергии.»

Вон Войтц кивнул, а затем снова посмотрел на Гаунта.

«Пусть они приготовятся выдвигаться по нашему уведомлению,» сказал он. «Они смогут заехать, как только воздух будет чист.»

Гаунт кивнул с благодарностью. Он поманил кивком своего адъютанта.

«Белтайн?»

«Да, сэр?»

«Соедини меня с полком. Позови меня, когда сделаешь,» сказал Гаунт.

«Да, сэр.»

Белтайн поспешил прочь к вокс-центру. Гаунт отвел Вон Войтца в сторону.

«Магистр войны должен возглавлять это,» тихо сказал он. «Сейчас.»

«Мы сможем справиться.»

«Это его бой! У него на крыльце!»

«Он занят большей картиной, Брам. Это не единственная зона военных действий на Урдеше.»

«Кто-то должен пойти и--»

«На его территорию вход воспрещен для всех,» сказал Вон Войтц. «Я уверен, что он осведомлен о ситуации. Он вмешается, если посчитает нужным. Это работа штаба, чтобы оставаться на вершине этого.»

Гаунт посмотрел на него, неубежденный.

«Черт возьми, Брам,» сказал Вон Войтц, «это в точности то, о чем я говорил. Макарот изолировался от всего. Всего. Это все для него великая теория. Он, вероятно, даже не заметил, что мы подняли щиты.»

«Я не могу поверить, что магистр войны настолько оторван от реальности,» сказал Гаунт.

Голос Вон Войтца упал до шепота.

«Ради Трона, Брам. Мы говорили тебе. Мы тебе прямо это сказали. Он не в форме. Больше нет. Он – не те надежные руки, которые нам нужны, чтобы вести это. Ни эту битву, ни этот театр военных действий, ни чертов крестовый поход. Он месяцами скрывается в своем жилище, присылая стратегические приказы с посыльным. Я не думаю, что он в последние недели выбирался из восточного крыла.»

Он положил руку на плечо Гаунта и отвернул его от офицеров у оживленного стола стратегиума.

«Вот почему нам нужно решить это,» прошептал он. «И нам нужно сделать это сейчас. За следующие несколько часов.»

Гаунт посмотрел на него с суровым лицом.

«Вы хотите сделать ход против него сейчас? Сместить его? Посреди всего этого?»

«Если не сейчас, то когда, Брам? Когда? Внутренний круг готов действовать.

Декламация о доверии готова. Все формальности соблюдены. С твоим сотрудничеством, мы, в любом случае, надеялись действовать на этой неделе. Этот

кризис вынуждает нас. Архивраг сменил тактику, резко. Трон знает, что произойдет за следующие несколько часов, здесь, или на Южном Фронте.»

«По крайней мере, подождите, пока мы не отобьем эту атаку,» сказал Гаунт.

«Враг бьет по Элтату, Брам. Два дня назад это был невообразимый сценарий. Это нападение демонстрирует провал командования. Это главное доказательство в поддержку наших требований.»

«Бартол, я отказываюсь признавать, что самое лучшее время, чтобы осуществить смену командования на самом высшем уровне – это во время вражеской атаки. Нужно, чтобы руки Макарота были на вожжах--»

«Но их нет, Гаунт, их нет! Он не занялся находящимся под рукой вопросом. Он позволил этому случиться. Руки магистра войны должны быть на вожжах, ладно. Но не Макарота.»

Вон Войтц посмотрел ему в глаза.

«Нам нужно командование театром военных действий, и нам нужно это сейчас,» сказал он. «Ни ночью, ни завтра. Нам нужно это сейчас. Если мы оставим все, как есть на день или два, Трон знает, с чем мы будем иметь дело по всему Урдешу. Трон знает, как изменится игра. Я не собираюсь ждать, чтобы катастрофическое поражение доказало, что нам нужен новый лидер.»

«Бартол, ты знаешь, что остальной штаб знает об этом всем?»

Вон Войтц беззаботно пожал плечами.

«Мне это было совершенно очевидно,» сказал Гаунт. «Штаб знает, что ваш внутренний круг планирует, и что значительное количество из них возражает против идеи. Даже те, кто симпатизирует идее, не думают, что сейчас подходящее время обсуждать это. Те против вас, кто может заблокировать это.»

«У нас есть голоса,» усмехнулся Вон Войтц. «Это будет процессуальная формальность. Посмотри на то, что происходит, Гаунт. Это хаос. После всего, штаб поблагодарит нас за это... если мы достанем свежую кровь, чтобы вытащить нас из этого наступления с возобновленной энергией. Ну же. Подумай об этом. Мы должны

бы благодарить Архиврага за то, что он дал нас тот толчок, который нам нужен. Это громит все контраргументы.»

Гаунт сделал глубокий вдох. Окна все еще дрожали в рамах, и звуки взрывов боеприпасов и воздушных взрывов уже были очень отчетливыми.

«Внутренний круг,» сказал он. «Его не очень-то любят...»

Вон Войтц поднял брови.

«Что такое, Брам? Боишься, что будешь опозорен связью? Боишься, что подхватишь виши от нахождения рядом с плохими парнями?»

«Я обеспокоен калибром некоторых из ваших сообщников,» сказал Гаунт.

«Оу! 'Сообщников', значит?»

«Ты понимаешь, что я имею в виду,» прорычал Гаунт. «Люго – бумажный генерал. Он никогда не был большим, чем едва ли компетентным--»

«Нахер Люго,» ответил Вон Войтц. «Он – крысиная задница. Но он нам нужен, потому что он связан. У него сильные связи в Экклезиархии в этом секторе и Секторе Хулан. Нам нужно было одобрение Адептус Министорум, и он достал его. Такой ход, как этот, делается заметно чертовски легче, когда позади нас церковь. Они приведут лорда сектора и Имперский двор. Нам он нужен, поэтому мы его терпим.»

Гаунт не ответил.

«Как только Блэквуд доберется сюда, мы созовем круг вместе,» сказал Вон Войтц. «А затем мы нажмем на кнопку. Час или два. А сейчас, ты с нами?»

«Дайте мне два часа, сэр,» сказал Гаунт.

«Что? Зачем?»

«Мне нужно отдать прямые приказы Призракам. Я им очень обязан. Я не оставлю их в таких жестоких условиях, как эти.»

«Ладно, а потом?»

«Я дам вам свой ответ через два часа.»

Вон Войтц мгновение пристально смотрел на него, как будто пытаюсь прочесть его мысли по лицу. Глаза Гаунта, их непроницаемая голубизна, как результат собственного приказа Вон Войтца, делали это невозможным.

«Тогда, два часа,» сказал Вон Войтц.

Гаунт резко отдал честь. Вон Войтц уже поворачивался назад к столу стратегиума, где Сайбон выкрикивал приказы своим заместителям.

Гаунт подошел к Дауру и Бонину.

«За мной,» сказал он.

Белтайн был в вокс-центре на галерее ниже. Он взял на себя управление одним из высокочастотных передатчиков вокса, приказав оператору вокса отойти в сторону, чтобы он мог работать с ним лично.

«Связался с Танитским Первым, сэр,» доложил он, вручая гарнитуру Гаунту.

Гаунт снял фуражку и надел гарнитуру.

«Это Гаунт.»

«Слышу вас, сэр,» пришел ответ. Он узнал голос Ойстин, нового адъютанта Роуна.

«Мне нужен Колеа или Харк,» сказал Гаунт.

«Мне жаль, сэр,» пришел трещащий ответ Ойстин. «Никого из них здесь нет.»

«Как они... ? Забудь. Тогда, Баскевиль. И быстро.»

«Сэр, Майора Баскевиля в расположении тоже нет.»

«Фес меня, Ойстин! Что происходит?»

«Минуточку, сэр.»

Раздался приглушенный стук на другом конце, затем донесся новый голос.

«Гаунт?»

«Роун? Что за чертовщина происходит?»

«Разъяснение потребует некоторого времени, и это расстроит тебя,» сказал Роун. «Ты, в самом деле, хочешь услышать это прямо сейчас?»

«Нет. Черт возьми, я собирался повысить Колеа до временного звания полковника, чтобы собрать полк вместе.»

«Ну, Гола тут нет, и я не думаю, что временное повышение принесет ему сейчас много пользы.»

«Ладно. Роун, кажется, в конце концов, ты получил работу.»

Тишина, треск.

«Ты все еще здесь?»

«Да.»

«Мы собираемся опять об это спорить?»

«Я не знаю. А надо?»

«Кажется, что сейчас хорошее время для этого, Роун?» резко сказал Гаунт. «Ты старший офицер в наличии или нет?»

«Да.»

«Тогда ты командуешь. Я не могу добраться туда. Дворец заблокирован. Какова ситуация?»

«Мы на второй инструкции и готовы выдвигаться. Я предвкушал приказы о передвижении.»

«Да? Ну, вот и они. Вы выдвигаетесь на юг, к Тулкарским Батарейам. Враг продвигается с юга и юго-запада. Гарнизонные войска перемещаются, чтобы прикрыть передовую. Как быстро вы можете добраться туда?»

«Погоди... Сверяюсь с картой... Пятьдесят минут, если выдвинемся сейчас.»

«Сделайте это быстро. Быстрое перемещение, и ожидайте, чтобы сразу взяться за дело, когда прибудете. Враг уже может быть там. Приказы – удерживать батареи и

удержать ту линию. Я предоставлю дополнительные данные, которые смогу найти в военной комнате. Боеприпасы?»

«Адекватное количество, но нам в ближайшее время потребуются еще.»

«Муниторум в курсе. Я думаю, что вы сможете получить бронетехнику в поддержку через девяносто минут, но вы, вероятно, будете на месте первыми.»

«Что насчет свиты?»

«Разрешение было дано на перемещение всех гражданских на территорию дворца. Транспорт будет организован, но пройдет какое-то время. Свите придется оставаться на месте до тех пор, пока не закончится налет и не уберут щиты. Предлагаю тебе--»

«Оставить пару рот, чтобы защитить из, понял,» сказал Роун.

«Хорошо. Приступай к делу. Быстрое перемещение. Тебе нужно временное звание?»

«Нет, нафес не нужно.»

«Ты все равно его получил, Полковник Роун. С этого момента ты главный. Выдвигайтесь. Император защищает.»

«Понял.»

«Мои приказы четкие и понятные, полковник?»

«Да. Да... мой лорд милитант.»

«Серебряный клинок, Роун. Я свяжусь с тобой снова, как только смогу.»

«Понял. Роун, отбой.»

Связь пропала. Гаунт отдал гарнитуру назад Белтайну.

«Полковник Роун?» спросил Даур.

«Кажется так,» сказал Гаунт.

«Что теперь, сэр?» спросил Белтайн.

«Нам нужно нанести визит,» сказал Гаунт.

«Посреди всего этого?» спросил Даур.

«Это важно,» сказал Гаунт. Он посмотрел на Бонина.

«Как думаешь, сможешь провести меня в западное крыло этого места?» спросил он.

ДВАДЦАТЬ ОДИН: ВШИ

Роун вышел из здания размещения K700 во двор. Дождь все еще был сильным.

«Внимание!» крикнул он. Ему пришлось повысить голос, чтобы быть услышанным над постоянной барабанной дробью и грохотом авианалета. На мрачной линии горизонта высвечивался Великий Холм, пульсируя вспышками света, пока вражеские самолеты атаковали щит и нижние склоны.

Собрались офицеры и адъютанты.

«Первичный приказ,» сказал Роун. «Мы выдвигаемся к Тулкарским Батарейм. Ожидайте контакт с врагом в том месте. Будьте готовы встретить врага до того, как мы достигнем батарей. Выдвигаемся через пять минут. Быстрое развертывание.»

«Это сверху?» спросил Колосим.

«Нет,» с сарказмом произнес Роун. «Я это все придумал. Пять минут, все ясно?»

Послышались общие одобрительные возгласы.

«Сержант Мколл?»

«Да, сэр.»

«Я хочу, чтобы подходы к батареем были разведаны заранее, так что твои парни будут возглавлять наконечник копья.»

Мколл кивнул.

«У нас есть планы улиц?» спросил он.

Роун бросил взгляд на Ойстин, которая протянула непромокаемую сумку с картами и планами города.

«Просмотри и усвой,» сказал Роун. «На самом деле, посмотрите все, пожалуйста. Сделайте зарисовки, если вам нужно.»

«Что насчет свиты?» спросил Бленнер.

«Роты V и E останутся здесь и будут охранять гражданских,» сказал Роун.

«Вы шутите?» спросил Вайлдер, не способный сдержать свою досаду. Опять Оркестровую Роту отослали с передовой.

«Нет, не шучу, капитан,» сказал Роун.

«Рота V не просто духовой оркестр!» запротестовал Вайлдер. «Это просто еще одно оскорбление для нашей солдатской службы--»

«Достаточно, капитан, достаточно,» сказал Бленнер. Он пытался звучать сурово, но по секрету, он был рад. Его прикрепление к Роте V означало, что он не будет наступать в поле.

«Как долго продлится эта работа няньками?» спросил Мерин.

Роун бросил взгляд на него.

«Час или два. Может быть, слегка дольше. Транспорт сейчас организывают, чтобы доставить свиту в безопасное место внутри территории дворца. Когда он прибудет, вашей работой будет сопровождать переезд. Рота E тоже собирается пожаловаться?»

Мерин покачал головой. Он был совершенно удовлетворен тем, чтобы находиться подальше от боя. И он отлично понимал, почему Роун сделал так. Если Рота E останется в размещении, тогда Феликс Часс останется в размещении, и Роун сможет оградить парня от размещения на передовой не делая очевидных исключений.

«Прошу разрешения остаться с Ротой E,» сказал Ладд. Его заинтересованность в благополучии Феликса снова стала слишком очевидной. Роун увидел брошенный на Ладда нахмуренный взгляд Далина.

«Отказано, комиссар,» сказал Роун.

«Но--»

«Я сказал, отказано. Харк с Фейзкиель, по существу, пропали без вести. Мне нужен компетентный комиссар на передовой с нами.»

Бленнер подумал о том, чтобы возразить, но он сдержал рот на замке. Если бы он что-нибудь сказал, он мог бы поменяться местами с Ладдом. Лучше жить с оскорблением к его способностям, чем заставить себя топтать на передовую.

«Ладно, на этом все,» сказал Роун. «Приготовьтесь выдвигаться. Это собирается быть ужасным. Я не хочу приукрашивать. Шансы таковы, что к тому, к чему мы направляемся, нельзя подготовиться. Нам придется сразу приступить к работе и импровизировать. Поддерживайте контакт все время – нам нужна будет координация. Кроме того, вокс-дисциплина тоже, вы меня слышите?»

Он сделал паузу.

«Одна последняя вещь,» с неохотой сказал он. «Мне дали звание полковника на время всего этого. Мне это не нравится, но это может быть полезная власть, если мы будем иметь дело с дружественными единицами.»

«Вы, в любом случае, наш заместитель командира, сэр,» сказала Паша.

Роун кивнул.

«И теперь у меня есть звание, которому нужно соответствовать,» сказал он. «Я вероятно, должен закончить какими-то поднимающими дух высказываниями, но фес меня, если я думаю хотя бы об одном. Выдвигаемся. Не облажайтесь.»

Призраки Гаунта быстро покинули размещение лагеря, направляясь по подъездной дороге, а затем повернув на юг. Бленнер стоял и смотрел, как они исчезают в дожде, сначала шеренги солдат, затем полдюжины грузовиков, нагруженных боеприпасами и тяжелыми устройствами.

Он услышал крик Мерина, «Обезопасить территорию! Сейчас же!» Хлопки и грохот, прокатывающиеся над городом от Великого Холма, становились более интенсивными. Молнии пронзали дождевые облака, и было сложно сказать, где кончались молнии и начинались яростные бомбардировки с воздуха.

Бленнер мельком бросил взгляд на двор. Вайлдер разговаривал с нанятыми плакальщиками, которые составляли штат траурных транспортников. Глянцевые черные машины все еще были припаркованы на краю двора, блестя от капель дождя. Смерть цеплялась к людям Гаунта. Урдеш должен был быть спасением для них, заслуженной передышкой после трудностей Предела, но это стало бедой.

Он побрел к брошенным палаткам со стряпней. Вода капала с краев полога. Он все еще мог чутать дым, но печки уже остыли, и еда была холодной. Уже не будет

никакого пира, никакого празднования. Бленнер сомневался, что Гаунту есть до этого дело. Гаунт вернулся домой во славе, к изолирующей святости высокого звания. Его друг Гаунт. Его старый, дорогой друг. Скольких из своих друзей вспомнит Гаунт сейчас, когда он возвысился до головокружительных высот? Скольких он возьмет с собой?

Нескольких, в лучшем случае, прикинул Бленнер. Гаунт сделал эту змею, Роуна, полковником, но это было ничего. Просто полевое повышение, чтобы у Призраков был лидер. Это был способ для Гаунта умыть руки от полка. Призраки сейчас были, всего лишь, исторической заметкой, кратким упоминанием в предисловиях исторических книг о карьере Лорда Милитанта Ибрама Гаунта.

Бленнер нашел таблетки в кармане, зачерпнул ковшом воды из брошенной пароварки, и запил пригоршню. Когда он доберется до безопасности дворца, он должен будет тяжело работать, завести несколько знакомых, может быть даже добиться милости более приятного командира. Ему нужно будет обеспечить себе более комфортное будущее в какой-нибудь церемониальной роте или почетной гвардии, и сделать это быстро до того, как Гаунт осуществит свою угрозу и переведет Бленнера в какое-нибудь отбросное передовое подразделение.

Он сможет это сделать. У него было очарование и убеждение. Он всегда был способен оперировать тайным организмом Астра Милитарум для своей выгоды.

«Ты знаешь, где ключи?»

Он обернулся. Подошел Вайлдер.

«Какие ключи?» спросил Бленнер.

«Ключи к медицинскому трейлеру. Похоронные сотрудники хотят уйти, и я их не виню. Они не хотят забирать гроб с собой. Я сказал, что мы разместим его в трейлере.»

Бленнер кивнул.

«Я думаю, что они у Мерина,» сказал он. Он выкрикнул имя Мерина.

Вайлдер вытащил набедренную фляжку и сделал глоток, пока они ждали, чтобы Мерин присоединился к ним. Он предложил ее Бленнеру, который тоже немного опрокинул.

«Я говорил с ними,» сказал Вайлдер.

«С кем?»

«Плакальщики,» сказал Вайлдер. «Нанятые плакальщики.»

«Они не могут оставить тело женщины здесь, на самом деле. Оно должно быть закопано.»

Вайлдер пожал плечами.

«Мне все равно,» ответил он.

«Они завтра вернутся?» спросил Бленнер. «Они перенесут службу?»

«Сам их спроси,» сказал Вайлдер. «Я сказал, мне все равно.»

«Может быть, мы сможем забрать гроб с собой во дворец...» задумался Бленнер.

«В любом случае, я говорил с ними,» сказал Вайлдер.

«И?»

«Я спросил, сколько стоила эта служба и все остальное.»

«Мальчик платит за все. Личные деньги. Я тебе об этом говорил.»

Вайлдер кивнул. Он сделал еще один глоток.

«Говорил. Есть идеи, сколько это стоит?»

Бленнер помотал головой. Вайлдер показал цифру.

Бленнер посмотрел на него с широкими глазами. Он снова взял фляжку у Вайлдера и выпил.

«Ты шутишь?»

Вайлдер покачал головой.

«Мальчик при деньгах,» сказал он. «Он просто выложил такие деньги. Это была тройная сумма, из-за коротких сроков.»

«Святой Трон,» прошептал Бленнер.

«Они и мы, Бленнер,» сказал Вайлдер. «Огромное и вечное разделение между псами войны, как мы, кто ползает в грязи, и высокорожденными, которые могут делать все, что они, фес их, захотят.»

«Опять, вы, двое, говорите о социальной политике?» спросил Мерин, заходя под навес с Гендлером.

«Ой, ну знаешь, как обычно,» сказал Бленнер.

«Я просто сейчас говорил комиссару, насколько глубоки карманы у ребенка,» сказал Вайлдер.

«Ты можешь поделиться с ними деталями, Якуб,» сказал Бленнер.

Вайлдер не ответил. Он повторил цифру Мерину и Гендлеру. Мерин присвистнул. Лицо Гендлера стало красным от гнева.

«Это заставляет меня хотеть перерезать маленькому ублюдку глотку,» сказал он.

«Тише, тише, Диди,» сказал Мерин.

«Ну же, Флин. Он мерзкий маленький засранец. Он гаково высокомерен.»

«Диди, мы все знаем, что ты точишь топор на элиту Улья Вervун,» сказал Мерин.

«И Гаунта,» прямо сказал Вайлдер.

«Посмотрите на себя,» рассмеялся Мерин, кивая на Вайлдера и Гендлера. «Диди, у которого война украла его владение имуществом по рождению, и капитан, кипящий враждебностью к человеку, которого он винит в смерти брата... Или, по меньшей мере, в потерянной репутации его брата. Вы оба смешны.»

«Ты тоже презираешь Гаунта,» резко бросил Гендлер. «Он стоил тебе твоего мира.»

Мерин кивнул.

«Да. И я бы хотел видеть, как он страдает. Но жалобы и стоны за его спиной вряд ли продуктивны. Вы должны делать то, что я делаю. Возьмите эту ненависть и заставьте ее работать на себя.»

«Ага?» оскалился Вайлдер. «И как ты это делаешь?»

«Ну,» сказал Мерин с пожиманием плечами, «для начала, я открыто не говорю о мести Гаунту, или его жопошному сыну, или высоким шпилям аристократии Вергхаста, или нанесению любого другого зла перед фесовым комиссаром.»

Он посмотрел на Бленнера.

«Возможно, мудро,» сказал Бленнер. «Он – мой друг.»

«Да?» спросил Гендлер. «Друг? Кажется, что он относится к тебе, как к дерьму, на регулярной основе.»

Бленнер открыл рот, чтобы ответил, затем решил ничего не отвечать.

«Вы все упускаете суть,» тихо сказал Мерин. «Вы все слишком заняты собственными обидами. Вам нужно научиться длинной игре.»

Он подошел к одной из печек, и продегустировал содержимое кастрюли. Он скривил лицо и сплюнул.

«Гаунт во дворце,» сказал он. «В стороне, и, вероятно, слишком хорош, чтобы снова смешаться с такими, как мы. Подразделение идет на передовую, и фес знает, вернутся ли они назад живыми. Мы здесь одни. Мы главные.»

Он улыбнулся им. Это было опасное выражение.

«Так что, Диди, ты можешь перерезать глотку этому сопляку. Вайлдер, ты тоже можешь приложить к этому руку, если чувствуешь, что хочешь этого. Получить маленькое возмездие за своего брата. И мы можем закопать тело в каменных пустошах, и объявить, что Феликс Часс был потерян во время операции отступления. И что это вам даст? Десять минут личного удовлетворения? Временный выход для вашего негодования?»

«И?» спросил Гендлер.

«Если только это вам сойдет с рук,» уныло сказал Бленнер. «Будут расспросы...»

«Вы все такие напряженные,» рассмеялся Мерин. «Нам не нужно убивать мальчика. Он – актив. Он богат, идиоты.»

«О чем ты говоришь?» спросил Вайлдер.

«Я говорю о том, что доходы, которыми мы наслаждались годами, значительно уменьшились после того, как сучка Даура подорвала мошенничество с вдовским дерьмом,» сказал Мерин. «Спиртное и таблетки приносят небольшие прибыли. Нам нужен новый приток доходов.»

«Что, мы будем доить его?» спросил Гендлер.

«Глубокие карманы, ты сказал,» ответил Мерин.

«Ты говоришь о вымогательстве с запугиванием?» спросил Бленнер. Внезапно он почувствовал, что очень холодно.

«Я предлагаю, что нам нужно перекинуться тихим словом с Феликсом,» сказал Мерин, «и продемонстрировать, насколько его жизнь будет лучше в этом полку, если у него будут друзья, присматривающие за ним. Друзья, как мы, кто может сделать его существование намного более сносным. В обмен на, скажем, регулярные выплаты из вкладов его семьи. Мы можем уютно делить это, на четверых – может быть, даже накопим достаточно, что в один день, не так далеко от этого, мы сможем просто свалить, купить билет на торговом корабле и свалить нафес от такой жизни.»

«Воу, воу,» произнес Вайлдер. «Мне... мне тревожно от такого разговора.»

«Серьезно, Якуб?» улыбнулся Мерин. «Даже мысли не было о том, чтобы обмануть человека, которого ты ненавидишь, с помощью его же собственного сыночка? Это не для тебя?»

«Я думаю, что Капитан Вайлдер встревожен, что ты говоришь о вымогательстве с запугиванием, и дезертирстве,» сказал Бленнер. «Этот разговор считается заговором с целью совершения. И как вы указали, Капитан Мерин, это не тот разговор, который вы мудро ведете при мне. Я думал, что ты умный, Мерин. Я знал, что ты

извращенный, как фес, но я думал, что ты дотошно осторожный. Эта твоя 'длинная игра'.»

Мерин улыбнулся еще шире. Он взял фляжку у Вайлдера и сделал глоток.

«Так и есть, комиссар,» сказал он. «Я планирую наперед. Я прикрываю углы. Я не открываю рот до тех пор, пока не уверен, что это безопасно. Кто собирается проболтаться?»

«Этот разговор заканчивается сейчас же,» сказал Бленнер. «Если вы не думаете, что я доложу о вас, если вы будете продолжать--»

«Что, эти таблетки помогают тебе, Вэйном?» спросил Мерин.

Бленнер замешкался.

«Что?»

«Контрабандная сомния. Ой, это плохие новости. Обладание этим, ну... за это человека могут выпороть. И комиссар, о чем мы думаем? О выполнении своих обязанностей? Я бы подумал о назначении в наихудший из возможных штрафных отрядов, по меньшей мере. Назначение Дельта-Тау. Мир смерти, Вэйном. Хочешь закончить свои дни на мире смерти?»

«Т-ты угрожаешь мне?» спросил Вэйном.

Мерин сделал легкомысленный жест.

«Я? Нет. Ты один из нас, Вэйном. Один из нашего внутреннего круга. Мы все друзья. Мы можем говорить свободно. Никто из нас не собирается доносить друг на друга, так ведь?»

Мерин прошел под тентом и остановился лицом к лицу с Бленнером. Бленнер не мог смотреть ему в глаза.

«Ты нужен нам в этом, Вэйном,» сказал он. «Сладкая, излечивающая-все-недуги защита Официо Префектус. И ты тоже выиграешь. Тебе нравится твоя жизнь, Вэйном. Тебе нравится, что она комфортная.»

«Черт тебя дери,» прошептал Бленнер.

«Ой, ладно. Черт меня.»

Мерин отвернулся.

«Твой выбор,» сказал он. «Но мы всецело тобой владеем. Бросишь монетку в нашу сторону, тебе конец. Ты, серьезно, думаешь, что я открыл бы рот перед тобой, если бы уже не владел тобой? Длинная игра, Вэйном, длинная игра.»

Бленнер тяжело сглотнул. Он почувствовал слабость. Он мог чувствовать, что все трое из них пристально смотрят на него. Самосохранение, которое заботилось о его безопасности всю его карьеру, безупречно пнуло его.

Он выдавил свою самую очаровательную улыбку.

«Я просто проверял тебя, Флин,» сказал он. «Я хотел убедиться, что ты был серьезным. Настало время прекратить нам собирать объедки и набрать приличные очки.»

«Ты серьезно?» спросил Вайлдер.

«Трон, Якуб,» сказал Бленнер. «Мое единственное сомнение заключалось в том, сделать ли это самому, или привлечь вас к этому.»

Мерин кивнул и улыбнулся своей плутовской улыбкой.

«Теперь нам нужно привести это в действие,» сказал он. «За следующий час или около того. Лучше сделать это здесь, чем когда мы окажемся во дворце.»

«Нам нужно, чтобы он был один,» сказал Гендлер.

«Всем нужно помыться до того, как мы отправимся во дворец,» сказал Бленнер. «Карболовое мыло, антибактериальное. Нас пустят туда только при условии, что не будет вшей. Инструкции конкретные.»

«Конкретные?» спросил Вайлдер.

«Конкретные, если я говорю так,» сказал Бленнер.

«Что насчет этого феса, Далина Крийда?» спросил Гендлер. «Он ходит тенью за Феликсом.»

«Он – мой адъютант,» сказал Мерин. «Он сделает в точности то, что я ему скажу.»

«Но что,» спросил Вайлдер, запинаясь, «но что мы используем в качестве рычага давления? Мальчик – высокомерный маленький ублюдок. Что помешает ему рассказать о нас?»

«Он будет слишком напуган, чтобы говорить,» сказал Гендлер.

Им уже пришлось поворачивать назад четыре раза. Перекрестки дорог в городе между районом Гэйлен и Низким Острием были сильно перегружены. Вместо того, чтобы спрятаться в укрытиях от налета, население Элтата, казалось, вывалило на улицы. Автотранспортные колонны, грузовики, нагруженные людьми и пожитками. Это было похоже на исход. Казалось, что люди пытаются сбежать на север.

Баскевиль уже видел такое раньше. Это было похоже на сдачу. Когда население обируют и мучают слишком долго, оно, в конце концов, ломается. Перед лицом еще одного нападения, обещанием еще одного деструктивного цикла смерти и лишения собственности, они повернулись спинами и спасались бегством, не в состоянии больше встретиться лицом с опасностью.

Иронично, но это означало, что они бежали к опасности.

Главная воздушная атака была сконцентрирована на Великом Холме. Облачное небо над головой освещалось вспышками и мерцанием света и огня, пока Архивраг атаковал щит. Некоторые части вражеского воздушного войска отделились, выбрав ударить по другим целям в городе, сбрасывая с бреющего полета бомбы. Постоянный грохот противоздушных батарей по всему городу неослабевал. Из кабины грузовика Муниторума, который они реквизировали, Баскевиль мог видеть свет уличных пожаров в соседних кварталах. Небо было в янтарных пятнах.

Им снова пришлось остановиться. Трафик забил улицу впереди. Машины стояли в ряд, водители спорили. На тротуарах волны людей спешили на север, некоторые толкали тележки и тачки с пожитками.

«Назад,» сказала Фейзкиель водителю. «В объезд.»

«Конкретно, куда?» пожаловался водитель.

«Туда, вниз. В тот переулок,» сказала она ему.

«Он нас просто приведет назад к гавани,» сказал водитель.

«По крайней мере, мы будем двигаться,» резко бросила Фейзкиель.

Раздался всасывающий порыв, когда вражеский самолет пронесся над головой. Мгновением позже, резкие взрывы прогремели не далее, чем в трех улицах от них. Земля и куски похожих на бумагу обломков посыпались на дорогу, и люда заорали и поспешили в укрытия.

«Движение – это хорошо,» сказал Домор.

Водитель дал задний ход, развернулся, и направился вниз по крутому склону узкого переулка. Пешеходам приходилось убираться с пути. Они кричали на грузовик, и стучали по бортам. Баскевиль не был уверен, было ли это из-за того, что приходилось пропускать грузовик, или это были отчаянные мольбы о помощи.

Он бросил взгляд на Фейзкиель. Они ехали уже два часа, и казалось, что они не стали ближе к размещению. Это ощущалось так, словно прошел год с тех пор, как они отправились в крепость ордоса этим утром.

Баскевиль задумался, может им стоит остановиться. Остановиться и найти укрытие. Остановиться и найти какое-нибудь место с передатчиком вокса или какую-нибудь коммуникационную систему. Он хотел предупредить Гола о том, что приближалось в его сторону. У него было болезненное ощущение, что уже было слишком поздно.

В конце переулка водитель повернул налево, и они загрохотали по технической дороге жилой зоны. Они проехали мимо людей, спешащих в никуда, людей, кто не обернулся, чтобы одарить их мимолетным взглядом. Антиснайперские простыни и занавески, гобелены и ковры, хлопали над головой, как обветшалые парадные знамена.

Впереди, грузовик сломался и наполовину заблокировал техническую дорогу. Капот был поднят, и люди работали с двигателем. Водителю пришлось заехать на тротуар, чтобы попытаться объехать помеху. Люди кричали на них. Некоторые требовали, чтобы их подвезли.

«Эй,» произнес Домор. Он опустил окно кабины и вытянул шею, чтобы прислушаться. «Это артиллерия.»

Баскевиль мог слышать грохот, случайный грохот в отдалении. Тяжелый обстрел. Это был плохой знак. Если артиллерия принадлежала врагу, тогда это означало, что они, так же, имеют дело с наземным наступлением, тем, который был достаточно близко, чтобы его было можно услышать. Если артиллерия была Имперской, это означало, что там были вражеские цели, достаточно близкие для приказа о бомбардировке.

«Нам нужно найти укрытие,» сказал водитель. Они могли сказать, что он начинал паниковать. Вонь его пота в кабине была невыносимой.

«Продолжай ехать,» сказала Фейзкиель.

Последовала вспышка.

Улица впереди, в тридцати метрах, исчезла в ослепляющем облаке света и огня. Затем пришел звук, рев, затем удар ударной волны. Машина затряслась на подвеске. Обломки повредили лобовое стекло. Баскевиль тряс головой, пытаясь очистить уши. Все стало приглушенным, мир вокруг него жужжал, как плохо настроенный вокс.

«Что это был за фес?» услышал он, как сказал Домор.

Улица впереди превратилась в кратер, глубокий и дымящийся. Разлетевшиеся булыжники валялись везде. Здания с одной стороны улицы были объаты огнем, пламя вырывалось из выбитых окон. На другой стороне, фасад жилого здания просто обрушился, обнажив этажи, как разрезы на некоторых музейных экспозициях. Пока Баскевиль смотрел, антиснайперская занавеска, объятая огнем, сорвалась со своего места над улицей и упала, разбрасывая искры.

Повсюду были тела. Тела пешеходов, которые до этого бежали в никуда, а теперь совсем не бежали. Обломки убили некоторых, изувечив их, а другие пали от удара от взрыва. Они выглядели так, как будто спали. Лужи крови покрывали поверхность дороги и булькали в канавах.

«Где водитель?» спросила Фейзкиель, оглушенная.

Дверь кабины была широко открыта. Водитель сбежал.

«Ты умеешь водить?» спросила Фейзкиель Баскевиля.

Он кивнул. Он все еще надеялся, что звон в ушах прекратиться. Он забрался на водительское сидение, и стал нащупывать стартер двигателя.

«Нам нужно повернуть назад,» сказал Домор. «Всей фесовой улице конец. Нам нужно назад и развернуться.»

«Я знаю,» сказал Баскевиль. Он нажимал на стартер, но двигатель не запускался. Он думал, что водитель остановил грузовик, но, вероятно, они получили повреждения.

Он повозился с передачами на тот случай, если был какой-нибудь блок трансмиссии, который предотвращал запуск двигателя, если коробка передач не была в нейтральном положении. Он снова нажал на стартер.

Он мог слышать бух-бух-бух-бух.

Это пробой зажигания стартера? Электрическая неисправность?

«Наружу!» крикнул им Домор.

Баскевиль все еще мог слышать буханье, но его палец больше не был на кнопке стартера.

Это были выстрелы из малокалиберного оружия. Он слышал выстрелы из малокалиберного оружия.

Мгновением позже, они услышали стук первых пуль, ударяющихся по корпусу.

Полковник Грае сказал Харку, что место называется Базой Тэта, несомненно, являющейся одной из нескольких анонимных конспиративных крепостей, которыми разведка Гвардии руководила в Элтате. Солдаты спецслужбы разведки в бронежилетах открыли ворота и сопровождали Химеру в укрепленный двор позади главного здания.

Харк вышел. Авианалет уже происходил какое-то время, и небеса были насыщены пятнами огня. Сквозь колючую проволоку на стене, Харк мог видеть пролетающие над головой вражеские самолеты, направляющиеся к вершине города.

«Это плохо,» сказал он Грае.

Полковник кивнул.

«Не было предупреждений, что будет такое,» сказал он. «Ничего такого в отчетах о таком масштабе. Мы понятия не имели, что они придвинули главные силы так близко к границам города.»

Грае посмотрел на свое отделение.

«Отведите Майора Колеа внутрь, пожалуйста,» сказал он.

«Я должен воссоединиться со своим полком,» сказал Харк. «Со всем этим дерьмом, они будут мобилизованы.»

Грае нахмурился.

«Это правда,» сказал он, «но мне не нравятся ваши шансы. Там все скатиться в ад. Может быть, когда налет закончится...»

Харк посмотрел ему в глаза.

«Я сказал, что должен,» сказал он, «но не сказал, что сделаю это. Я не оставлю Колеа здесь. Даже не с вами, хотя вы кажетесь благожелательным. Призраки – взрослые мальчики, и у них хорошие командиры. Они будут в порядке, какое-то время.»

«Как пожелаете,» сказал Грае.

«Хотя, вы мне позволите воспользоваться воксом,» сказал Харк. «Чтобы я смог послать им сообщение?»

«Конечно.»

Они вошли в блокгауз, следуя за охранниками, пока они сопровождали тихого, мрачного Колеа. Здесь были зона ожидания и погрузочный док. Харк увидел боковые офисы, заполненные когитаторами, системами планирования и передатчиками вокса.

«Где все?» спросил Грае.

Харк понял, что он имел в виду. Он ожидал увидеть, что место кишит активностью. Это была база разведывательной службы в городе, находящемся под атакой.

«Где начальник базы?» крикнул Грае. «Кто-нибудь, найдите мне начальника базы или главного рубрикатора!»

Пара солдат из подразделения пошли вперед, чтобы осмотреться. Грае повел основную группу через офис и вниз по коридору к оперативной комнате.

Консоль в оперативной комнате была активна, чирикала и жужжала, но рядом с ней никого не было. Высокая фигура стояла и ожидала их в центре комнаты.

Она повернулась к ним.

«Инквизитор,» сказал Грае, пораженный.

«Полковник Грае,» сказала Лакшима. «Вы, в самом деле, думали, что сможете замаскировать свои передвижения и обмануть меня?»

«Я... только взял Майора Колеа под стражу, как мы договорились,» сказал Грае.

«Это не то, о чем мы договорились,» сказала Лакшима.

«Это она, так ведь?» спросил Харк Грае.

«Да,» сказал Грае.

На мгновение, Харк подумал, что Грае завел их в ловушку, что он играл с ними все это время. Но по испуганному выражению на его лице, было очевидно, что его часть в их доставке к Инквизитору Лакшиме была непреднамеренной.

«Разведывательная служба чрезвычайно искусная,» сказала Лакшима, «но она любитель, по сравнению со всезнающим надзором Святого Ордоса. Вы сделали из себя дурака, Грае. Межведомственное соперничество смешно и контрпродуктивно. Я поговорю с вашими начальниками.»

Она посмотрела на Харка.

«Вы – Виктор Харк?»

«Да,» сказал Харк.

«Вы мне известны по файлам,» сказала она. Она сделала шаг в направлении Колеа, и махнула охранникам из разведки отойти с ее пути.

«И Гол Колеа. Лицом к лицу, опять.»

Колеа ничего не сказал.

Лакшима с любопытством посмотрела на него. Она наклонила голову, и ее позолоченная аугментика поймала свет.

«С уважением, мэм,» сказал Харк.

Она резко посмотрела на него.

«Фраза, которая всегда означает 'совсем без какого-нибудь уважения', комиссар.»

«Справедливо,» сказал Харк. «Что вы хотите от Колеа? Я здесь, чтобы следить за его благополучием, и я собираюсь сделать все в своей власти, чтобы сделать это.»

«У вас совсем нет никакой власти,» ответила она. «Тем не менее, в отличие от Полковника Грае, я вижу большую пользу в междисциплинарном сотрудничестве. Вы можете мне узнать правду у Майора Колеа.»

«Какую, например?» спросил Харк.

«У Майора Колеа, очевидно, была связь с так называемыми орлиными камнями,» сказала она. Она посмотрела на Колеа. «Так ведь, Гол? Мы изучим эту связь.»

«Изучим?» спросил Харк.

«Да,» сказала Лакшима. «И давайте сначала обсудим это. Город атакован. Это была безопасная крепость месяцами. Сейчас, внезапно и без предупреждения, она стала целью главного наступления, которого мы не ждали. А, всего лишь, несколько дней назад, здесь появился майор, и его полк, и секреты, которые они охраняли, включая орлиные камни, прибывшие в Эллат. Вы не думаете, что время является важным? Вы не воображаете себе, что Архивраг человечества сошел на нас, чтобы вернуть камни?»

Наступала ночь, и дождь все еще был сильным. Минимальное количество фонарей были зажжены в размещении K700 из-за опасности авианалета. Пустотный щит Урдешского Дворца, купол зеленого света, едва видимый сквозь грязный воздух, все еще был зажжен. Волны вражеской авиации, в конце концов, прекратили прибывать

примерно час назад, но щит все еще был поднят. Городские районы на склонах Великого Холма светились янтарным во мраке: дома и улицы превратились в огненные бури от промахов при бомбардировке.

Снаружи душевых рядом с размещением, люди все еще стояли в очереди для обязательного принятия антибактериального душа, который приказал Комиссар Бленнер. Рота V уже приняла душ, и теперь надзирала за очередями гражданских. Рота E выстроилась в линию, чтобы воспользоваться группой никуда не годных душевых на восточной стороне. Дождливый воздух пах антисептическим гелем и карболовым мылом.

«Я не хочу это делать,» прошептал Феликс Далину. «Мне не надо. У меня нет вшей.»

«Всем надо,» сказал Далин. «Бленнер приказал. Инструкции сверху, сказал он.»

«Далин--»

«Не беспокойся. Мы воспользуемся блоком в конце. Там только четыре кабинки. Я буду наблюдать за дверью, пока ты будешь там, убежусь, что никто больше не зайдет.»

«Это глупо,» сказал Феликс.

«Что глупо, так это то, что мы никому не говорим,» сказал Далин. «Тогда бы нам не пришлось проходить через этот фарс.»

«Не начинай.»

Группа перед ними была направлена в левый душевой блок Рядовой Пердэй.

«Следующая группа,» крикнула она.

«Мы займем правый блок,» сказал Далин.

Пердэй нахмурилась.

«Это – сын командира,» прошептал ей Далин с многозначительным взглядом.

«Немного уединения, ладно?»

Пердэй кивнула.

«Поняла, Дал,» сказала она. «Идите.»

Далин с Феликсом прошли по грязным камням к последнему блоку. Пара солдат из роты Е следовали за ними.

«Воспользуйтесь вон теми,» сказал им Далин. «Там дальше работают только две кабинки.»

Они дошли до двери последнего блока. Это было мрачное, покрытое плитками помещение с четырьмя занавешенными кирпичными душевыми кабинками.

Место воняло плесенью. Выходили пара солдат, с полотенцами на шеях.

«Иди,» прошипел Далин. «Иди туда и сделай все побыстрее. Я присмотрю за дверью.»

Феликс бросил на него взгляд и вошел внутрь. Далин услышал, как застучали трубы и вода начала разбрызгиваться. Он закрыл деревянную дверь и стал ждать.

«Рядовой?»

Далин повернулся. Это был Мерин.

«Ты уже закончил, рядовой?» спросил Мерин.

«Нет, сэр,» сказал Далин. «Я только...»

«Там все занято?»

«Нет, сэр. Ммм, там Рядовой Часс. Я просто присматриваю за дверью. Немного личного пространства для него.»

Мерин кивнул.

«Я хочу знать, где транспорт,» сказал Мерин. «Они уже должны быть здесь. Я вижу, что ты все еще одет, поэтому сбегай к воротам и спросил, видели они там что-нибудь приближающееся.»

«Ой. Н-но---»

Мерин нахмурился на него.

«Это фесов приказ, Рядовой Крийд,» сказал он.

«Конечно.»

«Ну же,» произнес Мерин, слегка улыбаясь. «Я знаю, что ты принимаешь свои обязанности серьезно. Это займет у тебя пять минут. Не бойся. Я присмотрю за дверью, и буду держать драгоценного Рядового Часса в безопасности.»

Далин замешкался.

«Вали, нафес, к воротам!» рявкнул Мерин.

Со вздохом, Далин повернулся и начал бежать по крытому проходу в направлении двора и ворот. Мерин прислонился к душевому блоку и сложил руки. Гендлер и Вайлдер появились из теней.

«Кончайте с этим,» сказал Мерин, «и побыстрее.»

Он ушел.

«Будь на стреме,» сказал Гендлер Вайлдеру. Он рывком открыл дверь и вошел внутрь.

Рваная занавеска была растянута в последней кабинке. Гендлер мог слышать шипение воды.

Он подошел к занавеске и вытащил свой серебряный клинок.

«Привет, Феликс,» сказал он.

Последовала долгая пауза.

«Кто здесь? Кто это?»

«Я просто хочу немного поговорить, Феликс.»

«Это ты, Гендлер? Да? Я знаю твой голос.»

Гендлер улыбнулся.

«Ага. Настало время немного поговорить с твоим Дядей Диди.»

«Не заходи! Не заходи, фес тебя!»

«Ой, это не очень дружелюбно, Феликс,» сказал Гендлер. Он просунул кончик ножа над занавеской наверху, рядом с центром перекладки, и рванул вниз, разрезав старую занавеску пополам.

Он ожидал обнаружить, что мальчик съежился внутри. Он не ожидал, что Феликс налетит на него, как фурия.

Что-то вонзилось в плечо Гендлера и он взвыл от боли. Инстинктивно, он ударил, отбросив мальчика в сторону ударом кулака. Феликс наклонился налево, ударился головой о стену душевой кабинки, и рухнул кучей. Его серебряный клинок выпал из его руки на покрытый плиткой пол. Вода начала смываться кровь Гендлера с клинка.

Гендлер мгновение стоял, тяжело дыша. Ублюдок воткнул ему нож в плечо. Кровь текла по передней части униформы Гендлера. *Маленький ублюдок! Болит, как фес!*

Трясаясь, он посмотрел вниз на находящегося без сознания мальчика. Он не хотел ударить его настолько сильно. Мальчик ударился головой о кирпичи, и кровь из раны текла в решетку дренажа и пропитывала грязное полотенце, которое мальчик наполовину обернул вокруг себя—

«Святой гак,» выдохнул Гендлер.

Не мальчик. *Совсем* не мальчик.

«Что ты наделал?»

Гендлер обернулся. Вайлдер вошел в душевой блок. Он пристально смотрел, шокированный, на полуобнаженное тело на плитках.

«Вот, дерьмо, Гендлер! Что ты *наделал*?»

«Маленький засранец напал на меня,» сказал Гендлер. «Ударил меня. У меня кровь течет!»

«Фесов Трон, Гендлер,» сказал Вайлдер. «Она — девочка. Это — *девочка*.»

Вайлдер посмотрел на Гендлера.

«И что за фес нам теперь делать?» спросил он с растущей паникой. «Ты только что бросил нас в такое дерьмо.»

«Мы... мы скажем, что она поскользнулась. Поскользнулась в душе,» сказал Гендлер. «Ага, она поскользнулась. Мы нашли ее. Мы помогли ей.»

«Гаков ты дебил! Что *она* расскажет?» спросил Вайлдер.

Гендлер секунду думал над этим. Затем он встал на колени, вздрагивая от боли в колотой ране, и положил руку на горло Феликс.

«Ничего,» спокойно сказал он. «Она поскользнулась, она упала, и она умерла.»

«Трон, Гендлер!» выдохнул Вайлдер.

Костяшки Гендлера начали сжиматься.

Раздался шипящий свист. Гендлер отпрянул назад, как будто его ударили молотком. Он приземлился в сидячем положении, спиной к кирпичной стене. Железная стрела торчала из его груди.

Эзра Ап Нихт стоял в дверном проеме, с нацеленным рейнбоу.

«Не трогать ее, соуле,» прорычал он.

Гендлер закашлялся кровью.

«Фесова подстилка,» пробулькал он. Он выдернул свой пистолет из кобуры и навел его на Эзру.

Рейнбоу снова выплюнул. Стрела попала Гендлеру в центр лба, и ударила его череп о кирпичи. Он завалился набок, с отклоненной назад головой, смотря в потолок мертвыми глазами.

Якуб Вайлдер взвыл от отчаяния. Он выхватил свой пистолет.

Но Эзра уже перезарядился. Стрела прошла сквозь мясо правого бедра Вайлдера в кровавой дымке, и заставила его упасть на колени. Вайлдер заорал и попытался нацелить свое оружие. Эзра уронил еще одну железную стрелу в рейнбоу, и снова выстрелил, быстро и методично. Стрела вонзилась в плечо руки Вайлдера, держащей

пистолет, развернула его и сбила на пол, и отправила пистолет скользить прочь по полу. Вайлдер лежал на полу, всхлипывая и постанывая, истекая кровью на плитки.

«Что за фес тут происходит?» закричал Мерин, когда он с Бленнером ворвались внутрь. Они с испугом смотрели на тела на полу.

«Фес...» произнес Мерин.

«Они бы убили ее,» сказал Эзра.

«Это – фесова девчонка!» сказал Мерин.

Привлеченные суматохой, люди толпились около двери снаружи. Мерин повернулся и закричал на них.

«Вон! Пошли вон! Сейчас же!» заорал он, заставляя их отойти, и захлопывая мерзкую деревянную дверь.

Он снова посмотрел на Эзру.

«Ты... ты говоришь, что Гендлер и Вайлдер напали на эту... на эту девочку?»

Эзра кивнул.

Мерин бросил взгляд на Бленнера. Бленнера трясло. Он мог видеть отчаянное безрассудство в глазах Мерина.

«Это... это дает основание, так ведь, комиссар?» сказал Мерин. «Вопиющее насилие? Это казнь, прямо здесь!»

«Я...» начал Бленнер.

«Это *так*, комиссар?» подстегивал Мерин.

«Фес... Мерин, пожалуйста...» застонал на полу Вайлдер. «Ради всего святого, помоги мне...»

«Я прав, *так ведь*, Комиссар Бленнер?» потребовал Мерин. Бленнер мог прочесть сообщение, которое Мерин посылал ему, сообщение сверкало в его глазах. *Покончи с этим. Покончи с этим до того, как Вайлдер сдаст нас. Покончи с этим и держи все под контролем.*

Чувство справедливости Вэйнома Бленнера рассыпалось под весом его страха. В какой-то момент времени, его сердце разбилось.

Он вытащил свой пистолет.

«Капитан Якуб Вайлдер,» начал он. Его голос звучал очень тихо. «Вы опозорили кодекс чести Астра Милитарум подлыми и трусливыми действиями.»

«О, нет,» закричал Вайлдер, пытаясь подняться. «Ты шутишь, черт тебя дери? Бленнер, нет! Нет!»

«Властью Официо Префектус,» сказал Бленнер, «наказание незамедлительное.»

Якуб Вайлдер начал кричать. Бленнер выстрелил ему в голову. Кровь забрызгала стены. Его тело тяжело упало на плитки.

Мерин посмотрел на Эзру.

«Хорошая работа,» сказал он. «Очень хорошая работа, Эзра. Слава Трону, что ты здесь был.»

«Гаунт, он сказал мне присматривать за его ребенком,» сказал Эзра.

«Ну, ты хорошо ему послужил,» сказал Мерин. Он пошел, чтобы взять лазерный пистолет, который выронил Вайлдер. «Очень прилежно. Серьезно, спасибо Трону, что ты был здесь. Император защищает.»

Мерин выстрелил из пистолета Вайлдера три раза, в упор, промеж лопаток Эзры. Эзра упал без звука.

Бленнер стоял и смотрел с широко раскрытым ртом.

«Что за беспорядок, а?» прошептал ему Мерин, положив оружие рядом с безжизненной правой рукой Вайлдера. «Эзра спас девочку, но Вайлдер пристрелил его, поэтому тебе *пришлось* казнить его.»

Он посмотрел на Бленнера.

«Так?» твердо спросил он.

«Мерин, я--»

«Мы в этом вместе, Бленнер. Ты и я. Это простая, печальная история, и наши истории будут совпадать. *Так?*»

Бленнер кивнул.

«Хорошо,» сказал Мерин. «А теперь, давай найдем фесова санитаря.»

ДВАДЦАТЬ ДВА: ТУЛКАРСКИЕ БАТАРЕИ

Море было близко, менее, чем в полумиле, но все, что Роун мог чувствовать, так это острую вонь прометиевого дыма, плывущего с юга. Обширные тучи черного дыма делали ночной воздух непрозрачным, как будто на город легла пелена. В десяти километрах к югу от его позиции, территория фабрик и заводов вдоль края Северного Династического Конклава превратилась в ад. Горизонт был стеной прыгающего оранжевого света, который подсвечивал здания неподалеку. Там был постоянный грохот артиллерии и главных орудий бронетехники, и время от времени более яркая вспышка освещала огненный пояс, выбрасывая искры и пронзающие копья огня высоко в темноту.

Призраки ждали, безмолвные. У Роуна с собой были восемнадцать из двадцати рот полка, личный состав из более, чем пяти тысяч Гвардейцев. Танитский Первый продвинулся на юг от K700, двигаясь быстро, и вошел в городской район Милгейт под прикрытием темноты и дождя. Там они оставили свои транспортники и понесли тяжелое оружие и боеприпасы вручную.

Территория была безлюдной, и роты Призраков разошлись веером на полмили по пустым улицам, продвигаясь огневой командой за огневой командой через примыкающие здания. Роун знал, что они устали от быстрого развертывания, но он держал темп и поддерживал строгую шумовую дисциплину. Призраки растворились на территории, хлынув по темным улицам, одна рота прикрывала с фланга следующую. Единственными звуками были тихие звуки спешащих ног.

По стуку по воксу от Роуна, пол замер по соседству от Площади Коррес, за несколько улиц от батарей. Роун знал, что пять тысяч готовых Гвардейцев были поблизости, но они были настолько тихи и держались теней так хорошо, что он едва мог видеть кого-нибудь из них.

Снайперы со всех рот собрались на южном крае площади. Они прикрепили ночные прицелы, так что они видели лучше всего. Роун услышал крошечный стук, едва громче, чем дождь, стучащий по рокриту. Его микробусина.

«Роун,» прошептал он.

«Ларкин,» пришел ответ. «Они возвращаются.»

Роун ждал, когда появятся разведчики. Внезапно, Мколл оказался у его локтя.

«Порази меня,» прошептал Роун.

«Батареи укомплектованы,» тихо ответил Мколл. «Но главные орудия не стреляют.»

«Почему?»

«Я полагаю, ждут ясной цели,» сказал Мколл. «Они не хотят рисковать истощением боеприпасов. К востоку от батарей окопалась Хеликсидская бригада.»

Мколл вытащил свою световую палочку, сложил чашечкой руки вокруг луча света, и показал Роуну относительные позиции на карте. «Авеню здесь, к западу от батарей, выглядит широкой.»

«Между батареями и морем?»

«Да.»

«Это что?»

«Морские корабли, промышленные единицы. Они связаны вместе в большой массив от гавани до самого берега. Я думаю, что они металлолом. Списаны. Они эффективно увеличивают сушу на полмили от берега.»

«Вражеские единицы?»

«Мы засекли несколько в отдалении. И вдоль авеню есть мертвые, так что батареи отбили, по крайней мере, одну атаку. Я думаю, что надвигается еще одна атака.»

«Кишками чуешь?»

Мколл кивнул. Чувствования кишками Мколла было достаточно для Роуна.

«Мы выдвинемся и подготовимся держать авеню к западу от батарей,» сказал Роун. Он посмотрел на Ойстин.

«Донеси приказ до командиров рот.»

«Да, сэр.»

Роун бросил взгляд на Мколла.

«Я не хочу рисковать включать связь. Ты можешь отправить гонцов на батареи и к Хеликсидцам, и проинформировать их, что мы подходим недалеко от них, чтобы заткнуть дыру?»

Мколл кивнул.

Раздался яростный грохот далекой артиллерии, затем он внезапно остановился.

«Выдвигаемся,» сказал Роун. «Вот и они.»

Тулкарские Батареи были скоплением тяжелых каменных орудийных укреплений, воздвигнутых на отвесном рокритовом пирсе, возвышающихся над широкой эспланадой. Их орудийные щели, как узкие щели визоров древних боевых шлемов, были направлены под углом, чтобы прикрывать залив, и Роун предположил, что они когда-то были морскими фортами для обороны берега. Но у них было достаточно места для поворота, чтобы накрывать линию берега и эспланаду, и защищаться от любой наземной атаки, которая могла идти с юго-запада вдоль побережья.

Хотя Призраки и были на краю Великого Залива, мое было невидимым, просто общим представлением. Катящиеся клубы дыма сократили любое ощущение пространства или расстояния, и закрыли вид на воду. Что Роун мог видеть, за рокритовой линией эспланады, было ржавой массой, которая казалась продолжением береговой линии. Это был металлолом, который описал Мколл.

В лучшие дни, город, как и большинство на Урдеше, нанимал флотилии механизированных уборочных барж и сельскохозяйственных лодок, чтобы собирать и перерабатывать водоросли, растущие в мелководных у берега морях, в пищу. Война, долгая и несчастная история конфликта Урдеша, остановила эту индустрию. Огромные сельскохозяйственные лодки были поставлены на прикол вдоль залива и брошены. Машины были большими, грубыми механическими процессорами, некоторые выкрашены в красный, некоторые в зеленый, некоторые в желтый, все ржавые и гниющие, с отслаивающейся краской. Они были пришвартованы со стороны причала, и вокруг пристаней пищевых фабрик и перерабатывающих заводов, которые располагались вдоль набережной у авеню со стороны залива. Длинная, ржавеющая, гниющая линия простиралась так далеко, насколько Роун мог видеть, прямо до горизонта, сотни, если не тысячи полузатопленных барж,

скованных цепями по пять или шесть местами. Это было кладбище приморской индустрии. Роун мог чують гниющие резервуары старых лодок, острую вонь разлагающихся водорослей, отвратительное застоявшееся зловоние грязи и ила, на которых сидели сельскохозяйственные лодки. Это были первые запахи, достаточно сильные, чтобы перебить вонь дыма.

Эспланада, широкая и хорошо обслуживаемая, так же была освещена светом от пожаров на дальних фабриках. Горизонт, теперь более ясно видимый, горел подобно адскому ландшафту. Роун мог видеть черные контуры фабрик, пока пожары поглощали их.

В полуукрытии, он пристально посмотрел на открытую дорогу. Обычная дорога. Быстрая бронетехника может заполнить ее в течение минут. Здесь было мало укрытия, но если у врага достаточно массы в атаке, тогда это едва ли имеет значение. Морская дорога была прямой артерией в южные кварталы Элтата. Если Архивраг захватит и удержит ее, тогда у них будет мост в город.

Через Ойстин, он отдал быстрые приказы Колосиму, Вивво, Эламу и Чирии. Они поспешно повели свои роты вперед, пригнув головы, и установили кордон поперек дороги у края батарей. Старые машины и грузовики были припаркованы на погрузочных рампах фабрик вдоль побережья, и Призраки начали откатывать их, чтобы создать баррикады. Роун слышал, как разбивались стекла, когда Гвардейцы выбивали окна, чтобы попасть внутрь кабин и убрать тормоза. Огневые команды работали вместе, напрягаясь, чтобы оттолкнуть машины на дорогу и оттащить бочки и паллеты, чтобы создать импровизированную линию. Он повел свою собственную роту, вместе с ротами А и С, в узкие улицы под батареями на южной стороне авеню. Это была еще одна коммерческая территория, продолжение района Милгейт, представляющее собой узкие улицы и упаковочные заводы. Шторы и тряпки были растянуты между зданий, чтобы удерживать снайперов.

Роун пристально следил за рассредоточением. Это была его игра, и он не собирался облажаться. Ойстин почти приклеилась к нему, передавая быстрые доклады от командиров рот. Напряжение в воздухе было таким же тяжелым, как дым, и не было практически никаких звуков, кроме глухих ударов и быстрых обменов сообщениями от команд, делающих баррикаду. Казалось, что Призраки такие же эффективные, как

и всегда. Это было маленькое чудо. Они потеряли двух комиссаров, трех, если вы считаете Бленнера, чего Роун никогда не делал. С пропавшими Колеа, Баскевилем и Домором, Дауром, отправившимся во дворец с Гаунтом, и Раглоном, все еще находящемся в лазарете, пять рот действовали под командованием своих заместителей или адъютантов: Каобером, Фейпсом, Чирией, Вивво и Мкдаском соответственно. Для Тоны Крийд это был первый раз во главе Роты А. Это было похоже на множество новых лиц для Роуна, множество Призраков, которые доказали, что они хорошие солдаты, но еще не прошли через стресс тест полного полевого командования.

К нему это тоже применялось, напомнил он себе. Он командовал Призраками, по приказу или необходимости, множество раз, но это было другим. Теперь он был назначен командиром, Полковник фесов Роун. Поводья были вручены ему, и у него было болезненное чувство, что он больше никогда их не передаст.

«О чем вы думаете?» прошептал ему Ладд.

«Если бы у меня была бронетехника, я бы поехал вверх по дороге,» тихо ответил Роун. «Делаешь это с достаточной уверенностью, и у тебя есть импульс. Прорываешься, и обходишь батареи сзади.»

Он бросил взгляд на Крийд, Ладда и Каобера.

«Но если бы я использовал Призраков,» сказал он. «Я бы прошел через этот район, вне главной дороги. Выдвинул бы пехоту в Милгейт. Можно провести множество людей на большое расстояние до того, как ты их заметишь.»

«А если бы было и то, и другое?» спросила Крийд.

Роун улыбнулся.

«У них есть и то, и другое, капитан,» сказал он.

«Значит... снайперы и огнеметы?» спросил Каобер.

«Да. Распредели их. Прикройте все углы. Все перекрестки. Если пехота пойдет этим путем, я хочу об этом знать, и я хочу, чтобы ее заблокировали. Ойстин?»

«Сэр?»

«Вызови роты J и L. Скажи им подойти позади нас и добавить немного веса.»

«Да, сэр.»

Подбежал Вес Маггс.

«Сообщение от Мколла, сэр,» сказал он. «Гарнизон батарей и Хеликсиды знают о нашем развертывании. Урдешский командир батарей шлет свои комплименты и приглашает нас насладиться шоу.»

«Что это значит?»

Маггс пожал плечами.

«Батареи крепко держат дорогу. Мы, очевидно, должны ожидать демонстрации от Урдешской артиллерии в самом лучшем виде.»

Роун бросил взгляд на массивные батареи, которые маячили позади них. Он мог слышать отдаленный вой подъемников боеприпасов и зарядных механизмов. Артиллерия была главным оружием наземной войны, и имела решающее значение. Но при всей своей мощи, она была громоздкой и неповоротливой. Если волна боя повернется против нее, артиллерия будет нуждаться. У нее отсутствовала способность для быстрого реагирования и встречного ответа.

А война, Роун знал это слишком хорошо, текла, как ртуть.

«Я желаю Урдешскому командиру удачи,» сказал Роун. «Да защитит его Император. Потому что, если Он не защитит, мы это сделаем.»

Как будто раненые тонко прикрытым цинизмом в голосе Роуна, Тулкарские Батареи заговорили. Появился обжигающий свет, а затем гроыхнула ударная волна, которая причинила боль их ушам и заставила их всех вздрогнуть. Две дюжины Медуз и Василисков выстрелили почти одновременно. Земля сотряслась, и окна задребезжали в зданиях вокруг них.

«Ой,» произнес Варл.

Батареи снова выстрелили, посылая снаряды прямо над ними. В этот раз, закрываясь поднятой рукой против яркого свечения, Роун увидел огромные конусы вспышек из

дул, вырывающиеся из орудийных щелей. Он услышал более отдаленный гром, взрывы снарядов, упавших в миле или около того.

«Занять позиции!» крикнул он, и, подбежав к ближайшему зданию, выбил ногой внутрь входную дверь. Ойстин, Ладд и Маггс следовали за ним через старый упаковочный завод, вверх по лестнице и наружу на низкую крышу.

Батареи продолжали стрелять над головой. Они могли слышать почти музыкальный визг снарядов, пронзающих воздух над ними. Фуцелиновый дым опускался подобно туману на улицы, вырываясь из вентиляционных отверстий батарей. У него был тяжелый, острый запах, знакомый по сотням полей битв.

Ударный импульс артиллерийского обстрела заставлял Роуна дрожать. Он мог чувствовать каждый удар в своей диафрагме. Он продолжал держать рот открытым, чтобы предотвратить разрыв барабанных перепонки, и вытаскивал свои полевые очки пальцами, которые дрожали от повторяющихся выстрелов.

На отдалении, в двух километрах, снаряды падали на фабричный комплекс и западный конец прибрежной дороги. Каждая вспышка приглушалась и рябила от ударной волны, которую она вызывала. Роун видел, как падают здания, как внешние стены валятся лавинами горящего камня. Некоторые здания просто испарялись в огненных шарах. Некоторые, казалось, поднимаются целыми, как будто отрезанные от своих оснований, и взмывают на кипящих облаках огненной массы перед тем, как разрушиться. Он видел, как огромные стальные балки улетают в небо, как веточки.

На прибрежной дороге были танки. Сделанные на Урдеше AT70, тяжело едущие, поднимающие веера из грязи, выплевывающие снаряды из своих главных орудий на ходу. Они появлялись из зоны обстрела фабричной территории в районе Клэйв. Легкие танки SteG4 суеились среди них. Быстрое наступление бронетехники прямо по магистрали. Как Роун и предполагал.

Это то, что разбудило батареи.

Он продолжал наблюдать. Артиллерийские снаряды продолжали падать на фабричный комплекс. Некоторые, так же, падали на прибрежную дорогу. Он увидел, как легкий AT70 взорвался, как мина. Он увидел, как еще два разлетелись от прямых попаданий. Он увидел, как четвертый получил попадание на ходу, взрыв поднял в

воздух всю машину, и она упала, пушкой вниз, на несущийся на скорости SteG4. Боеприпасы внутри поврежденных машин нагрелись и взорвались.

«Этого недостаточно,» сказал он. Никто не смог его услышать из-за грома бомбардировки. Он посмотрел на Маггса, Ойстин и Ладда, и вместо этого показал жестами, по-Вергхастски.

Недостаточно. Они двигаются слишком быстро.

Вражеская бронетехника понесла тяжелые потери. Они ехали сквозь адский дождь из тяжелых снарядов. Но у них была открытая дорога, и они сильно наступали, так быстро, как только могли позволить им их двигатели. Дюжина танков горела на поврежденной дороге, но основная масса снарядов падала позади передовых машин. Урдешский командир быстро поворачивал орудия и подгонял расстояние, чтобы остановить бронированные силы, движущиеся в его области стрельбы, но дистанция уменьшалась. Как близко могут дальнобойные орудия посылать свои снаряды? Как далеко к северо-западу они могут повернуться? Это был простой вопрос углов. Они дойдут до точки, при которой орудийные щели массивной батарейной крепости просто не смогут быть достаточно широкими, чтобы позволить главным орудиям нацеливаться на дорогу и побережье в крайнем правом положении.

Этот момент приближался. Рискнув использовать открытую дорогу и соглашаясь на тяжелые потери, вражеская бронетехника отказалась от безопасности в пользу скорости.

Маггс схватил Роуна за рукав и указал. Менее, чем в километре на юго-западе, SteGi4 и стелк-танки вырывались из района Милгейт на прибрежную дорогу. Более маленькие и более быстрые, чем основные боевые танки, эти боевые машины продвинулись под прикрытием через улицы района. Большие танки на большой дороге были отвлекающим маневром. Более легкие машины уже были на большой дороге, и проходили даже самый низкий угол конуса огня батарей.

Паша, показал Роун Ойстин.

На линии заблокированной дороги, Майор Петрушкевская уже заметила ловкость рук. SteGi и стелк-танки рвались к ее позиции. Она, Элам и Колосим уже достали из

ящиков свои фесовы трубы и приготовили их, а орудия с расчетами были расположены вдоль дороги и среди линии грузовиков.

«Приготовиться!» спокойно приказала она по связи. У орудий приближающегося врага была большая дальноточность, чем у орудий поддержки ее пехоты. Она не хотела напрасных трат боеприпасов, даже если это означало, что их сначала отколошматят.

Снаряды из пушек .40 калибра SteGov начали лететь в их сторону. Некоторые пролетали мимо, другие оставляли кратеры на дорожном полотне недалеко от линии. Легкие танки катились на максимальной скорости, чтобы добраться до своих целей, и это делало из них нестабильные, неточные орудийные платформы. Сталк-танки, несущиеся вперед, как металлические пауки, выплевывали лазерные выстрелы из орудийных установок под брюхами. Выстрелы ударяли по линии грузовиков, пронзая металл и взрывая колеса. Снаряд из SteGa4 провыл, и взорвал кабину грузовика облаком разорванного металла.

Люди попадали, задетые шрапнелью. Паша оторвала взгляд от дороги, чтобы позвать медиков, но Керт и Колдинг уже были здесь.

«Вам нужна помощь?» крикнула Паша Керт.

«Дай несколько человек, чтобы помочь нам унести этих людей, пожалуйста!» крикнула в ответ Керт.

«Второй отряд!» крикнула Паша. «Поработайте санитарями! Выполняйте инструкции Доктора Керт!»

Ее солдаты повесили лазганы на плечи и поспешили на помощь Керт. Медицинские работники начали оттаскивать раненых с помощью солдат, назначенных санитарями. Паша снова обернулась к приближающейся бронетехнике.

«Приготовиться,» сказала Паша.

«Шестьдесят метров,» воксировал Колосим.

«Поняла,» кивнула она. Еще несколько секунд...

Она подняла руку. Рядом с ней, ее адъютант, Конжик, смотрел, как будто загипнотизированный, его большой палец был на кнопке вокса.

Еще снаряды понеслись к ним, и перевернули один из грузовиков, разбрасывая обломки. Еще два снаряда чисто прошли через корпуса грузовиков, составляющих баррикаду, убив Призраков, прячущихся за ними.

Паша резко опустила руку. Конжик послал команду.

Слева от линии баррикады, Капитан Спетнин вывел две команды из дренажного спуска дороги. Он лично положил на плечо фесову трубу. У Рядового Балтуса была другая. Встав на колени, они прицелились и выстрелили. Каждое трубчатое оружие со свистом ахнуло, и противотанковые ракеты полетели вдоль дороги. Спетнин разнес один из передовых танков на куски. Балтус намертво остановил SteG4. Тот скользнул в сторону, объятый огнем, с зияющей дырой под двигателем. SteG прямо за ним пытался тормозить, и врезался в подбитый танк, протаскив его вперед и сам дико развернувшись на шасси.

Люди, заряжающие оружие Спетнина и Балтуса, уже заталкивали свежие ракеты. С середины линии баррикады из машин, Венар и Голайтли выстрелили из своих фесовых труб. Ракета Венара взорвала стлэк-танк, резко отбросив его, опрокинув его в его же горящее топливо. Голайтли подбил приближающийся SteG так точно и низко, что танк подбросило в воздух, как будто он споткнулся обо что-то. Он перевернулся и взорвался.

На правом фланге баррикады, рота Чирии выстрелила из своих противотанковых оружий. Еще больше ракет полетели по открытой дороге. Одна точно попала в едущий SteG, а другая оторвала пушку у второго. Поврежденный танк продолжал ехать, за ним был огненный хвост, и, либо его экипаж был мертв, либо у него были сломаны тормоза. Он резко сменил направление, ударился о рокритовое ограждение дороги, и перевернулся, все еще шесть огромных колес беспомощно вращались.

Вторая и третья волны ракет вылетели с линии баррикады. Еще больше приближающихся танков взорвались или были остановлены. Дорога была покрыта обломками машин. Большие AT70 могли прорваться, но легким SteGam и изящным

сталк-танкам пришлось замедлиться и объезжать горящие корпуса. Орудия поддержки Призраков открыли огонь, повреждая медленные цели огнем .30 калибра. Броня содрогалась и гнулась под постоянным огнем. Мелир развернул спаренные рукоятки своего орудия .30 калибра на триподе и залил потоком огня корпус сталк-танка, вскрыв его и нашинковав пилота. Сталк-танк остался стоять прямо, но начал гореть; паучьи ноги замерли, поддерживая яростный шар огня, одна нога поднялась, чтобы сделать еще один шаг, который никогда не наступит. Сина и Арилла навели свой .30 на SteG, который пытался объехать горящий остов, и расстреляли его двигатель. Топливо и гидравлическая жидкость хлынули из пробитого корпуса, как кровь, и машина с дрожью остановилась. Ее пушка все еще работала, и она повернулась, сделав два выстрела в направлении баррикады.

Арилла, маленькая и тощая, попыталась закончить дело, затем выругалась. Ее оружие заклинило. Сина, в два раза больше ее по размеру и мускулистая, потянулась и диким рывком избавилась от заклинивания, затем присоединила новую коробку с патронами.

«Давай!» проревела она.

Арилла нажала на гашетку, и оружие ожило. Ливень выстрелов повредил пушку SteGa и снес ее с башни. Искры от попаданий долетели до выплескивающегося из поврежденных баков топлива, и танк загорелся, как праздничный костер.

На дороге, экипажи Архиврага вылезали из поврежденных и горящих машин, и пытались наступать сквозь дым и пожары. У Призраков на импровизированной линии теперь были человеческие цели, до которых могли достать их винтовки. Лазерные выстрелы трещали с беспорядочного ряда грузовиков, уничтожая людей до того, как они могли пройти больше, чем несколько метров.

Дым и туман от зоны поражения блокировал любую приличную видимость.

«Совет!» крикнула Паша в микрофон.

«Еще одна пачка SteGов примерно в двух минутах,» воксировал в ответ Колосим. У него был лучший обзор с правого края морской дороги. «Мы можем сдержать их гранатометами, Майор, будьте наготове.»

Колосим спешил вдоль линии моря, чтобы получить более четкий угол. Он мог чувствовать жар на своем лице от горящих танков.

Он притронулся к микробусине.

«Паша, я думаю, что, по крайней мере, два больших танка пробрались через артиллерийский обстрел. Они подойдут через, четыре минуты, максимум.»

Паша подтвердила. АТ70-ые. Они могут повернуть дело. Большие танки были крепкими и тяжелобронированными. Они могут стряхнуть огонь орудий поддержки, и только счастливейший выстрел из пусковой установки сможет оказать существенный эффект. Перспективы были таковы, что большие танки могут прорваться прямо сквозь пояс останков от машин, и у них было достаточно мяса и огневой мощи, чтобы, так же, прорваться сквозь баррикаду.

Паша сражалась в разношерстных отрядах во время Зойканской Войны. Слишком много раз, она и недостаточно оснащенные партизаны были вынуждены охотиться на большую вражескую бронетехнику и машины скорби, которые массово превосходили их числом.

«Помнишь Южный Хасс?» спросила она Конжика.

«Это шутка?» спросил Конжик.

«Нет. Гранаты. Быстро. Не по одной, ящики.»

«Гак!» произнесла молодой солдат из ее первого отряда, «Какому несчастному ублюдку достанется сделать это?»

Паша ухмыльнулась. «За это высказывание, Рядовой Оксан Галашия, тебе. Но не бойся. Я научу тебя, как мы это делали в Народной Войне.»

Галашия, очень низкая, коренастая молодая женщина, побледнела.

Конжик вернулся с шестью людьми, тащащими металлические ящики с гранатами.

«Ладно, счастливики,» сказала Паша, «вы со мной.»

Она повела их мимо баррикады на открытую дорогу. Ракеты со свистом проносились над ними, летя от линии в следующую пачку SteGov.

Пригнув головы, они начали бежать к горящим вражеским островам.

«Фес!» произнес Роун. «Это Паша? Какого феса она творит?»

Батареи затихли. Не осталось ничего, что они могли бы подбить. С крыши упаковочного завода у Роуна был хороший вид на прибрежную дорогу и линию сопротивления у баррикады. Он мог видеть фигуры – Призраков – бегущих от укрытия на открытую дорогу.

«Крийд зовет, сэр,» сказала Ойстин.

Роун снова выругался, снял свои полевые очки, и поспешил назад на улицу.

«Вы были правы,» сказала Крийд. «Разведчики Обела заметили пехоту врага,двигающуюся через Милгейт.»

«Давайте поприветствуем их,» сказал Роун.

Они начали двигаться по узким улицам, распределяя веером огневые команды.

«Снайперы на позициях?» воксировал Роун.

«*Так точно,*» ответил Ларкин. «*Основные силы, кажется, идут по Круговой Улице.*»

Все еще идя, Роун нашел ее на карте.

«Мы можем запереть их, Ларкс?» спросил он.

«*Мы можем попробовать, но местные защитили эту территорию от снайперов.*»

Роун нахмурился. Над головой, ковры и занавески вяло висели над улицей в дымном воздухе.

«Варл!» сказал он.

Подошел Варл. Роун показал ему карту.

«Это – Круговая Улица. Нам нужно расчистить ее примерно до этого места. До этого, по меньшей мере. Дать лонг-лазам столько расстояния, сколько возможно.»

«Мы им тоже дадим расстояние,» сказал Варл.

«Ага, но они движутся, а мы окопались. Иди туда.»

Варл кивнул.

«Бростин! Мкнет! Лубба! Шевелите задницами!»

Варл и три огнеметчика пошли вперед, с Номисом и Кардассом, в качестве поддержки.

«Мы собираемся сжечь что-нибудь?» спросил Бростин, пока они спешили.

«Ага,» произнес Варл.

«Людей?» спросил Бростин.

«Нет,» сказал Варл. «Фесовы ковры.»

За приморской дорогой, по правую руку от баррикады, Жукова нашла Мколла, пристально смотрящего на кладбище гниющих сельскохозяйственных лодок.

«Сигнал от Кардасса,» сказала она. «Подтверждение – вражеская пехота продвигается через Милгейт к позиции Роуна.»

Мколл бросил взгляд через широкую дорогу в сторону темного лабиринта из зданий и заводов к юго-западу от батарей.

«Сэр?»

«Роун был прав,» тихо сказал он. «Наступление бронетехники на дороге, пехота под прикрытием улиц. Я бы тоже так поступил. Бронетехника – это отвлечение внимания.»

«Танки все еще приближаются,» сказала Жукова. «Они собираются быть большим, чем просто отвлечением внимания.»

«В какой-то степени, но пехота – это большая проблема, если их там достаточно, а их будет достаточно. На тех улицах, это будет самый худший тип боя. От дома к дому, в тесноте. Если их будет много, они смогут прорваться, заполнить все. Может быть, даже захватят батареи.»

«Роун справится, сэр,» ответила она.

Он кивнул. Он продолжал смотреть на отслаивающийся металл промышленных барж.

«Ты кажешься растерянным,» сказала она.

Он посмотрел на нее, удивленный ее прямотой.

«Просто думаю,» сказал он.

«О чем ты думаешь?»

«Я пытаюсь думать, как это гор,» сказал он. «Как Сын Сека.»

Ее выражение лица ясно показало, что она встревожилась от такой мысли.

«Они не дураки, Жукова. Они - самое худшее племя монстров, но они не дураки. И этот факт делает их даже худшими монстрами. Это не авантюрная атака. Она была спланирована и скоординирована заранее. Здесь есть стратегия, мы просто не можем увидеть ее.»

«И?»

«И, если Сыны Сека поработали над планом--»

«Если Сыны Сека поработали над планом, тогда мы должны определить их схему и помешать им.»

Он кивнул.

«С авантюрной атакой тяжело бороться, потому что у нее нет шаблона,» сказал он. «У этой есть шаблон. Значит, поставь себя на их место, Жукова. Если бы ты была на другом конце этой дороги, что бы ты пыталась сделать?»

«Ух... ударила бы по слабым местам этой преграды. Обошла бы их. Призраков, Хеликсидов, батареи.»

«Верно.»

«Это то, что они делают? Продвигают пехоту по забитому зданиями району, самой тяжелой для защиты территории.»

«Да,» сказал Мколл. Он не звучал уверенно.

«А теперь о чем думаешь?» спросила она.

«Я думаю, что нам надо прогуляться,» сказал он.

Паша вела свою группу сквозь пожары и останки SteGov и сталк-танков. На ветру, сквозь треск пожаров, она могла слышать стучащий грохот больших танков,двигающихся в их сторону. Несмотря на прикрытие дыма, она чувствовала себя уязвимой. Она чувствовала ностальгию. Она чувствовала себя на волосок от смерти, как когда была молодой женщиной в Улье Вervун.

«Быстрее,» приказала она. «Держите ящики подальше от огня или они взорвутся.»

«Они, примерно, в минуте,» крикнул Конжик.

«Сколько?»

«Два. АТ-семидесятые. Они не замедляются. Они собираются пробиться здесь.»

Паша встала на колени с одним из ящиков, открыла крышку, и вытащила гранату.

«Делай то же самое, что и я,» сказала она Галашии. Конжик уже работал с третьим ящиком. «Закрой крышку,» сказала она, спокойно работая опытными руками.

«Заклинь гранату вертикально в конце. Плотно закрой крышку, чтобы граната осталась на месте. Теперь, проволока или липкая лента. Тебе понадобится около двух метров. Ослабь чеку гранаты. Не слишком сильно! Крепко привяжи проволоку к чеке. Теперь растяни ее, под ящиком. Оставь свободный конец.

Галашия смотрела, что делали Паша и Конжик, и пыталась копировать так хорошо, насколько могла. Ее руки тряслись.

Стук приближающихся танков становился громче.

«Ладно!» сказала Паша. «Один человек на ящик, гранатой к себе. Один человек на каждую проволоку, держите ее под ящиком. Только не дергайте, как вас. Осторожно поднимите их. Настоящий трюк в размещении.»

Паша подняла свой ящик. Рядовой Ставик держал конец ее проволоки. Конжик поднял свой ящик, с Курнау на конце проволоки. Галашия завязала проволоку на месте и подняла свой ящик. Ауст взял свободный конец проволоки.

«Хорошо,» сказала Паша. «Вот, как работает это сумасшествие...»

Два AT70 приблизились к горящему остоу, перекрывающему дорогу. Они двигались на полной скорости, один впереди другого. Ни один не замедлился. Они собирались протаранить своими бронированными громадами остовы и пробиться через баррикаду. Никакое количество огня из малокалиберного оружия или орудий поддержки не были способны замедлить их.

Первый AT70 врезался в остов. Он подмял горящие останки сталк-танка под гусеницы, затем оттолкнул выгоревший SteG со своего пути в облаке искр. Видимость в дыму и огне была практически нулевая.

Паша и Ставик выбежали перед ним, Паша боролась с весом ящика. Они ожидали позади другого остова SteGa, скрытые огнем, вырывающемся из него. Так близко перед несущимся боевым танком, они были вне крайне ограниченной видимости водителя. Оба потели от жара, и они были покрыты копотью.

Время и размещение были всем. Слишком быстро, и вы пропустите линию. Слишком медленно, и танк просто наедет на вас и превратит в пасту.

Паша резко поставила ящик перед левой гусеницей приближающегося танка. Ставик держал проволоку прямо, так что, когда ящик оказался на земле, проволока была под ним и лежала прямо на пути грохочущей гусеницы. Чтобы сделать это, ему пришлось держаться спиной к танку, который почти переехал его. Рев был оглушительным. Земля тряслась. Это было так, словно танк падал на него.

Паша и Ставик рванули в сторону. Экипаж танка даже не понял, что на мгновение двое людей были у них на пути.

Левая гусеница наехала на проволоку. Вес танка зажал проволоку между гусеницей и дорогой, и, натянув ее, потащил за собой, и потащил ящик. Менее, чем через секунду, гусеница встретила с ящиком и начала толкать его вперед.

Затем, менее чем через секунду после этого, траки сокрушили бы ящик или, наиболее вероятно, раздавили бы его не пути.

Но к тому моменту, натяжение проволоки и давление на ящик объединились, чтобы вырвать чеку из гранаты.

Граната взорвалась, подорвав все остальные гранаты в ящике. Поместив ящик перед гусеницей, Паша убеждалась, что мощный взрыв пойдет вверх под бронированной юбкой танка к каткам, вместо того, чтобы бесполезно взорваться под бронированными гусеницами. Ящик взорвался, как мина.

Обжигающий взрыв пронесся под юбкой, разрывая ступицы осей. Взрыв, фактически, поднял край АТ70 на секунду. Куски торсионов, сегменты траков и части бронеюбки разлетелись. С полностью разрушенной одной гусеницей, танк резко развернулся, ведомый другой, все еще работающей, гусеницей. Он врезался в остов SteGa и остановился, выкашливая облака грязных выхлопных газов.

Второй АТ70 приблизился к ним. Заметив сквозь огонь, что его компаньон рванул в сторону, танк слегка замедлился, открыв тщетный огонь из спаренного пулемета. Выстрелы вгрызлись в пустую дорогу. Конжик и Курнау поставили ящик на его пути, но танк поворачивался, чтобы уклониться. Его траки проехали по проволоке, выдернув чеку, но ящик все еще был вне трака, и взрыв, впечатляющий порыв грязного пламени, омыл его бронеюбку, не нанеся никакого повреждения.

Галашия и Ауст бежали сквозь пожары и дым. Галашия никогда не была так напугана в своей жизни. Это был поступок сумасшедших.

Она кричала, когда ставила ящик на место. Танк начал поворачиваться и снова ускоряться, но она выбрала хорошую линию.

Ауст споткнулся. Он упал на лицо, и правая гусеница танка проехала по нему до того, как он даже сумел позвать на помощь. Его смерть, хотя и стремительная, была самой ужасной вещью, которую когда-либо видела Галашия. Он был перемолот индустриальной яростью.

Видя это, она все поняла. Она упала на спину. Она не могла избежать ни взрыва, ни надвигающихся траков.

Внезапно танк дал задний ход. Испугавшись мин или подземных боеприпасов, он резко сдал назад, отбросив горящие останки SteG со своего пути. Он оставил Ауста и ящик. От Ауста не осталось ничего, кроме сгустка крови и распростертых рук и ног. Ящик был нетронут.

Танк остановился и начал водить пушкой с воем сервоприводов. .30 снова начала кашлять.

Паша схватила Галашию и рывком поставила на ноги.

«Хватай это! Хватай это, девочка!» кричала Паша.

Они схватили ящик. Паше пришлось очистить проволоку от превратившихся в желе останков Ауста, осторожно, чтобы она не прилипла и не выдернула чеку.

Вместе, они забежали за танк. Паша держалась так близко к корпусу танка, что могла, с тем же успехом, прислониться к нему. Было нелогично быть так близко к такому ужасающе неукротимому вражескому объекту, но то, что они оставались так близко, держало их вне поля видимости и вне линии обстрела его спаренного пулемета.

«Сюда! Сюда!» закричала Паша.

Они поставили ящик рядом с правой гусеницей.

«Он прекратил двигаться!» крикнула Галашия.

Паша наклонилась. Держа гранату с проволокой на месте, она открыла ящик, и выудила одну из остальных ручных гранат.

«Какого гака вы делаете?» завизжала Галашия.

Паша проигнорировала ее, и закрыла крышку, расперев ее гранатой с проволокой.

«Пошли,» сказала она.

Она начали бежать. Паша выдернула чеку гранаты, которую взяла, и бросила ее над танком. Граната приземлилась на дорогу перед AT70, и взорвалась.

«Что--» заикнулась Галашия.

Паша бросилась с ней на землю.

Водитель АТ70 предположил, что взрыв гранаты перед ним был доказательством фронтальной атаки или еще одной мины. Он дал задний ход. С рывком и ревом двигателей, танк задом наехал на ящик-мину.

Взрыв разнес заднюю часть бронеюбки и катковые блоки. Галашия чувствовала, как земля и обломки дождем сыпятся на нее. Шрапнель от взрыва пробила отсек двигателя танка, и через секунду, задняя часть массивной машины была объята огнем.

Два члена экипажа попытались сбежать, выбираясь из люков. Паша спокойно ждала их с пистолетом в руке. Она убила их обоих.

«Давай убираться,» сказала она, торопя Галашию уйти от горящего танка. «Огонь доберется до боеукладки.»

Первый АТ70, поврежденный и обездвиженный, пытался навести свое главное орудие на баррикаду. Конжик, Ставик и Курнау рванули к нему. Конжик непрерывно стрелял из своей лазерной винтовки в бронированное стекло визора стрелка, ослепляя машину. Она все равно выстрелила из главного орудия, но снаряд пролетел высоко над линией баррикады.

Не было никакого способа взломать люки снаружи. Конжик надеялся, что командир танка откроет люк, чтобы получить видимость цели. Если это произойдет, он был готов залить внутренности танка автоматическим огнем. Но у танков часто были ауспексы. Танку не нужно было видеть, чтобы нацеливаться. Они остановили его, но они его не убили.

«Что нам делать?» в отчаянии спросил Курнау.

«Пошли нафес с дороги,» сказала Чирия.

Ей пришлось прибежать из укрытия у баррикады, чтобы присоединиться к ним, ее фесова труба была на ее широком плече.

«Дерьмо!» произнес Конжик.

«Не могу промазать на таком расстоянии,» сказала Чирия, и не промахнулась.

Даже корпусная броня AT70 не могла остановить фесову трубу с расстояния меньше, чем шести метров. Ракета пробила дыру в боку танка, и изнутри раздался глухой, жестокий взрыв. Танк не взорвался. Он просто умер, дым вырывался из дыры, проделанной ракетой, экипаж танка распался на атомы от чрезмерного давления взрыва, пойманного замкнутым пространством корпуса.

Чирия повернулась и ухмыльнулась остальным.

Она уже собиралась что-то сказать, когда колоссальный взрыв сбил их всех с ног. Боеукладка второго AT70 взорвалась.

Обломки посыпались на них. Они встали, кашляющие и оглушенные. Центр дороги, там, где был второй AT70, был кратером, наполненный прыгающими огнями. Паша хромала в их сторону, ее рука была на плечах Галашии.

Она улыбалась.

«Назад в укрытие, счастливики,» сказала она.

Огнеметчики Варла работали, в начале Круговой Улицы. Выпуская струи огня, они сжигали тряпки и импровизированную драпировку, повешенные Урдешцами, чтобы заблокировать поле видимости. Лубба и Мкхет поджигали веревки, поддерживающие висящие простыни по краям, чтобы они упали, дымящиеся, на фасады зданий, поддерживающие их. Бростин, казалось, предпочитает поливать драпировки, украшая улицы пылающими знаменами, которые медленно исчезали.

«Тебе нужно только сжигать веревки,» сказал Варл. «Просто скинь их вниз.»

«И какое в этом веселье?» спросил Бростин.

Подбежали Номис с Кардассом.

«Замечен враг,» сказал Кардасс Варлу. «В двух улицах в том направлении, быстро приближаются.»

«Пехота?»

«Да.»

«Много пехоты?»

«Слишком много,» сказал Кардасс.

Варл проверил свою микробусину.

«Ларкс?»

«Я тебя слушаю.»

«Ты теперь лучше видишь?»

«Намного лучше, спасибо.»

Варл повернулся к своему отряду.

«Отступаем. Пошли, сейчас же.»

Лубба с Мкхетом выключили свои огнеметы. Бростин выглядел разочарованным и вынужденным сделать это.

«Попозже будет еще много чего, что нужно сжечь,» заверил его Варл.

«Обещаешь?» спросил Бростин.

«Чтоб мне сдохнуть.»

Ларкин занял позицию на третьем этаже одного из заводов на Круговой Улице. У него был отличный вид на дорогу. Несса и Бэнда были на позиции в соседнем здании, а другие Танитские снайперы были на ближайших крышах на другой стороне улицы.

Он положил свой лонг-лаз на подоконник и щелкнул микробусину.

«Ларкин,» сказал он.

Треск.

«Роун, говори.»

«Мы сделали себе смертельную ловушку, Эли,» сказал он. «Они доберутся до нас через минуты. Мы снимем столько, сколько сможем, но--»

«Не беспокойся, Ларкс. У тебя есть полные роты по обе стороны от тебя и закрывающие конец улицы. Как только станет жарко, у тебя будет серьезная поддержка. Просто давай сначала застанем их врасплох.»

«Рад служить,» сказал Ларкин. Он встряхнул свои старые плечи, и прицелился. Улица была чистой и пустой. Дымящиеся тряпки, оставшиеся от отряда огнеметчиков Варла, почти все потухли.

Он ждал. Он был хорош в ожидании.

«Они не идут,» сказала по связи Бэнда.

«Заткнись, девочка.»

«Они пошли другим путем.»

«Просто жди. Не выпрыгивай из трусов и жди.»

Прошла минута. Две. Три.

Ларкин увидел движение в дальнем конце улицы. Фигуру или две сначала, крадущиеся. Затем еще. Штурмовые отряды, продвигающиеся группами, с оружием у плечей, тренированные и дисциплинированные. Большие ублюдки, кстати. Сыны Сека. Не было никакой ошибки в цветах или отвратительных инсигниях.

«Фес,» услышал он, как произнесла Бэнда. *«Поглядите на ублюдков.»*

«Продолжайте ждать,» ответил он, спокойно.

«Там их сотни, старый ты чудака.»

Да. Их там *были* сотни, ближе к тысяче, представил себе Ларкин, поспешно наступающие по коммерческой улице. И еще больше позади них, подсчитал он. Это был их путь внутрь. Эта маленькая, темная, незаметная улица была их дорогой к победе.

«Мы будем стрелять?» спросила Бэнда.

«Жди.»

«Ради феса, они почти у нас.»

«Жди.»

Он сделал паузу, вздохнул.

Время настало.

«Выбирайте цели и стреляйте,» сказал он в микробусину.

Он прицелился. Кто первый? Вон тот. Вон тот там. Большой фес. Офицер. Он делал жесты, выкрикивал приказы.

Ларкин навелся. Голова человека заполнила прицел.

«Добро пожаловать в Эллат, сукин сын,» выдохнул он, и нажал на спусковой крючок.

Сельскохозяйственные лодки были большими и старыми, но сейчас, когда они были на них, Жукова могла чувствовать, как они слегка покачиваются под ногами на мелкой воде.

Мколл вел, производя настолько мало шума, что это было нечеловечески. Жукова чувствовала себя неуклюжей дурой, пока следовала за ним. Они перебирались с палубы на палубу, переходя с одной гниющей баржи на другую, следуя старыми переходами и покрытыми ржавчиной цепными мостиками. Брошенные суда были просто ржавыми развалинами. Местами отсутствовали грузовые люки, и она видела внизу, в темноте, сырые пустые интерьеры барж, грузовые бункеры, в которых не было ничего, кроме эха. Место воняло водорослями, отвратительный запах, у которого было качество разлагающихся морепродуктов. Вонь застоявшейся воды в трюмах и прибрежной грязи делали только хуже.

Мколл остановился у бокового поручня следующей баржи и уставился вниз между судном и его соседом. Жукова присоединилась к нему и посмотрела вниз. Она видела тени и, далеко внизу, перемигивание света от огня на маслянистой воде.

«Что ты видишь?» прошептала она.

Он указал. В десяти метрах под ними, рядом с линией воды, был какой-то механический мост или стыковочные ворота, соединяющие баржу, на которой они стояли, с ее соседом.

«Сельхозлодки – модульные,» тихо сказал он. «Они могут работать независимо, или сцепиться вместе, чтобы действовать, как единое целое, как большее сборочное судно.»

«И?»

«Я думаю, что они, так же, могут быть состыкованы для перемещения грузов с переработанной едой,» задумался он.

«И?»

Он поманил. Они подошли к железной лестнице и спустились сквозь ржавые палубы в темноту. Внутри баржи воняло даже хуже. Ил и плесень покрывали стены и ячеистый пол. Было черно, как смоль.

Мколл спрыгнул с последних двух метров лестницы. Жукова последовала.

Он повел ее к большому открытому люку, и она увидела, что они добрались до ржавого моста, соединяющего два судна. Она смотрела во тьму соседней сельскохозяйственной лодки.

«Они связаны,» прошептал он. «Они соединены вместе. Связанные вот так, законсервированные, перспектива такова, что все сельскохозяйственные лодки на этом кладбище прицеплены друг к другу, все соединены. Большинство из них, во всяком случае.»

«Это же несколько миль металлолома,» сказала она.

Он кивнул.

«Все соединены.»

Мколл встал на колени и прижал ухо к палубе.

«Слушай,» сказал он.

Жукова не была уверена, что собирается сделать это. Палуба была грязной.

«Слушай!» прошипел Мколл.

Она опустилась и прижала ухо к металлическому покрытию.

Она могла слышать треск древних корпусов, пока они качались на мелкой воде, глухие удары буферов, когда волна терла одну лодку о другую.

И что-то еще.

«Ты можешь пройти весь путь от западной точки залива к батареям незаметно и не используя сухую землю,» прошептал он.

«Если ты пойдешь через корабли,» ответила она, ужаснувшись.

«Наступление бронетехники было не единственным отвлечением внимания,» сказал Мколл. «Волна пехоты в Милгейте тоже уловка.»

Жукова снова вслушалась в палубу. Другой звук был теперь четче. Тихий, незаметный, но характерный. Движение. Множество людей в тяжелых ботинках крались через внутренности кладбища кораблей.

«Они используют сельскохозяйственные лодки,» сказал Мколл. «Это – главная атака. Они идут этим путем.»

«Мы должны предупредить Полковника Роуна,» сказала Жукова с широкими глазами.

«Да ну нафес,» произнес Мколл. Он проверил свою микробусину.

«Сдох,» сказал он. «Попробуй свой.»

Жукова проверила, и помотала головой.

«Они глушат нас,» сказал он. «Этот гул? Это глушение вокса.»

«Что будем делать?» спросила Жукова.

«Приведи Роуна,» ответил Мколл.

ДВАДЦАТЬ ТРИ: МАГИСТР ВОЙНЫ

Восточное крыло Урдешского Дворца казалось пустым, как будто его не использовали долгое время. Бонин вел. Они проходили мимо комнат, которые были полны брошенной мебели, покрытой пыльными простынями, и других комнат, которые до потолка были заставлены ящиками и хламом. Ковры в коридорах были обветшалыми, а древние портреты, висящие на стенах коридоров, были настолько грязными, чтобы было трудно сказать, что на них было изображено.

Треск и грохот авианалета снаружи продолжался. В воздухе был некомфортный статический заряд от массивных пустотных щитов дворца, как будто собиралась разразиться могущественная гроза. Когда они проходили мимо внешних окон, они могли видеть свечение щита снаружи, окружающего купол Великого Холма магнитосферным свечением.

Время утекало. Уже прошло почти два часа с тех пор, как Гаунт дал Вон Войтцу определенный срок. Ладно, Вон Войтцу придется подождать его ответа. Восточное крыло было похоже на кроличью нору.

«Я думал, что здесь будет охрана,» сказал Белтайн. «Я имею в виду, он – магистр войны. Я думал, что здесь будет высокий уровень безопасности, контрольно-пропускные пункты.»

«Я думаю, что его власть держит людей подальше,» сказал Гаунт. «Его абсолютная власть, отталкивающая посетителей.»

«Серьезно?» спросил Белтайн.

«Он – магистр войны.»

«Если он не любит компанию...» начал Даур.

«Ему придется сделать исключение,» сказал Гаунт.

«Но, если он не позволяет людям...»

«Я рискну, Бан.»

Это было, определенно, странно. Центральные части массивной крепости, военная комната, командные центры, кишели людьми и активностью, и каждый угол и коридор охранялись. Но, пока они продвигались в восточное крыло, они обнаружили нарастающее чувство пустоты, как будто они ушли из обитаемой крепости в какое-то заброшенное место, место, из которого люди поспешно эвакуировались и никогда в него не возвращались.

«Они все еще с нами,» пробормотал Бонин. Гаунт посмотрел назад по коридору. Санкто и отряд Темпестус, с невыразительными лицами, следовали за Гаунтом на почтительном расстоянии. Гаунт пытался приказать им вернуться или остаться в командном центре, но Санкто твердо отказал. Защита Лорда Милитанта Гаунта была его долгом. Он пошел бы туда, куда и Гаунт.

«По крайней мере, они повисли сзади по моей просьбе,» сказал Гаунт. «И они не пытались остановить нас.»

«Это потому, что их приказы просты,» сказал Гаунт. «Никто не сказал им остановить вас. В любом случае, пока еще нет. Я полагаю, что мы выясним, возьмет ли верх прямой и злобный приказ магистра войны над приказами телохранителей.»

Внезапно он поднял руку, и они остановились. Бонин пошел вперед к наполовину открытой панельной двери. Он открыл ее настежь.

Это была спальня. Не комната лорда – они прошли мимо нескольких таких, сводчатых комнат с кроватями, поднятыми на платформах, со стенами, украшенными позолоченными декорациями. Это была комната чиновника средней руки, слуги дома. Покрытые деревянными панелями стены были дымчато-темные от старого лака, а шторы были закрыты. Единственный свет шел от одной светосферы на ночном столике рядом с большой кроватью с балдахином. Столик и пол были заставлены старыми книгами и планшетами. Переносной нагреватель жужжал в углу, выбрасывая чахлое тепло в холодную комнату. Это был тот звук, который услышал Бонин.

«Здесь никого,» сказал он.

Гаунт осмотрелся. Это была достаточно красивая комната, но сырая и пыльная. Определенно, спальня слуги или помощника. Это не было жилищем человека, чья

власть доминировала над сектором космоса. На кровати не спали, хотя ее, явно, заправили месяцами или годами ранее, и никогда не использовали. Простыни и покрывала были серыми от пыли, а на подушках были пятна плесени.

«Сэр?» сказал Даур.

Он уже прошел к стороне кровати, стороне с ночным столиком. Гаунт пошел посмотреть.

На полу было гнездо рядом с кроватью, наполовину под ней, гнездо, сделанное из старых простыней, подушек, подушек с диванов и грязных валиков. Еще больше книг и планшетов валялись в логове, вместе с несколькими грязными тарелками и пустыми, грязными кружками. Кто бы ни использовал эту комнату, он не спал в кровати. Он прятался под ней, в стороне от двери, в самой темной части комнаты, свернувшись калачиком, как это делает ребенок, когда ему страшно ночью.

Гаунт уже видел такую паранойю раньше. Он видел это в солдатах, даже в офицерах, которые прошли через слишком много адов. Сон ускользал от них, или, когда он приходил, они спали с одним открытым глазом. Они всегда наблюдали за дверью. Они могли спать в кресле, или в раздевалке, так что они могли наблюдать за кроватью, которая была четко видна любому, вошедшему в комнату, и оставаться невидимым.

Санкто и его люди дошли до двери спальни и смотрели на них.

Гаунт бросил взгляд на Санкто.

«Оставайтесь здесь,» сказал он.

«Сэр--»

«Я это и имел в виду, Сцион.»

«Дверь, сэр,» сказал Бонин. Он указал на настенную панель.

«Что?» спросил Гаунт.

Бонин протянул руку к стене. «Я чувствую сквозняк.»

Он подошел к стене, пробежался руками по панелям, и нажал. Дверь со щелчком открылась.

Гаунт открыл дверь шире. За ней была темнота. Он мог чують старый клей, пыль и воск.

«Все оставайтесь здесь,» сказал он.

Гаунт вошел в темноту. Это был коридор, сырой и узкий, просто щель, вырезанная в каменном материале крепости. Он подстроил свои аугментические глаза к низкому уровню освещения и пошел вперед, скользя левой рукой по каменной стене. Пыльная занавеска блокировала дальний конец прохода. Он откинул ее.

Комната за ней была библиотекой. Ее высокие стены были разлинованы полками, набитыми древними книгами, свернутыми картами, пергаментом, коробками и досками. Гаунт предположил, что он должен быть в основании башни, потому что разлинованные полками стены уходили вверх в темноту настолько высоко, насколько он мог видеть. Соединенные утонченными, железными лестницами, узкие переходы охватывали каждый уровень. Медные перила ограничивали каждый переход, позволяя передвигаться по маленьким медным лестницам, которые могли быть подняты, чтобы добраться до самых высоких полок. Несколько больших читальных столов стояли в центре комнаты, их поверхности почти затерялись под кучами книг и бумаг. На некоторых лежали стеклянные пресс-папье, а другие были набиты закладками из кусков пергамента. Гаунт увидел старые книги, разбросанные по ковру, их страницы были вырваны и использованы в качестве готового источника для закладок. Рваные бумажки валялись повсюду. Читальные лампы светились на столах, окруженные банками с клеем, мотками клейкой ленты, баночками с воском, пресс-папье, кружками с карандашами и мелками, увеличивающими линзами и оптическими считывателями. Пылинки медленно кружились в свете ламп, и в призрачном свете, который проникал сквозь единственное узкое окно над столами. Было жарко. Еще больше нагревательных приборов пыхтели в углах комнаты, делая воздух горячим и сухим, и здесь был неприятный сквозняк, который доносился с открытого темного небосвода над головой.

На мгновение на Гаунта нахлынули воспоминания. Комната Старшего Мастера Бонифация в схоле прогениум на Игнатус Кардинале, целую жизнь назад. Он снова

почувствовал себя ребенком, мальчиком двенадцати лет, одиноко ждущим предопределения своего будущего.

Он сделал шаг вперед. Его рука покоилась на рукояти его силового меча. Он не понимал, от чего он должен защищаться, за исключением того, что это может быть его собственное решение. Придя сюда, чувствовал он, он собирается нажать себе врагов, так или иначе.

«Привет?» произнес он.

Что-то пошевелилось над ним в темноте. Он услышал, как медные поручни заскрипели и загремели на направляющих, когда лестница сместилась.

«Уже время ужина?» спросил голос. Он звучал слабо, истощенно.

«Привет?»

Кто-то прошел по переходу в двух этажах над ним и уставился вниз. Маленькая фигура, с руками, полными книг.

«Время ужина?»

Гаунт пожал плечами, вытянув шею, чтобы посмотреть.

«Я не знаю. Я ищу магистра войны. Магистра войны Макакота. Это срочно, чтобы я увидел его. Он здесь?»

Фигура наверху шикнула, и захромала к концу перехода. Он начал спускаться вниз, пошатываясь под весом книг, которые он пытался удержать. Он был старым. Гаунт видел тощие голые ноги и тяжелые, огромные носки, сделанные из толстой шерсти, залатанные и заштопанные. Он видел, как края большой, грязной ночной сорочки висят, как юбка.

Человек добрался до перехода внизу, каким-то образом умудрившись не уронить ни одну из книг. Он странно посмотрел вниз на Гаунта, хмурясь. Его лицо было круглым, с седеющими, зачесанными на бок волосами. Он выглядел нездоровым, как будто он не появлялся на солнечном свете долгое время.

«Магистр войны Макакот занят,» раздражительно сказал он.

«Могу себе представить,» сказал Гаунт. «Сэр, вы можете мне помочь? Очень важно, чтобы я поговорил с ним. Вы знаете, где он?»

Человек снова шикнул, и зашаркал по переходу к следующей лестнице. Книга соскользнула с его кучи и упала. Гаунт ловко сделал шаг вперед и поймал ее до того, как она упала на пол.

«Быстрые рефлексы,» заметил человек. «Уже время ужина? Здесь это реальная проблема.»

«Простите--»

«Уже время ужина?» спросил человек, пристально смотря на Гаунта сверху и пытаясь удерживать контроль над книгами, которые он тащил. «Несложный вопрос, исходя из огромного количества вопросов, которые человек может задать. Ты новенький. Я тебя не знаю. Обычный парень умер или что-то такое? Так не пойдет. Магистр войны очень особенный. Ужин в то же самое время. Он встревожен изменением. Почему у тебя нет подноса?»

«Я здесь не с ужином,» сказал Гаунт.

Человек выглядел раздосадованным.

«Ладно, это очень разочаровывает. Ты вошел сюда, как будто принес ужин, и поэтому я решил, что сейчас время ужина, а теперь ты говоришь, что ты не принес никакого ужина, и мой живот начинает жаловаться, потому что меня заставили поверить, что настало время ужина. Что собираешься сказать на это?»

«Простите?» ответил Гаунт.

Человек уставился на него. Его лоб покрылся морщинами.

«Простите – это слово, у которого слишком мало места в Империуме Человека. Я удивлен услышать это слово, произнесенное в любом контексте таким безжалостным солдатом, как Ибрам Гаунт.»

«Вы знаете, кто я?» спросил Гаунт.

«Я только что узнал тебя. А что? Я ошибаюсь?»

«Нет.»

«Ибрам Гаунт. Бывший полковник-комиссар, командир Танитского Первого, формально из Хурканского Восьмого. Герой Балополиса, Врат Олигархии и так далее. Послужной список включает в себя Меназоид Эпсилон, Монтакс, Улей Вервун-Вергхаст, Буцефалон, Фантин, Хагию, Херодор, и так далее и тому подобное. Это ты, правильно?»

«Вы знаете меня?»

«Я знаю, что ты хорош в ловле. Помоги мне с этим.»

Человек протянул стопку книг и отпустил их. Гаунт рванул вперед и умудрился поймать большинство из них. Он положил их на один из читальных столов, и пошел, чтобы поднять несколько, которые он не поймал. Человек спустился по лестнице. Он осмотрел Гаунта сверху донизу. Он был значительно ниже, чем Гаунт. Его коренастое тело было закрыто старой, помятой ночной сорочкой, и Гаунт мог видеть нездоровую бледность его кожи, желтые тени под его глазами.

«Магистр войны не принимает посетителей,» сказал он.

Гаунт осторожно посмотрел на него.

«Я чувствую, что мой долг проинформировать магистра войны, что Эллат под главной атакой,» сказал он.

«Магистр войны уже понял это, Лорд Милитант Гаунт,» резко бросил человек. «Щиты зажжены, и там жестокий шум, который делает концентрацию намного более трудной.»

«Это большее, чем просто рейд,» сказал Гаунт. «Магистр войны должен знать--»

Человек начал копаться в куче книг, которую Гаунт спас для него.

«Главная атака, да, да. Спор за Заракппан, наконец-то, вылился во что-то большее. Наступление идет из Заракппана по перерабатывающим территориям, используя Шоссе Гэйлена и Магистрали Турппана. Основные силы врага быстро передвигаются. Это просто помеха, конечно, потому что главное наступление происходит на юго-западе, от Северного Династического Конклава, вдоль южной оконечности Великого

Залива, прорываясь по медианной линии через Милгейт, Албарппан и Вэйпориальные кварталы. Грязно и неожиданно, быстрая смена тактики. Я полагаю, что здесь двадцать... три, да, три... двадцать три лорда милитанта генерала в Урдешском Дворце, которые должны быть способны справиться с проблемой компетентно. Они рождены и выращены и уполномочены, чтобы справиться с ситуациями на поле боя. Ну, кроме Люго, который ублюдочный дурак. Однако, любой из них. Ты знаешь, сколько битв происходят прямо сейчас на Урдеше? В эту самую минуту? Я имею в виду, главные сражения, угроза класса Бета или выше?»

Гаунт начал отвечать.

«Я тебе скажу,» сказал человек. «Шестнадцать. Шестнадцать. И Гереппан единственный, на что нужно смотреть. Это то место, где закончится дело. Магистр войны привел массу лордов милитантов на Урдеш с собой, сливки войск, девяносто два процента старшего командования крестового похода. Ты бы подумал, не так ли, что они смогут вытащить головы из своих задниц, и разобраться с шестнадцатью битвами. Вопрос, на самом деле, в том... где моя куртка?»

«Здесь,» сказал Гаунт. Он снял старый черный мундир со стула. Парчовые эполеты были пыльными, а левая сторона груди провисала под весом медалей и орденов.

«Спасибо тебе,» сказал человек, пока Гаунт держал мундир для него, чтобы он мог надеть его поверх ночной сорочки. «Вопрос, на самом деле, не в том, что происходит здесь, в Элтате, но почему.»

Он неуклюже возился с воротничком, пытаясь заставить его сидеть правильно, и посмотрел на Гаунта.

«Почему? Это любопытный вопрос, Лорд Милитант Гаунт? Почему сейчас? Почему вот так? Почему смена в тактике? Какие факторы повлияли на время? Что побудило на такие решительные действия? Разве ты не предполагаешь, что это те самые вопросы, которые, на самом деле, должны занимать внимание магистра войны?»

«Да, сэр.»

«Это правильный ответ. Скажи мне, Гаунт, это ты начал обращаться ко мне в третьем лице, или я?»

«Вы, сэр.»

«Честный ответ. Да, ладно, я не могу быть слишком осторожным. Ублюдки везде. Скажем, что если бы это был ты, просто потому что, если мы скажем, что это был я, тогда люди начнут сомневаться в четкой функциональности моих ментальных способностей, когда я просто был занят мыслями о победе Мелшуна в Харппане, когда ты пришел и отвлек меня представлением об ужине и подносом, которого у тебя не было. Почему ты отдаешь честь?»

«Потому что я должен был сделать это раньше, сэр,» сказал Гаунт.

«Ладно, можешь прекратить это. Мы уже прошли этот момент. Ты сейчас здесь, и надоедаешь мне. Я не люблю перерывы. Не тогда, когда работаю. Перерывы ломают течение мыслей. Терпеть их не могу. Мне нужно продолжать. Много чего еще нужно сделать. Мне пришлось пристрелить человека на прошлой неделе за то, что он постучал в дверь.»

«Пристрелить?»

«Ну, он пришел, чтобы начистить мои ботинки. Какой-то Нарменианский младший офицер. Я, на самом деле, не пристрелил его, но я дал ему четко понять, что если он снова это сделает, его ожидает стена на плацу и повязка на глазах с его именем. Но я, на самом деле, написал приказ. Не послал его. Это были просто ботинки, в конце концов. Я всегда могу зачеркнуть его имя и написать чье-то другое в следующий раз, как это произойдет.»

«Я чувствую, что прервал вас, сэр, я--»

Магистр войны хлопком прервал Гаунта, как будто его слова были мухой, жужжащей у его лица.

«С тобой все в порядке. У меня было в мыслях призвать тебя в определенный момент, в любом случае. Интересный характер. Я просмотрел твой послужной список. Не броский, по сравнению с некоторыми, но выдающийся. Улей Вербун. Это была великолепная работа. И, в конце концов, из-за тебя, Беати не находилась бы с нами. Мы встречались?»

«Нет, мой лорд.»

«Нет, я так не думаю. Балгаут был большим местом. Это могло быть там, если бы произошло. Я присматривался к тебе годами. К тебе и твоему любопытному маленькому полку. Специалисты, я люблю специалистов. Люди говорят об Уриенце и Сайбоне и их выдающихся послужных списках, и они *выдающиеся*, но ты, Гаунт. За годы, ты достиг на поле боя то, что реально отточило эту твою ответственность. Вероятно, большую, чем у любого командующего в рядах крестового похода. Кроме меня, очевидно.»

Он уставился на Гаунта.

«В общем, это осталось непризнанным, так ведь? Твои достижения часто было маленькими, неброскими и отдаленными от главных боевых зон. Но они были записаны на твой счет. Ты осознаешь, что ты ответственен за смерти большего числа магистров, чем любой другой командир? Келсо обоссется публично, чтобы иметь такой рекорд. Я полагаю, что на тебя смотрели сверху, потому что ты никогда не командовал главными силами, никакой бригадой любого размера, и потому что все дело в том, что ты был комиссаром *и* полковником. Это сделало тебя слегка отщепенцем. Слайдо пытался быть благосклонным к тебе. Он видел твою ценность. Я ее тоже вижу.»

Он сделал паузу.

«Я скучаю по Слайдо,» тихо сказал он. «Старый пес. Он знал, что делает, даже когда то, что он делал, это убивал себя. Тяжелый поступок, которому нужно следовать. Ноша... безмерная, Ибрам. Постоянная. Большие сапоги, которые нужно наполнить. Больше, чем младший офицер Нарменианцев сможет начистить. Ты знаешь Мелшуна?»

«Нет, сэр,» сказал Гаунт.

«Урдешский лидер конклава, два века назад. Сражался в династических войнах здесь. Куда подевалась книга?»

Макарот начал просматривать кучу, которую Гаунт положил на стол. Несколько томов упали на пол.

«Эта библиотека,» сказал он, пока копался, «династические записи Урдеша. Века войны. Я верю в детали, Гаунт. Изучение деталей. Империи сражались в стольких войнах, что их не сосчитать. В стольких битвах. И он записал их все, каждый аспект и клочок доказательств. Это все здесь, в наших архивах. Все, что нам нужно, чтобы получить превосходство в галактике. Каждая тактика, каждая ошибка и ключ. Любая битва поворачивается, в конце концов, от какой-то крошечной детали, какой-то крошечной трещины или ошибки или случайного преимущества. Посмотри сюда.»

Он открыл старую книгу и разгладил страницы.

«Конклав Мелшуна сражался с Кланом Гентези Акарред за контроль над геотермальным силовым хабом. Он получал в ответ свою же задницу, несмотря на прекрасно разработанный план нападения с трех точек. Затем Акарредский офицер, очень молодой, по имени... Как там его имя? У меня нет очков.»

«Жулера, сэр. Конклавный Помощник Жулер.»

«Спасибо. Да, он. Он не закрыл врата для сельскохозяйственных лодок. Крошечная деталь. Seriously, nonsense, в грандиозной схеме. Но разведчики Мелшуна заметили это, и Мелшун послал сорок процентов своих сил в эту брешь на реактивных катерах. Сорок процентов, Гаунт. Подумай об этом. Такой риск. Такая азартная игра. Такое потенциально суицидальное свершение.»

Он улыбнулся Гаунту.

«Мелшун сокрушил Акарред. Взял Харппан за ночь. Все благодаря одним вратам. Все благодаря одной ошибке. Все благодаря Конклавному Помощнику Жулеру. Я не смотрю на всю картину, Гаунт. Больше нет. Это меня не интересует. Победа не в этом. Она в деталях. Я смотрю на ценность информации, которую мы, как раса, аккумулируем. Я анализирую детали, крошечные ошибки, крошечные отличительные фрагменты. И я учусь, и я вношу исправления.»

«Ваш подход – это микроменеджмент?» спросил Гаунт

«Фу! Уродливый термин. Эта война не будет выиграна магистром войны, или лордом милитантом. Она будет разрешена единственным Имперским Гвардейцем, обычным

солдатом, в поле, делающим нечто незначительное, что будет либо очень правильным, либо очень неправильным.»

Макарот откинулся на стуле и уставился на книги, окружающие него.

«Все дело в данных, видишь ли?» тихо сказал он. «Империиум – величайший собиратель данных в истории. Бюрократия с острыми зубами. Это преступление огромного масштаба, что мы не пользуемся этим. Этот зал, например. Просто пыльная библиотека, в которой содержатся записи прошлых конфликтов планеты. Но она полна сокровищ. Ты понимаешь, что здесь нет... ни одного магического тома во всем этом месте? Ни такого, как книга с запретными областями или еретической силой. Ничего такого, что чертовы ордосы могут посчитать ценным и конфисковать. Эти бедные дураки помещают данные под замок, редактируют их, высоко ценят нечестивые реликты. Они не заглянут в это место второй раз. От них тоже бывает польза, я думаю.»

Он отклонился назад и потянулся.

«Твоя миссия в Предел Спасения. Я понимаю, что она принесла назад какие-то покинутые Троном артефакты, которые заставили Инквизицию вспотеть в промежности.»

«Да, сэр.»

Макарот кивнул.

«И у этого будет ценность. Я не идиот. Я просмотрю и изучу, и применение будет осуществлено. Победа вполне может скрываться там. Я открыт для таких возможностей. Нет, что, на самом деле, восхищает меня в миссии на Предел Спасения, так это тактическое проникновение в суть. Использование данных. Твое проникновение в суть, я предполагаю. Чтобы дезинформировать, и поставить фракции Архиврага друг против друга. Это, Гаунт, детали в работе. Запустить войну между Сексом и Гором. Для меня, артефакты, с которыми ты вернулся, просто вишенка на торте.»

«Возможно,» сказал Гаунт, «я размышляю--»

«Валяй, Гаунт. Я ценю тебя, но ты скромный. Слишком робкий, что удивляет меня, исходя из твоего послужного списка. Говори, что на уме.»

«Вы упомянули время этой атаки на Элтат, сэр,» сказал Гаунт. «Внезапно стимулированный ответ. Прямо через несколько дней после того, как мы вернулись с добычей с Предела Спасения--»

Макарот кивнул.

«Они хотят вернуть их,» быстро сказал он. «Они знают, что они здесь, и они хотят их вернуть. Это было у меня в голове. Это в моем коротком списке объяснений для их смены в тактике. Анализ подтвердит это. Если это правда, тогда это еще одна деталь. Еще одна ошибка. Я оцениваю, что смена тактики и штурм Элтата будут им стоить...»

Он покопался на своем столе и нашел записную книгу.

«Вот. Девятнадцать процентов потерь. Сек соглашается на потери, в качестве цены на смену направления и атаку почти неуязвимого Имперского бастиона. Значит, для него это должно быть ценно. Следовательно, артефакты безмерно ценны для любого, кто ими обладает. Сек показал нам свои карты.»

«Вы преследовали Сека с самого первого дня,» сказал Гаунт.

«Сек, потенциально, намного более опасен, чем Архонт. Если мы проигнорируем его и сфокусируемся на Горе, мы проиграем. Если мы сначала не уничтожим Сека, мы никогда не сможем нанести изящный удар по Архонту.»

«И вашим планом было поместить наживку для него здесь, на Урдеше?»

Макарот улыбнулся и покачал указательным пальцем в сторону Гаунта.

«Ты острый, как гвоздь. Да. Приманить его.»

«Наживка из вас, Святой, и большей части высшего командования?»

«Как он смог бы такому сопротивляться?»

«Сек гений, сэр?»

«Весьма вероятно. Намного более хитрый в сравнение с Гором, по меньшей мере.»

«Значит, вы обдумали, что, возможно, он ведет ты же самую игру?»

Макарот нахмурился.

«Как так?»

«Вы пришли сюда, со Святой и штабом, чтобы вытащить его и уничтожить. Может быть, он поместил себя на Урдеш, чтобы сделать то же самое с вами?»

Макарот поджал губы. Какое-то время он смотрел в никуда.

«Конечно,» сказал он. «Как конец игры в регициде. Последние несколько фигур на доске. Наиболее ценные фигуры. Монарх против монарха.»

«Что, если у него есть фигуры, о которых вы не знаете?»

«Мы проанализировали детали--»

Гаунт вытащил из-под стола стул с сел, смотря на Макароta над стопками книг. Макарот казался очень хрупким и уставшим. Гаунт мог видеть, как бьется маленький тик на плоти магистра войны под его левым глазом.

«Мой лорд,» сказал он. «Я искренне согласен с вами в том, что данные – это ключ к победе. Империи сам о себе многое не знает. Слишком многое, возможно. Этот ресурс должен быть использован. Но мой жизненный опыт в том, как у обычного солдата в поле, что мы практически ничего не знаем о нашем враге. Практически ничего. А то немногое, что мы знаем, изолировано и запрещено, по большей части Инквизицией, и считается слишком опасным, чтобы рассматривать.»

Макарот начал отвечать. Ни слова не вырвалось наружу. Его руки тряслись.

«Я скучаю по Слайдо,» прошептал он.

Он посмотрел на Гаунта. В его глазах была твердость.

«Я знаю детали. Ты, например. Твой характер и манеру поведения, как отражено в твоём послужном списке. Твой язык тела. Ты пришел сегодня сюда, хотя приказы отражают мое желание быть оставленным в одиночестве и восточное крыло под запретом. Это не высокомерие привело тебя сюда. Не официальное право, по которому ты, новоиспеченный лорд милитант, должен получить свою аудиенцию со

мной. Это не ты. Ты испугался, что я пренебрег своими обязанностями и не замечаю штурма у наших дверей, что все, что штаб рассказал обо мне, было правдой. Что я был дураком, и безумцем, затворником, оторванным. Что я больше не стою своего звания. Ты пришел предупредить меня.»

«Да, сэр.»

«Но не о том, что город атакован. Я могу это видеть в тебе. Ты несешь какую-то более тяжелую ношу.»

Гаунт замешкался. Он, в самом деле, чувствовал ношу. Он мог чувствовать врагов, ожидающих появиться, по обе стороны от него.

«Лорд,» сказал он, «значительное количество командующих штабного уровня потеряли доверие к вашему руководству. Пока мы говорим, они запустили процесс, чтобы лишить вас должности и убрать вас от командования.»

Макарот вздохнул.

«Вот она, благодарность,» сказал он, его голос был хриплым шепотом. «Я бдительно наблюдал за врагами. Я сплю с одним открытым глазом. Но враги уже внутри этих стен. Сайбон, да? Вон Войтц? Кто еще? Булледин? И кем они собираются заменить меня?»

«Мной,» сказал Гаунт.

Макарот заморгал.

«Ну, ну... Значит, они не идиоты. Мне легче, по крайней мере, от того, что они хорошо понимают политику. Талант. На их месте, ты бы тоже был моим выбором. Но, Гаунт... Ты стоишь перед получением самого могущественного звания в секторе. Аутсайдер, приведенный к самому переднему краю, прямо как я на Балгауте. Ты стоишь перед унаследованием. И все-таки, ты пришел сюда, чтобы рассказать мне это? Предупредить меня?»

«Да, сэр.»

«Ты не хочешь эту работу?»

«Я это даже не обдумывал,» сказал Гаунт. «Вероятно, нет, есть поразмыслить.»

«Вот почему ты правильный человек, конечно же. Тогда, почему?»

«Потому что вы – магистр войны,» сказал Гаунт. «Я служил вам с самого Балгаута. Долг и история говорят мне, что мы настолько же хороши, насколько и потеряны, если настанет день, когда такие люди, как я, повернутся против их магистра войны.»

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ: Я – СМЕРТЬ

«Мы можем пойти пешком отсюда,» сказал Баскевиль.

«Ой, да ладно,» сказал Домор. «Уже недалеко.»

«Дай мне перефразировать,» сказал Баскевиль. Он постучал по датчику топлива грузовика. «Нам *придется* пойти пешком отсюда.»

Он остановил ворчащий грузовик, и они вышли. Улица была безлюдной и неосвещенной, и ночной воздух был тяжелым с запахом фуцелина, а небо над крышами мягко светилось янтарным светом. Они могли слышать отдаленные звуки боев с нескольких направлений, прокатывающихся по городу.

Фейзкиель с сочувствием посмотрела на транспортник Муниторума. Кузов был пробит в дюжинах мест, и задняя часть была расстреляна.

«Опасная ситуация,» сказала она. Баск кивнул. Если бы двигатель не запустился, они были бы сидячими целями. Поездка оттуда была дикой и вслепую. Баскевиль вел, как маньяк, его единственным направлением было 'подальше от выстрелов'.

Домор бросил взгляд на горящее небо.

«Опасная ситуация еще не закончилась,» заметил он.

Они начали идти. Они пересекли улицы, которые были закрыты ставнями и темные, и проходили мимо зданий, которые были заброшены. Шрапнель и обломки от воздушного боя усеивали дорогу, дымящиеся и перекрученные, некоторые металлические обломки все еще мерцали теплом. Обломки сыпались дождем без разбора часами, и хотя казалось, что основная воздушная атака закончилась, копоть и искры продолжали лететь вниз. Наверху, на Великом Холме, свечение пустотных щитов дворца исчезало. Рассчитанный риск, предположил Баск, кроме того, основные боевые зоны были, очевидно, наземными на окраинах основного города, и пустотным щитам срочно понадобилось время, чтобы перезарядиться. Еще одна воздушная атака могла произойти в любой момент.

Двадцать минут провели их через брошенные кварталы Низкого Острия к началу служебной дороги. Они шли в тишине, уставшие, не находя слов. Битва обострялась

вокруг них и оставила их вне главных боевых действий. Настало время наверстать упущенное и надеяться, что все еще оставался шанс на воссоединение с полком.

Какое бы предупреждение, думали они, они бы не принесли, уже, определенно, было слишком поздно.

Со служебной дороги, они могли видеть Танитское размещение K700 во мраке индустриальной территории. Фонари двигались вокруг зданий. Они могли видеть транспортники.

«По крайней мере, там, все еще, кто-то есть,» сказал Баск.

На полпути по сервисной дороге, они повстречали часовых. Эриша, большого знаменосца из Роты V, и Тиста, еще одного солдата из его отряда. Они казались напряженными и не в своей тарелке.

«Майор Баскевиль?» сказал с удивлением Эриш, когда они подошли достаточно близко, чтобы он узнал их.

«Что происходит, рядовой?» спросил Баскевиль.

«Просто готовимся к отъезду, сэр,» сказал Эриш. «Наверх, к дворцу.»

«Весь полк?»

«Нет, сэр, только Роты V и E, перемещаем полковую свиту в убежище.»

«Где остальные Призраки?» спросил Домор.

«На передовой, сэр,» сказал Эриш.

Баскевиль с Домором переглянулись. Их роты перешли на вторую инструкцию без них. Вероятно, на первую. Они, должно быть, уже сражаются и умирают.

«Кто здесь за главного?» спросила Фейзкиель.

«Капитан Мерин, мэм,» ответил Эриш. «С Комиссаром Бленнером.»

Фейзкиель ближе посмотрела на него. Она хорошо разбиралась в языке тела, и Эриш казался необычно напряженным. Нет, не напряженным. Расстроенным.

«Воксируй на ворота, Эриш,» сказал Баскевиль. «Скажи Мерину, что мы идем.»

«Да, сэр,» сказал солдат.

«Что происходит, Рядовой Эриш?» спросила Фейзкиель.

Эриш нервно посмотрел на своего товарища.

«Что вы имеете в виду, мэм?» спросил он.

«О чем ты нам не говоришь?»

«Был инцидент, мэм,» сказал Эриш.

«Как, фес, это произошло, капитан?» спросил Баскевиль.

Мерин пожал плечами. Вокруг них, на дворе K700, люди из его роты загружали груз на грузовики Муниторума, а группы членов свиты выстраивались в очередь, чтобы забраться на борт. Здесь была некомфортная тишина, большая, чем просто тишина в военное время. Ощущение шока.

«Пожимание плечами не ответ, Мерин,» сказал Баскевиль.

«Я не знаю, что за фес рассказать тебе,» ответил Мерин. «Это фесово ужасный беспорядок. Что ты от меня хочешь? Ты хочешь, чтобы я сказал, что говнюк из моей роты свихнулся? Это?»

«Ты и Гендлер были близки.»

«И?» усмехнулся Мерин. «Он, тем не менее, был говнюком. Я просто не осознавал, насколько большим говнюком. Напасть на девочку вот так.»

«Дочь... Гаунта?»

«Кажется так.»

«Где она?» спросил Домор.

«В одном из грузовиков. Она уже в сознании, но чувствует головокружение и в состоянии шока. Как только мы прибудем во дворец, мы доставим ее к медикам.»

«Я хочу поговорить с ней,» сказал Баскевиль.

«Я же тебе сказал,» сказал Мерин, «она не в нормальном состоянии. Оставь это. Оставь это, пока что. Дай ей немного времени.»

«Будет расследование,» сказал Баск.

«Не сомневаюсь,» сказал Мерин. «Должно быть. Бленнер и я уже готовы предоставить полные отчеты.»

«Не могу поверить, что Вайлдер мог--» начал Домор.

«Ну, он смог,» резко сказал Мерин. «Всегда была какая-то слабость. Вы, должно быть, видели это. Слишком много выпивки, и зависти, размером с Золотой Трон. Диди, должно быть... Гендлер, должно быть, подбил его на это.»

«Вайлдер убил Эзру?» спросил Баскевиль.

Мерин кивнул. «Не могу в это поверить,» сказал он. «Я имею в виду, Эзра... фесов Эзра.»

«И Бленнер применил санкции к Вайлдеру?»

«А что еще он мог сделать?» спросил Мерин.

Домор с Баскевилем посмотрели друг на друга.

«Слушайте,» сказал Мерин, «у нас сейчас нет на это времени. Основная задача доставить свиту в убежище дворца, пока щиты опущены. Прямой приказ от Гаунта. Мы не можем тут зависнуть, не важно, что произошло. Нам нужно заставить двигаться всю эту кучу в следующие несколько минут.»

«Ладно,» с неохотой сказал Баскевиль. «Всем ускориться. Давайте перевезем их в безопасное место.»

Мерин отдал быстрый салют, и, поворачиваясь, начал выкрикивать приказы командам погрузки. Баскевиль увидел, как приближается Элоди Дютана-Даур, с одной из женщин из свиты по пятам.

«Майор?»

«Да, Элоди?»

«Юнипер потеряла Йонси,» сказала она.

«Она была со мной,» сказала более взрослая женщина. «Мы собирали вещи, затем началась суматоха, и я огляделась, а она пропала. Я думаю, что она расстроена. Люди разговаривали, говорили, что была стрельба. Что люди погибли. Она подумала, что это снова снайперы и расстроилась. Я думаю, что она спряталась.»

«Я не могу ее найти,» сказала Элоди.

Баск ругнулся под нос.

«Мы поищем вокруг,» сказал он. «Она не может быть далеко.»

«Ага, мы найдем ее,» вторил Шогги. Он знал, что он и Баскевиль думают о том же самом: достаточно уже плохих поворотов для одного дня. Они не собирались потерять маленькую дочку Крийд. Маленькую дочку Крийд... маленькую дочку Гола. Мерин рассказал им, что служба разведки Астра Милитарум забрала Гола. Где бы он сейчас не был, Голу Колеа нужны его друзья, чтобы они присмотрели за его семьей для него.

«Где Далин?» спросил Баскевиль.

«В грузовике, присматривает за ребенком Гаунта,» сказал Мерин.

«Я пойду и спрошу его, знает ли он, что Йонси может прятаться,» сказал Баскевиль.

«Я начну искать,» сказал Домор. Он повернулся к Элоди и Юнипер.

«Где вы в последний раз видели ее?» спросил он.

Голос говорил в ночи. Он говорил во взрывах артиллерийских обстрелов, в отдаленном реве огненных штормов, в выстрелах минометов.

Это был старый голос, теневой голос. У него не было слов; он просто говорил о войне звуками, сделанными войной.

Но смысл был ясным. Настолько ясным, что, казалось, он заглушает все звуки и неистовство, повисшие над Эллатом.

В голубой темноте неосвещенной пустоши рядом с размещением, Йонси пряталась в куче каменных обломков. Настало время. Папа говорил ей, что настало время. Время вернуться домой. Время быть храброй и вырасти. Время вернуться к Папе.

«Я не хочу!» прошептала она, вытирая слезы с глаз грязными запястьями. Затем она пожелала то, что не произнесла. Кто-нибудь мог ее услышать.

Кто-то *услышал* ее.

Кто-то был близко. Она могла слышать ботинки, хрустящие на камнях в темноте вокруг нее. Люди двигались.

Люди шли к ней. Готовые или нет.

«Что ты, в точности, делаешь, Луна?»

Фейзкиель прекратила делать снимки, и опустила свой маленький карманный пиктер. Бленнер стоял в дверном проеме душевой.

«Регистрирую место действия,» сказал она. «Или ты уже это сделал?»

«Я? Нет,» сказал Бленнер. «Зачем? Зачем бы мне?»

«Три смерти в размещении,» сказала она. «Мы не можем сохранить место действия, так что нам нужно столько доказательств, сколько мы можем получить.»

«Доказательств?» спросил Бленнер. «Доказательств чего?»

«Ты серьезно, Бленнер?»

«Тут все понятно,» резко сказал Бленнер. «Ради феса, Луна... Гендлер сошел с ума. Вайлдер был при деле. Они напали на дочь Гаунта, затем Эзра--»

Произнося каждое имя, Бленнер сердито указывал на разные отпечатки крови на стенах и полу старой душевой. Фейзкиель начала делать снимки каждого темного пятна.

«Прекрати это!» резко бросил Бленнер.

«Этот инцидент – уже достаточно плохой,» сказала Фейзкиель. «В любом случае, будет ордер на рассмотрение дела, но дело в том, что вовлечен ребенок лорда милитанта? Ты думаешь, что Гаунт просто оставит это в обычном полевом отчете?»

Бленнер беспомощно пожал плечами.

«Он захочет узнать обо всем. Эзра был его другом, и...» Она замолчала.

«Предполагается, что *ты* его друг, Бленнер. Его старейший, дорогой друг. Какого черта ты не делаешь это для него? Почему ты не делаешь это, как его друг и комиссар, и не оборачиваешь это в поклон для него? Я имею в виду, безукоризненно? Почему не делаешь все, от себя зависящее? Почему ты не делаешь это для него?»

«Я казнил ублюдка, который--»

«Просто уйди с дороги, Бленнер. Я разберусь с этим.»

«Тут не с чем разбираться,» раздраженно сказал Бленнер. «У меня есть полный отчет. Мерин был свидетелем этого. Тут нет ничего, чтобы--»

«Я разберусь с этим, я сказала. Мой отчет, мое дело.»

«Фесову минуточку, леди!» крикнул Бленнер. «Тебя здесь даже не было!»

«Точно. Процедурное положение Официо Префектус четыреста пятьдесят шесть дробь двенадцать. Независимый осмотр любого серьезного или важного преступления. Ты что даже не знаешь фесовых инструкций? Почему я не удивлена? Это не может быть твоим, потому что ты присутствовал при инциденте. Полномочия на упрощенные судопроизводства распространяются только на дела. Выметайся, Бленнер. Мое дело, с данного момента.»

Она, внезапно, остановилась, и огляделась.

«Что это было?» спросила она.

«Что было что?»

«Этот шум? Снаружи? Это прозвучало, как медицинская пила.»

Люди нашли ее. Йонси посмотрела вверх.

Восемь фигур стояли вокруг нее в мрачных каменных обломках. Мужчины. Солдаты. Маски скрывали их лица.

«Уходите!» сказала она. «Уходите!»

Она закрыла голову руками, чтобы не видеть их.

Сыны Сека подняли свое оружие и подошли ближе.

«Может быть, здесь?» с надеждой сказала Элоди.

«Ей нравилось играть на открытой местности,» сказала Юнипер, спеша среди них. «Там, сзади, среди обломков. Иногда она играла в прятки.»

«Мы посмотрим,» сказал Домор. Он подстроил свою аугментику для низкой освещенности. Позади размещения, за границей фонарей двора, было темно, как смоль, и территория была неровной и открытой.

Они остановились и осмотрелись.

«Проверим в той стороне,» сказал Домор. «Юнипер, иди к уборным. Я посмотрю там.»

Они разделились и вошли в темноту. Элоди шла вдоль задней части зданий, нащупывая дорогу. Она несколько раз выкрикнула имя Йонси, но в темноте было что-то, заставляло ее говорить с неохотой. Было холодно, и густо, как нефть. Бездонная тень.

Плохая тень.

Элоди что-то слышала. Движение, или слабый голос, возможно. Она повернулась и начал идти в направлении, откуда пришла.

«Йонси?» Впереди кто-то был.

«Йонси, ты там?»

Что-то выбежало из темноты и бросилось к ней. Столкновение почти сбило с ног Элоди.

«Йонси?»

Йонси прицепилась к ее ногам, всхлипывая.

«Все нормально,» сказала Элоди, пытаясь поднять ее на ноги. «Все в порядке, Йонси. Мы, наконец-то, тебя нашли.»

«Они меня тоже нашли,» плакала Йонси.

Элоди замерла. Она подняла взгляд и увидела большие, черные фигуры, выходящие из ночи вокруг них.

«Ох, защити меня Император,» выдохнула она. «М-милостью Императора, и всего света, который сияет с Терры...»

Она могла чують вонь от них, несмытую грязь, засохшую кровь. Их маски злобно смотрели на нее, как во всплывших в памяти ночных кошмарах.

«Вер вой морттой,» сказал лидер Сынов. Он вытащил клинок.

Тьма становилась гуще. Она поглотила Элоди. Она крепко прижалась к ребенку, но тьма полностью поглотила ее. Голова закружилась, затем обморок.

Раздался пронзительный, скрежещущий шум, похожий на силовую пилу, разрезающую твердую кость в анатомической.

Во все стороны полетела кровь.

Домор услышал шум. Он начал бежать.

«Тревога! Тревога!» кричал он. Это было какое-то оружие. Он услышал оружие. Вторженцы. Фесовы враги были среди них.

Он бежал к точке, где в последний раз видел Элоди. Призраки бежали со двора в ответ на его крики. Фонарики подпрыгивали и мерцали.

«Обезопасить периметр!» крикнул им Домор. Фейзкиель и Бленнер проталкивались сквозь людей, чтобы присоединиться к нему.

«Шогги?»

«Там сзади кто-то есть, Луна,» крикнул Домор, несясь вперед. «Приведите огневые команды к задней части, быстро! Я думаю, что это атака!»

Фейзкиель схватила его. «Погоди! Погоди, Шогги! Что это?»

Фонарики и лампы освещали что-то в каменных обломках впереди от них. Два тела, съжившиеся вместе.

Все остановились.

«Святой Трон...» прошептал Домор.

Элоди лежала на земле, своим телом и руками закрывая Йонси. Обе были пропитаны кровью.

Вокруг них каждый кусочек металла, камень или кирпич были покрыты кровью. Пар поднимался от нее в ночном холоде. Домор раньше видел, как снаряды взрываются среди отрядов людей. Это все выглядело так же.

Как будто полдюжины или больше людей были разорваны на куски какой-то огромной и дикой силой.

Бленнер рыгнул и отвернулся в сторону, чтобы проблеваться. Домор с Фейзкиель, спотыкаясь, пошли к телам. Призраки смотрели, сбитые с толку.

Везде были куски тел, кусочки плоти и кости, обрывки изорванной униформы, куски оружия. Фейзкиель присела рядом с Элоди и Йонси. Когда она прикоснулась к ним, ее руки стали скользкими от крови.

«Они живы,» крикнула она хриплым голосом от ужаса. «Они без сознания, но живы.»

«Что за фес это сделало?» спросил Домор.

Западный конец Круговой Улицы был покрыт ковром из тел. Многие упали от Танитских снайперов во время первого продвижения, остальные были срезаны в двух отчаянных наступлениях, которые последовали. Сыны Сека лежали скрученные и распростертые на открытой дороге и узких тротуарах, местами кучами, дым поднимался от одежд, пробитых лазерными выстрелами. В дренажи стекало достаточно крови, чтобы создавать отчетливый булькающий звук. Дым повис в воздухе, как легкий туман.

«Движение в начале улицы,» воксировал Ларкин.

«Принято, Ларкс,» подтвердила Крийд. Ее рота и рота Обела прикрывали верхнюю часть Милгейта. Они окопались, но это мало что значило. Уличный бой был удачей настолько же, насколько и искусством, и старая заводская территория была забита зданиями.

Она бросила взгляд на Варла.

«Ты, в самом деле, думаешь, что они настолько тупые, чтобы попытаться снова?» спросил Варл. «Мы порвали их на ленточки. Три раза.»

«Я не думаю, что тупость имеет к этому хоть какое-то отношение,» ответила Крийд. «Они хотят пройти, поэтому они будут продолжать пытаться.»

Подбежал Обел, и скользнул в укрытие рядом с ними.

«Мы закрыли секцию из шести улиц, задние дворы и переходы тоже,» сказал он. «Еще шире, и мы слишком растянемся.»

Крийд кивнула.

«Отряды Роуна справа от нас. Предполагается, что Хеликсидцы слева.»

«Я не видел никаких Хеликсидцев,» с сомнением сказал Варл. «Предполагается, что это мы должны быть невидимками.»

«Выясни,» сказала ему Крийд. «Приставь к этому оператора вокса. Если Хеликсидцы не на позиции, я хочу это знать и быстро.»

Варл кивнул и вернулся к углу улицы, пригнув голову.

Крийд услышала глухой удар. Секундой позже секция брусчатки на Круговой Улице разлетелась в шаре огня. Еще больше быстрых глухих ударов. Взрывы повернулись в левую сторону улицы, разнеся фасад одного из заводских зданий. Кирпичная кладка обрушилась.

«Минометный огонь,» выругалась Крийд. Снаряды падали плотно и быстро, и ползли к ее линии. Зажигательные снаряды. Огонь уже начал облизывать заводские и жилые здания.

«Ларкин!» воксировала она. «Отступай ко мне. Всем снайперам – отступайте!»

Она услышала краткое подтверждение по связи.

«Фес это,» сказала Крийд Обелу. «Пехота не сработала, поэтому они пытаются выкурить нас.»

«Нам придется отступить,» сказал Обел. «Я не знаю, может на Валлет Ярд, вокруг?»

Это означало сдать, примерно, семьдесят метров территории. Но снаряды падали быстро. Она едва могла слышать свои мысли.

«Контакт!» крикнул поблизости солдат.

«Крийд высунула голову. Дальше по дороге, сквозь лавину огня, она могла видеть силуэты, спешащие вперед, пригнувшись и быстро.»

«Отбросить их!» крикнула она.

Призраки вокруг нее, скучившиеся в укрытии, начали стрелять вдоль улицы в огонь. Почти сразу же, она услышала непрерывный оружейный огонь на улицах, параллельных ее.

«Рота А командиру!» крикнула она в свою микробусину. «Роун, слышишь?»

«Продолжай, Крийд.»

«Они снова приближаются. Обстреливают зажигательными снарядами и наступают под их прикрытием. Целая куча ублюдков.»

«Понял.»

«Мне нужна поддержка. По крайней мере, две роты, предпочтительно четыре. Мне нужно, чтобы сдерживающие силы подошли через Валлет Ярд и защитили Хокспур Лэйн и Улицу Дарппан.»

«Жди.»

«Ты принял, Роун? Я не феса не щучу.»

«Жди.»

Роун вытащил свою микробусину и посмотрел на Жукову. Она настолько запыхалась, что согнулась пополам, положив руки на бедра.

«Расскажи мне снова,» сказал он.

«Они продвигаются по ржавым лодкам,» сказала она. Она выпрямилась.

«Значительные силы.»

«Ты уверена?»

«Мколл уверен.»

«Годится,» сказал Роун.

«Слушайте,» сказала Жукова, «они не *собираются* пройти там, они *уже* там.»

Роун посмотрел на Ойстин.

«Скажи Паше удерживать дорогу, но пусть будет готова выделить мне столько людей, сколько сможет. Половину ее сил, если возможно.»

Ойстин кивнула.

«Что насчет Крийд?» спросил Ладд. «Что насчет этого места?»

«Возьми Роту С, Ладд – прикрой ей спину.»

Ладд посмотрел на него, твердо и отважно.

«Император защищает, Нахум. Иди, вбей в них страх перед Троном.»

«Сэр,» кивнул Ладд, и кивком поманил Каобера следовать за собой.

«Остальные роты со мной,» сказал Роун. «Нам нужно пересечь главную дорогу позади позиции Паши, и защитить восточный конец лодок. Мкдаск, веди своих людей и проложи путь.»

«Сэр?»

Ойстин указывала на микробусину в руке Роуна. Она производила писк. Он снова вставил ее в ухо.

«Роун.»

«Эли, это Варл! Фесовы Хеликсидцы--»

«Повтори, Варл.»

«Они отступают! Минометный огонь сильно ударил по ним, и они быстро отступают. Левый фланг полностью открыт от северного конца Улицы Пентес до Круговой.»

Роун соорудил гримасу. Все смотрели на него.

«Принято, Варл. Жди.»

Он посмотрел на офицеров вокруг него.

«Изменение плана,» сказал он. «Рота Б со мной. Мы пойдем за Мкдаском. Вивво, поведешь оставшихся и прикроешь задницу Крийд на перекрестке Улицы Пентес. Не стой столбом, шевелись!»

Роун быстро вышел на узкую улицу, Рота Б собиралась вокруг него.

«Ускоренный марш, серебряный клинок,» проинструктировал он. «Если вы думали, что уличный бой в старом заводском районе был жестким удовольствием, тогда приготовьтесь к взрыву мозгов.»

Он посмотрел на Жукову.

«Веди нас к Мколлу.»

Она кивнула.

«Сколько людей у него было, когда ты оставила его?» спросил Роун.

«Людей?» спросила она. «Майор, он был сам по себе.»

Вот, где это начинает становиться интересным, подумал Мколл.

Первые несколько, которые добрались до него, были разведчиками. Он вырезал их своим ножом, одного за другим, пока они пробирались сквозь сырые внутренности

ржавых лодок. Но главные силы шли у них по пятам, и стало необходимо отбросить тонкий подход.

Он присел позади металлического ограждения, покрытого толстым слоем лишайника и мокрых водорослей, и использовал ряд тяжелых ящиков для инструментов в качестве укрытия. Он начал стрелять во все, что шевелилось на палубе сельскохозяйственной лодки и ее соседей. Он видел, что Сыны Сека пытаются пролезть в ржавые люки, и отбрасывал их назад внутрь. Выстрелы в голову, выстрелы в горло. Он слышал крики и ругань изнутри корпуса под ним. Лазерные выстрелы начали лететь в его направлении. Они разбили вдребезги окна машинного отделения, пробили ржавый металл стены двигательного отсека и зашлепали по металлическим ящикам для инструментов.

Мколл отполз. Он побежал по звенящей межпалубной лестнице, нырнул в новое укрытие, и высунулся, чтобы сделать несколько выстрелов в межпалубный люк. Он слышал, как падают тела, когда их сбило с ржавых лестниц.

Он снова поднялся, перепрыгнул через перила и спрыгнул на инспекционную площадку, которая располагалась вдоль длины лодки. Фигура в желтой боевой одежде забиралась по лестнице наверх впереди. Он выстрелил от бедра, сбив человека с лестницы. Сын Сека пролетел шесть метров и упал на дно пустого трюма.

Мколл свернул с прямого пути и пересек лодку. Человек появился в межпалубном люке перед ним, и Мколл нанес сильный удар ногой в его, закрытое маской, лицо, когда он перепрыгнул через человека и люк. Сын дернулся назад, его голова отскочила от края кольца люка, и он упал, без сознания, сбивая людей с лестницы под ним.

Лазерный огонь пронесся через лодку, несколько выстрелов, затем шквал. Сыны Сека забрались на верх машинного отделения, и стреляли в него из укрытия.

Он пригнулся, и медленно зашел в укрытие подъемного механизма. Он быстро сменил обойму. Со своей позиции, он мог видеть линию дороги и баррикаду. Призраки двигались с позиции Паши. Он подсчитал, что они должны быть в судах через шесть или семь минут. Ответили ли они просто на вспышки оружейного огня, или Жукова добралась? Знали ли Призраки, с чем они собираются встретиться?

Больше выстрелов хлынули на него. Он лег, прицелился, и сбил двух Сынов Сека с крыши машинного отделения. Он проверил вещевой мешок. Четыре гранаты. Он вытащил их и начал ползти.

Он добрался до люка, прислушался и услышал движение внизу. Он кинул в него гранату, а затем пинком закрыл люк. Глухой взрыв прогремел на палубе под ним. Он пересек лодку, пригнув голову, почти на четвереньках, и добрался до вентиляционного отверстия, которое снабжало воздухом нижние палубы. Он поставил задержку на взрывателе следующей гранаты и катнул ее в отверстие. Он был у следующего люка, когда услышал приглушенный грохот взрыва. Жидкий дым вырывался из вентиляционных решеток в палубе рядом с ним.

Он бросил гранату в следующий люк и пинком закрыл крышку, повторяя упражнение. Люк запрыгал, словно дрожащий рот, от силы взрыва снизу.

Сколько еще? Пять минут? Сможет ли он их занять еще на пять минут? Он вспомнил, как был мертвецом, ходячим мертвецом, призраком, на *Армадьюке* после инцидента, без памяти и ощущения себя, просто побуждение защищать. Война одного человека. Опять настало время для этого. Время для той же самой простоты ярости и действия. Чего бы это не стоило, Император защищает.

Что та тварь говорила ему? Человек-но-не-человек, в машинном отделении корабля? «Вер вой мортек!» *Ты – смерть.*

Мколл выучил язык на Гереоне. Это было жизненно необходимо для выживания.

Оружейный огонь понесся к нему. Он почувствовал, как лазерный заряд задел его ногу, обжигающая боль. Сыны Сека наступали на него из сервисного люка.

Он застрелил первых двух, прямой наводкой, затем развернул свое оружие, чтобы поприветствовать прикладом лицо третьего, врезав ему так сильно, что ноги солдата Архиврага покинули землю, и он почти сделал кувырок. Четвертый получил ударом штыка в лоб. Мколл не прикреплял свой штык, но он нанес резкий штыковой удар, и дуло раздробило череп врага.

Еще враги в дверном проеме. Он отклонился назад и выстрелил, на полном автомате, вода из стороны в сторону. Лазерные заряды испещрили металл по обе

стороны люка, снесли люк с петель и прорвались сквозь Сынов Сека в дверном проеме.

Война одного человека. Последний бой. Время истекало, слишком быстро истекало, что он смог остановить его.

Он увидел еще больше одетых в желтое воинов, приближающихся к нему, приближающихся со всех сторон. Они хлынули из каждого люка сельскохозяйственной лодки дюжинами, сотнями.

«Гер тар Мортек!» заорал Мколл. «Гер тар Мортек!»

Я – смерть. Я – смерть.

Некоторые из них заколебались, ошеломленные его словами, неожиданной угрозой, произнесенной на их собственном варварском языке.

Он убил их.

Время истекало. Его боеприпасы заканчивались.

С ним было почти покончено, но они все еще приближались, все больше и больше их наступали на него со всех сторон.

«Я – смерть!» заорал Мколл, и доказывал это, пока у него не закончились боеприпасы, а его руки и боевой нож не стали мокрыми от крови.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ: ИСПОЛНИТЕЛЬ

Если уж на то пошло, уровень активности в военной комнате был более яростным, чем раньше. Прибыл Маршал Блэквуд, примерно тридцатью минутами ранее, освободив Сайбона от командования и заняв свое место у главного стратегиума. Массивные гололитические пластины дрожали от быстро обновляющихся потоков данных. Вон Войтц, Сайбон и девять других лордов милитантов помогали Блэквуду и надзирали за персоналом.

Гаунт мгновение стоял в дверном проеме, обозревая суматоху. Сотни мужчин и женщин наполнили главный уровень под ним, и верхние галереи тоже – сотни мужчин и женщин обрабатывали информацию, делали решения и определяли жизни еще миллионов на поверхности Урдеша и его околосемных владений.

Даже с расстояния, Гаунт мог прочитать общее направление действий на стендах. На их светящихся пластинах отображались приоритетные боевые зоны. Гереппан на юге был общим фокусом. Заракпан был в беспорядке. Сам Эллат, явно, был на краю. Субграфика показывала, что сражение происходило на юго-западе, вдоль залива, и на окраинах Северного Династического Конклава.

Призраки были где-то в этой неразберихе. Они были там, куда он послал их.

Он сделал вдох, и пошел вниз по лестнице на главный этаж.

Вон Войтц увидел его сквозь толпу, отдал планшет ожидающему тактику и быстро подошел.

«Где ты, черт возьми, был, Гаунт?» резко сказал он.

«Получал то, что вы хотели, сэр,» ответил Гаунт.

«И что это значит? Какого черта! Мы должны были сделать шаг два часа назад! Эта ситуация за пределами несостоятельности и--»

«Я думал, что вы хотели жизнеспособного магистра войны,» сказал Гаунт.

«Я хотел сделать это быстро и чисто,» ответил Вон Войтц, «и у меня искренние сомнения в твоей пригодности. Ради Трона, не играй в игры с чем-то, настолько жизненноважным--»

«Вы не играйте,» спокойно ответил Гаунт. «Я согласен. И я согласен в моей пригодности, тоже. Но я получил то, чего вы хотели. Просто не в том виде, которого вы ожидали, вероятно.»

Вон Войтц снова начал кричать на него, достаточно громко, чтобы активность прекратилась в непосредственной близости. Персонал Милитарума повернулся, чтобы с волнением посмотреть. Сайбон и Блэквуд тоже повернулись, услышав повышенный голос.

Гаунт проигнорировал тираду Вон Войтца. Он отошел в сторону и посмотрел на главную лестницу.

Магистр Войны Макарот медленно спускался по лестнице, подняв подбородок. Он не озаботился, чтобы побриться, но он надел свою официальную форму, красная лента была у него на груди поверх темно-синего мундира, символ его власти был закреплен над его сердцем. Санкто и остальные Сционы окружали его по бокам, как импровизированная почетная гвардия, а Белтайн, Даур и Бонин следовали за ними.

Зал затих. Голоса стихли. Настала тишина, и все глаза были обращены на Макарота. Единственными звуками были непрерывные непрерывный щебет и шум систем военной комнаты.

«Смирно,» сказал Гаунт.

Несколько сотен человек встали по стойке 'смирно'. Двенадцать лордов милитантов сотворили символ аквилы и склонили головы.

Макарот прошел мимо Гаунта и Вон Войтца, и подошел к главному стратегиуму. Тактические офицеры убирались с его пути. Он поднял жезл, и пролистал несколько тактических изображений, заставляя световое шоу мигать и перестраиваться.

«Это полный беспорядок,» наконец-то сказал он.

«Магистр войны, у нас есть меры сдерживания--» начал Блэквуд.

«Я не имел в виду состояние войны, Блэквуд,» сказал Макарот. «Ну, только отчасти. Я могу видеть ваши меры сдерживания. Они подходят для цели. Я внесу некоторые поправки, но это достаточно подходит. Я не сомневаюсь, Блэквуд, что ты и твои

товарищи лорды великолепно способны вести эту войну. Вас так воспитали. Вот, почему вы были избраны. Продолжайте то, что делаете.»

Блэквуд кивнул.

«Но мне ясно, что вы сомневаетесь во *мне*, так ведь, мои лорды?» спросил Макарот. Его взгляд перемещался от Сайбона, к Блэквуду, к Вон Войтцу, к Тзаре. Каждый лорд милитант по очереди ощущал жар его взгляда.

«Вы сомневаетесь в моей пригодности. В моих способностях. В моей твердости. В моих методах.»

«Мой лорд,» сказал Вон Войтц. «Я не думаю, что сейчас подходящее время или место--»

«Тогда, когда, в точности? Когда для *тебя* будет хорошее время?»

«Магистр войны,» сказал Сайбон, выйдя вперед, «это не тот разговор, который должен происходить перед штабом--»

«Они не дети, Сайбон,» сказал Макарот. «Они не невинны. Они – старшие офицеры. Здесь нет ни одного человека, который не был бы покрыт кровью в войне, и не был бы очевидцем из первых рук невзгод этого конфликта. Вот, почему они в этой комнате. У них нет чувствительности, которую нужно уберечь от уродливых трудностей войны. Такой, как вопрос о командовании.»

Макарот посмотрел на них.

«У кого это? В чьем это кармане?»

«Мой лорд?» спросил Сайбон.

«Декламация о доверии. Подписанная, без сомнения. Инструмент, чтобы сместить меня с моего поста.»

Шепот пробежался по толпе. Офицеры со смятением смотрели друг на друга.

«Тссс,» произнес Макарот. «Это совершенно законно. Мы не говорим здесь о мятеже. Если командующий не в форме, он может быть смещен. Существует механизм. Мои лорды милитанты были дотошными в этом деле. По книге. Они

тщательно обсудили вопрос, как делают великие люди, и они приняли решение, и готовились выполнить его.»

Он задумчиво посмотрел на жезл в своей руке.

«Моя ошибка,» тихо сказал он. «Моя оплошность. Я был хорошо осведомлен о вашем недовольстве годами. Кое-что из этого я объясняю сорванными амбициями, или различиями в стратегическом мышлении. Я знал, что было несогласие. Я знал, что многие были недовольны моим сосредоточением и моим стилем командования.»

Он снова поднял взгляд.

«Я игнорировал это. Я верил в вашу преданность. Что бы вы ни думали, какие бы ни были различия, вы знали, что я был магистром войны. Это, я думал, все, что имело значение.»

Макарот положил жезл на стеклянное покрытие стола.

«Недостаточно, очевидно. Даже близко недостаточно. И как бы я не осознавал ваше недовольство, нужен был один человек, чтобы он встал передо мной и сказал мне это. В мое чертово лицо. Рискнул всем с точки зрения его карьеры и будущего, его альянсами и политическим капиталом, и просто *сказал* мне. Это, я думаю, верность. Не мне. Должности. Трону. *Чертовой Имперской Гвардии.*»

Сайбон медленно повернулся и посмотрел на Гаунта.

«Ублюдок,» прогрохотал он. «Ты ему рассказал, вероломный ублюдок--»

«Вероломный, Генерал Сайбон?» спокойно сказал Макарот. «Я не думаю, что это то слово, которым бы я разбрасывался, если бы я был тобой. И, определенно, это не то слово, которое я бы ожидал, что ты бы использовал для человека, которого *ты* лично выбрал, чтобы заменить меня.»

Он подошел к Сайбону и посмотрел вверх на возвышающегося военачальника.

«Гаунт сказал мне, потому что его долгом было сделать это. Вы поместили его в ситуацию, худшую, чем любая война, с которой он когда-либо встречался. Конфликт интересов на самом высшем уровне. И, все же, он служит, как служит каждый

хороший Гвардеец. Служит с решительной преданностью Астра Милитарум, присяге, которую мы все соблюдаем. Он пришел и *сказал* мне. Он просто *сказал* мне, Сайбон. Он рассказал мне о глубине вашей неудовлетворенности. Он предоставил мне жизненноважную часть информации, которая отсутствовала в моем обзоре этого крестового похода.»

Вон Войтц зарычал и замахнулся на Гаунта. Гаунт поймал его запястье до нанесения удара, и резко отбросил его. Вон Войтц отпрянул назад, столкнувшись с Келсо и грохнувшись на край стола стратегиума. Он выпрямился.

«Вот к этому сейчас все идет?» спросил Гаунт. «Да, Бартол? Открытому восстанию? Легальный процесс провалился, и ты решил применить силу?»

«Он просто хочет разбить тебе лицо,» сказал Сайбон. «Все из нас хотят.»

«*Все вы?*» спросил Макарот. «Все в этом зале? Серьезно? Мои лорды, офицеры, солдаты, настал подходящий момент. Если вы хотите, чтобы я ушел, тогда соберитесь вместе. Сейчас. Ну же. Я приму вашу декламацию о доверии и все инструменты смещения. Раз уж об этом, я приму ваши клинки в свою спину и ваши пули в мой мозг. Если я не в форме, и вы хотите, чтобы я ушел, покончите с этим.»

Макарот закрыл глаза, наклонил голову назад и спокойно раскинул руки, как будто был готов для объятий.

«Ради Трона!» прорычал Вон Войтц. «Мы обязаны действовать! Крестовый поход проваливается! Мы проигрываем эту войну! Мы должны подать эту декламацию и избавить себя от этого инфантильного руководства! Мы должны действовать на благо Империиума, во имя Бога-Императора, и обозначить новую эру четкого и недвусмысленного командования!»

Гаунт пошел и встал перед ним. Он вытащил свой меч и зажег его.

«Сделай это, Бартол,» сказал он. «Но тебе придется пройти через меня.»

«Ты трижды проклятый идиот, Гаунт!» взбесился Вон Войтц. «Ты уничтожил нас всех! У нас здесь был шанс. Шанс найти новый фокус! Сайбон, ради Трона! Мы должны сделать это! *Мы должны сделать это!*»

«Не так,» тихо сказал Сайбон.

«По закону, да,» сказал Блэквуд. «Не с помощью кровавого переворота. Никогда таким образом.»

«Вы поднимите руку на Макакота?» с испугом спросил Келсо.

«Отступи, Вон Войтц,» пробормотала Тзара.

«У меня есть претензии,» сказал Сайбон. Он посмотрел на Макакота. «Трон знает, множество. Я стремлюсь обсудить их. Но я не перейду к восстанию. Черт возьми, Вон Войтц, он – магистр войны.»

Макарот открыл глаза, и медленно опустил руки. Он улыбнулся.

«Убери свой знаменитый меч, Лорд Милитант Гаунт,» сказал он. «Я вижу только верных людей в этой комнате.»

Гаунт бросил взгляд на Вон Войтца, затем обесточил и убрал в ножны свой меч. Блэквуд снял свою фуражку и перчатки и положил их на стол.

«У вас есть мое прошение об отставке, лорд,» сказал он. «Мое прошение об отставке за планирование вашего смещения. Я не могу говорить за остальных, но я верю, что у моих коллег будет чувство собственного достоинства, чтобы сделать то же самое.»

«Ой, мне не нужна твоя отставка, Блэквуд,» сказал Макарот. «Я не хочу твоего испуганного послушания. Решить это не просто. Я был виноват. Я отсутствовал. Я потерял связь с высшим командованием. Я собираюсь исправить это. Я намерен взять прямой контроль над этой сферой военных действий и выиграть эту чертову войну.»

Он постучал пальцем по стеклянной поверхности стратегиума.

«Я *сейчас* здесь,» сказал он. «Любой человек, *любой* человек здесь, кто не сомневается во мне, может остаться и освободиться от иллюзий. Все остальные, кто желают уйти, уходите сейчас же. Не будет никакого наказания. Никакой чистки Официо Префектус. Просто уходите, и вы будете переведены в другие зоны и другие секторы. Но если собираетесь уйти, валите нахер *сейчас же*.»

Он посмотрел на Блэквуда, Сайбона и Тзару.

«Если вы желаете, оставайтесь. Служите мне здесь. Не съезжайтесь и не пищите мне о верности. Служите мне здесь, на этой самой станции. Предоставьте мне свои видения и способности, которые, в первую очередь, сделали вас лордами милитантами. Помогите мне в войне за Урдеш и уничтожении Архиврага.»

Комната начала шевелиться. Офицеры начали возвращаться к столу.

«Ну же!» крикнул он. «Шевелитесь! Эта война сама себя не выиграет! Мне нужны данные по зонам три, восемь и девять сейчас же!»

Тактики и сервы начали суетиться.

«Дайте мне отчеты о Заракппане!» потребовал Макарот. «Я хочу связаться с Уриенцем в поле. И установите вокс-связь с Гереппаном сейчас же! Мне нужно проконсультировать Святую о нашем стратегическом наступлении. Блэквуд, надень свою чертову фуражку! Где данные по третьей зоне?»

Шум и массовая активность возобновились. В центре возобновленного безумия военной комнаты, Гаунт встал перед Вон Войтцем.

«Ты сделал ошибку, Гаунт,» сказал Вон Войтц.

«Я так не думаю,» ответил Гаунт. «История рассудит.»

«Я доверял тебе.»

«Как и я доверял тебе много раз. Итог, все что имеет значение, разве не так ты мне говорил всегда?» Гаунт посмотрел на него. «Он может придти не в той форме, которую мы ожидаем, и он может стоять нам, лично, болезненными способами, но итог – это все, что имеет значение. Ради Императора. Ради Имперiums. Какую бы мы цену, индивидуально, не заплатили.»

«Черт тебя дери. Ты, серьезно, бросаешь Яго мне в лицо? Это было необходимо! Сентименты не входят в--»

«Так и есть. Ты слышал магистра войны. Делай свою работу или выметайся. Я только что услышал, как он просит данные по девятой зоне.»

Вон Войтц сердито посмотрел на него. Гаунт отвернулся.

«Мой лорд, магистр войны,» крикнул он сквозь шум. «Генерал Вон Войтц наблюдает за девятой зоной. Я полагаю, что у него есть тактический совет в этом отношении.»

«Скажи ему подойти сюда!» крикнул в ответ Макарот.

Гаунт повернулся к Вон Войтцу. Вон Войтц еще мгновение пристально смотрел на него, затем протолкнулся сквозь людей и подошел к магистру войны.

«Сэр?»

Гаунт обернулся и обнаружил, что Белтайн стоит рядом с ним.

«Что такое?»

«Эм, сигнал от группы перевозки. Наша свита только что добралась до безопасности окраины дворца, с двумя ротами в качестве эскорта. Майор Баскевиль просит доложиться вам при первой же возможности.»

«Баскевиль? Скажи ему, что я увижусь с ним так скоро, как смогу. На самом деле, пошли Капитана Даура к нему, чтобы он принял его доклад. Есть что-нибудь от основных сил Призраков?»

«Ничего, сэр,» сказал Белтайн. «Служба вокса полагает, что в их секторе сигнал глушится.»

Гаунт кивнул, и протолкнулся сквозь давку к Байоте.

«У нас есть свежие данные о Танитском Первом?» спросил он тактика.

Байота отвел его в сторону к одной из гололитических пластин, и пролистал жезлом данные.

«Они регистрируются, как все еще на позиции, как приказано,» сказал он. «Защита Тулкарских Батарей, на восточном конце Милгейта.»

«Они держатся?»

«Да, сэр.»

«Связь?»

«Мощно глушат, сэр,» ответил Байота, покачивая головой.

Гаунт посмотрел на дисплей с данными. «Трон,» прошептал он, «это кровавая баня. Они прямо в центре этого. Я послал их прямо в самый тяжелый бой в зоне.»

«Мой лорд,» сказал Байота. Он замешкался. «Мой лорд, у нас есть неподтвержденные отчеты о том, что значительные вражеские силы продвигаются вдоль южного берега Милгейта. Ваши Призраки, сэр... Они – главное подразделение, стоящее у них на пути.»

Транспортники прогрохотали через сторожевые пункты и въехали на территорию Урдешского Дворца. Почти рассвело, но небо было забито столбами дыма, поднимающимися на севере над Заракппаном и горящими заводами. Работники Муниторума со световыми палочками направляли машины к местам парковок, и грузовые команды выдвинулись, чтобы помочь свите с разгрузкой.

«Сколько вас?» спросил чиновник Муниторума Мерина. Мерин вручил ему список.

«Мы приготовили жилье в западных бункерах,» сказал человек. «Работники покажут вам дорогу.»

«Мне нужен медик,» сказал Мерин. «У нас травма головы.»

Чиновник махнул медику. Мерин указал ему на Фейзкиель и Далина, которые помогали Феликсу выбраться из одного из грузовиков. У него была скатка и накидка, обернутая вокруг него, как шаль, и он выглядел бледным и неустойчивым.

Она, напомнил себе Мерин. *Она*.

«Похоже, вы избежали худшего, капитан,» весело сказал чиновник Муниторума. «Говорят, что в зонах настоящий ад.»

«Ага,» произнес Мерин. «Мы вышли сухими из воды.»

Он посмотрел на выгружающуюся толпу людей, женщин и детей свиты и Призраков, сопровождающих их. Он увидел Бленнера, и попытался поймать его взгляд.

Но Бленнер решительно не смотрел назад.

Элоди шла через шумную толпу в полутьме. Ее все еще трясло. Она не была уверена, что произошло в размещении, но страх и шок все еще цеплялись к ней, как камуфляжная накидка.

«Йонси? Йонси?»

Девочка стояла в одиночестве рядом с грузовиком, подальше от остальных. Ее обритая голова казалась очень бледной и хрупкой в темноте. Они стерли губкой кровь с нее, но ее сменное платье было темным и покрытым пятнами крови. Она мало что сказала с тех пор, как пришла в сознание.

«Йонси?» сказала Элоди. «Идем, дорогая.»

Йонси пристально смотрела на сторожевые пункты крепости, вероятно загипнотизированная видом массивных врат, пока они медленно закрывались на гидравлических буферах.

«Йонси?» Элоди взяла ее за руку. «Идем, здесь холодно.»

«Мы теперь дома,» мягко сказал Йонси. «Дома и в безопасности. Прямо, как мне Папа и говорил.»

«Точно,» сказала Элоди. На секунду, она услышала визг пилы для костей, эхо в ночи. Она вздрогнула. Просто воспоминание. Просто резкое, краткое воспоминание о ночном ужасе.

«Идем,» сказала она.

Врата закрылись с отдающимся эхом грохотом. Йонси вздохнула, и повернулась, когда Элоди повела ее к остальным. Чиновники со световыми палочками вели процессии новоприбывших по территории.

Пока ее уводили, Йонси бросила взгляд через плечо на густую темноту под стенами двора. Она нахмурилась, как будто увидела или услышала что-то.

«Плохая тень,» прошептала она. «Непослушная тень. Еще нет.»

Темп огня, идущего на них, был умопомрачительным. Все небо над берегом было в огне, и лазерные заряды лились дождем, как неоновый муссон. Два Призрака, прямо рядом с Роуном, упали.

«Медик!» крикнул Роун над оглушительным воем огня. На его лице была кровь, которая была не его.

«Нам нужно подобраться ближе!» крикнула ему Паша, пригибаясь в укрытии неподалеку.

Роун понимал, что нужно. Но они были в меньшинстве, примерно пять к одному. Флотилия сельскохозяйственных лодок кишела воинами Сека, и они выпускали так много огня, что Роун не мог отправить ни одного из своих отрядов за стенку набережной. Не было никакого способа вызвать поддержку с воздуха, и обещанная бронетехника так и не прибыла. Гонцы от Ладда принесли ему новости, что роты Крийд имеют дело с мясорубкой на узких улицах вокруг Круговой Улицы.

«Если бы мы только смогли закрепиться на этих лодках,» проворчал Роун.

Рядом с ним, пригибая голову, Ойстин кивнула. Но она абсолютно не имела понятия, что предложить.

«Тебе нужно будет отступить!» резко бросила Керт, пока пыталась забинтовать одного из упавших солдат. На ней повсюду тоже была кровь.

«Ага, точно,» ответил Роун. «Сделаем это, и, по существу, откроем город для фесов.»

«Ты видел наши потери?» крикнула в ответ Керт. «Еще немного этого, и у нас не останется солдат, которых можно будет отвести назад!»

«Какого черта?» внезапно сказал Спетнин.

Роун поднял взгляд. Темп огня только что значительно снизился. Губительный шторм из лазерных зарядов уменьшился до нескольких случайных выстрелов.

Роун ждал. Несколько последних тресков оружейного огня, затем нечто, напоминающее тишину.

Он начал подниматься.

«Будь осторожен!» резко бросила Паша.

Он, все равно, поднялся, и посмотрел за раздробленный край стенки набережной. Туман из оружейного дыма лежал над ржавеющей флотилией сельскохозяйственных лодок. Некоторые корабли горели, и на всех них были признаки тяжелых повреждений.

Не было никаких следов вражеских сил, которые поливали их огнем несколько минут назад.

«Какого феса...?» пробормотал Роун.

«Это уловка,» предупредила Паша.

«Какая, например?» ответил Роун. «Один отряд, со мной. Паша, перемести наши подразделения. Приведи их в лучший порядок на случай, если это опять начнется.»

Роун соскользнул со стенки набережной, удивленный обнаружить, что в него никто не стреляет. Рокрит был в ямочках от выстрелов, и из них поднимался дым.

Оседающий фуцелин был настолько густым, что это заставило его закашляться.

Призраки соскальзывали со стены за ним. С поднятым оружием, они поспешили к доку и забракованной флотилии.

Оружейный огонь и ракетный обстрел его полка повредил все лодки поблизости.

Роун мог слышать, как вода хлещет и заполняет корпуса через дыры, проделанные фесовыми трубами. Он видел мертвых врагов на верхних палубах, или висящих на сломанных перилах. Еще больше трупов забили низкую воду между стеной дока и корпусами.

«Куда они нафес подевались?» спросил Бростин с готовым огнеметом.

Роун забрался на ближайший корпус, перешагнув через мертвого врага. Куда они, фес их, подевались?

«Нам нужно послушать,» сказала Жукова.

«Что?»

Она прошла мимо Роуна, и скользнула вниз по межпалубной лестнице. Он последовал. Внизу, в темном, вонючем корпусе, она встала на колени и прижала ухо к палубе.

«Движение,» доложила она. «Как я и раньше слышала.»

Он посмотрела вверх на Роуна, и вытерла грязь со щеки.

«Но движение *от* нас,» сказала она.

«Что?»

«Они отступают, назад через корпуса. Туда, откуда пришли.»

«Я не понял,» сказал Бростин на лестнице позади Роуна. «Почему они это сделали? Они же почти уничтожили нас.»

Роун покачал головой.

«Единственная причина, по которой ты приказываешь отступить, это если ты проигрываешь,» сказал он. Он сделал паузу. «Или ты уже выиграл и получил то, что хотел.»

«Полковник! Полковник Роун!»

Роун, Бростин и Жукова посмотрел наверх. Над ними, Майор Паша пристально смотрела вниз в палубный люк.

«Что такое, Паша?» спросил Роун.

«Вы должны подойти,» сказала она.

Роун потащился назад по лестнице на палубу.

«Что?» спросил он.

«В трюме, здесь, огромное количество трупов, полковник,» сказала Паша, указывая на край ржавого трюма поблизости. «Каобер и Вивво спустились вниз, чтобы поискать, но большинство слишком обгорели и изуродованы, чтобы--»

«Стоп. Почему они спустились вниз?»

«Потому что я нашла это на палубе,» сказала она.

Она протянула окровавленный объект ему. Это был Танитский боевой нож со сломанным клинком.

Мколла.

«Есть одно старое звание,» сказал Макарот. «Со времен первого крестового похода. Крестового похода Святой Саббат...»

«Мой лорд?» спросил Булледин.

Макарот потряс головой и пренебрежительно поднял руки.

«Неважно,» сказал он. «Займите свои места. Я просто говорил сам с собой. Я провел много времени в одиночестве с историческими книгами. Много времени размышлял над деталями старых войн, об Урдеше, о Мирах Саббат. Я обнаружил, что думаю вслух.»

Лорды милитанты заняли свои места вокруг стола в Урдешской Коллегии Беллум. Здесь их было больше, чем тридцать, и дополнительные кресла были размещены вдоль прямой стороны огромного полукруглого деревянного стола. Кресла скрипели на полированном черном полу с золотыми надписями. Тысячи свечей и светосфер были поставлены, чтобы освещать зал, и над головой плавали и бормотали охранные киберчерепа.

«Да,» сказал Макарот, просматривая отчеты и файлы, расположенные перед ним, «много времени в одиночестве с историческими книгами. Слишком много, я уверен, что ты согласишься, Сайбон?»

Сайбон неловко кашлянул.

«Давайте посмотрим,» сказал Макарот. «Вместе, как группа, как штаб. Еще одно доказательство того, я надеюсь, что я жажду изменить мою манеру командования.»

«Мой лорд--» начал Люго.

«Не подлизывайся, Люго,» раздражительно сказал Макарот. «Теперь, может ли мне кто-нибудь объяснить, что произошло за последние два часа?»

«Архивраг отступил в Заракппанский бассейн,» сказал Келсо. «И, так же, отступил с южных окраин Элтата. Массовое отступление. Срочное и сфокусированное. Они снаружи границ города. Они присутствуют, и более чем готовы возобновить наступление. Но они сдали территорию.»

«Более того,» сказал Уриенц. Его лицо все еще было покрыто пятнышками нефтехимической грязи от поездки назад в Элтат. «Они отказались от значительного преимущества. Они держали нас за горло, и они отпустили.»

«Я сказал объяснить, не описывать,» сказал Макарот. «Враг отпустил нас. Сек отпустил нас. Еще несколько часов, и они могли бы быть на южных окраинах города, и западных. Мы бы могли проиграть им... или, по крайней мере, были бы захвачены битвой, настолько неблагоприятной, что это бы горько стоило нам, просто, чтобы выжить.»

«Я полагаю, что нам пришлось бы вызвать флот,» сказал Гризмунд. «Я понимаю, что мы желаем избежать разрешения на это, но это было бы необходимо. Нам пришлось бы начать жертвовать ценностями мира-кузницы, чтобы уничтожить врага.»

Макарот кивнул.

«Боюсь, что пришлось бы,» согласился он. «Но что-то изменилось. Что-то повернуло врага назад, несмотря на его достижения и преимущество. С уважением к храбрым Гвардейцам, сражающимся в этой битве во всех зонах, это были не мы. Не наша работа. Мы не выиграли. Мы выжили, потому что они позволили нам жить. Главный тактический офицер?»

Байота подошел к столу. Он был одним и числа старших тактиков, ожидающих в тени.

«Мой лорд?»

«У тактической службы есть какие-нибудь мысли?» спросил Макарот. «Любые данные, которые могут объяснить такое изменение? Сделали ли мы что-то такое, о чем не знали? Например, уничтожили ли мы важного старшего командира и это послужило причиной--»

«Мой лорд, нет никаких доказательств чего-либо,» сказал Байота. Он прочистил глотку. «За исключением того... это предполагается несколькими группами, что враг... достиг своей цели. Чего бы не хотел Сек, он получил.»

«Пока что,» сказал Сайбон. «Они, все еще, там.»

«Если Сек получил то, что хотел,» сказал Макарот, «мы понятия не имеем, что это. Я прочитал отчеты касательно трофеев, которые добыл Гаунт на Пределе Спасения. Так называемые 'орлиные камни'. Разведка и ордос верят, что они были его главной целью, хотя они остаются у нас под надзором. Враг никогда не подбирался настолько близко к месту, где они находятся.»

Макарот посмотрел на свой штаб.

«Я хочу ответы, мой лорды. Я ценю то, что нас не уничтожили, но это глубоко меня беспокоит. Я хочу ответы. Я хочу понять это, потому что если и есть одна вещь, которую я ненавижу, так это отсутствие фактов.»

Сцион Темпестус вошел в зал и вручил сообщение магистру войны.

«Хмм,» произнес Макарот, читая. «Связь, наконец-то, была установлена с нашей возлюбленной Беати в Гереппане. Возможно, она и ее лорды смогут снабдить нас какой-нибудь информацией.»

Он посмотрел на Сциона. «Я сейчас там буду,» сказал он. Сцион поспешил прочь, и Макарот поднялся. Лорды милитанты тоже начали вставать.

«Нет, сидите,» сказал он. «Я хочу ваши мысли. Я хочу идеи. Я хочу теории. Нам нужно что-нибудь. Битва за этот мир еще не закончена.»

Он начал уходить, затем остановился и повернулся.

«Есть старое звание,» задумчиво сказал он. «С давних времен. Магистру войны или его эквиваленту помогал первый лорд. Исполнитель, который осуществлял связь между высшим командующим и командным штабом. У самой Саббат был один. Киодрус, знаете ли? Сейчас Святой Киодрус. История говорит нам это. *Книги*, Сайбон. Я думаю, что восстановлю эту роль. Это поможет мне улучшить и поддерживать мою связь с вами, великие лорды. Я не хорош с людьми. Я не люблю их. Я чувствую, что

позволю кое-кому сделать эту работу для меня. Кое-кто будет держать вас в курсе от моего имени. Держать меня в курсе тоже, без сомнения. Дефакто он будет лидером, и моим избранным приемником, если судьба заберет меня. Избранник Магистра Войны.»

Он посмотрел на Сайбона.

«Когда вы огласите этот пост, мой лорд?» спросил Сайбон.

«Сейчас,» ответил Макарот. «И вы знаете, кто это, потому что сами его выбрали. Он идеальный кандидат, по той причине, что он не хочет этого делать. Амбиции могут быть такой помехой.»

Он посмотрел на Гаунта.

«Первый Лорд Исполнитель Гаунт,» сказал он. «Пожалуйста, продолжи эту встречу, пока меня нет. Я хочу ответы, помнишь?»

Он быстро ушел. Тысячи свечей дрожали на его пути.

Гаунт откинулся в кресле. Он осмотрел стол и лица, пристально смотрящие на него. Булледин, Уриенц, Келсо, Тзара, Блэквуд, Люго, Гризмунд, Сайбон, Вон Войтц...

Он прочистил глотку.

«Ну, приступим?» сказал он.